«Художественная литература»

ТӘУЕЛСІЗ ҚАЗАҚСТАН:
ҚАЗІРГІ ЗАМАН ӘДЕБИЕТІНІҢ ҮШ ТОМДЫҚ АНТОЛОГИЯСЫ

Домбыра мен бесік

БІРІНШІ ТОМ

Балалар әдебиеті

Москва
«Художественная литература»
2013

НЕЗАВИСИМЫЙ КАЗАХСТАН:
АНТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ТРЁХ ТОМАХ

Домбра и колыбель

ТОМ ПЕРВЫЙ

Детская литература

Москва
«Художественная литература»
2013

УДК 82/89
ББК 84 (5 Каз)
АНТ 72

Международный издательский проект

Издание подготовлено при участии
Союза писателей Казахстана (председатель Нурлан Оразалин),
ОО «Союз Литературных Переводчиков — Тәржіман»
(председатель Кайрат Бакбергенов),
Союза писателей России
(председатель правления — Валерий Ганичев)

В оформлении книги использованы произведения художника
Ж. Какенулы

Домбра и колыбель
АНТ 72 Независимый Казахстан: Антология современной литературы в трёх томах. Детская литература. Том I. Составители: Райхан Маженкызы, Георгий Пряхин. — М.: Художественная литература, 2013. — 568 с., ил.

«Домбра и колыбель» — первая книга трёхтомной антологии современной литературы независимого Казахстана. В этой книге собраны произведения для детей современных казахстанских писателей. Здесь и сказки, загадки, рассказы, повести, словом, всё жанровое многообразие, подчинённое одному — началам добра, любви, сострадания, чуткости к людям, к родной природе. Авторов разных национальностей современного многонационального Казахстана объединяет искренность и трепетное отношение к своим юным героям и читателям.

УДК 82/89
ББК 84 (5 Каз)

© Составление. Р. Маженкызы, Г. Пряхин, 2013
© Оформление. Т. Ф. Погудина, 2013
© «Художественная литература», 2013

ISBN 978-5-280-03628-4

Книга — плод человеческой мысли, наделённый дыханием времени и пространства. Книге человечество доверило свои священные прозрения, открытия души. Только книга может научить, как двигаться вперёд, как избежать катаклизмов и как взобраться на вершины человечности. Книга — самый терпеливый учитель. Мы оставляем будущему своей страны — молодёжи — единственное и наиболее полное завещание: Книгу.

Нурсултан Назарбаев,
Президент Республики Казахстан

ЭТА АНТОЛОГИЯ — ЕЩЁ ОДИН ДУХОВНЫЙ МОСТ МЕЖДУ НАШИМИ НАРОДАМИ

Дорогие читатели! Литература Казахстана в последние двадцать лет независимости страны и свободы творчества вместе со своим народом смело и решительно меняет направление своего движения по новому пути.

Да, литературное многообразие Казахстана отличается уникальностью и является неотъемлемой частью нашей истории. Президент Республики Казахстан Нурсултан Назарбаев отметил, что в Стратегии «Казахстан-2050» в числе глобальных вызовов указан кризис мировоззрения и ценностей. Поэтому сегодня важно по-новому осмыслить роль и значение культуры в укреплении общеказахстанских ценностей мира и согласия. Казахстанская культура должна стать неотъемлемой частью глобального культурного наследия. Она должна чётко распознаваться в системе восприятия культурных ценностей различных народов мира. Это касается всех видов современного искусства — музыки, театра, кино, литературы, живописи и т. д.

В 1958 году в Москве на русском языке была издана «Антология казахской поэзии» с предисловием М. Ауэзова и Т. Алимкулова. Теперь, более полувека спустя, международный издательский проект «Независимый Казахстан: Антология современной литературы в трёх томах», осуществляемый московским издательством «Художественная литература», вносит новый весомый вклад в популяризацию на нашем общем культурном пространстве казахстанской литературы, имеющей большое значение для нравственной и духовной жизни страны.

В трёх томах собраны лучшие произведения казахстанских авторов. Современный казахстанский литературный процесс сегодня невозможно представить без той своеобразной ноты, которую привносят в него писатели и поэты многих национальностей, обогатившие литературу именно в годы независимости значимыми

прозаическими и поэтическими произведениями на темы современности и исторического прошлого.

Надеюсь, что этот трёхтомник будет с интересом встречен российскими читателями.

Антология показывает состояние нашей современной литературы, связанной с многовековой литературной традицией, тысячами нитей вплетённой в выпавшее каждому автору и его творениям время. Это — своеобразный мост, который ведёт к более глубокому знакомству с нашей культурой, крепит духовные основы многовековой российско-казахстанской дружбы.

Представляя широкой аудитории читателей уникальную антологию современной многонациональной литературы независимого Казахстана, хочу выразить признательность составителям, переводчикам и издателям за их огромный труд, за то, что они осуществили перевод произведений на русский язык и подарили нам радость новой желанной встречи.

С уважением,

Кайрат Келимбетов,
заместитель Премьер-Министра Республики Казахстан

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература» в своё время было тесно связано со всеми республиками Советского Союза. Здесь выходили лучшие произведения писателей всей великой страны. Издательство, всегда являвшееся эталоном качества, печатало как русскую классику, так и национальную классическую литературу. Его книги имелись в каждом интеллигентном доме, соединяя весь думающий Союз: и тех, кто читает, и тех, кто пишет.

Многое изменилось с тех пор. Нет великой страны, бывшие национальные республики стали самостоятельными государствами. Изменилось и само издательство, как и издательское дело в целом: нет уже глобальных тиражей, книга претерпевает жестокие испытания. И всё же тяга к художественному слову сохранилась на всём постсоветском пространстве. И наше издательство, вставая постепенно на ноги после разрухи девяностых, старается в известной мере, на новом историческом этапе, возродить былые достойные традиции. Устанавливаются партнёрские отношения с центрами культуры ближнего зарубежья, при содействии Межгосударственного фонда гуманитарного сотрудничества (МФГС) выходит многотомная библиотека «Классика литератур СНГ».

Наиболее активно развиваются связи «Художественной литературы» с дружественным Казахстаном, чей позитивный опыт развития экономики, социальной и культурной сферы сейчас с огромным интересом воспринимается на постсоветском пространстве. На русском языке выходят книги классиков казахской литературы, произведения современных писателей, философов, публицистов.

Среди этих проектов выделяется совместное издание трёхтомной антологии современной многонациональной литературы независимого Казахстана.

Да, независимость любого государства зиждется не только на экономическом, политическом, но, несомненно, и на духовно-нравствен-

ном фундаменте, в закладке которого огромную роль играет литература, фольклор, Слово. И в этом смысле произведения, которые издательство представляет в этом трёхтомнике, и впрямь тесно связаны с процессами возрождения Казахстана. В какой-то степени этими процессами обусловлено и само их появление. Но не менее очевидно и влияние лучших, самых значительных достижений литературного творчества и на рождение, укрепление и развитие самой казахстанской государственности, если понимать её в широком, не только общественно-политическом, но и в чисто человеческом, гуманитарном плане.

В антологии, повторяем, представлены на русском языке произведения авторов разных национальностей и различных возрастов, проживающих не только в двух замечательных столицах — Астане и Алматы — но и в казахстанской глубинке. В подборе антологии, в переводах на русский язык, в самом её издании, которое, несомненно станет заметной вехой в российско-казахстанском сотрудничестве в целом, большое содействие оказал Фонд имени Немата Келимбетова, известного казахстанского учёного-тюрколога, философа, писателя и публициста. Его книги, к слову, также выходили на русском языке в издательстве «Художественная литература» и тепло приняты не только в Казахстане, но и в России, а также в ближнем и дальнем зарубежье.

Антология состоит из трёх фундаментальных частей. Открывается она томом, посвящённым современной детской литературе дружественной станы. Эта книга, можно сказать, предназначена не только для ребятишек — она хороша будет и для семейного чтения.

Второй том антологии представляет современную казахстанскую прозу.

Заключает антологию собрание нынешней казахстанской поэзии.

Книги проиллюстрированы работами казахстанских художников. В каждой из них даны краткие биографические сведения о представленных авторах.

Надеемся, что наш совместно с казахстанскими коллегами предпринятый труд найдёт живой отклик у самого широкого круга читателей, где бы они не жили: в России, в Казахстане или за их пределами.

Издательство «Художественная литература»

СКАЧИ, МОЙ АРГАМАК!

Поэзия

МУЗАФАР АЛИМБАЕВ

РОДНИК ЗЕМЛИ РОДНОЙ

Родник земли родной
Прозрачен и негромок.
Он летом и зимой
Лепечет, как ребёнок.

До камешка на дне
Он чист, но со слезами
Сравненье не по мне,
Как поняли вы сами.

Ведь так вода сладка,
Что пей — всё будет мало.
И в нём берёт река
И жизнь своё начало.

Небыстро он течёт,
А стоит приглядеться —
Толкает жизнь вперёд,
Как маленькое сердце.

Я — СЫН СТЕПЕЙ

Я — сын степей...
Уже в пять лет
Я различал коней по масти
И, зная всех овец, был счастлив
Пасти отару,
Встав чуть свет.
Я — сын степей...

Когда я пел,
То песнь моя слышна бывала
От гор Алтая до Урала —
Так вольно
Голос мой летел.
Я — сын степей...
Я, как таймень,
Переплывал Иртыш в два счёта,
А нужно — до седьмого пота,
Как все,
Работал ночь и день.
Я — сын степей...
И пусть всегда
Мне лёд — ковёр,
Снег — одеяло,
И ни одна ещё беда
Меня с ног наземь не сбивала,
И — не собьёт, я справлюсь с ней...
Я — сын степей!

ШАТЁР ИЗ БАРХАТА И ШЁЛКА

Висит над вершинами гор
Шатёр без стропил и опор.
Легко обнимая собою
Весь видимый взору простор.

С любым,
Где бы ни был он, домом,
С любою тропой и рекой,
И теми, что за окоёмом,
И теми, что здесь,
Под рукой.

Поскольку нигде
В целом мире,
Как наша земля ни стара,

Ни выше, чем этот,
Ни шире
Вовек не бывало шатра:
Из тёмного бархата —
Ночью,
Из светлого шёлка —
С утра!..

ПОКУДА СЕРДЦЕ БЬЁТСЯ

Лишь раз воды из родника пригубишь —
К нему всегда душой тянуться будешь.

Всего лишь раз в родном лесу побудешь —
К нему всегда душой тянуться будешь.

И, в первый раз целуя наше знамя,
Душой запомнишь трепетное пламя.

И это всё, покуда сердце бьётся,
Для нас так просто Родиной зовётся.

БЛАГОСЛОВЕНЬЕ АКСАКАЛА

Пусть не мною,
А ещё давным-давно
Было сказано, сынок мой, это слово,
Но и ныне,
Как века назад, оно
Точно так же
И умно, сынок, и ново...

В этом слове
Неизвестный аксакал
Быть в учении упорным наставлял,
В мыслях — зорким,

В слове — твёрдым,
А в делах —
Всех искусней.
И за совесть, не за страх,
Там трудиться,
Где нужда в тебе сильней,
Ради блага дней грядущих и людей...

А ещё он наставлял,
Чтобы в бою
С теми, кто обидит родину твою,
Был ты стойким
И таким отважным был,
Чтоб навек
В твой край дорогу
Враг забыл...

Лишь высоким став
И сердцем, и душой
И все дни свои прожив,
Как подвиг правый,
Сможешь ты и сам себя,
И край родной
Увенчать
Немеркнущею
Славой!

КОГДА ЛИСТОПАД...

Туман.
Холодных туч полёт.
Как быстро
Осень надвигается!..
И кажется, что дождь идёт,
А это —
Листья осыпаются.

И, чуть шурша,
Под ноги стелются,
И тут же вновь взлетают вдруг,
И вот — не дождь уж,
А метелица,
Желтым-желта,
Кружит вокруг.

Весь мир пропитан
Жёлтой краской,
Другой сейчас в нём
Просто нет,
И даже от дороги вязкой,
В размытых выбоинах,
Тряской,
И от пруда с пожухлой ряской
Струится тоже жёлтый свет!

КТО ЧТО ЛЮБИТ

Орлу
Всего милей
Вершины гор,
А соловью —
Листвой шумящий бор.
Любой рыбёшке
Всех милей река,
Как ни была бы
Та река мелка.

А что же любит
Всей душой батыр[1]?
Он любит весь
Кипящий жизнью мир:

[1] Батыр — герой, богатырь, защитник народа.

И пенье птиц,
И цепи гор, и реки,
Но всех сильней —
Единственный навеки
Тот чудо-край,
Где свет увидел он:
Солончаки,
И степь со всех сторон,
И зной.
И, будто бы струну
Звенящую,
Услышал тишину...

В ЛЕСУ

Как славно
В час предутренний
Войти по тропке в лес
Под лиственный,
Узорчатый,
Трепещущий навес,
Где всё в молочном мареве
Купается пока —
Стволы берёз и заросли
Ольхи у родника,
И клёны, и черёмуха...
И, замедляя шаг,
Густым и лёгким воздухом
Дышать,
Дышать,
Дышать...

И окунаться
В запахи
Цветов и росных трав:
Шалфея, мяты, мятлика,
Кипрея и купав.

Ах, лес, любовь души моей,
Я рад, что мы — друзья
И что сполна насытиться
Красой
Твоей
Нельзя!

КАКИЕ БЫВАЮТ СЛОВА

Мама —
Любимое слово.
Камень —
Весомое слово.
Пламя —
Горячее слово.
Знамя —
Набатное слово.
Школьник —
Прилежное слово.
Друг —
Задушевное слово.
Ветер —
Летучее слово.
Родина —
Лучшее слово!

ИРТЫШ

До чего ж хороша
Предрассветная тишь!..
Через степь не спеша
Катит волны Иртыш.

А над ним, чуть клубясь,
Ходит сизый туман...
Катит волны Иртыш —
Щедрый наш великан.

Знает он, как земле
Его воды нужны:
Для лесов, для лугов,
Для хлебов целины.

Хочет он, чтобы жизнь
На его берегах
Поднялась во весь рост
И цвела бы в веках...

Величав и могуч,
Он уверен в себе
И в своей — вместе с нами! —
Счастливой судьбе!

В САДУ

— Как утром тих наш старый сад!
И птицы меж ветвей
Чуть встрепенутся — и молчат...
И только у корней
По камням скользким
Ручеёк,
Кружа, в свой бубен бьёт...
— Мир на земле, дитя моё,
Вот и ручей поёт.

— А это что там на ветвях?
Гнездо!
А в нём пищат
С большим червём
В открытых ртах
Пять маленьких галчат.
«Летать, — кричат, — хотим, летать,
Как мамы и отцы».
— Мир на земле, покоен сад,
Вот и растут птенцы.

ЕСЛИ ТЫ ДЖИГИТ...

В дальний путь не бойтесь отправляться...
Есть такая сила у земли —
Заставлять нас
Снова возвращаться
В те места,
Откуда мы пришли.
Не ленясь, берите в руки ноги!
Подставляйте ветрам грудь!..
Ведь и ослик,
Сбившийся с дороги,
Вечером
Отыщет в стойло путь.
И король
Среди певцов пернатых,
Видевший полсвета
Соловей
Не вернётся по весне куда-то...
В эту рощу,
К веточке своей!
Снег
Обратно в тучу не взовьётся,
Пуля
В ствол
Назад не прилетит,
Но джигит
Всегда домой вернётся...
Если он, конечно же,
Джигит!

ТОЛЬКО ДРУГ

Если ты попал в тупик —
Нет ни выхода, ни входа,
От смятенья — в сердце крик,
А на лбу — крупинки пота.

Иль тоска тебя скрутила —
Белый свет не взвидел ты,
Иль тебя покинут силы,
И ты рухнешь с высоты...

Только друг тебе поможет —
Будь он мёртвым иль живым —
Он смятенье уничтожит
И тоску развеет в дым.

РАЗГОВОР С ДЕТЬМИ

Словно пчелиным роем,
Отца окружают дети,
Считают его героем
Самым великим на свете.

А он — ни ростом, ни чином,
Шофёр, а в прошлом — пехота...
— Отец, расскажи, расскажи нам,
Где твоя боевая рота!..

— Рота моя боевая
Развеяна вся по равнинам
На Волге и у Дуная,
За Эльбой и под Берлином...

Словно пчелиным роем,
Отца окружают дети,
Считают его героем
Самым великим на свете.

Куда там другим мужчинам —
Они ведь не из гранита...
— Отец, рсскажи, расскажи нам,
Где твой танк знаменитый!..

— Да вот же он, танк мой грозный!
Взаправду, не понарошку
Мой танк по земле колхозной
Картошку возит, картошку...

РОДНОЙ ЯЗЫК

Он — как чистый родник среди горных камней,
Как тюльпаны в степях, что всего мне родней,
Как тревога, с которой счастливая мать
Нежно держит ребенка, прильнувшего к ней,
Как домбры Таттимбета живой перебор,
И как нить, из которой был соткан ковёр,
И как искры, которые мечет алмаз,
И как нашей вселенной бескрайний простор —
Вот таков наш бесценный и гордый язык!
Свою жизнь я в тени его крыльев постиг.
Он — подарок родителей добрых моих,
В моём сердце огонь его песен возник!

КАДЫР МЫРЗАЛИЕВ

ПАДЕЖИ

Именительный
В школе есть у нас Марат,
Он друзьям хорошим рад.
Родительный
Я скучаю без Марата —
Сам таким же был когда-то.
Дательный
Замечаний нет к Марату —
Для него науки святы.
Винительный
Любят нашего Марата
Даже наши жеребята.
Творительный
Так довольны все Маратом,
Что назвать готовы братом.
Предложный
А талантов всех в Марате
Сосчитать — руки не хватит.
Вспомогательный
Не поступит, как Марат,
Тот, кто сам себе не рад.

МЕЖДОМЕТИЯ

1

Самого себя узнай:
Переполненный трамвай,
Рядом бабушка стоит —
На сиденье кто сидит?
Одагай!

Кто родился шалуном —
В классе вертится вьюном?
Кто контрольную списал?
Кто соседу подсказал?
Одагай!

Кто, когда пошли домой,
Начал бегать, как шальной?
Кто девчонок драл за косы?
Кто грубил при встрече взрослым?
Одагай!

Может, кажется порой,
Что такой уж ты герой?
Не герой ты, так и знай,
Ты — неряха и лентяй,
Одагай!

2

Конь резвится подо мной,
Бьёт меня своей спиной.
Ой!
На змею я второпях
Наступил. Вот это страх!
Ах!
Я гонялся во весь дух,
К ночи мой азарт потух.
Ух!
Только в школе ждал подвох —
В междометьях был я плох.
Ох!

ТОЧКА

Ты думаешь, что точка
Такой ничтожный знак?
Ты думаешь, что точка
Явилась просто так?

Без точки не бывает
Того, что дальше ждём,
А точка прибивает
Нам строчку, как гвоздём.

Пока не встанет точка,
Не ясен смысл речей,
Не станет эта строчка
Ни вашею, ничьей.

Без точки нам отсрочка
Бескрайняя дана,
И в каждом деле точка
Последняя нужна.

КЕНГУРУ

Удобные мешочки
Имеют кенгуру.
Там дочки и сыночки
Затеяли игру.

Так хорошо на свете,
Наверно, жить с мешком!
У них не станут дети
Зазря ходить пешком.

Я сам однажды видел,
Как скачут по двору,
Я даже был в обиде
На этих кенгуру.

Стоял, глазами хлопал,
Стал даже протирать:
«А если бы вас хлопок
Заставить убирать?»

СТРАУС

Что такое туйекус?
Туйе — верблюд, а птица — кус.
Значит, он верблюдоптица?
Или он птицеверблюд?
Удивляется, толпится,
На него дивится люд.

Это — вьючная хохлатка.
Иль пернатый дромадёр?
Мы такого беспорядка
Не встречали до сих пор.

Крылья есть, а не летает,
Ноги есть, а не везёт...
Для чего он обитает,
Сам, наверно, не поймёт.

СОЛОВЕЙ И ХОЗЯИН

Когда заалел на восходе цветок,
Сказал соловей, загрустив:
— Хозяин, я пел тебе, сколько я мог,
Теперь ты меня отпусти.

Хозяин сказал:
— Как тебя отпущу?
Не знаешь ты нашинских мест.
Я сам о твоей же судьбе и грущу —
Ведь кошка в саду себя съест.

— Не надо, хозяин, — сказал соловей,–
Когда б обо мне ты грустил,
То кошку оставил бы в клетке моей,
А в сад бы меня отпустил.

КТО КУДА ИДЁТ

— Куда скачешь, волк-беглец?
— Я бегу задрать овец.
— Ты куда идёшь, корсак?
— Так, чтоб не попасть впросак.
— Хорь, тебе куда спешить?
— Собираюсь кур душить.
— А тебе, медведь, куда?
— Где малина-ягода.
— А тебе куда, барбос?
— Я овец пасти — в совхоз.

ТИНАЛИ

Грязь у школьного порога
Высыхает, пыль столбом.
Говорит учитель строго,
Сдвинув складки надо лбом:
— А виновника нашли?
— Ну конечно, — Тинали!

Карта новая в чернилах,
Парта резана ножом.
Мы, наверное, не в силах
И бороться с этим злом.
— А виновника нашли?
— Ну конечно, — Тинали!

Нос расквасили Артыку,
Шарф разорван пополам,
Все от мала до велика
Разбежались по углам.
— А виновника нашли?
— Ну конечно, — Тинали!

Тинали побил девчонок,
Малыша в дверях зажал,
Тинали, как жеребёнок,
На уроке вдруг заржал.
— А виновники известны?
Виноваты все мы вместе!

ТИНАЛИ ИСПРАВИЛСЯ

Я глазам не доверяю,
Тинали меня купил:
Добровольно, сам, в трамвае
Деду место уступил.

Не сбивал с мальчишек шапки,
В школу вовремя пришёл,
Дров для дома три охапки
Самолично наколол.

Что же это, в самом деле?
Календарь меня смутил:
Нынче первое апреля!
Он, наверно, пошутил.

ДЕДУШКА РАССЕЯННЫЙ

Далеко не молодого
Я джигита повстречал.
— Целый день ищу гнедого! —
Он с седла мне прокричал.

Я сочувственно заметил:
— Значит, любите гнедых,
Раз держали масти этой
Сразу, видимо, двоих?

— Как двоих? —
Старик воскликнул,
Покосился на меня
И в смущении великом
Покосился на коня.
— Тьфу ты, пропасть,
Я скажу!
Ведь на нём же и сижу!

МАМИНА ХИТРОСТЬ

Мне сказала мама:
— Брата
Я хочу послать в посёлок.
Ты бывал уж там когда-то,
Путь туда не слишком долог?

Я ответил:
— Близок путь —
Шаг какой-нибудь шагнуть!

Мама ласковой рукою
Провела по волосам:
— Зря мы брата беспокоим,
Близко, сбегаешь и сам.

ПОЛКАН И МОСЬКА

Сказала Моська раз Полкану:
— Себя, Полкан, ведёшь ты странно,
Ты не скулишь, не лаешь,
Прохожим не мешаешь.
Я за тебя, Полкан, боюсь —
Подумать могут, что ты трус.
— Эх, Моська, Моська, —
Ей в ответ

Сказал Полкан, —
Стыда в том нет,
Что я не лаю, не скулю
И нервы людям не треплю,
Твоя же песенка не нова,
Осталась ты, какой была,
И басня дедушки Крылова
Тебе ничуть не помогла.

ДОМ

Чудесные люди в ауле живут,
Их речи,
Как реки, плавны,
Полынью пропахшие овцы —
Жуют
И видят полынные сны.

От малых козлят
Отдаёт молоком
Встревоженной мамы-козы,
Нам запах
И вкус его
С детства знаком,
Как дым от горящей лозы.

Как память,
Пьянит нас медовый кумыс.
Хоть мы горожане
Давно,
Но разве аула
Неспешную жизнь
Понять нам уже не дано?

Вон дед —
Борода, как Хан-Тенгри,
Бела,

В седле его мир
И уют,
И запах кочевий
Идёт от седла,
И вечности запах —
От юрт.

ПОДСОЛНУХ И ТУЧА

Подсолнуху сказала туча:
— Я пожалеть тебя хочу,
Ты пожелтел под солнцем жгучим,
Но я желтуху излечу.

И скрыла солнце за спиною.
И дождь полил.
Не день, не два
Рыдало небо, как больное,
И в лужах плавала трава.

И было некогда просохнуть
Земле от сердобольных слёз,
И на корню зачах подсолнух,
И не дозрел,
И не дорос.

СТРАННАЯ БОЛЕЗНЬ

Я прикинулся больным.
Все в тревоге — что же с ним?
Мама, дедушка, отец
Опечалены вконец.
И веселый старший брат
Самому себе не рад.
Все собрались у постели —

Что со мною, в самом деле?
Мне суют скорей компот,
Долго щупают живот,
И, наверно, сгоряча
Вызывают вдруг врача.
Надо мною врач сидит.
— Ну, так что у вас болит?
Говорю врачу, вздыхая:
— Я совсем недомогаю,
Всё болит.
— И зубы тоже?
— Тоже. Зуд идёт по коже,
Пятки щиплет!.. Всюду мрак!..
Врач в раздумье:
— Так, так, так.
Папе, дедушке и маме
Что-то сделали с глазами:
Вытирают их платками,
А зачем, не знают сами.
Даже брат сказал:
— Ну вот,
Береги теперь живот.
Я и сам перепугался —
Видно, я перестарался,
Что ж я это натворил —
Я ведь в шутку говорил!
А вокруг почти что плач —
Ждут, чего же скажет врач?
И сказал он:
— Мне всё ясно.
Болен ваш сынок опасно.
Если сразу не лечить,
Осложненья могут быть,
Все вокруг перепугались,
Совершенно растерялись,
Даже я не утерпел
И с испугу заревел.

Значит, вправду я больной!
Как же быть теперь со мной?
Мать спросила:
— От болезни
Что ему всего полезней?
А отец спросил с испугом:
— Как название недуга?
Врач сказал:
— Названье — лень.
А лекарство тут — ремень,
Остальные средства лишни.
Так мы это и запишем...
Рассмеялась вся семья,
И всех радостнее — я.

КАК ПОЖАЛОВАЛАСЬ ОДЕЖДА

И кошки, и мышки
Ушли на ночлег.
Набегавшись за день,
Уснул Еркебек.
Тогда-то за шкафом
В мышиной глуши
Послышалось чьё-то
«Шу-шу, ши-ши-ши...»
Там старая кепка
Ударилась в плач:
— Ерке не хозяин,
А просто палач.
Меня он терзает,
Меня он казнит,
Смотрите, в какой он
Привёл меня вид!
Пинает, бросает
И бьёт кулаком,
Потом набивает

Золой и песком,
И словно с мячом,
Начинает футбол,
Пока не забьёт он
Куда-нибудь гол.
Живот мой такою
Грязищей забит,
Что в пору схватить мне
Аппендицит.
Спасибо, что нету
У кепок кишок,
Да я и не кепка —
А драный мешок.
Наверное, кепка
Ему ни к чему,
Служу я кошёлкою,
Видно, ему.
И тряпкою тоже
Служить мой удел,
Он в классе стирает
С доски мною мел.
Жгутом меня скрутит
И сунет в карман...
Карман отвечает:
— Да, он хулиган,
Но всё, что досталось
На долю тебе
С большою охотой
Я взял бы себе.
Такое в себе
Приходилось таскать,
Что людям за жизнь
Не пришлось отыскать.
Какие-то кости
Гремели во мне,
Какие-то гвозди
Кусали во тьме.

Какие-то ложки,
Свинчатки, мелки,
Какие-то крошки,
Комочки, куски.
Для отдыха мне
Наступала пора,
Когда лишь на дне
Возникала дыра...
Вздохнул тяжело
Перекрученный шарф:
— Мой старый товарищ,
Конечно, ты прав.
Я сам побывал
У тебя в животе
И помню, в какой я
Сидел тесноте.
Меня, как верёвку,
Использует он,
Зачем только был я
Пушистым рождён!..
Сказала калоша:
— Тебе повезло!
Ты можешь припомнить
Хозяину зло,
А я лишена даже
Радости той,
Хожу я всегда
У него под пятой.
Таскаюсь по грязи,
Катаюсь по льду,
Не знаю, куда ещё
С ним попаду...
Башмак не сдержался
От жалоб и слёз:
— Хозяин разбил мой
Начищенный нос.
Пойдёшь по дороге —

Кричи, не кричи,
Встречаются только
Одни кирпичи...
— О братья мои, —
Застонали чулки, —
Досталось нам всем
От хозяйской ноги.
Мы скручены, сверчены
Смяты в комок,
Забыли, как выглядит
Новый чулок.
О нас и припомнить
Хозяину лень...
Тогда в разговоры
Вмешался ремень:
— Я твёрже вас духом,
Но только и мне
Всего испытать
Доводилось вполне.
Кого только мною
Хозяин не бил,
Когда я ещё
Лакированным был.
Послушайте, бедные
Братья-друзья,
Какой вам совет
Сообщу сейчас я,
Давайте назавтра
Мы все поутру
Затеем с хозяином
Злую игру:
Пусть кепка
За волосы схватит его,
Карман пусть за ногу
Кусает его,
А шарф пусть за шею
Хватает его.

Калоши на землю
Пусть свалят его,
А я-то уж
Не упущу своего!

...Ты спишь, Еркебек,
И не знаешь о том,
Что же тебя
Ожидает потом!
А если бы знал,
То с постели вскочил,
Чулки и карманы бы
Сам починил,
Калоши бы вымыл,
Разгладил бы шарф,
И всех — из-за шкафа
Отправил бы в шкаф,
И вещи простили б
Тебя за труды,
Но спишь ты, не ведая
Близкой беды...
Ты школу проспал,
Ты не встал со звонком,
Всё утро пошло
У тебя кувырком,
Ты — шапку в охапку,
Калоши — торчком,
По улице к школе
Помчался бегом.
Но что там за хохот
Несётся кругом?
Какой-то по улице
Катится ком?
Скользнули калоши его
Надо льдом.
Карман ему в ногу
Воткнулся гвоздём,

И шарф, как удавка,
На шее повис,
И с кепкою волосы
Переплелись,
И старый, потёртый
Добротный ремень
Пошёл из штанов
Выколачивать лень.
Смотрели, наверное,
Сто человек,
Как плакал у всех на глазах
Еркебек.

ТУМАНБАЙ МОЛДАГАЛИЕВ

АЛАТАУ

Сады пронизаны лучом,
Земли дыхание согрето.
И божья ласточка крылом
Пронзает небо... Это — лето.

И пусть, с горы откочевав,
Туман над городом сгустился,
То дождик будто невзначай
С крыла её вдруг заструился.

И вот уж небо всё синее,
На радость ласточке земля
Вся расцветает. Всё виднее
За далью даль — лежит, маня.

И я хочу над щедрым летом
Проворной ласточкой летать,
Быть лета доброю приметой,
С улыбкой солнышко встречать!

КРАСНО-ЗЕЛЁНЫЙ МОТЫЛЁК

В плаще зелёном королёк,
Побудь хоть чуточку со мной!
Присядь на аленький цветок,
Пусть он кивнёт мне головой.

Я так завидую твоим
Крылам, полёту над цветами,

Но ты, увы, неуловим,
Напрасно я машу руками.

Напрасно берегом зелёным,
Бегу вприпрыжку за тобой,
Порхаешь ты непринуждённо,
Летишь вдоль речки голубой.

Ах, шаловливый мотылёк,
Давай хоть чуть передохнём,
Смотри, как ждёт тебя цветок,
Присядь на миг, замри на нём.

Я так хочу тебя поймать,
Твои крыла хочу потрогать,
Не буду мучить и трепать,
Не буду я жестокой.

Не бойся — тут же отпущу,
Взлетишь с моей ладошки,
И вновь вдогонку я пущусь,
Хотя устали ножки.

Так в догонялки поиграем,
С цветка порхая на цветок,
Дай я тебя на миг поймаю,
Поддайся ж мне, мой королёк!

В ЯБЛОНЕВОМ САДУ

По десятку яблок здесь —
На одной лишь ветке,
Чтобы сад плодовый весь
Не порушил ветер,

Чтоб ни сель, ни ураган
Яблони не тронул,

Небо — добрый великан —
Защищал их крону.

Лето солнцем одарило,
Осень приукрасила,
Налились тугою силой,
Вон какие красные!

Гнутся ветки —
Тяжела
Яблочная ноша!
Подарила нам земля
Урожай хороший!

Если веток не ломать
И, не зная лени,
Деревца все поливать,
Холить сад весенний,

Он подарит вам плоды,
Осенью встречая...
С детства я люблю сады,
Я по ним скучаю...

Только в них свои стихи
Я легко слагаю.

НА КАТКЕ

Весь день хохочем мы,
Весёлой пойманы игрою,
В объятьях солнечной зимы
Катаемся гурьбою.

Коньки — ледовые коняшки —
Катают быстроногих нас!

И нам мороз не страшен
В такой счастливый час!

Орлами мы взмываем,
Как лебеди плывём...
Зима — совсем не злая —
Нас балует катком.

ОРАЗАКЫН АСКАР

«ГОЛУБЁНОК»

На оконный на карниз
Корм насыпали для птиц.
Отчего же вдруг Лейла
Голубей всех прогнала?

Машет ручкой: «кыш» да «кыш».
— Ты зачем, Лейла, шалишь?
— Голубёнок прилетел,
Он попить, поесть хотел,
А они вот не дают —
Сами зёрнышки клюют.

И опять к окну бежит,
Голубей прогнать спешит.
— Где же он, твой голубёнок?
Покажи-ка поскорей...
— Вот он, — тычет мне ручонкой.
А в кормушке... воробей.

ПОСЫЛКА

— Что-то бабушка не едет,
Не порадует письмом.
Надо б к ней поехать летом...
А пока давайте, дети,
Ей посылку соберём.

Сколько нам она подарков
Слала зиму всю — в ответ

Мы пошлём ей к самовару
Чай индийский и конфет.

Так мы дружно приступили
К делу — ящик под рукой.
Курагу, изюм вложили
К чаю бабушке родной.

Вот уже беру я в руки
Молоток и горсть гвоздей.
— Что ещё забыли, ну-ка,
Вспоминайте поскорей!

Прибежал тут самый младший —
Губы, щёки в манной каше.
Заглянул сынишка в ящик
И сердито говорит:

— Разгребайте эту кучу —
Место нужно для меня,
Потому что самый лучший
Для неё подарок — я!

БЕСПОКОЙСТВО МАТЕРИ

Щенок трёхнедельный тихонько рычит —
Он просто со мною играет,
А мама с испугом тревожно кричит:
— Собака тебя покусает !

На речку мальчишки бегут из аула,
От них не отстал бы, конечно, и я,
Но мама за майку меня потянула:
— Не бегай!.. Утонешь!.. Укусит змея!..

На тополь взобрался я лихо:
Сейчас самолет мой помчится...

А мама — такая трусиха! —
Опять вот чего-то боится.

Работа в руках моих просто горит:
Я чищу картошку, взяв ножик.
Но мама со страхом мне вновь говорит:
— Пожалуйста, будь осторожен!

Я даже не знаю, по правде сказать,
Что делать с руками, с ногами?
Куда мне податься, во что поиграть,
Чтоб не было страшно так маме?..

КАСТЕК БАЯНБАЙ

ЗОЛОТОЕ ЗЁРНЫШКО

Веселится,
Золотится
В кузовах машин пшеница.
Золотые зёрнышки
Жарятся на солнышке.
Ехать зёрнам в кузовах
Да вертеться в жерновах,
Греться в печке,
Чтоб потом
К нам прийти
Лепёшкой в дом —
С корочкой блестящей,
Вкусной и хрустящей.

ЧЕТЫРЕ БАРАНА

Четыре барана
В лесу на полянке
Сидели и дружно
Жевали баранки.
Бараны жевали
Баранки три дня,
Бараны позвали
На помощь меня:
«Приди и доешь
Поскорее баранки,
Не то мы всю жизнь
Просидим на полянке».

ДЕДУШКА

С дедушкой моим беда:
Если ветер воет,
У него нога всегда
К непогоде ноет.
Рана старая... в кровать
Дедушка ложится,
Но торопится вставать,
Только прояснится.
Уж такой он человек!
Деда обниму я,
Глажу белую, как снег,
Голову седую.
Если утром не просплю,
Выгляну в оконце,
Сразу деду объявлю:
«Нынче будет солнце!»
Пусть болезни и невзгоды
Вас обходят стороной.
Пусть в любую вам погоду
Поют птицы, как весной.

ЮРТА

На лугу, средь горных скал,
Хорошо овчару!
На джайляу выпасал
Дедушка отару.
Месяц тёплый наступил,
Лёд на речке сокрушил,
Снег лучами растопил,
Ясный путь весне открыл,
Заспешил по склонам!
Юрту дедушка разбил
На лугу зелёном.
Юрту белую слегка

Ветерок тревожит...
Лёгкий дом издалека
Путник видеть может.
Юрта солнышком полна,
Места в ней немало.
Будто облако она,
Что с небес упало.
Юрта — это круглый дом
С комнатой одною.
Обошёл её кругом,
Пёс бежал за мною.
Много места для игры.
Чисто и прохладно.
А кругом висят ковры,
Пригнанные ладно,
Смотрит сверху сквозь тундук
Голубое небо,
Славно в юрте! А вокруг,
А вокруг зелёный луг —
Пробежаться мне бы!
Как кабина корабля,
Юрта предо мною,
Но не космос, а земля
Сразу за кошмою.
Золотистую кошму,
Что слегка лоснится,
Чуть за край приподниму —
Ветерок струится!
Но всего важней, видать,
Что она кругла:
За проделку наказать —
В юрте нет угла!

КАЙРАТ ЖУМАГАЛИЕВ

ЩЕДРЫЙ МАРАЛ

Марал — мой маленький братишка —
Весь день заглядывает в книжку.
А в книжке — вкусная картинка:
Там вишен полная корзинка!
Над книжкой наклонившись ниже,
Он вишню трогает и лижет,
За стебель пальцами берёт
И отправляет вишню в рот.
Когда наелся до отвала,
Тогда друзей своих позвал он:
«Ребята, угощайтесь вишней!»
(Сегодня здесь никто не лишний!)
Он книжку развернул перед гостями
И «вишню» раздаёт горстями!..
Я рад, что щедрый мой братишка,
Но жаль... что пострадала книжка!

ИГРА НЕ СОСТОЯЛАСЬ

Каждый вечер на лужайке
Собиралась детвора;
И сегодня все сбежались,
Начинается игра!
— Сколько нас?..
Четыре, пять...
Решено в войну играть.
Заявил толстяк Хасан:
— Чур, я буду партизан!..
Ну а ты, Жунус, к примеру,

Будь фашистским офицером!
Но сказал Жунус:
— Друзья,
Кем хотите буду я:
Буду лошадью, верблюдом,
Буду даже ишаком,
Но фашистом —
Я не буду! —
И ушёл сердитый в дом.
Все покинули поляну,
Побежали вслед за ним:
Все «уходят в партизаны»,
Даже маленький Муслим!
Даже двоечник Жулаев
Быть фашистом не желает.
Нет врага!
Какая жалость,
Что игра
Не состоялась!

ВЕСНА

До чего ж хорошо весной:
Вся земля покрылась цветами!
Даже птицы все до одной
Стали оперными певцами!

БУДУЩИЙ ВРАЧ

Спросил я у Аскена-малыша:
— Скажи-ка, кем ты будешь?
И он ответил мне
Солидно, не спеша:
— Болеют часто люди!..
Я вырасти хочу скорей,
Чтобы халат мне
Белый дали!..

Я буду так лечить людей,
Чтоб никогда
Не умирали!

МОЛНИЯ

Молния, завёрнутая в тучи,
Небо искромсала надо мной!
Надо спеленать её покруче
За такой характер озорной!

ПРЯТКИ

Вечер. Можно закрывать
Книжки и тетрадки
И с друзьями поиграть
Возле дома в прятки.
Только начали играть,
Вышел чей-то папа,
Попросил в игру принять
Малыша Манапа.
А малыш, терзая нос,
Помолчал немного,
Стёр со щек остатки слёз
И сказал нам строго:
«Вы закройте все глаза,
Долго не смотрите...
Я запрячусь, а тогда
Все меня ищите!..»
Мы в тот вечер сбились с ног:
Где же спрятаться он мог?
Мы искали целый час!
Вечер весь пропал у нас!
Кое-как нашли Манапа,
В темноте уже... по храпу!
Он залез в пустую бочку
И уснул на дне клубочком.

АБДРАХМАН АСЫЛБЕК

МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ

Мне всё на свете нипочём,
Я гордый и упрямый.
Я всем на свете увлечён,
Хочу быть первым самым!

Любые драки — нипочём,
Чуть шею не свернули,
А всё же первым силачом
Не стал в своём ауле.

И на лопатки вновь меня
Швыряли, как котёнка,
Но поднимался я, кляня
Проклятые силёнки.

Когда обиды те прошли,
Решил стать первым в беге.
Все мчались, точно «Жигули»,
Я — медленней телеги.

Но я — упрямый удалец,
Что толку портить нервы!
Вдруг выйдет из меня пловец —
Конечно, самый первый!

Я смело в воду сиганул, —
Увы, опять позор!
И чуть в реке не утонул,
Я плавал, как топор!

Но я, друзья, не унывал,
Был гордый и упрямый.
И потому пришёл в спортзал,
Сказал: «Боксёром стану!»

Но и боксёра смелый дар
Во мне не просыпался.
И вот — удар, ещё удар...
Я на полу валялся.

Мне всё на свете нипочём,
На стадион пришёл.
Там все бежали за мячом,
Вот это — хорошо!

Я футболистом стать решил,
Мне в мяч играть охота.
Смеялись все: я гол забил!
Увы, в свои ворота.

Забуду злополучный гол,
К чему быть футболистом!
Мне разонравился футбол.
Я стану альпинистом.

Я не приучен унывать,
Как истинный мужчина,
Отважно буду покорять
Высокие вершины.

Опасностей я не боюсь,
А всё ж — круты пороги.
Я лучше в горы поднимусь
На подвесной дороге.

А там — зелёный, золотой —
Я город наш увижу.
И снежной белою зимой
Я вниз помчусь на лыжах.

Я так и сделал, как хотел,
Я гордо спину выгнул.
И ногу вывихнуть успел,
Когда с трамплина прыгнул.

А, пустяки, я — не слюнтяй
И вновь пошёл в спортзал.
«Повыше штангу поднимай!» —
Я сам себе сказал.

Но гири слишком тяжелы,
Все игры надоели!
И мне теперь не до хвалы,
Проходят дни без цели.

Стал чемпионом лучший друг,
И мастерами — братья.
И только я гляжу вокруг,
Не находя занятья.

Теперь сижу я, вот беда,
Унылый и усталый.
Друзья, наверно, без труда
И впрямь никем не станешь.

ШИВОРОТ-НАВЫВОРОТ

Когда шерсть коз была мягка,
Давно, давным-давно,
Я отлежал себе бока,
Но это всё равно.

Решил: пускай другим везёт,
Я не желаю выгадать,
Всё сделаю наоборот,
Всё — шиворот-навыворот!

И, засучивши рукава,
Трудиться начал я,
И так понравилась сперва
Мне выдумка моя!

Проделок всех не перечесть —
Сегодняшних, вчерашних!
Средь ночи захотел поесть
И разбудил домашних!

Тарелки застучали,
И ложки загремели.
Все уши затыкали
И ничего не ели!

Вздыхали и глядели
С тревогой и упрёком.
Но я-то, в самом деле,
Не видел в том намёка!

Назавтра на уроках
Решил я поиграть,
Пустил из школьных окон,
Как голубя, тетрадь!

Я рыбу выудил в песке —
Большой сазан попался!
Потом — не в ванной, не в реке —
В грязи я искупался!

И младшему братишке
Подставил я подножку,
Я сделал мяч из книжки —
Им поиграл немножко!

Случилось всё давным-давно.
Лишь прозвенел звонок —
Я в класс залез через окно,
Никто бы так не смог!

На географии, поверь,
С изнанки вешал карту.
Я в глине вымазал портфель,
Я исчеркал всю парту!

Однажды я пришёл домой
Больной — ангина снова!
Съел десять порций эскимо
И сразу стал здоровым!

А если взрослые идут —
Вперёд я забегаю.
Я успеваю там и тут,
Я всем всегда мешаю!

Во мне упрямство с давних пор —
Давным-давно живёт!
Всё делаю наперекор,
Назло, наоборот!

Хочу таким бесстрашным стать,
Чтоб восхищались мною!
Стал стену, как баран, бодать,
Представьте, головою!

...Звенит будильник заводной.
Так это — только сон дурной?!
А я на самом деле
Лежу в своей постели,
В кровати, на подушке —
Прилежный и послушный.

Возьму с собою ранец
И на урок бегом.
А глупый тот упрямец
Мне вовсе не знаком!

АДЫРБЕК СОПЫБЕКОВ

ОЧКИ

Лишь стоило очки подать,
Как бабушка сказала:
«Ну вот, теперь мне всё видать,
От книжки до пенала...»

Она привыкла: на носу
Очки у ней бессменно,
Штаны, рубашку принесу —
Заштопает отменно.

Без дела не сидит теперь,
Читает втихомолку,
А без очков — ей нить отмерь,
Продёрни нить в иголку.

В очках она не так стара,
Не зря мелькают спицы.
Теперь ей, кажется, пора
Связать мне рукавицы.

ЛИВЕНЬ

Точно злые верблюды
Медленными шагами,
Туч нагрянули груды,
Толкаясь боками.

Чёрными были тучи,
И небо сделалось чёрным.

Ливень пошёл колючий,
Степи хлестал камчою.

Ох, и шумела крыша,
Белой водой крушима,
Так, будто мама вышла
Двор поливать из кувшина...

Хлестало, как из поливалки,
Как из открытого крана,
Но мы оседлали палки
И поскакали рьяно.

Много с листков корявых
Смыло пыли и сора,
В ямках, щербинках, канавах
Зазеленели озёра.

Прополоскавши горло,
Ливень иссяк внезапно,
Солнце глаза протёрло,
И тучи ушли на запад.

Влагу степь отряхнула,
Переодела платье,
А радуга распахнула
Небу свои объятья.

СОСУЛЬКА

Свесилась сосулька
С крыши над окном,
Выглянуло солнце —
Вспыхнула огнём.

Бусинками
Капли

В землю потекли,
Утоляя жажду
Мартовской земли.

А весна лучами
Подняла росток.
Где погасли капли —
Запылал цветок.

Я РИСУЮ

Я взял карандаш
И присел за тетрадь —
Портрет человека решил написать.

Вот круг —
Это будет у нас голова.
Вот нос — закорючка,
Вот бровь —
Раз и два.

Вот уши...
Опять я бумаги коснулся
И вычертил рот —
Человек улыбнулся.

Глаза...
Их последними выписал я,
И копия вышла моя!

ПЕТУХУ

Ой, да не кричи ты зря,
Знаю сам уже — заря,
Знаю я часы прекрасно —
Разобрал их не напрасно.

ПЕЧАЛЬНЫЕ ДЕЛА

Мне поверьте: я не трус...
Старых ножниц не боюсь.
Мама ножницы берёт.
Ситец кро́ит, платье шьёт.
Я сидеть с ней рядом рад,
Мы работаем лад в лад.
Подаю иглу и нить,
Помогаю маме шить.
Но, признаюсь не тая,
Если бабушка моя
В руки ножницы берёт,
Прошибает меня пот!
Я не трус, но всё равно
Убежал через... окно.
По стеклу апа: стук-стук!
Возвращайся, милый внук!
Ох, печальные дела —
Подстригаться догола!

КУКЛА

Светит в небе месяц тускло.
Мне и брату не до сна.
Мы играем тихо с куклой
У раскрытого окна.
Подарила куклу мама
Перед праздником, весной,
Не капризна, не упряма
И в кровати спит со мной.
Я подарку очень рада —
Лучше куклы в мире нет,
Потому что дружит с братом
И не ест моих конфет.

АЛИ ЫСКАБАЙ

СВЕТОФОР

Чтоб на улицах движенье
Проходило без волненья,
Люди сделали прибор
Под названьем светофор.

У прибора есть три глаза,
Но горят они не сразу,
Каждый — свой сигнал даёт:
Встать иль двигаться вперёд.

Глаз зелёный говорит:
«Ехать можно, путь открыт».
Если красный впереди,
Значит: «Стой!» — и подожди!

Жёлтый глаз предупреждает
И на братьев двух кивает.
Подготовиться велит,
Всем «Вниманье!» говорит.

Ночью, днём, зимой и летом,
Нам мигая нужным цветом,
Управляет с давних пор
Всем движеньем светофор.

МОРОЗ-ХУДОЖНИК

Смешные узоры, цветы
Рисует мороз на стекле.
Художник, поведай же мне,
Откуда берутся мечты?

Ты кистью морозных ветров
Всё красишь и красишь стекло.
А мне от блестящих ковров
И радостно, и светло!

Картины, как зимние сны,
Мечты ускользающей след.
В них солнце и радость весны,
Вот только тепла в них нет.

КАМЫШ

Вырос — красив и высок —
Озёрный камыш над водой.
Он берег убрал в поясок
С зелёной живой бахромой.

Соцветья, как чуткие уши,
Поднял высоко над собой,
Как будто хотел послушать
Он песню небес в час любой.

По пояс стоит он в воде
И тянется ввысь головой,
Тени играют в волне,
Качаются с лёгкой листвой.

КАТАНИЕ С ГОРЫ

В снегу все поляны и крыши.
Прекрасно в такую пору
С гурьбою весёлых мальчишек
Построить снежную гору!

Под нами — лишь быстрые санки,
Ручьём устремляемся вниз,

Влетаем в сугроб на полянке,
Все в снежный клубок сплелись.

Летим, улыбаясь и ахая,
Я мчусь и качусь кувырком.
А земля удивительно мягкая,
Будто пышным укрыта ковром.

Пусть мороз! Мне не холодно! Нет!
Разве можно в игре замерзать?
А щенок с громким лаем вослед
Всё стремится меня обогнать.

НА КАЧЕЛЯХ

Вместе с друзьями, в шумном веселье,
Выше и выше несут нас качели.
Может быть, в этих стремительных взлётах
Начало наших в небо полётов.

Воздух спокойный в порывистый ветер
Мы превратили, забыв всё на свете!
Выше и выше взлетать мы хотели,
Детская радость — качели, качели...

Хочется в небо, куда-то повыше,
Выше деревьев, за дальние крыши.
Может, и в звёздный, далёкий полёт
Дорога от наших качелей ведёт...

ПЕРВЫЙ ПОДВИГ

С днём рождения! Ровно год
Исполняется Айбеку,
Вот он сам уже идёт.
Не мешайте человеку!

Ох, и трудная дорога!
Видно, сразу не дойти
От стола и до порога, —
Отдохнуть присел в пути.

Тяжело ходить без мамы,
То присядет, то встаёт,
Но настойчиво, упрямо
Всё же движется вперёд.

Первый подвиг сына в жизни
Наблюдают папа с мамой.
Скоро, скоро вместе с ними
Он пойдёт по жизни прямо.

ЖУРАВЛИ

Журавли, журавли, журавли,
Льются музыкой крики весенние.
В край родной, в край цветущей земли,
Прилетели друзья с весельем.

И цепочкою, след в след,
Проплывают над головой.
Я ловлю милый сердцу привет
И в ответ им машу рукой.

Грусть и радость в их песне слились,
О земле матерей и отцов,
Где родились и в небо взвились,
Где растили своих птенцов.

Бури, ветры и голод в пути
Не обошли их стороной.
Все преграды сумели пройти
Журавли, возвращаясь домой.

Отдохните ж на глади озёр,
Освежитесь прохладной водой,

Тихий ветер с далёких гор
Пусть хранит ваш тревожный покой.

Знаю я, что родные места
Вам дороже страны иной,
Пусть дорога была нелегка,
Разве можно забыть край родной.

БАБОЧКА

В мире соцветий тебя я найду,
Бабочка, странница летнего дня.
Тихо, волнуясь, к тебе подойду,
Только прошу: не лети от меня.

Если бы мог я тебя подержать,
Тихо притронуться к крыльям твоим.
Если бы мог я тебе рассказать
То, что понятно нам только двоим.

Но почему не могу я догнать
Пёстрый, красивый степной самолёт?
Как бы хотелось мне просто узнать,
Где он закончит свой лёгкий полёт?

ДЯТЕЛ

Тук-тук-тук, тук-тук-тук,
Кто стучится в старый сук?
Кто и в холод, и в жару
Чистит старую кору?

В красной шапке, острый нос,
С цепкой лапкой, чёрный хвост.
Барабанщик надо мной
Что-то ищет под корой.

Тук, — ударил он слегка,
Сразу вынул червяка.
Тук-тук-тук, тук-тук-тук,
Кто-то лечит старый сук.

Это дятел надо мной
Занимается сосной.
Вынул вредных червяков,
Вверх вспорхнул и был таков.

Слышу издали я звук —
Тук-тук-тук да тук-тук-тук.
Снова дятел в ствол стучится,
Целый день он суетится...

Чтоб деревья не болели,
Тля и черви их не ели,
Он пернатый друг лесной,
Весь в работе над сосной.

КОЗЛЁНОК

Папа мне принёс с охоты
Дикого козлёнка.
Ох, и много мне заботы
С этим несмышлёнком!

Не привык он жить в дому,
Просится на волю,
В горы хочется ему,
Порезвится в поле.

Поскучал он пару дней,
Походил немножко,
В сад из комнаты моей
Выпрыгнул в окошко.

СУЛТАН КАЛИЕВ

ЕСЛИ Б Я БЫЛ СОЛНЫШКОМ

Солнышко весёлое над лесом
Первыми лучами заиграло.
И запели жаворонки песни,
Всё вокруг меня нарядным стало.

Пенье птиц услышать люди рады,
Рады люди небу голубому.
Но под вечер солнце — вот досада! —
Прячется за дальним окоёмом.

Если б стал я солнышком — поверьте! —
Я не покидал бы небо наше.
Я светил бы птицам на деревьях,
Чтобы мрак ночной им был не страшен.

ТАЙНА

Если брат мой младший боек,
В глазах — радости лучи,
Значит, в школе он не двойку,
А пятёрку получил.

Друг ему я — самый лучший,
Но в учёбе очень строг:
— Если двойку, брат, получишь,
Не пущу и на порог!

Вижу: в дом заходит молча,
Прячет ранец под кровать.

Значит — двойка. Это точно!
И не стоит проверять.

Но малыш мне все жё дорог:
— Не грусти! Ты что затих?
Коль сегодня нет пятёрок,
Завтра мне покажешь их.

Сядем рядом,
Честь по чести
Снова выучим урок.
Что скрываем
Дружно вместе —
Маме даже невдомёк!

ЧЁРНЫЙ КОЗЛЁНОК

Летом — каникулы.
В школу не надо!
Бегай, где хочешь,
Где хочешь — играй.
Сижу я с друзьями.
Стрекочут цикады.
Рядом — Ахат,
Нариман и Сырбай.
За день мы все
Наигрались по горло.
Ждём, чтобы дойку
Овец посмотреть.
У женщин в руках
Кастрюли и вёдра.
Солнце всё ниже
Уходит за степь.
С поля отару
Козёл серо-рыжий,
Как атаман,
Важно вводит в аул.

Крикнул Ахат:
Вот и наших я вижу!
Куда ж чёрный козлик
С подворья свернул?
— Ловите ягнят, —
Брат сказал его старший.–
Гоните быстрей
Молодняк на коген[1]...
Но чёрный козлёнок,
А с ним и барашек —
Обратно скачками!
— Лови их, Дамен!
Я в школе по бегу
Не раз был призёром,
Соперников всех
Оставлял за спиной.
Но только к когену
Вернулся с позором, —
Когда чёрный козлик
Пришёл сам собой.

ХУДОЖНИК

— Стой так! — сказал мне Кыпшакбай. —
Не шевелись! И не моргай!
Одну минутку — и тотчас
Получишь свой портрет анфас!
Смотрю я грустно на портрет:
— Да здесь Омар! Меня-то нет...
Портрет рассматривают дети:
— То ли Омар, а то ли Петя...
Но сходятся в одном ребята:
Не схож портрет со мной, Маратом!
Художник руки опустил:
— Знать, краски я чуть-чуть сгустил!

[1] Коген — место для привязи молодняка.

— По-моему, здесь ты, Омар.
Возьми рисунок мой как дар!
На что Омар ему ответил:
— А может, здесь не я, а... Петя?

МОЙ УЧЕНИК

У меня есть маленький братишка,
Он ещё до парты не дорос,
Но в мои учебники и книжки
Любит сунуть любопытный нос.
— Это что? То ль буква, то ли цифра?
— Буква «А»,
А это — цифра пять...
Научился он со мною быстро
Слово «мама» по слогам читать.
Лучше получалось со стихами.
Я ему прочту один стишок —
Слово в слово повторит на память,
Даже мать сказала: хорошо!
Я с ним занимался, как учитель,
Как учитель первый строгий мой:
— Карандашик правильно держите,
Повторяйте медленно за мной:
Два плюс два!
Уже четыре пальца!
Ну а пятый — это, значит, пять!..
Вижу, мой братишка
Так старается,
Что готов все пальцы сосчитать.
Правда, вот с рисунками неважно:
Нарисует дом — и не поймёшь,
То ли это дом пятиэтажный,
То ли слон на этот дом похож.
Но зато раскрашивать картинки
Научился быстро без меня.
Сделает багряными осинки,

Красным — черноногого коня.
Дорисует ёлку на пригорке...
Стал учён, что я уже не рад.
Прихожу из школы...
— Где пятёрки? —
Так и рвётся к сумке младший брат. —
— Ну-ка, покажи дневник, раскрой-ка!..
Если тройки — знает вся родня.
И учусь теперь я на пятёрки,
Чтоб братишка уважал меня!

СКАЧИ, МОЙ АРГАМАК![1]

Может, это видел я во сне,
Может быть, и вправду было так:
Ранним утром
Прискакал ко мне
Золотисто-белый аргамак.
— Ты откуда? — я спросил коня.
— Я из сказок! — мне ответил он. —
Ты садись быстрее на меня,
Я за сказкой полечу вдогон!
Алпамыс! О нём хоть слышал ты?
— Так скачи! — я скакуну сказал.
Полетел мой конь быстрей мечты
Через степь до белоснежных скал,
В ту страну,
Где сказкам нет конца
И начала этим сказкам нет,
Где, как страж, у ханского крыльца
Полыхает день и ночь рассвет.
Ты скачи, скачи, мой аргамак,
К этой доброй, сказочной стране!..
...Не пойму: иль было это так,
Или аргамак приснился мне?

[1] Аргамак — чистокровный конь восточной породы.

БАБУШКА

Мы — сыновья твоих сынов,
Твои внучата, бабушка.
И нам дороже всяких слов
Простое слово — бабушка.
Кто научил нас говорить?
Кто в жизнь нас вывел?
Бабушка!
Ну как тебя благодарить,
Родная наша бабушка!
Как будто солнышко, для нас
Твоя улыбка, бабушка,
Светила в самый трудный час.
Спасибо, наша бабушка.
Ты даришь нам добро и свет,
Седая наша бабушка.
Как дружный хоровод планет,
Вокруг тебя мы, бабушка.

ПОЧЁТНОЕ ИМЯ

У соседей шум и гам,
Крик младенца звонкий:
Собралися гости там —
Имя дать ребёнку.

Много всяческих имён
Люди предлагали,
Тут же их со всех сторон
Бурно обсуждали.

Не сойдясь ни на одном,
Спорили завзято...
Тут сказал я: назовём
Мальчика Талгатом.

Виделся в Алма-Ате
Я с Талгат-агою,

Вспомнились мне встречи те
С лётчиком-героем.

Всю войну провоевал
Он на самолёте
И покоя не давал
Вражеской пехоте.

Защищал свою страну
На земле и в небе.
Сам Талгат за всю войну
Сбит ни разу не был.

А фашистов много сбил
Давней той порою
И за это получил
Две Звезды Героя.

В знак согласья все подряд
Дружно закивали,
Против имени Талгат
Возражать не стали.

Из коляски не спеша
Взял отец Талгата,
Дал мне в руки малыша,
Щёлкнул аппаратом...

Снял с Талгатом он меня.
Вышел славный снимок...
Сам я стал героем дня,
Дав мальчишке имя.

РЕПРОДУКТОР И МОНТЁР

К вечеру все игры надоели,
Даже в «фантики» играть не рады мы.

— У меня, ребята, есть идея! —
Крикнул я. —
Сейчас сыграем в... радио!
Я на голову ведро пустое
Аж до плеч надел.
Залез на дерево.
И оттуда, на развилке стоя,
Бум! — ударил по ведру уверенно.
— Бум! —
Ударило мне прямо в уши.
Не стерпел я. Говорю: «Внимание!» —
И запел про девушку Катюшу
И о том, как расцветали яблони!
Надо мной летают в небе птицы,
Начал я стихи читать по памяти.
У ребят восторженные лица:
— Прозвени кремлёвскими курантами!
— Бум! — я снова по ведру ударил...
— Бум! Бум! Бум! — стучу,
Как на параде, я.
— Спой нам снова песенку, Аскарик!
— Не могу! — кричу. —
«Сломалось» радио.
— Я — монтёр! Сейчас тебя исправлю!
Подожди меня одну минуту. —
Вижу: влез на дерево Куралик.
— Надо подкрутить твой «репродуктор»!
Он мне подмигнул. За ухо дёрнул.
А потом пребольно
Щёлкнул по носу,
Так что слёзы брызнули,
Как зёрна!
...И «запел» совсем другим я голосом.
— Быстро починил! — друзья хохочут.
Я не стал на друга обижаться.
Стал с ним вместе петь
До самой ночи
Голосами двух «радиостанций».

ЧТО ЛУЧШЕ?

С моря или от сибирских рек
К нам приехал в гости человек.
Папин друг. Моряк по всем статьям:
По походке видно, по усам,
По биноклю, по морской рубашке,
Важно называемой — «тельняшка».
Вышел в сад он — мы за ним вослед.
— Как, не отстаёте от кормы?
Море где?
— В ауле моря нет!
Есть река! — смеёмся дружно мы.
Он поднёс к своим глазам бинокль:
— Да, ребята, речка недалёко...
Если напрямую нам шагать —
Миль, наверно, семь,
А может, пять!
Ну, друзья, в кильватер — и за мной!
Надо искупаться в этот зной.
Подошли мы к речке. Холодна,
Бьётся тихо о камыш волна.
Дал моряк бинокль мне:
— Погляди,
Что же там за речкой впереди?
— Вижу, — крикнул я, — вишнёвый сад,
А на ветках ягодки висят...
— Дай и я взгляну! —
Сказал мой брат.
По рукам пошёл
Бинокль,
Нарасхват!
Смотрит Серик на далёкий тополь,
Никому не отдаёт бинокль:
— Вижу воробья на ветке.
Ловит муху...
Серику кричу я прямо в ухо:
— Дай и я взгляну! Где он?

— На ветке...
Вот он! Рядом! Хоть давай конфетку!..
Я, как Серик, на далёкий тополь
Не спеша опять навёл бинокль.
И на ветке вижу воробья!
— Дай взглянуть и мне...
— И я!
— И я!
Все смотрели сквозь бинокль в даль.
Что мы только там не увидали:
Двух верблюдов. Ишака. Коня.
— Что взгрустнул? — спросил моряк меня.
— Жалко, что у нас бинокля нет, —
Тихо я сказал ему в ответ.
Полотенцем вытерся моряк, улыбнулся:
— Не грусти, чудак!
Вырастешь — пойдёшь служить на флот,
Может быть, изучишь перископ!..
Мы «кильватером»
Пошли за гостем вслед...
Перископ... он лучше или нет?

СОЛДАТСКОЕ ПИСЬМО

За центром усадьбы —
Родимый мой дом,
Мы с бабушкой летом
Вдвоём в нем живём.
А добрая мама
И строгий отец
Кочуют в Заречье
С отарой овец.
Как милая бабушка
Любит меня!
Я сплю сладким сном,
А она у огня
Уж завтрак готовит

Иль гладит бельё.
Как маму родную,
Люблю я её.
Когда мы вдвоём,
Она говорит:
— А ну почитай мне,
Мой добрый джигит!
Сужу по себе,
Драгоценный мой внук,
Жить трудно на свете
Без книг и наук...
Все бабушку любят
В совхозе у нас.
Она в райсовет
Избиралась не раз,
Работала в поле
С утра дотемна.
За труд на груди
У неё ордена.
Всё есть у неё:
Уваженье, почёт, —
Но всё же она
Иногда и взгрустнёт.
Мол, не было школы
Когда-то у нас,
И даже пойти
Не могла в первый класс.
Газету читает
С трудом по складам,
Поэтому мне
Повторяет всегда:
— Я тех уважаю,
Кто в книги влюблён,
Кто тянется к знаньям,
Умом просвещён.
Возьмём для примера:
Вот старший твой брат —
Ракетчик военный,

Прекрасный солдат.
Недаром о нём
Боевой генерал
Письмо с благодарностью
Нам написал.
Но внук пишет редко.
Знать, времени нет.
Пошли от меня
Ему добрый совет:
Чтоб там, где ракетный
Грохочущий гул,
Он помнил, что есть
В Казахстане аул,
Где бабушке — праздник
От внука письмо,
Что ждём, когда он
Возвратится домой.
Когда же молчит он
И нет нам письма,
На сердце у бабушки
Словно зима:
— А вдруг заболел
Или что-то стряслось?
Старик-почтальон —
Лучший бабушкин гость.
Я бабушку милую
Очень люблю,
А чтоб не грустила —
Сам письма ей шлю.
Заброшу я в ящик
Почтовый конверт,
Старушке не важно,
Что штемпеля нет.
Достанет письмо
И кричит мне: — Марат!
Никак нам письмо...
Что же пишет твой брат?
Читай, моё солнышко,

Громче читай!
А я приготовлю
С конфетами чай!..
И каждую строчку,
Что пишет «мой брат»,
Она повторяет
Два раза подряд.
И мне говорит:
— Жеребёночек мой!
Уж скоро твой братик
Вернётся домой! —
Обнимет меня,
Поцелует меня.
И нет для неё
Лучше этого дня.

СУЛЕЙМЕН БАЯЗИТОВ

ВРЕМЕНА ГОДА

Весна

Тает снег,
Пар идёт от земли,
И ручьями бежит вода.
Не осталось следа зимы,
К нам весна пришла навсегда!
Расцветают в степи цветы,
Разнотравье стоит кругом.
В поле брат мой скорей спешит —
Засевать золотым зерном.

Весной

С гор бежит вода родника,
Листья шепчутся с ветерком.
Вижу озеро издалека,
Гуси, лебеди там кругом.
Сядет стая, и шум пойдёт —
Взмахи крыльев, весёлый крик!
Сразу озеро расцветёт,
Словно сказочный мир возник!
А кругом зелёный простор.
Детвора играет гурьбой...
И земля расстелила ковёр,
Будто празднуют люди той[1]!

Лето

Детворе интересно летом,
Это праздничная пора.
Попрощались со школой дети,

[1] Той — праздничный пир.

И гуляем с тобой с утра!
Были мы и в горах высоких,
Окунались в речной волне.
Небо — чистое, синеокое,
Солнце мирное светит мне!

Летом

Лежит в степи наш аул.
Отары ходят овец...
И овцевод мой брат,
И овцевод отец.
Родные мне говорят:
«Работы полно в степи,
Ведь будет много ягнят,
Их надо будет пасти».
Июнь, июль в этот год
Пасёт ягнят Айталы.
«Хороший он овцевод!» —
От взрослых слушаем мы.
Гордятся им все вокруг,
И я горжусь — оттого,
Что одноклассник он, друг.
Пример берите с него!

Осень

Жёлтые листья — осень, мы знаем...
И пожелтели поля.
Славится осень своим урожаем,
Дарит богатство земля.
Брат мой до ночи работает в поле,
Хлеб добывает трудом.
Осень зовёт нас в любимую школу
Громким звенящим звонком.

Осенью

Началась в огороде работа.
Ну а бабушка — наш «бригадир»!
То на вишню поставит кого-то,

Усмирив забияк и задир.
Кто-то яблоки с ней собирает.
— Вы, внучата мои, молодцы!
Рад я, бабушка мне поручает
Собирать для семьи огурцы.
И кипит под руками работа.
Алмагуль, например, груши рвёт.
Повкуснее собрать бы мне что-то,
Но бабуля заданье даёт!
А двухлетний Нурлан,
Чтоб везде было чисто,
Собирать нынче стал
Все опавшие листья!

Зима

А солнце с белым снегом
Весь день играло.
Но за сугробы село,
И ночь настала.
Мне бабушка читала
Такую сказку,
Что я не сплю, мечтаю
И жду развязки.
Так долго после сказки
Уснуть не мог,
Что утром спал я крепко —
Проспал урок!

Зимой

Люблю бежать по лыжне,
Хрустит сверкающий наст...
Сказали вечером мне:
— Соревнованье у нас!
Я с нетерпением ждал,
Когда же утро придёт.
И, наконец, день настал,
К лыжне подходит народ.
Волнуюсь я всё сильней,

Соперник быстр и силён,
Ведь с нами вместе — Копей,
Известный он чемпион!
«На старт!» — команда, и вот
Я мчусь, хоть очень устал.
Копей к победе идёт...
Но я его обогнал!
На этой трудной лыжне
Вторым сегодня стал он.
Кричат соклассники мне:
«Наш дорогой чемпион!»

ЛИДИЯ СТЕПАНОВА

УТРО

Солнце летом встаёт
Рано-рано,
Пробивает завесу
Тумана.
Ветер листья деревьев
Листает,
И в лесу
Постепенно светает.
И для солнца
Дорога открыта
От порога земли —
До зенита.

УМЫВАЛЬНИК

Не проснуться утром Боре.
Отыскал на ощупь стол,
Дверь, крыльцо —
Ну смех и горе!
Так вслепую и побрёл
К мойдодыру на заборе.
Хороша водица — бр-р!
Вот спасибо, мойдодыр!

ТРЯСОГУЗКИ

По тропинке
Самой узкой

Ходят важно
Трясогузки.
Кто придумал это имя?
Тот, кто сзади шёл за ними.
Если б спереди стоял,
Вертишейками б назвал.

ПО ГРИБЫ, ПО ЯГОДЫ

Огороды и сады
Надоели что-то.
По грибы, по ягоды
Нам сходить охота.
В путь пустились
Вшестером,
Кто с корзинкой,
Кто с ведром.
А досталось нам, ребята,
По черничинке на брата.

ИГРА

Оля с Верой — однолетки.
Хоть не сёстры, но соседки.
У подруг идёт с утра
В дочки-матери игра.
Вера — мама,
Сразу ясно:
Строгий взгляд
И голос властный.
Варит
Для дочурки Оли
Суп из лука и фасоли.
Вот и всё.
Готов обед.
— Дочка, где ты?

Дочки нет.
Голосок из-за плетня:
— Мама Вера!
Нет меня!

ЧЬИ ПЧЁЛЫ?

Я сказать вам не могу,
Чьи букашки на лугу.
Чья танцует здесь с утра
Над цветами мошкара.
Ну-ка, бабочки,
Скажите:
Вы кому принадлежите?
Чья улитка на межу
Выползает из бурьяна...

Я о пчёлах вам скажу:
Пчёлы — дедушки Романа.
Достаёт из ульев мёд —
Всех на чай к себе зовёт.

ПРЯТКИ

Это — холм.
На нём деревья.
За деревьями —
Деревня.
Холм к тому же с двух сторон
Речкой Узьминкой широкой,
С юга — лесом,
А с востока
Был оврагом окружён.

И в деревне жили-были,
Молоко парное пили

Оля, Саша и Артём.
А играть ходили дети
К дому Пальчикова Пети:
Самый первый к лесу дом.

И сегодня для начала
Оля Петю покричала,
И решила детвора,
Разговор закончив краткий,
Поиграть немного в прятки,
Как вчера-позавчера.

«Школа, школа, шоколад,
Я нашёл волшебный клад.
Догони меня, и там
Всё разделим пополам», —

Так Артём считал по кругу,
И в последний раз он руку
Приложил к своей груди.
И сказали хором дети:
«Ты остался — ты води».

Пете стало очень жалко
Самого себя.
«Считалка, —
Он сказал, —
Всегда за вас».
Голос стал у Пети грубый,
Опустились книзу губы,
Слёзы брызнули из глаз.
Но сказали тут и Саша,
И Артём, как самый старший,
Что водить, мол, каждый рад.
Те, кто в детстве часто водят,
Те и в армию приходят
К пограничникам в отряд.

Ну а Олечка украдкой
Прошептала:
«Видишь грядки?»
Петя буркнул:
«Ну и что ж?»
«Ну а то, — сказала Оля, —
Что я спрячусь в этом поле.
Ты легко меня найдёшь».

Петя сел на серый камень
И закрыл лицо руками
Крепко-крепко,
И тогда
Начались такие прятки:
Все ребята без оглядки
Разбежались кто куда.

Вот Артём залез в канаву.
Он травой укрыт на славу!
Саша спрятался за стог,
Но, решив, что ненадёжно
Спрятан,
Очень осторожно
Пробираться стал в лесок.

Оля, та, конечно, с ходу
Побежала к огороду
И в картофельной ботве
Притаилась.
Очень кстати,
Что она в зелёном платье,
Что лопух на голове...

Поморгав при ярком свете,
Переставший плакать Петя
Посмотрел на светлый луг,
И среди цветов прекрасных,

Жёлтых,
Синих,
Белых,
Красных,
Он увидел Сашу вдруг.

Тот от встрёпанного стога
В лес бежал.
Ещё б немного,
И, наверно б, он успел.
А вторым с крылечка дома
Петя высмотрел Артёма
И от радости запел:

«Мальчик Петя, всем известно,
Водит очень, очень честно:
Без подглядок из-под век.
И хотя он честно водит,
Но легко ребят находит.
Вот какой он человек!»

Так он пел
И по дорожке
Поскакал,
Куда? — к картошке.
Олю сразу увидал.
И хотя резвее был он,
Но до камня,
Где водил он,
Добежать ей первой дал.

День велик.
Ребята, вволю
Наигравшись, спали в поле,
Ели ягоды в саду
И с собачкой Колобашкой
Долго бегали в пятнашки
Да играли в чехарду.

А потом в деревню стадо
Принесло с полей
Прохладу.
Ночь пришла.
Ну что ж, пора!
За оврагом плачут выпи.
Молока парного выпив,
Спать ложится детвора.

АМАНТАЙ АХЕТОВ

НАУЧИЛСЯ Я СЧИТАТЬ

Научился я считать,
Пальцы стал перебирать
И тихонько повторять:
Раз,
Два,
Три,
Четыре,
Пять...
А теперь начнём опять.
Десять пальцев насчитал,
С непривычки так устал,
Что и кашу есть не стал.

С мамой в парк пошли гулять,
Стал деревья там считать:
Раз,
Два,
Три,
Четыре,
Пять...
Десять, двадцать, тридцать. Всё!
Я сюда приду ещё.
Мне совсем-совсем не лень,
Липы, клёны и сирень
Я готов считать весь день

Мама чистила горох,
Помогал я ей, как мог,
Начал с малого считать:
Раз,

Два,
Три,
Четыре,
Пять...
Досчитал до пятисот,
Сбился, снова начал счёт.
Только мама мне сказала:
Может, хватит для начала.

Уложила мама спать,
Стал я звёздочки считать,
А они давай моргать:
Раз,
Два,
Три,
Четыре,
Пять...
Ох, и трудно сосчитать.
Их, наверно, миллион.
Жаль, глаза так сводит сон.
Утром рано я проснусь
И опять считать возьмусь.

ЕДЕМ К БАБУШКЕ В СЕЛО

I

Нам с братом очень повезло,
Больше всех на свете.
Едем к бабушке в село,
Представьте, на всё лето.

Папа вещи нам собрал,
На такси зелёном
Он отвёз нас на вокзал
Прямо до вагона.

Сели с мамой мы в вагон,
Папа ручкой помахал.

И поплыл назад перрон,
И поплыл назад вокзал.

Позади от нас остались
Скверы, башни, светофоры,
В небе синем растворялись
Сахарные горы.

Вот исчез последний дом,
Переехал, что ли, вдруг.
Степь бескрайняя кругом,
А колёса стук да стук.

Что-то братец мой притих,
Что-то стало грустно.
Но принёс нам проводник
Чай превкусно-вкусный.

Тотчас мы повеселели,
Оживились за столом.
Значит, мы на самом деле
Едем к бабушке в село.

II

Ох, и чуден этот дом,
Всюду ставни с кружевами,
Палисадник весь кругом
Манит яркими цветами.

А над крышей, над трубой,
Флюгер парус надувает,
И угнаться за кормой
Облачко не успевает.

Он несётся будто в море,
То ль кораблик, то ли челн,
Разгулявшись на просторе
Среди белых пенных волн.

Вместе с братом мы решили
Моряками теперь стать,
Мы б моря все исходили,
Чтоб все страны повидать.

Только вот печаль и горе —
Где кораблики пускать?
Тот, кто хочет выйти в море,
Должен с детства начинать.

Но на радость, из окна
Речка быстрая видна.
Светлой змейкою петляет,
Будто в дали зазывает.

Отдохнём мы здесь на славу,
Вот где будем загорать.
Будем мы учиться плавать,
Прямо с бережка нырять.

III

Есть у бабушки петух,
Прекрасивый, важный.
У него отличный слух,
И душой отважный.

Не боится он кота,
По двору его гоняет.
Видно, значит, неспроста
Шпорами сверкает.

Он почти как мушкетёр,
Только что нарядный.
Но и кот у нас хитёр,
Он крадётся сзади.

Только он не проведёт
Белую хохлатку,

За цыплят она пойдёт,
Если надо, в схватку.

Бежит, опозорен,
Кот в свою обитель.
Кто цыпляток тронет
При такой защите?!

Ох, и дружная семья
Видно, у несушек.
Буду с братом дружен я,
Буду я послушен.

И, конечно, мы вдвоём
Будем всех сильнее.
Даже с тигром, как с котом,
Совладать сумеем.

IV

Кто в калитку к нам стучит
Белыми рогами?
Кто так жалобно мычит?
Догадайтесь сами.

Ну конечно же, она,
Марта наша бурая.
Только вижу из окна,
Что-то очень хмурая.

Мы, конечно, виноваты,
Не пошли её встречать.
Нам сегодня вместе с братом
Был запрет с утра гулять.

Он вчера упал в колодец,
Там холодная вода,
Но в такую-то погоду
Это вовсе не беда.

Брат просох. При чём же Марта?
Как бабуле не понять,
Я бы стадо вместо брата
Мог бы вечером встречать.

V

Мы сажали огород
И поили грядки.
Здесь морковочка взойдёт,
Будет сладкой-сладкой.

А редис уже взошёл,
Очень даже дружно.
Это очень хорошо,
И полоть не нужно.

Грядки чистые у нас,
Бабушка похвалит.
Брат придумал в самый раз
Пугало поставить.

И из старого тряпья
Как он постарался,
Если ночью даже я
Страх как испугался.

Держит пугало в руках
Старую метёлку,
Рваный ватник на плечах,
Вот уж сторож зоркий.

Ночью он совсем не спит,
Грядки охраняя.
И жестянками гремит,
Воробьёв пугая.

Будет нынче урожай,
Судя по погоде.

Только грядки поливай,
Не жалея воду.

VI

Всё было будто бы во сне,
Мы целый день в лесу бродили,
Видали белку на сосне
И так все ноги исходили.

Втыкали в муравейник прут
И кислый сок с него лизали.
А набредя на старый пруд,
Лягушкам хлебушек бросали.

Затем так захотелось пить,
А мама термос не взяла.
Палило солнце. Как же быть?
Неважные у нас дела.

Но за поваленной берёзой,
В тени густого тальника,
На блюдце чистое похоже,
Блестела чаша родника.

А из него ручей бежит,
В лесу, пожалуй, звонкий самый.
Мой братец вдруг как закричит:
«Беги скорее с нами, мама!»

Мы эту воду жадно пили,
Плескались, радостно смеясь.
В ручей ногами заходили,
Как будто в зеркало смотрясь.

С тех пор, поверьте, знаю я,
И убеждать меня не надо,
Что в жаркий полдень из ручья
Вода вкуснее лимонада.

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЧЕНКО

ОДУВАНЧИК

На полянке, у дорожки,
Поднялся на тонкой ножке —
Не подснежник,
Не тюльпанчик —
Золотистый одуванчик.
Одуванчик, одуванчик,
Что ты спрятал
В свой карманчик?
Поскорее белым стань,
Парашютики достань!

ЗЕБРЫ

Посмотрите-ка, ребятки,
Это что за чудеса?
Полосатые лошадки —
Так и блещет полоса!

Эй, художник, ты откуда
Срисовал такое чудо?
От ушей и до копыт
Конь в полоску — здрасьте!
У меня в глазах рябит
От таковской масти.

А художник нам в ответ:
— Я готов открыть секрет:
Лошадь зеброю зовут,
Зебры в Африке живут —

Полосатые вполне
По бокам и на спине!

ГРИБЫ

— Где растут грибы?
— В лесу.
— На деревьях?
— Нет, внизу:
На опушках,
На лужайках
Прорастают дружной
Стайкой.
Или — под листом,
Под кочкой
Прячутся поодиночке.

МЯЧИК

Скачет мячик — скок да скок,
Красный бок да синий бок.
Скачет мячик — прыг да прыг,
Он один гулять привык.
Нам навстречу по дорожке —
Не собака и не кошка —
Красный бок да синий бок,
Две полоски поперёк!

БАБА-ЯГА

Баба-яга —
Костяная нога —
В ступе летает,
Метлой погоняет —

Пугает, пугает,
Старается, —
Вдруг и вправду
Кто испугается?
Метлою машет,
По веткам скачет,
То вдруг запляшет,
То вдруг заплачет...
Никто её не боится —
Вот она и злится:
— Чу-у-у...
Налечу-у-у!..
И с собой прихвачу-у-у!..

ДЕД МОРОЗ

У Деда Мороза —
Подарков мешок
Для тех, кто споёт
Или вспомнит
Стишок.
Для тех, кто под ёлкой
Пройдёт хороводом.
Для тех, кто
Поздравит его
С Новым годом!

КЛОУН

Клоун с тросточкой в руке,
В шляпе, в рыжем парике —
Из ушей пускает пар,
Вместо носа носит шар...
И улыбкой до ушей
Забавляет малышей!

КОРАБЛИК

По́ морю, по мо́рю,
По крутым волнам
Плывёт, плывёт кораблик
К далёким берегам.
Капитан уверенно
Смотрит вдаль.
Но не видно берега,
Ах, как жаль!

ВОЗДУШНЫЙ ЗМЕЙ

Вот весёлая затея —
Запускает Мишка змея!

Змей летучий, змей бумажный
Прямо в небо взмыл отважно.

И подмигивает: «Ох,
А ведь я совсем не плох!»

АВТОМОБИЛЬ

На дорогах грязь и пыль —
Я сажусь в автомобиль.
А у меня в автомобиле
Нет ни грязи и ни пыли!
Еду, еду:
«Ду-у! Ду-у!»
Ждите, скоро буду!

Я МЕЧТАЮ

Если б был у меня
Во-о-от такой воздушный шар,

Я б на травке не лежал,
Я бы в небо не глядел,
Я б сначала побежал,
А потом бы — полетел!

ПЁС БАРБОСИК

Чёрный носик, рыжий хвостик.
Это кто там? — Пёс Барбосик!
Он лениться не умеет,
Хоть и маленький на вид, —
То бочок на солнце греет,
То на улицу глядит.
Он сейчас устал немножко —
В первый раз рычал на кошку!

ЛЕВ

У Льва в зоопарке
Огромная грива.
Зачем ему грива?
Чтоб было красиво!

Однажды к нему
Подойдёт Укротитель
И скажет: «Вы в цирке
Служить не хотите ль?»

ЖАРАСКАН АБДРАШЕВ

ЧОКАН

Если слово зайдёт о Чокане,
О величии древней земли —
Посмотри, как, снега отчеканя,
Алатау сверкает вдали.

Леденеют полночные грани,
Снег сияет на горной гряде,
Словно память о юном Чокане,
О его промелькнувшей звезде.

Кто же он?
Знаменитый потомок
Древней славы великих степей
Или гений,
Чей голос негромок,
Овладевший умами людей.

ХАДЖИМУКАН

Родился он
В краю степном.
Великой силой наделён,
Народным стал богатырём.

Его вскормил
Родной аул,
Взрастили гребни гор.
С ковра степей

Борец шагнул
На мировой ковёр.

Он у народа силу взял —
Борец Хаджимукан,
И потому великим стал
Для многих-многих стран.

АБАЙ

У разных народов
И разных племён
Немало достойных
И славных имён.

Но песня любая
И мудрость любая
Беднее
Без точного слова Абая.

Беднее слова
И обычаи наши,
А с песней Абая
И молодость краше,

И степи привольней,
И горы виднее...
Казахский язык
Без Абая — беднее.

Он — полная чаша,
Народная речь.
И слово Абая
Должны мы беречь.

Оно с колыбели
С тобою, малыш,

Как звуки свирели,
Как чуткий камыш.

АМАНГЕЛЬДЫ

За честь народа
В час беды
Поднялся первым он.
Занёс свой меч Амангельды
На шаткий царский трон.

Он распорол
Ночную тьму
Воинственным клинком.
Воздвигнут памятник ему
В Алма-Ате потом.

И станет
Знаменем батыр
Для смены молодой,
Что защитила
Вечный мир
В последней мировой...

ЧЕТЫРЕ ЖЕЛАНИЯ

Осеннее желание

Очень
Тихо в сентябре.
Снова осень
На дворе.

Что-то осень надоела —
Пыльных листьев кутерьма...
То ли дело, то ли дело
Долгожданная зима!

Первый снег спешу я встретить,
Дождь осенний тороплю.
Больше всех на белом свете
Зиму снежную люблю!

За седой
Пушистый иней,
А ещё
За воздух синий.

За мороз,
За Новый год,
За коньки,
За чистый лёд.

За глубокий снег на крышах,
За катание на лыжах.
За стрекочущих сорок,
За холодный блеск дорог...
Очень весело зимой —
Это лучший праздник мой.

Зимнее желание

Почему-то нынче очень
Долго длятся холода.
Были б зимы покороче,
Лучше было бы тогда.

Эх, быстрей бы
С зимних рек
Лёд сошёл,
Растаял снег!

Вновь бы
Всё затрепетало,
Расцвело бы снова всё,
Ласточка бы щебетала,
Строя гнёздышко своё.

Нас бы радовали маки,
Распуская лепестки,
И в глубокие овраги
Убежали б ручейки...

Весеннее желание

Да, прекрасно
Жить весною!
Светит солнце
Надо мною.

Голубые небеса
И зелёные леса.

Вновь повысохли дороги.
Расцвела вокруг сирень.
Не ходить бы на уроки
Рано утром каждый день!

Ни заданий,
Ни контрольных,
И диктанты не писать.
А на речке бы
Привольной
Летним воздухом дышать,
В тёплой речке рыбу удить.
Летом нас никто не будит.
А какие летом дыни
На бахче — не в магазине!

В дальний путь бы
Вновь пуститься,
Старый мяч
Весь день гонять.
Быть свободным,
Словно птица:
Бегать, плавать, загорать...

Эх, быстрей бы снова лето!
Сколько планов, сколько дел!
Сколько песен будет спето —
Год учебный надоел.

Летнее желание

Что-то скучно мне в ауле.
Даже курицы уснули.
Дремлет кот, дремлет пёс.
Кто бы весточку принёс...

Как там в городе у нас?
Хорошо бы снова в класс.
Хорошо бы в школу нашу —
Встретить Кима и Наташу.

Встретить Петю и Биделя.
Сколько ждать?
Ещё неделя?!

Хорошо бы снова осень!
Осень радость нам приносит.

НЕСИПБЕК АЙТУЛЫ

ДОБРОГО ПУТИ!

Провожая дедушку
С шумного вокзала:
— Доброго тебе пути! —
Бабушка сказала.
А когда дед бабушку
К внуку провожал:
— Доброго тебе пути! —
Тоже пожелал.

Чтобы было весело
И легко идти,
Всем на свете я желаю:
— Доброго пути!
Малышам и взрослым:
— Доброго пути!
Дождикам и росам:
— Доброго пути!

Каждому прохожему:
— Доброго пути!
Тропочке нехоженой:
— Доброго пути!
Морякам, пилотам:
— Доброго пути!
Быстрым самолётам:
— Доброго пути!
Солнцу в поднебесье:
— Доброго пути!
И хорошей песне:
— Доброго пути!

ГУСИ

Погляди:
то там, то тут
гуси
по воде плывут —
плавают, купаются,
чище стать стараются.

Эти гуси белые
по болотцу бегали,
рвали одуванчики,
прыгали,
как мячики.

Им теперь не тяжко ли?
Клювы перепачкали,
А чумазым птицам
До-о-олго
Нужно мыться.

Погляди:
то там, то тут
гуси
по воде плывут —
плавают, купаются,
чище стать стараются.

ПОДСНЕЖНИКИ

А весною,
лишь пройдут
дождики-насмешники,
на пригорках расцветут
первые подснежники.
Травы спят ещё пока,
а подснежник глупенький

светит,
светит с бугорка
огоньком голубеньким.
Хоть под ветром
он продрог,
всё же не сгибается.
Возвещает огонёк:
— Лето начинается!

МАМА

За день-деньской
так устала от дел,
но чуть сын заплакал —
он есть захотел, —
как мама усталая
вздрогнула чутко:
— Ешь на здоровье!
Кушай, малютка!

Сын успокоился,
ровно дыша,
но неспокойна
у мамы душа —
тронула мальчика
нежной рукой:
— Что-то твой лобик
горячий такой!
Кажется, лобик
слегка покраснел?
Может быть, милый,
ты заболел?

И добрая мама
всю ночь не спала,
покуда болезнь
совсем не ушла.

А утром,
лишь только
восток заалел,
мальчик заплакал —
он есть захотел.
И мама усталая
вздрогнула чутко:
— Ешь на здоровье!
Кушай, малютка!

ПЕСНЯ БАБОЧКИ

Крыло моё
как лепесток
и даже легче
лепестка.
Я так похожа
на цветок,
что, может быть,
я — дочь цветка.
Когда я
отдохнуть сажусь
над зыбким стебельком,
сама цветком я становлюсь —
малиновым цветком.

Хранят
в степи меня цветы,
густые травы —
на лугу,
в лесу
деревья и кусты
от рук недобрых
берегут.
Ведь хоть цветком я
становлюсь,
малиновым цветком,

мальчишку каждого боюсь,
что бегает
с сачком.
Ох, и глазастые они!
Куда
мне спрятаться от них?
Попробуй
сядь и отдохни —
тебя поймают
в тот же миг!
И я цветком
не обернусь,
малиновым цветком, —
мальчишку каждого
боюсь,
что бегает
с сачком.

САМОМУ ПРИЯТНО

Утро каждое встаю
я с программой чёткой:
сразу курточку
свою
чищу жёсткой
щёткой.
Наливаю воду я
и бельё стираю —
майка чистая моя
сохнет у сарая.
Наш утюг
пускай не спит —
я им брюки глажу:
марля сердится,
шипит —
интересно даже!
Моюсь —
сил не берегу,

даже с мылом
сам могу.
А когда умоюсь —
ровно ногти подстригу.
После в зеркало
смотрю
на работу
на свою
и тихонько говорю:
— Сам себя не узнаю.
Вот какие чудеса!
Я всего за полчаса
стал таким опрятным!
Самому приятно...

БАБУШКИНА КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, мой милый, баю-бай!
Что открыл глаза,
шалун?
Из степи коней табун,
слышишь,
гонит Малдыбай?
Баю, баю-бай...

Спи, мой милый, баю-бай!
Ведь уже
огромный воз
сена свежего
привёз
с поля братец Шалгыбай.
Баю, баю-бай...

Спи, мой милый, баю-бай!
Вот с подушкой
пуховой
над твоею головой

наклонился Жайлыбай.
Баю, баю-бай...

Спи, мой милый, баю-бай!
За далёкою рекой
охраняет твой покой
пограничник Сайлыбай.
Баю, баю-бай...

Спи, мой милый, баю-бай!
Принесёт
прозрачный мёд,
много масла
принесёт
нам с джайляу
Майлыбай.
Баю, баю-бай...

Спи, мой милый, баю-бай!
Я спою тебе, любя:
Всё,
Что нужно для тебя,
Подарил нам Барлыбай.
Баю, баю-бай...

Спи, мой милый, баю-бай!
Сладкий сон
Детишек ждёт.
Спи скорей!
Не то придёт,
Заморозит Снегобай!
Баю, баю-бай!..

МОИ БРАТЬЯ

На Севере
первый мой брат —
матрос мой любимый

Болат.
Сквозь льдины
корабль ведёт,
полярникам
грузы везёт.
Он сам за штурвалом
стоит.
Мой брат —
настоящий джигит.

На Дальнем Востоке —
второй.
Открою я
с гордостью вам:
мой брат —
настоящий герой,
он строит
сияющий БАМ!
Он там,
где работа кипит.
Мой брат —
Настоящий джигит.

А третий
любимый мой брат
теперь пограничник —
солдат.
В дозоре
и ночью и днём,
под ветром,
колючим дождём,
он наши границы
хранит.
Мой брат —
настоящий джигит.

Я письма
всем братьям пишу,

приехать быстрее
прошу.
А братья
мне шутят в ответ:
«Мы в отпуск приедем!
Привет!»
И сам на себя
Я сердит:
Как жаль,
Что пока не джигит!

СОЛНЫШКО

Солнце греет,
Греет,
греет...
День за днём.
За годом год.
И ни капли
не стареет,
и совсем
не устаёт.

У него такая сила!
Мимоходом
посветило —
и все слёзы
осушило!
Всем поможет,
всех согреет,
постучится
в каждый дом
и ничуть не постареет
солнце в небе голубом.

Молодеет наше солнце
от улыбок малышей.
Поглядите-ка —

смеётся!
Рот у солнца —
до ушей!

ТОЛАГАЙ-ГОРА

Горы —
верные подруги —
словно жмут
друг другу руки
в синей
звонкой тишине.
Лишь одна гора
в округе
примостилась
в стороне.

Одиночество — беда.
Как попала ты сюда?

«Говорят,
что в старину
был однажды
пышный пир.
И решил один батыр
гору бросить...
на луну!
Но, признаться
тут должны,
не докинул
до луны:
до луны —
далековато,
а гора —
тяжеловата».

И рассказ
умолк в устах.

Но я вдруг
подумал тут:
«В здешних
солнечных местах
люди крепкие живут!
Может, правда,
тот батыр,
легендарный богатырь,
в те далёкие года
гору зашвырнул сюда?»

ПЕСЕНКА ПРО РУЧЕЙ

Ручья прозрачная вода
журчит,
поёт всегда.
Дорога радостью полна —
и весела волна.

Какой ручеёк серебристый!
Быстрый,
прозрачный и чистый!

Куда,
зачем ручей спешит? —
никак я не пойму.
Среди снегов,
седых вершин
спокойней быть ему.

Какой ручеёк серебристый!
Быстрый,
прозрачный и чистый!

Но пробегают города —
мутнеет чистая вода:
от городов

несёт поток
и грязь,
и мусор, и песок.

А был ручеёк серебристым,
быстрым,
прозрачным и чистым...

Чтоб в мире всюду и всегда
была прозрачною вода,
чтоб слышать плеск волны —
беречь её должны!

Какой ручеёк серебристый,
быстрый,
прозрачный и чистый!

ЦВЕТЫ

Солнце светило
неделю подряд
и степь нарядило
в весёлый наряд.

Весна разбросала
цветов покрывала,
даже в низинах
сугробов не стало.

Пчёлы летают,
мёд собирают.

Тем,
кто цветы
не мнёт и не рвёт,
пчёлы подарят
целительный мёд.

ЯБЛОНЬКИ

Гуси
из солнечной дали
к озёрам своим
подлетали.
И видят они
на лету:
танцуют
под ветром в саду
яблоньки
в белых цветах,
как будто бы
в белых бантах.

Мороз,
что на горной вершине
от солнышка прятался в льдине,
на сад опуститься
хотел.
Но с высоты
разглядел:
под ветром
танцуют несмело
яблони
в бантиках белых,
и он деревца
пожалел.

Зашепчутся
яблоньки с нами,
и ты их слова
понимай:
деревья
руками-ветвями
приветствуют
солнечный май!

ЗАЩИЩАЯ ДОМ РОДНОЙ

В небо смотрит курица —
нет ли хищной птицы?
Кошка не на улице?
За цыплят боится.

Бородатые козлы
зорко
смотрят со скалы —
в облака
они глядят:
не летят ли где
орлы?
Так хранят
они козлят.

Птицы
гёзда защитят
от вороны,
от змеи.
Пусть себя
не пощадят,
но спасут
дома свои.

А родной страны солдат
охраняет сон ребят —
в зимний холод,
в летний зной
охраняет
их покой.

ОДИНОКИЙ ЖУРАВЛЬ

Он в прошлом году прилетал.
И нынче

опять на болоте
журавль этот,
сгорбившись, встал
и ждёт одиноко кого-то.
Мой дед мне негромко сказал
и тайну поведал такую:
— Он пару свою потерял,
да с той вот поры и тоскует.
Хоть дождик, хоть тучи,
хоть ветер —
болотце своё не найдёт.
Подругу надеется встретить,
затем и летит каждый год.
Он знает:
не будет удачи,
но, как деревянный корабль,
скрипит он —
всё плачет и плачет
в ночи одинокий журавль.

АЙНАШ И ИНЕШ

Кто Айнаш не знает,
прилежной ученицы?
Отлично вышивает
и вяжет рукавицы.

А над Инеш — смеются,
и как не посмеяться:
в руках —
все нитки рвутся,
иголки —
колют пальцы.

БАЙБОТА КОШЫМ-НОГАЙ

ДОМ

Я дом нарисую
Многоэтажный.
Конечно, он будет
Не очень бумажный,
Конечно, он будет
Не очень кирпичный.
Зато белостенный,
Зато симпатичный.
Из дома такого наверняка
Никто никогда
Не прогонит щенка.

Я, МАМА, СОЛНЦЕ И ЛУНА

Мама придумала мне имена:
Если я грустный — «Сын мой — луна!»;
Весело мне — говорит: «Мой сыночек,
Солнце моё, улыбнулся разочек!»

АРХЕОЛОГ

Сауран, Сыганак и Бестам —
Затаённое сердце пустыни.
Города под землёю застыли,
И безмолвия вьётся туман.

Спит несчётная рать городов,
Но жива человечества память,
Под тяжёлым наплывом песков
Как магнитом Отрар к себе тянет.

Брат мой глину сбивает совком,
Разрывает холмы и долины,
Необычною жаждой влеком —
Открывать города-исполины.

Чтоб однажды сквозь дымку веков
Разглядеть, почему крепость пала,
Он упорно трудиться готов,
Если надо — начнёт всё сначала.

МОЛОТОК

Вот карандаш. А вот листок.
Я нарисую молоток.
И молотком тебе, мой друг,
Прибью оторванный каблук.
Тук,
Тук,
Тук,
Тук,
Тук,
Тук,
Тук,
Тук!

ОТМЕТКИ

Не хотел Асет
учиться —
получил он
единицу!

Бек не выучил урока —
у него в тетради
двойка!

Бахыт нынче поленился —
только троечки
добился!

Не беру пример я с них —
на четыре
знаю стих.

Обещаю потрудиться,
чтоб с пятёркой
подружиться!

ОБРАТНАЯ СЧИТАЛКА

До десяти освоил счёт,
Попробую наоборот:
от десяти до одного —
там столько разного всего!

Вот **десять** пальцев,
девять чашек,
вот —
восемь мальчиков на пляже,
вот —
семь на небе ярких звёзд,
вот —
шесть игрушек
дед принёс,
вот —
пять щенков,
четыре птицы...
Ах, как бы мне не ошибиться!
Вот
три цветных карандаша...
Теперь считаю не спеша:
вот —
два на крыше воробья.
И сын
один у мамы —
я!

АЛЕКСАНДР ЗАГРИБЕЛЬНЫЙ

НА ВОДЕ И ПОД ВОДОЙ

Корабли и катера,
На просторы вам пора!
Ух ты! —
Яхты выплыли из бухты!
Распустили паруса
В расписные небеса.

По причалу чайки
Ходят, как хозяйки,
Над волной дельфины
Показали спины.
Юркие рыбёшки
Собирают крошки.

Под водой на глубине
Очень тихо, как во сне, —
Колыхаясь, проплыла
Камбала.

Ей навстречу скаты —
Блинчики хвостатые.
А вокруг моллюски
Большие и малюсенькие.

Ты откуда, барракуда,
Ты откуда и куда?
Мы ещё такого чуда
Не видали никогда!

По камням крадётся краб,
Краб удрать, конечно, рад,

Мы его не тронем,
Если и догоним.

С крабом, думали, подружимся,
Да куда-то скрылся он,
Но зато здесь есть медузы,
Осьминоги и планктон
И совсем не редки
Хрупкие креветки.

ВЕЧЕРОМ НА КРЫШЕ

Вечером на крыше
Стол накрыли мыши,
Съели без опаски
Сыра и колбаски
И зовут к себе кота —
Он был круглый сирота,
И слепой, и старый,
Но с большой гитарой.
— Ты сыграй нам, котик,
Будет сыт животик!

КОРОТЕНЬКИЙ РАССКАЗ ПРО ВЕЩИ И ПРО НАС

Есть у каждого ботинка
Язычок посерединке,
Но ботинки в ряд стоят —
Ничего не говорят.

У иголки есть ушко,
Но оно не слышит,
У бутылки — горлышко,
Но оно не дышит.

У стола четыре ножки —
Стол не ходит по дорожке,

У лопаты — ручка тоже,
Но копать сама не может.

А мои глаза и уши,
Две руки, язык послушный —
Неразлучные друзья,
Всё умею делать я!

КОГДА...

Когда сестре моей был год,
Она совала палец в рот.
Когда исполнилось ей два,
Сказала первые слова.
На третий год сестра Марина
Ходила с мамой в магазины,
Когда ей стукнуло четыре,
Нам тесно стало с ней в квартире.
Когда ей будет ровно пять,
Я расскажу о ней опять.

МУЛЬТФИЛЬМ

В телевизоре родник
Из-под камушка возник,

Спрыгнул вниз и наутёк
Через коврик за порог,

По ступенькам проскакал,
Дождик в луже полакал,

И бежит теперь река
Далеко издалека.

МАРШ ЗЕЛЁНОЙ ДРУЖИНЫ

Зеленеет огород,
Краше год от года, —

Это наш отряд идёт
Защищать природу!

Мы с деревьями дружны,
Не обидим кошки,
В этом мире нам нужны
И слоны, и мошки!

И мечтаем мы о том,
Чтобы утром рано
Расцвели в краю родном
Маки и тюльпаны!

ПЯТЬ ВЕСЁЛЫХ ОБЕЗЬЯНОК
(из английской поэзии)

Пять весёлых обезьянок
Развлекались очень мило.
На ветвях они сидели
И дразнили крокодила:
«Прыгнем выше, прыгнем ниже,
Чуть подальше, чуть поближе,
Хитрый дядя Крокодил
Не достал, не укусил!»

Пять весёлых обезьянок
Кувыркались взад-вперёд,
На хвостах висели длинных
И не ведали забот.
И смеялись и играли,
Громко весело кричали:
«Бедный дядя Крокодил
Ты от голода без сил!»

На глазах сверкают слёзы —
Лишь четыре средь листвы,
И от горя опустились
Вниз печальные хвосты.
Плачут громче, плачут тише,

Забрались как можно выше:
«Гадкий дядя Крокодил,
Взял и братца проглотил».

МАМА — ХУДОЖНИЦА

Наш малыш обеспокоен,
Он забрался к маме в кресло:
«Что ты делаешь такое
Очень интересное?»

За окном давно не лето,
А на мамином листке
Распускаются букеты
У ручья на бугорке!

Колокольчики, ромашки,
Васильки и ковыли...
Вон порхают в небе пташки,
В поле маки расцвели.

Вот спешит девчонка в гости
И, держа цветы в руке,
Переходит через мостик
Со щенком на поводке.

Не крючки, не ножницы —
Кисточки и краски:
Мамочка-художница —
Это просто сказка!

СЧИТАЛКА

Раз, два, три, четыре, пять —
Рака я решил поймать.
Шесть, семь, восемь, девять, десять —
Рак обратно в реку лезет:
Он за палец укусил,
И его я упустил.

БОЛАТ УСЕНБАЕВ

ЛУЧ НЕЗАВИСИМОСТИ

Казахстан священный мой,
Я — летящий за мечтой
Сокол, любящий свободу,
Я — гвардеец верный твой.

Поднял голову народ,
К цели выбранной идёт.
Как наш край преобразился,
Как цветёт из года в год!

Светлый мой, свободный край,
Дух народа укрепляй!
Над землёй парящий сокол —
Это вестник счастья, знай.

Государство есть, и с ним
Наша гордость — герб и гимн.
Кровь от счастья закипает,
Свято символы храним!

Чем ещё гордиться мне?
Солидарностью в стране,
Тем, что в небе флаг наш реет —
Независимый вполне.

Солнце утренним лучом
Осветит наш мирный дом, —
Независимым народом
В этом доме мы живём!

ОСНОВА СЛОВА

Отгородившись от плохого,
Ты за хорошим устремись.
Оценит жизнь поступок, слово —
Ты только доброго держись.

Забудь про лень и отговорки,
Основа разума-ума —
Пословицы и поговорки,
Что диктовала жизнь сама.

Они — родник ума и чести,
Сундук бесценных аксиом.
Я их учу — поучим вместе,
Я с их премудростью знаком.

Ведь нам их предки завещали
Для мудрости и доброты.
Они нас этим просвещали,
Коль был незряч — прозреешь ты.

К вершинам людям устремлённым
Они указывали путь.
Я был бы в жизни обделённым,
Когда б их отнял кто-нибудь.

Пословицы и поговорки
Научат каждого, как жить,–
Идти на горку, а не с горки,
С народной мудростью дружить.

УРОК ДЕДУШКИ

Жизнь без невзгод — не жизнь.
Крепче за жизнь держись.
Тот, кто упал и встал,
Тот человеком стал.

ЗА ЧТО ЛУПЯТ КОВЁР

Кто в размашку, кто в наклон,
Кто в надежде выбить стон, —
Разве это справедливо? —
Бьют ковёр со всех сторон!

Видно, очень виноват —
Проучить его хотят,
Был он бит и будет битым —
Значит, он с поличным взят.

Бьют азартно по бокам,
Дышат пылью в такт шлепкам.
Для чего — сначала купят,
А потом так дружно лупят?

Канайбек наш удивлён:
«Бьют ковер... Виновен он?»
И Курал ему ответил,
Был, как видно, просвещён:

— Что тут много говорить,
Есть беднягу в чём винить —
Если б он не знался с пылью,
Кто бы стал его лупить?

ЖЕЛАНИЕ

Подобным горной воде —
Звонкой и чистой, —
Джигитом быть я хочу,
Сыном Отчизны.

ОЛЬГА ГРИГОРЬЕВА

У МЕНЯ РОДИЛСЯ БРАТ

У меня родился брат!
Я ему, конечно, рад.
Я принёс ему в кроватку
Самосвал и автомат.
Пусть играет, мне не жалко.
Буду я его любить.
Подарю свою скакалку
И медведя... может быть.
Только он всё спит да спит,
На игрушки не глядит.
Тут пришла из кухни мама
И с испугом говорит:
«Что наделал ты, Данилка!
Убери скорей машинку,
Вот начнёт малыш вставать,
Будешь с ним тогда играть...»
Сел я с мишкой на тахту.
Пусть растёт. Я подожду.

ПЕРВЫЙ ЛИСТОК

Сейчас расскажу вам
О первых листочках.
Они притаились
В берёзовых почках.
Попрятались, хитрые,
Лучше меня!
Сидят, дожидаются
Тёплого дня.

Лишь солнце пригреет,
Как первый листок
Из почки набухшей
На веточку — скок!
Расправится важно —
Глядите, каков?
Я самый отважный
Из первых листков!
Потом своим братьям
Прикажет: пора,
Весна, просыпайтесь!
И завтра с утра
Наденет берёзка
Зелёный платок.
— Расти поскорее,
Мой первый листок!

КАК Я ПОЛИВАЛ ЦВЕТЫ

Я решил полить цветы,
Я налил в ведро воды.
Пейте воду, вьюны,
Да растите зелены.
Цветите, как в сказке,
Анютины глазки.
Вырастай хорошим,
Душистый горошек!
Лил на каждый я цветок,
Не жалея силы,
Чтоб и маленький росток
Стал большим, красивым.
Ноготки поднялись в ряд,
Не балкон, а просто сад!
Я принёс ещё ведро,
А потом ещё одно...
Фу, устал! Смотрю в окно.
Что такое? Не понять...

Маленький Алёша
Вышел с бабушкой гулять
В куртке и калошах.
Нет ни ветра, ни дождя,
Солнце припекает —
Дед, из дома выходя,
Зонтик открывает.
Ах, я понял отчего!
Я ж хотел, как лучше...
Но с балкона моего
Льётся, как из тучи.

КОРАБЛИК

Полосатая рубашка
Называется тельняшка.
Мне её купила мама,
Значит, буду моряком!
Быстро я надел тельняшку
И ремень матросский, с пряжкой,
Взял любимый свой кораблик
И на улицу — бегом!
Показал я всем обновку
И сказал: «Послушай, Вовка,
А давай в Иртыш отпустим
Мой кораблик голубой».
Мы к реке спустились быстро,
На воде — от солнца искры,
Ты плыви, плыви, кораблик,
Голубой кораблик мой!
Будь надёжен, будь отважен,
Никакой нам шторм не страшен!
И не бойся, если даже
Попадёшь ты в океан.
Пусть акула за кормою,
Помни — я плыву с тобою,
Я всегда плыву с тобою,
Твой Данилка-капитан!

НЕРАЗЛУЧНЫЕ ДРУЗЬЯ

У меня есть друг Алмас.
Не разлить водою нас!
Целый день вчера вдвоём
Мы гуляли под дождём.
Дождик лил, хлестал, мочил,
Только нас не разлучил!

СЛУЧАЙ В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

День рождения у Кости.
Нынче брату десять лет.
Принесли подарки гости,
И чего тут только нет!
Торт, конфеты и печенье,
Клюшка, танк и крокодил...
Микроскоп на день рожденья
Папа Косте подарил.
Брат от радости сияет,
Он подаркам очень рад.
Больше с Пашей не играет —
Изучает всё подряд:
Крошку хлеба и конфетку,
Белый сахар, красный сок,
И картошку, и котлетку,
И пирожного кусок...
Павлик долго обижался,
Тихо рядышком сидел,
А потом не удержался
И всё разом быстро съел!
С той поры сердитый брат
Прячет каждый препарат.
И для пользы всех наук
Изучает соль и лук.

ЕВГЕНИЙ ТИТАЕВ

СМЕШИНКА

Прозрачней дождинки
И легче снежинки
Летает по белому свету смешинка.
Ой-ёй, посмотрите скорее на Ленку!
Упала она и ушибла коленку,
Насупила брови и смотрит сурово —
Она уже всхлипнула, честное слово!
Прозрачней дождинки
И легче снежинки
На помощь спешит удалая смешинка.
Как вдруг захохочет, как прыснет девчонка!
А смех у неё удивительно звонкий.
Забыта коленка, подсохли слезинки.
Давайте же скажем «спасибо» смешинке.

НЕУДАЧНАЯ РОЛЬ

Зачем в театре школьном
Сыграл Бабу-ягу?!
С тех пор пройти спокойно
И шагу не могу.

Увидят первоклашки
И с визгом — кто куда.
Зато Семёнов Яшка —
Герой, как никогда.

Он — Богатырь на сцене,
Он поражал врага.

А мне на перемене
Орёт: «Баба-яга!»

И мучусь я обидой,
И делаюсь больной,
Когда Царевна Лида
Смеётся надо мной.

Семёнов Яшка с нею
Уходит на каток.
А это я Кощея
Перехитрить помог.

«Не придавай значенья», —
Сказал мне друг Максим.
Но Яшка, к сожаленью,
Уже невыносим.

Он машет кулаками,
Грозней день ото дня.
Он бросил в лужу камень,
А брызги все — в меня.

Я вытер грязь рукою
И очень пожалел,
Что, будучи Ягою,
Семёнова не съел.

ЛЮБОПЫТНЫЙ

Мамочка, скажи мне по секрету —
В детстве ты любила есть конфеты?
И частенько бабушка, бывало,
От тебя на ключ их запирала?
А когда наш папа был мальчишкой,
Он любил смотреть картинки в книжках?
И ещё вопрос, последний самый,

Ты ответь, пожалуйста, мне, мама —
Когда вся земля была ребёнком,
Солнце её кутало в пелёнки?

ДВА ДРУГА И ОДНА МОРКОВКА

Жеребёночек, жеребёнок,
Непоседливые копытца!
Ты ребёнок, и я ребёнок,
Хорошо бы нам подружиться!

Твоя мама пасётся рядом,
В юрте мама моя хлопочет.
Они обе, конечно, рады
Нашей дружбе, и даже очень.

Я весёлый, проворный, ловкий.
Ты — резвун озорной, игривый.
Вот тебе от меня морковка.
Дай погладить себя по гриве.

Дай погладить себя по спинке,
Потрепать по атласной шее,
Чтоб шальную смахнуть пушинку.
Знаешь что — подрастай скорее!

И на празднике нам с тобою
Не найдётся соперник равный.
Перед всей аламан-байгою
Пронесёмся легко и славно.

Пусть увидят сквозь пыль джигиты,
Как сверкают твои подковки.
Станем мы тогда знамениты.
А пока — доедай морковку.

КАЙРАТ ЖАНАБАЕВ

ДОМБРА

Этот вечный, древний отзвук
Славной родины моей,
Это солнце, этот воздух,
Табуны — краса степей!
Эти речки золотые,
Солнцем льющиеся с гор,
Эти ливни грозовые,
Синий, ласковый простор!
Под домбры напев весенний
Вспомню краски первых дней —
Эти теплые мгновенья
Милой родины моей!

КАЗАХСКИЕ ИМЕНА

— Помнить мы всегда должны
Про историю страны!

— Меня зовут Бауржан!
— А меня зовут Магжан!
— Моё имя Аблайхан!
— А моё — Хаджимукан![1]

— Через эти имена
В мире славится страна!

[1] Бауржан Момышулы — Герой Советского Союза. Магжан Жумабаев — великий казахский поэт. Аблайхан — выдающийся полководец и государственный деятель, казахский хан. Хаджимукан — всемирно известный казахский борец.

СОЛОВЕЙ

Соловей, соловей,
Прилетай к нам поскорей!
Серым крылышком,
Звонким горлышком
Позови весну скорей!
Позови весну скорей!
Вместе с солнышком...

ЖЕРЕБЁНОК

Златогривый жеребёнок
Скачет по горам.
Ножки тонки,
Голос звонкий,
Быстр, как ураган!
То любуется собою
В синем роднике,
То поднимет хвост трубою,
Скачет вдалеке!
Вот примчался, осторожный,
Пыль взметнув вокруг...
Счастлив будь, о мой хороший,
Тонконогий друг.

ДОЖДИК

Дождик, дождик,
Что ты льёшь?
Поиграть нам не даёшь?
Ты не дождик — целый дождь! —
Что ж ты льёшь,
и льёшь,
и льёшь?
Дождик,

Дождик, перестань.
Улетай на юг, в Казань!
Улетай, улетай,
За моря и за Китай!

ВЕТЕРОК И УРЮК

Ветерок качал урюк,
А урюк держался.
Ветерок умчался вдаль,
А урюк остался!

ДЯТЕЛ

Дятел, дятел: тук-тук-тук!
Покажи нам свой сюртук.
Почему молчишь,
По деревьям не стучишь?

ВОРОБЕЙ И СВЕРЧОК

Хвастал прыткий воробей:
«Я — скакун, краса степей».
Говорит ему сверчок:
«У тебя лишь пара ног!»

МУРАВЕЙ

Муравьиная семья
Уважает муравья:
Меж травинок и ветвей
Юрту строит муравей.
Чтобы дождь не промочил —
Сверху листья постелил!

Раз трудился муравей
Восемь дней и семь ночей,
Вот за это уважает,
Вот за это почитает,
Почитает муравья
Муравьиная семья!

СКВОРЕЦ И СКВОРЧОНОК

Раз плаксивому скворчонку
Говорил отец-скворец:
«Что ты плачешь, как девчонка, —
Будь батыром, наконец!»

КОМАРИК

Прилетел во тьме комарик
И звенит, звенит, чудак!
Может, потерял фонарик —
Не найдёт его никак?
Или, может, есть он хочет?
Или холодно ему?
Он звенит, звенит все ночи,
Я бедняжку не пойму.
Я включил светильник — щёлк!
Где комарик? Он — замолк!

СТРЕКОЗА

Вертолётик-стрекоза
На камыш присела.
Светло-синими глазами
Лужу оглядела.
Повернула так и так
Круглую головку

И опять, зарокотав,
Ввысь взлетела ловко.

У ЛЯГУШКИ СОН ПРОПАЛ

У лягушки сон пропал —
В гости сом её позвал:
«После часу иль в обед
Приходите на обед!»
Говорит сому она:
«Я, к несчастью,
Так больна!
Я устала очень —
Не спала три ночи!»
В самом деле — было так:
Сом, конечно, не простак!
Из лягушки на обед
Он хотел поесть котлет!

КЛЕЙ И СКОТЧ

По столу гуляет клей:
«Всех сильней я, всех важней!
Даже, если захочу, —
Муху с неба прихвачу!»
Отвечает, лёжа, скотч:
«Хвастать так любой не прочь!
Был бы ты чуть-чуть умней,
Ты бы вёл себя скромней!»

ОСЁЛ И ГУСЬ

Гуся спрашивал осёл:
«Ты чего шипишь? Ты — зол?»
«Если б, друг мой, был я зол,
Ты б ко мне не подошёл!»

ОДУВАНЧИКИ

Парашютики с небес
Опускаются на лес.
Летние снежинки —
Белые пушинки:
Одуванчиков народ
Ветер снова в высь несёт!

СКРОМНЫЙ МЕЛ

На подставке мел лежит,
Скромный, незаметный.
Про себя он говорит:
«Где ж мой час заветный?
Скоро зазвенит звонок —
Все меня заметят.
Скажут все, что я помог
Выучиться детям!

СОЛНЕЧНЫЕ ЗАЙЧИКИ

Задрожали на окне,
Побежали по стене
Солнечные, быстрые
Зайчики лучистые!

ЛЕБЕДИ ЛЕТЯТ!

Это что за чудеса?
Зазвенели небеса!
Голубые небеса
Звонко, весело звенят —
Это лебеди летят,
Это лебеди летят!

ФИЛИН

Филин, только снег пошёл,
Шубку толстую
Нашёл.
Зима бела,
Шубка мала!

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ

Альди, Альди, сокол мой…

Альди-альди, сокол мой,
Спи, мой мальчик золотой,
Дай, укутаю тебя,
Под Полярною звездой!

Среди звёзд бредёт кошкар[1],
С гор спускается архар,
Звонко ножками стучит,
Ярко рожками блестит,.
Спи, ягнёнок нежный мой,
Спи, мой месяц золотой!

Лишь немножко подрастёшь,
В руку сокола возьмёшь,
Загарцуешь над горой,
Чтоб гордилась я тобой:
Моё солнце, мой герой,
Баю-баю, спи, родной!

Баю-баю, спи, малыш…

Баю-баю, спи, малыш,
Спят озёра, спит камыш,
Горы спят, и тучки спят,

[1] Кошкар — сильный, могучий баран, предводитель стада.

Только звёздочки горят.
Светик мой, и ты усни,
Месяц мой, и ты усни,
Сокол мой, и ты усни,
Беркут мой, и ты усни!
Спи, мой месяц золотой,
Под высокою звездой!

Выйдет солнце из-за туч,
Станет мой сынок могуч.
Будет нужным для людей
И для Родины своей!
Баю-баюшки-баю!
Баю-баюшки баю!

Сядет сын мой на коня,
Весь из солнца и огня,
В одеянье золотом —
Всё чудесно будет в нём!
Силой, духом и умом,
И наукой, и трудом
Он прославит отчий дом —
Всё чудесно будет в нём!
Будет мать его горда,
Как высокая звезда!
А пока ему пою:
Баю-баюшки, баю!

ПЛЫВУТ ОБЛАКА НАД МОЕЙ ГОЛОВОЙ...

Рассказы

МУХАМЕДЖАН ЕТЕКБАЕВ

ОСТРЫЙ КОГОТЬ

По ущелью ехали двое верховых — табунщик Туткабай и его сын Сапар. Сапар учился в четвёртом классе и приехал в горы к родителям на весенние каникулы. Кончался март.

Узкое ущелье было завалено камнепадом. Лошади осторожно ступали по тропе, то и дело ударяясь о камни копытами. Верховые спустились вниз.

— Погляди-ка, папа! — окликнул Сапар и указал сложенной вдвое плёткой на гору, с которой шумно сбегал ручей.

На обрывистой скале висела огромная ледяная шапка. Поток воды, видно, уже давно подтачивал её и почти совсем изрешетил.

— Давай немного подождём, посмотрим, как сосулька будет падать, — попросил Сапар.

В этот момент сверху что-то мягко шлёпнулось на тропу. Лошади испуганно отпрянули.

Путники изумлённо глянули вверх. Оттуда, с вершины голубой скалы, падали ещё два клубка. По воздуху летали птичьи перья. Мальчик соскочил с коня и поднял с земли один клубок. Чего тут только не было: пух, перья, какая-то шерсть, тряпьё.

— Так это, наверное, беркуты гнёзда чистят, — проговорил Туткабай и показал вверх. — Видишь каменный козырёк над голубой скалой? Там, значит, гнездо с птенцом.

— Давай поднимемся и посмотрим на орлиное гнездо и на орлёнка, — стал уговаривать отца Сапар.

— Ну ладно, — согласился Туткабай. — Только коней оставим здесь. Туда ведь, — он указал рукой на вершину горы, с которой хорошо просматривалось орлиное гнездо, — верхом не забраться.

И вот отец с сыном, привязав коней в ущелье, поднялись по крутому склону. Отсюда гнездо беркутов было как на ладони. Расположившись на камнях поудобнее, они стали по очереди смотреть в бинокль.

— Ну и мастерски сделано! — восхитился Туткабай, любуясь работой беркутов. — В таком гнезде птенец будет хорошо расти.

— У-у, какие толстые сучья они натаскали! — удивлялся Сапар. — А я однажды видел гнездо жаворонка — круглое, как чашка, и лежит прямо на земле, в небольшой ямке под кустом. А свито было из сухой травы. Птенчику там мягко: на дне гнезда пёрышки да травка нежная.

— Э-э, сынок, жаворонок — птица мелкая, не чета беркутам. А среди орлов есть настоящие великаны. Крылья у них могучие, лапы крепкие. А острые когти будто стальные кинжалы. Разве травяная подстилка выдержит их тяжесть? Вот и строят они своё гнездо таким большим и крепким.

Туткабай снова передал бинокль сыну.

— Вот это гнёздышко! — восхищённо воскликнул мальчик. — Даже если мы с тобой, отец, заберёмся в него, оно не развалится. Но только беркуты, наверное, специально устраивают свой дом на таких обрывистых скалах, чтобы никто туда не лазал.

...В гнезде сидела Музбалак[1]. В бинокль Сапар увидел, как из-под беркута то с одной, то с другой стороны высовывается маленький клювик. Наконец и сам орлёнок вылез. Похлопал крылышками, поднялся, сделал несколько шагов и снова лёг. Непоседливый малыш подобрался к самому краю гнезда. Он был пёстрым — крылья чёрные, а грудь, голова и шея белые — и очень подвижным. Ему никак не сиделось на одном месте, и орлёнок то и дело разевал рот. Музбалак давно уже заметила людей и не сводила с них глаз, сердито распуская крылья и угрожающе шипя.

— Не бойся нас, горный орёл! Мы не тронем тебя! — прокричал Туткабай.

Его слова эхом отозвались в горах. Орлица неистово закричала, засуетилась. Перья на её шее вздыбились: она старалась закрыть своё дитя от людей.

В этот момент в гнездо влетел Ак-иык[2]. Он сразу понял, чем подруга так обеспокоена.

---

[1] Ледяное Перо. Имеется в виду то, что беркут поднимается на большую высоту, где даже обледеневают крылья.

[2] Акик — Белоплечий.

— Не бойся, Музбалак, я знаю этих людей, — сказал он супруге. — Это пастухи, они зимовали в горах и не причинят нам вреда. — И, чтобы окончательно успокоить орлицу, Ак-иык подлетел к людям и уселся на огромном камне рядом с ними.

— Зачем вы выбросили из гнезда сухую траву и ветошь? — спросил Сапар у беркута.

— Наш птенец уже подрос и достаточно окреп. А у нас, орлов, есть такое правило. Когда орлёнок окрепнет, мы устраиваем чистку гнезда и выбрасываем всё, чем выстилали его дно.

— Но зачем же? — удивлённо спросил Сапар.

— Если мы не сделаем этого, птенец ещё долго будет нежиться на мягком. А ведь каждый хочет, чтобы его наследник рос сильным и здоровым.

— Конечно. Кто ж пожелает, чтоб его сын вырос робким и слабым? — вставил Туткабай.

А Ак-иык продолжал:

— На жёстком лежать не так уж приятно, поэтому волей-неволей птенец встаёт, начинает больше ходить, а значит, и ноги его окрепнут. Он непременно вырастет сильным.

* * *

Была середина июля. В полдень полил дождь, перешедший позже в град. Белые, круглые градины падали на голые скалы и, подскакивая, звенели.

— Как некстати испортилась погода! — ворчала Музбалак, посматривая на небо. — Мы ведь собирались сегодня полетать.

— Подумаешь, дождь! Я совсем не боюсь! — хвастливо пропищал Найзатуяк[1] и взмахнул крыльями.

— Не торопись сынок! В дождь летать нельзя, — ласково сказал Ак-иык. — Потерпи, он скоро окончится.

— А почему нельзя?

— Ты ещё совсем юн. Твои крылья не окрепли. Перья тоже пока ещё слабые, нежные. Стоит им намокнуть, как всё тело отяжелеет и ты камнем упадёшь вниз.

— Но вы же летаете в дождь, — обиженно пискнул Найзатуяк.

[1] Найзатуяк — Острый Коготь.

— У взрослых орлов крылья покрыты жёсткими перьями. Они не намокают, — ответил сыну Ак-иык. — Скоро прояснится, подожди немного.

— Но мне так хотелось сегодня полетать! — снова заканючил Найзатуяк. — Откуда ты знаешь, что скоро прояснится!

— Видишь, сынок, на западе небо уже освободилось от туч.

Найзатуяк с интересом наблюдал, как ширится голубая полоска чистого неба.

— Вот дождь и затихает, — вступила в разговор Музбалак. — И ветер подул.

Вскоре совсем прояснилось. Ветер разогнал последние тучи. Засияло солнце. Стало светло и весело.

— Вот теперь мы можем полетать. За мной! — призывно заклекотал Ак-иык и взмыл в небо.

Музбалак последовала за ним, подбадривая сына. Найзатуяк давно уже был готов к полёту. Взмахнув крыльями, орлёнок отчаянно выпрыгнул из гнезда. Сначала он испугался, что упадёт. Но крылья держали его, и с каждым взмахом он чувствовал себя увереннее. Стараясь изо всех сил, Найзатуяк скоро догнал родителей, которые летели над долиной большой горной реки. Ак-иык, приблизившись к нему, громко крикнул:

— Не бойся! Орлам не подобает быть трусами!

Музбалак тоже летела неподалёку от орлёнка.

— Старайся подниматься выше и выше! — нежно говорила она сыну.

Родная голубая скала, ущелье, горные вершины остались позади. Найзатуяк устал. С каждой минутой крылья всё хуже держали его. Он начал постепенно снижаться.

— Я устал! Еле держусь в воздухе! — пожаловался орлёнок.

— Терпи! — приказала Музбалак.

— Если с малых лет будешь терпеливым, вырастешь сильным и могучим! — крикнул сверху Ак-иык.

Найзатуяк старался как мог, но совсем выдохся. Когда перелетали большую гору, он пропищал слабым и хриплым голосом:

— Не могу больше! — и снова стал снижаться.

В это время его догнал Ак-иык и, подхватив орлёнка на своих крыльях, стал подниматься всё выше и выше. Здесь, под самым солнцем, он отпустил сына. Найзатуяк, пролетев немного, опять

начал спускаться. И тогда его подняла на крыльях Музбалак. Так, по очереди, орлы ещё долго поднимали уставшего орлёнка ввысь и неожиданно отпускали. Найзатуяк окончательно выбился из сил и готов был камнем упасть на землю.

— На сегодня хватит! — сказал наконец Ак-иык. И беркуты плавно спустились к речке.

Так закончился первый полёт Найзатуяка, птенца, из которого вырастет большой и сильный орёл. Был сделан первый шаг в долгую, интересную жизнь.

ТУРДАКЫН ЖЕКСЕНБАЙ

КАРАШЕГИР

I

Это было в начале ранней зимы, но земля всё ещё оставалась голой. Первый снег повалил в сумерках, нападал по щиколотку и к утру прекратился.

Беркутчи Сеит, в ожидании охоты по первому снегу, уже готовил своего беркута по кличке Карашегир. Сегодня, после крика красного петуха: «На-сту-пи-ло ут-ро!», он вскочил с постели и вышел на улицу. Погода стояла ясная. Не ощущалось даже дуновенья лёгкого ветерка.

Он зашёл на кухню, поставил чай и принялся будить сына — пятиклассника Серика:

— Секетай, Секетай! Вставай, сынок. Сегодня предстоит настоящая охота — сонар. Съездим вдвоём на сопку Кызыла.

Мальчишке давно уже нравились такие занятия, поэтому он, торопливо встав с постели, посмотрел в окно. Вокруг всё было белым-бело.

Напившись чая, отец и сын до восхода солнца отправились на охоту. Сеит ехал на рыжем иноходце, отличавшемся летящей поступью. На правой руке охотника, на чёрной кожаной перчатке, опираясь на балдак, восседал чёрный беркут с томагой на голове. Томага — это кожаная шапочка, закрывающая глаза птице, чтобы она не возбудилась раньше времени. Серик, сидя на серой двухлетке, держал камчу, к его седлу были приторочены свёрнутый суконный мешок и приманка из лисьего хвоста на тонкой тесёмке.

Ехали они быстро. И, когда солнце показалось на отрогах гор, уже достигли возвышенности Кызыла у подножья Бугыты. Сеит заметил свежий след, остановился и прошептал Серику, указывая кивком головы:

— Сынок, это след крупной лисы, величиной с волка. Она направилась к востоку. Прошла только недавно. Она или где-то

спряталась, или движется в горы. Ты иди по следу. А я буду ждать на той возвышенности.

Сеит повернул коня в сторону сопки. Сын в обход возвышенности пошёл по следу.

Беркутчи поспешил взобраться на возвышенность. Он придержал коня и окинул взглядом лежащую перед ним лощину. Ничего похожего на зверя там не было. «Ну, Карашегир, ты более зорок, чем я, теперь ты посмотри», — с этими словами он снял с беркута томагу и заслонил его глаза ладонью. Если зверь близок, то беркут будет смотреть из-под ладони хозяина, а если находится далеко, то — над ладонью. Но птица не подавала никаких знаков.

Серик ехал по низу лощины, вдоль русла, изрезанного водой. Камчой, сложенной надвое, он то глухо постукивал по подолу своего тулупа, то звонко стучал по головке седла. Но никто не реагировал на эти звуки. На одном месте пришлось повернуть по следу.

Сеит, видевший это, заключил: «Значит, лиса ушла в ту лощину». Надев на беркута томагу, он стал подниматься на сопку, заслоняющую лощину. Торопясь скорей добраться до места, быстро поскакал наверх, понукая запыхавшегося коня.

Видимо, лисица почуяла погоню. Поднимаясь по лощине, она уже приблизилась к горным кряжам. Взяв направление к густым кустарникам и камням, она бежала изо всех сил, полыхая алым пламенем на белом снегу.

Несмотря на то что лиса уже находилась высоко, Сеит, уверенный в беркуте, снял томагу. Птица сразу заметила зверя и, крикнув «пыс», взмыла вверх. Но не сразу кинулась на лису, а ринулась в вышину.

Беркутчи, подзадоривая птицу и пугая лису, кричал: «А, е-ей! А, е-ей!»

Беркут набрал высоту, повис на миг в вышине, прямо над лисой, а затем стал камнем падать вниз!

Хитрая лиса, резко остановившись, подняла хвост трубой и, вскинув морду, чтобы напугать птицу, защёлкала зубами.

Орёл, знающий, что лиса может его перехитрить, вначале на лету резко повалил её и вцепился когтями в брюхо. Когда лисица с резким лаем захотела его укусить, птица второй лапой вцепилась ей в голову. Вот так, после молниеносной атаки, чёрный орёл взял в когти огненного зверя!

Со словами: «О Боже, поддержи!» прискакал беркутчи. Он оставил коня поодаль и приблизился к сцепившимся птице и зверю. Беркут, откинувшись назад, опирался на хвост и два крыла и с силой прижимал жертву к земле. Он всё ещё был разъярён, перья на его голове и шее стояли дыбом. А глаза его горели красным огнём. Он зло посматривал на лису, которую держал в когтях. Лиса не шевелилась, должно быть, погибла.

Сеит, осторожно ступая, медленно приблизился к своему питомцу. «Ой, айналайн, мой чёрный батыр! Молодец! Успокойся. Победа за тобой!» — ласково приговаривал он и гладил птицу по голове, спине. Он извлёк из мешочка для корма баранью голень и сказал: «На, мой малыш, на». Затем потянул птицу за ножную тесёмку, приглашая поесть мяса. Беркут той лапой, которой ухватил лису за туловище, наступил на голень, лежащую на перчатке хозяина, а другую тяжело высвободил из головы зверя.

Тут беркутчи испугался. «Какая жалость! Бедная птица пострадала!» Он едва не плакал. Его недавнюю радость как рукой сняло, а горечь охватила всё его существо.

Бедный Карашегир стал калекой! Лисица оказалась опытным, бывалым самцом. Когда беркут одной лапой захватил её голову, то отставленный коготь Карашегира попал в пасть зверю и он откусил палец птицы у самого основания! Из раны обильно сочилась кровь.

Беркутчи запричитал: «Бедная моя птица! Что же делать? Что предпринять?» С этими словами он надел на беркута томагу. Он зажал птицу коленями, ступнями придержал верёвку, за которую привязал неповреждённую лапу беркута. А рану перевязал своим разорванным надвое носовым платком.

В это время подоспел радостный Серик. Он тоже, увидев перевязанную ногу Беркута и хмурое лицо отца, расстроился:

— Коке[1], что случилось с Карашегиром?!

— Его большой и сильный палец откусила лиса.

— Ой-бой, какая жалость! А это заживёт?

— Заживёт-то заживёт, только того пальца уже нет, она его откусила напрочь. Остался только обрубок.

— Что теперь делать, коке?

[1] Коке — отец.

— Что делать? Будем лечить рану. Сейчас вернёмся домой. Принеси притороченный к седлу мешок и верёвку от приманки. Сам он не выдержит, если посадить его на руку... Надо его завернуть в мешок и везти, положив впереди себя на седло.

Мальчик принёс мешок и верёвку от приманки.

Отец, завернув беркута в мешок, сверху перевязал тонкой верёвкой. Схватил лису за загривок и отряхнул от снега:

— Крупная, с волка. Конечно, такая легко не отдаст свою жизнь беркуту! — С этими словами он положил её в хурджун и приторочил к седлу. Потом вскочил верхом, положил перед собой беркута и поехал в сторону аула.

Серик, понукая своего коня, ехал рядом, расстроенный не меньше отца:

— Коке, когда Карашегир поправится, поедем на охоту?

— Вряд ли.

— Почему?

— Птица захватывает добычу тремя когтями. Отставленный палец считается основным. Одним словом, он выполняет такую же роль в жизни птицы, как наш большой палец. Если не будет отставленного когтя, то он не сможет захватить добычу.

— Он больше не сможет охотиться?

— Вторая лапа здоровая. Таких мелких животных и птиц, как чибисы, кеклики, сурки, зайцы он сможет брать и одной. А для сильных зверей, как, например, для лисицы, требуется сила обеих лап, он вряд ли сможет охотиться. Калека он и есть калека.

— Что же теперь делать?

— Сначала вылечим рану. Потом, сынок, посмотрим, что делать дальше.

Сеит пригласил к беркуту ветеринарного врача. Тот перевязал лапу беркута чистой марлей. Дал советы, как оберегать его ногу и как её лечить в дальнейшем.

В благодарность Сеит подарил врачу шкуру лисицы, которая досталась дорогой ценой его Карашегиру. Он сменил место птицы и подставку, на которой она сидела. Раньше беркут сидел на брёвнышке между двумя вертикальными столбами, захватывая его всеми когтями. Такое место стало неудобным для раненого беркута. Теперь он сидел на плоской доске, устланной мягкой кошмой, и опирался обеими лапами.

Изменилась и кормёжка Карашегира. Теперь за ним ухаживали как за скаковой лошадью. Раньше, когда Карашегир ходил на охоту, то хозяин не кормил его досыта, говоря: «Птица охотится ради наживы, полуголодный беркут всегда будет жаждать охоты». Нередко он нарезал тонкими ломтями свежее мясо, неоднократно вымачивал их, чтобы смыть кровь и лишь тогда давал птице.

А теперь он кормил беркута досыта. Кормил мясом той убитой лисы. А ещё давал только свежее мясо. Дома на зиму заготовили согум, и мяса было достаточно.

Таким образом, Карашегир оправдывал поговорку: «Хромой жиреет лёжа». У него зажила рана. Но на месте грозного стального когтя осталась небольшая культяшка.

С тех пор, как Карашегир стал получать особый уход, отношение к нему хозяина резко изменилось. Беркута ежедневно кормил не он сам, а сын. Беркутчи не сажал его, как раньше, на руку в кожаной перчатке и не гладил его по грудке, спинке, лаская и приговаривая: «Малыш, мой малыш». Не гулял с ним пешком или на коне.

Казалось, он совсем забыл про беркута. Но на самом деле всё было не так. Он сознательно отдалил от себя птицу, чтобы отпустить её на волю.

Беркут за это время действительно отдалился от хозяина, одичал, как необъезженная лошадь.

Вскоре Сеит в один из пасмурных дней, перед новым годом, посадив Карашегира на руку, направился в сторону гор. Когда он доехал до места и взошёл на холм, то спешился и сел на плоский камень величиной с сундук. Покормил беркута мясом. И, погладив на прощание голову, спину и грудь птицы, сказал: «Ну, Карашегир, пришла пора попрощаться с тобой. Я тебя поймал в сети в диких местах. С тех пор минуло семь лет. Мы с тобой всегда были хорошими товарищами. Ты меня никогда не огорчал. Сколько призов ты мне принёс! Я тобой доволен. Теперь как человек и как друг я хочу сделать тебе добро. Я долго думал и пришёл к решению — нет лучше добра, чем снять с тебя томагу, развязать верёвочки на ногах и отпустить на волю. Я тебе дарю волю! Ты свободен! Прощай, мой друг!» — с этими словами беркутчи снял с птицы томагу, тесёмки на ногах и позволил ей взлететь в воздух.

Беркут резко взмыл вверх по склону горы, вошёл в серый горный туман и исчез из виду.

Беркутчи долго смотрел ему вслед, на его глаза навернулись слёзы, а на душе стало пусто. Он задумчиво сел в седло и поехал домой. Он несколько раз озирался в надежде, что Карашегир вернётся. Но беркут не показывался.

II

С тех пор как Сеит-беркутчи отпустил Карашегира на волю, прошло уже полтора года. Уже наступило лето второго года. За это время он приручил дикого беркута, чей хозяин был уважаемым человеком, а также взрастил желторотого птенчика своего близкого родственника, которого тот взял прямо из гнезда. Сам он чувствовал себя без беркута неуютно, мечтая про себя: «Вырастить бы такого охотника, как Карашегир». Его мечтой было поймать огромного беркута с вершин Аспантау. Он просил близких родственников из Нарынколя: «Достаньте мне беркута. Если птица будет дикой, это даже лучше. Приручу её месяца за два, станет учёной. Пусть даже будет птенчиком, сам выращу и научу его всему».

Вскоре двоюродный братишка из Нарынколя обрадовал его — подарил птенца беркута. Птенчик оказался чёрно-белой масти, крылья его только-только начали крепнуть. По словам брата, в гнезде было два птенца. Ему отдали более мелкого. И в самом деле, птица не обещала быть крупной, с мощными, расставленными в стороны ногами, которые годятся для охоты на волков. Этот птенец обещал стать охотником средней величины, с которым можно будет идти на мелких зверушек: зайцев или корсаков. Хорошо, если будет настоящим охотником из орлиного племени.

Когда Сеит перекочевал со своим скотом на джайляу, то беркута взял с собой, в горы. Он поставил для воспитанника возле юрты шатёр, в углу которого соорудил гнездо. Привязав к ногам птенца верёвки, оставшиеся после Карашегира, он закрепил их к колышку на краю гнезда таким образом, чтобы тот не запутался.

С тех пор как взяли птенца из гнезда, прошло больше недели. Он, переходя из рук в руки, уже привык к людям. Почти не дичился. С огромным удовольствием брал из рук корм.

Джайляу находилось недалеко от аула. Если ехать не вкруговую, по шоссе, а напрямик, верхом по ущелью Тотесай, то можно добраться до него всего за два часа.

Сеит часто ездил из джайляу в аул, расположенный в низине. Привозя родителям и детишкам курт[1], масло, иримшик[2], кумыс, он забирал оттуда необходимые ему продукты. Приезжал он и на всякие торжества. Сегодня он тоже собрался в аул. Перед отъездом позвал к себе сына:

— Секетай, подойди ко мне. Бог даст, я сегодня вернусь. Пусть твои товарищи не беспокоят птенца, он может испугаться. Из корма ничего не давайте. Я его хорошо покормил.

— Хорошо, коке, я понял.

Сеит отправился не спеша. Он не поехал по шоссе, а выбрал удобный для седока путь по урочищу Тотесай.

В середине того урочища высились отвесные шероховатые скалы, каньоны, ступенчатые обрывы. Дойдя до этого места, Сеит увидел орла, стремительно летящего вдоль южного склона горы. В когтях у него висела добыча — то ли заяц, то ли сурок. Завернув к одному из обрывов, он так и не вылетел оттуда. Сеит подумал: «Или у него там имеется гнездо, или затаился при виде меня».

Проезжая перед обрывом, услышал голос птенца: «Пищщак! Пищщак!» — «Да, тут его гнездо, на обратном пути попробую поискать», — решил он про себя.

Сеит, торопливо переделав все свои дела в ауле, завернул к тому обрыву, где и обнаружил гнездо. Так как верхом было подниматься трудно, он привязал коня к дереву и пошёл пешком, преодолевая густые кустарники и ступая по острым камням. Казалось, голос птенчика раздавался с южной стороны обрыва. Зайдя с той стороны, Сеит стал тщательно осматривать большие и малые скалы. Гнезда не было. «Может, оно находится на противоположных скалах?» — подумал он и стал осматривать скалы напротив. И вправду, было вроде так. На небольшой серой скале виднелся белый птичий помёт. «О Боже, поддержи меня!» — с этими словами он добрался туда, продираясь через деревья и кустарники, и обрадовался!

Посередине той скалы было гнездо беркута! Отсюда виден был его краешек. Под гнездом была высокая отвесная стена. А сверху нависал камень величиной с отверстие юрты.

---

[1] Курт — подсушенный солоноватый овечий сыр.

[2] Иримшик — нечто среднее между творогом и сыром. Обычно бывает светло-коричневого цвета, а на вкус сладковатый.

С подножья скалы рассмотреть гнездо было нельзя. Неизвестно, сколько там птенцов — один или два... Сеит, обойдя камень, взобрался на него. Над скалой рос куст таволги. Сеит ухватился за него и заглянул в гнездо.

Там сидел единственный чёрно-белый птенец. Он был такого же возраста, как птенец в доме беркутчи, но выглядел гораздо крупнее. Беркутчи захотел спуститься в гнездо, чтобы получше рассмотреть птенца. Но для этого был необходим аркан[1]. Сейчас у него с собой аркана не было.

Сеита сильно взволновала находка, но надо было возвращаться домой. По дороге он всё мечтал, как воспитает двух птенцов сразу. Но, вспомнив принцип, что нельзя держать сразу двух беркутов, отогнал от себя эту мысль. Что же тогда делать?

Придя домой, вспомнил одну историю, которую ему рассказывал его отец — известный беркутчи в этих краях, — и решил поступить так же.

Наутро, после завтрака, он приступил к осуществлению своей идеи. Он оседлал коня и приторочил к седлу свёрнутый чёрно-белый аркан. Он насытил своего птенчика свежим мясом, положил его в льняной мешок. Он уже повесил на шею бинокль и положил перед собой мешок с птенцом, как к нему подбежал Серик. Сын удивлённо спросил:

— Коке, ты куда везёшь птенчика?

Отцу не хотелось говорить о своих планах, и он ответил:

— Сынок, когда вернусь, расскажу обо всём. — И уехал.

Подъехав к Тотесаю, он приблизился к гнезду, нужно было узнать — есть ли там беркуты. На возвышенности он посмотрел в бинокль и увидел, что птенец там сидит один.

«Это хорошо», — подумал он и заторопился к гнезду. Оставив коня на прежнем месте, он взял в руки аркан и птенца. Положив птенца на безопасное место, он один конец аркана накрепко привязал к кусту таволги над отвесной скалой, а другим концом обвязал себя за пояс. Затем, повесив себе на шею мешок с птенчиком, на аркане спустился в гнездо.

Птенец боязливо отошёл к выемке, чтобы спрятаться в глубине. Сеит, торопливо развернув завёрнутого птенца, повесил его за

[1] Аркан — толстая верёвка, скрученная из конского волоса и пеньки.

ноги к палке, торчащей из гнезда. Затем, осторожно ступая, приблизился к птенцу в гнезде. Птенец грозно шипел на человека. Опираясь на хвост, он, откинувшись, сжимал и разжимал когти. Сеит медленно бросил перед ним шляпу, и птенец когтями вцепился в нее. В этот момент беркутчи накинул на птенца мешок и быстро замотал его. Своего птенца он распутал и отпустил в гнездо. Дикого птенца спрятал за пазухой. Затем на аркане спустился со скалы и с диким птенцом в мешке пошёл к коню. Сеит поменял своего мелкого птенчика на более крупного птенца из гнезда и, довольный, возвратился домой.

Птенец, уже привыкший к людям, отчаянно вопил в гнезде: «Пищщак! Пищщак!» Когда Сеит уже подъезжал к джайляу, он всё ещё слышал вопли подкидыша.

Сеита не покидали мысли об оставленном птенце: «Может, беркут не признает чужого птенца и выкинет его из гнезда? Может, заклюёт его до смерти? Тогда в несчастной судьбе бедняги буду виноват я! Через два-три дня поеду в аул на низине. Тогда и будет всё известно. Если беркут бросил чужого птенца, то волей-неволей заберу его назад. Только бы он не убил его», — думал он про себя.

После обеда охотник добрался до своего дома на джайляу. Сын, выбежав навстречу, привязал лошадь к коновязи. Когда отец понёс завёрнутого в мешковину птенца к шатру, Серик, подойдя к нему, спросил:

— Коке, ты куда возил птенчика?

Отец признался ему, что это другой, что он поменял птенцов.

— Зачем вы это сделали?! Он же уже привык к нам! — удивился мальчик.

— Сам сейчас узнаешь, зачем. Пойдём, привяжем этого к гнезду, — и он вошёл в шатёр.

Прежде чем развернуть мешковину, беркутчи привязал к ногам птенца верёвки, оставшиеся ещё от Карашегира. Удлинил их, привязав к ним ещё одну верёвку. Затем мягкими кожаными ремешками стреножил обе лапы птенца и развязал мешковину. Птенец хотел было убежать, хлопая крыльями, но путы ему не позволили — он два-три раза упал на бок. В конце концов забился в угол и с испугом смотрел на людей оттуда.

Сеит, привязав птенца к деревянному колышку, удовлетворённо спросил у сына:

— Как, сынок, нравится птенец?!

— Больше, чем тот.

— Ты прав. В самом деле, он большой, и расставленные пальцы, и стальные его когти уже сейчас напоминают облик взрослого беркута. Поэтому я, сынок, и поменял его. Бог даст, этот станет настоящим волкодавом.

— Коке, а почему ты стреножил его? Он же теперь не сможет ходить свободно?

— Он, хотя и птенец, но уже когтистый хищник, к тому же он ещё дикий. Боится людей. Будет сопротивляться. Порой будет злиться. В такие моменты он может клюнуть, нанести рваные раны, даже сжать в когтях. Поэтому я его и стреножил.

— А-а, теперь я всё понял. Он боится нас. Прежний птенец уже стал ручным. Что теперь будет с тем беднягой?! Беркуты подкидыша не прикончат?

— Боже сохрани, они не должны так сделать. Послезавтра я поеду в аул. По дороге узнаю, как он. Если беркуты не признали его, принесу назад, вырастим и отпустим.

— Давайте, коке, так и сделаем!

— Это, сынок, посмотрим по обстоятельствам. Если беркуты признают его своим и вырастят, то лучше и не пожелаешь! Ну, теперь оставим его одного. Пусть привыкает к новому жилью.

Они вышли из шатра. Сеит выпил чаю и снова вернулся. Птенец по-прежнему прятался в углу. Смотрел настороженно, испуганно. Сеит молча подождал, покуда глаза птенца привыкнут. Он знал, что птица боится человеческого взгляда, потому не смотрел в упор. Он говорил с птенцом тихо и нежно, приучая к звукам своего голоса.

— Да, малыш, я твой хозяин. Буду за тобой ухаживать. Приручу. Буду учить охотиться. Мы ещё с тобой станем друзьями. Я тебе ничего плохого не сделаю. Не бойся, мой малыш!

В это время Серик забежал в шатёр и громко спросил:

— Коке, а как же мы назовем его?

— Сынок, — сказал Сеит тихим голосом, — во-первых, говори тише. Птенцы боятся громких звуков. Во-вторых, никогда не смотри на него в упор. Они не выносят этого. Говорят, что, когда родители-беркуты приносят корм в гнездо, иногда выклёвывают им глаза, чтобы те не пугались. В-третьих, не делай резких движений. Этого они тоже не терпят. Если не соблюдать все эти условия, при-

ручить их будет очень трудно. Вот так, сынок. Не будем торопиться с кличкой. Кличка беркуту даётся в связи с его окрасом, характером и другими особенностями. Он пока ещё птенец. И вид его будет ещё меняться. Ещё определится его характер и другие признаки, особенности. Вот тогда-то и дадим ему хорошую кличку.

Беркутчи Сеит и в этот, и в последующий день время от времени заходил в шатёр, часто показывался на глаза птенцу, ласкал его, называя «Мой малыш, малыш!». Кормил с рук свежим мясом, посыпанным сахаром, и приговаривал: «На, малыш, на! Съешь это!» Таким образом он без устали приучал птенца к себе.

* * *

Наступил третий день, как Сеит отнёс того несчастного птенца в гнездо. Бросили беркуты его или нет? Или, может, решили, по словам Серика, что несчастный подкидыш погубил их птенца? В каком состоянии тот бедняга?! Об этом никто кроме Бога ничего не знал.

Сеиту не терпелось узнать о судьбе птенца.

Сытно накормив пернатого питомца и дав поручения сыну, он отправился в путь. За то время, пока закипит вода в чайнике, он успеет добраться до урочища Тотесай. Подойдя ближе к гнезду беркутов, он повернул к той сопке, откуда виднелось гнездо. Взошел на неё и, опираясь спиной на шершавый камень, стал вглядываться через бинокль в сторону гнезда. Оно отсюда просматривалось очень чётко.

Бог поддержал, птенец оказался жив! Большой чёрный беркут кормил его, прижав одной лапой мясо и разрывая его клювом! Птенец глотал кусок и нетерпеливо кричал: «Пищщак! Пищщак!» Беркут снова давал куски мяса. Сеит долго смотрел в бинокль. Когда он посмотрел в последний раз, то увидел, что беркут сидит в сторонке и причёсывается, а птенец самостоятельно разрывает клювом мясо, прижимая его лапами к земле.

Сеит сильно обрадовался. Он был бесконечно благодарен чёрному беркуту: «Какая великодушная птица! Взялся воспитывать чужого птенца! Дай Бог тебе долгой жизни!»

Сеит с лёгкой душой поехал в аул в низине.

Переделав в ауле кое-какие дела, он, подкрепившись на дорогу, снова поехал на джайляу.

Проезжая Тотесай, возле того гнезда он снова решил взглянуть на птенца. Поднявшись на привычное место, охотник вскинул бинокль. Беркут сидел в гнезде. Он заслонял птенца от жаркого солнца широко распахнутыми крылами.

Уже дважды убедившись в заботе приёмного отца, Сеит добрался до джайляу ещё до заката солнца. Когда он привязывал коня, к нему подбежал Серик.

— Коке, что с тем птенцом?

Повеселевший отец подробно рассказал сыну об увиденном...

— Ой, как хорошо! А я боялся, что убьют его, — обрадовался сын.

Сеит тихонько глянул через дверь шатра, что делает птенец. Тот причёсывался, поглаживая клювом перья и пух. Вытянувшись во весь рост, похлопав, как петушок, неразвитыми крыльями, он закричал: «Пищщак! Пищщак!» Это он просил корм.

Сеит взял в доме посудину. Нарезал туда несколько кусочков мяса и принялся угощать малыша. И на другой день до самого вечера он возился с птенцом. Благодаря уходу Сеита беркутёнок изменился за считанные дни. Стал брать корм из рук, отзывался и шёл к нему на зов. Он перестал чуждаться и не дёргался, когда его гладили и ласкали. Окрас его тоже менялся, он стал чернеть. Уже подрастали перья на хвосте и крыльях. Но пух на шее и груди ещё был редким. Поэтому его шея казалась длинноватой.

III

Прошло несколько дней, и Сеита пригласил в аул один близкий родственник на торжество по случаю обрезания внука. Мама Сеита попросила привезти баранину для праздничного стола. И он собрался ехать в низину, в аул.

После утреннего чая он накормил питомца до отвала. Приторочив к седлу заказанное мясо, он сел на коня. Повернувшись к стоящему во дворе сыну, отец сказал:

— Секетай, пригляди за беркутом. Как бы не запутался в верёвочках. Он ещё дикий, будь начеку.

— Хорошо, коке, когда вернётесь?

— Вернусь сегодня. Бог даст, вечерком приеду.

Сеит, перевалив через холм, поехал по урочищу Тотесая. Когда приблизился к обрыву, где находилось гнездо беркута, услышал

орлиный клич: «Пищщак! Пищщак!». Вначале он думал, что это кричит птенец, но голос раздавался не из гнезда, а с небес. Посмотрев вверх, увидел, что беркут, отчаянно крича, кружится над гнездом. Он присел на каменный выступ и снова с криком полетел вниз по урочищу.

Сеит подумал про себя: «Что это с ним? Если бы птенец сидел в гнезде, то он отозвался бы на зов родителя». Всё это, конечно, происходит не зря. Кто знает, может, птенец упал со скалы и его съел волк или другой хищник? Что бы ни было, надо подняться и выяснить».

Сеит повернул к обрыву, где находилось гнездо. Он оставил коня и поднялся на уступ. Ухватившись за таволгу на козырьке скалы, он заглянул вниз. Птенца не было! Гнездо было пусто. «Если упал со скалы, то должны остаться какие-то следы», — подумав так, он решил обследовать землю под гнездом и тут резко остановился! Кто-то обломил ветку таволги! Всё это означало, что тут побывал человек и именно он унёс птенца.

Когда Сеит спустился вниз и подошёл к своей лошади, тот беркут снова вернулся. С громким криком он несколько раз пролетел над головой беркутчи.

Сеит, внимательно присматриваясь к птице, подумал про себя: «Неужели эта птица думает, что я взял её птенца?» И тут он узнал птицу по окрасу и манере полёта. «О Боже, да это же Карашегир!» — вскричал он. Торопливо вытащив из хурджуна мясо, помахивая им, закричал:

— На, мой малыш, на! На, мой малыш, на! На, Карашегир, на, на!..

Сеит, показывая беркуту приманку, всё кричал и кричал! И эхо отзывалось ему в скалах.

И беркут, вроде узнав его голос, спустился ниже и сел на камень на расстоянии летящей стрелы.

Беркутчи тихо и медленно приближался к птице, ласково приговаривая: «На, мой малыш, на! На, птичка, на! На, Карашегир, на!» Птица внешне походила на Карашегира.

Когда до него оставалось шагов пятьдесят, беркут внезапно взлетел. Пока он подбирал ноги под себя, Сеит успел заметить, что у птицы отсутствует основной, большой палец!

Беркут действительно оказался Карашегиром, которого он сам полтора года назад отпустил на свободу!

У охотника защемило сердце, и он, сев на коня, заторопился в аул. Он всё думал о Карашегире, с которым дружил семь лет и который теперь свободен. Он думал про себя: «Если найду человека, похитившего птенца, то выкуплю его и верну в гнездо».

В аул он приехал к обеду. Сходил на той, поздравил виновников торжества, отведал угощения. Старался выведать у собравшихся гостей сведения о пропавшем птенце. Многие из них выразили сомнения: «Человек, который взял птенца для продажи, вряд ли признается в содеянном».

Сеит, задумав что-то, пораньше уехал на джайляу. Ехал он быстро и добрался до дома, когда солнце склонилось к закату. Он подозвал сына к шатру и поведал ему обо всём, что случилось на Тотесае. Затем сказал:

— Выходит, сынок, этот птенец оказался потомком Карашегира! Как ты думаешь, оставим мы его себе или возвратим Карашегиру? Что ты думаешь об этом?

Серик, даже не задумываясь, ответил:

— Коке, отдадим его Карашегиру! Мы же его отпустили, чтобы он вырастил своих птенчиков.

— Ты, сынок, рассуждаешь правильно. Ты же мой ребенок, и этот птенец такой же ребенок для Карашегира. Пусть Бог не разлучает детей и родителей!

Отец и сын единогласно решили отдать наследника Карашегиру. Сеит отвязал путы птенца, завернул его в мешковину и поехал, держа сверток в седле перед собой. Он немного подождал, спрятавшись за скалой, ожидая возвращения беркута.

Немного погодя птенец начал вопить: «Пищщак! Пищщак!» И тут же раздался громкий клич Карашегира, летевшего к гнезду из заоблачных высот!

Беркутчи Сеит возвратился домой, переполненный радостью!

* * *

Птенец просидел в гнезде около месяца. Всё это время Сеит охранял птичье жильё. Сколько раз он наблюдал, как беркут носил корм в гнездо, как хлопал крыльями птенец. В конце июля он увидел его первый полёт. Он с громким криком взмывал в вышину синих небес и парил там рядом с родителями.

АХМЕТЖАН АШИРИ

ПАЛКОЗ

I

Меня зовут Нурсадыком, и мне двенадцать лет. А Палкозу этой весной исполнилась два. Мы росли вместе, как пальцы на одной руке. Он развивался быстро, заметно прибавляя в весе, и постоянно привлекал к себе внимание окружающих. Затевая игры, он не мог обойтись без того, чтобы, как говорится, не поднять пыль столбом. К тому же был хвастлив и тщеславен, как иной самовлюблённый человек. Он то и дело гонялся за своими сверстниками и бодал их тяжёлыми и кривыми, как дедушкин серп, рогами. А когда стадо вечером возвращалось в село, то он, крутя мощной шеей и низко наклонив голову, бросался на глиняные дувалы и таранил их своим могучим лбом.

Конечно, он был ещё очень молод, ему многое ещё предстояло понять и многому и многому научиться. Но кое-какие жизненные понятия Палкоз усвоил довольно твёрдо. В частности, он хорошо отличал доброе от злого. Если кто, случалось, обижал его, то Палкоз старался не оставлять это безнаказанным, будь обидчик знакомым ему или чужим. Для него это обстоятельство не играло роли: всякая обида должна быть оплачена. Я пытался сдерживать его страсти, учил быть мирным, но моя наука не шла ему впрок. И виной этому были мальчишки, которых принято называть озорниками. Случалось, они притворно обласкают его, а потом взбираются на спину и гонят вскачь. И тогда обидчикам неизменно доставалась от Палкоза, а я переживал за невыдержанность своего друга.

— Палкоз, — говорил я ему, — ведь ты умный, не ввязывайся в драки и потасовки. Ведь эти озорники всегда могут обидеть тебя, так как считают, что ты обыкновенное тупое животное и ни на что не можешь реагировать разумно.

А ведь это неверно, Палкоз, да? — продолжал я убеждать своего друга. — Ведь я вижу, как ты ешь хлеб, когда я кормлю тебя из

своих рук. Берёшь аккуратно, не уронишь на землю ни крошки, чувствуешь запах и вкус хлеба. Поступаешь, как существо, наделённое разумом и чувствами.

И это было действительно так. Палкоз казался умным и добрым. Именно поэтому я не дал ему никакой клички, а назвал серьёзным, уважительным именам Палкоз. Его нельзя было назвать просто — Чёрный, Пегий, Рябой, Белый. Мне почему-то думалось, что такое обращение его бы обидело.

Иногда он круто менял свой нрав, и это меня расстраивало. Изменения в поведении Палкоза обнаруживались во время еды. Он вдруг начинал брать корм небрежно, ронять на землю клочки сена, с его черепашьих губ текла слюна. Либо хватал торопливо, словно кто–то отбирал у него корм. А ведь я учил его быть аккуратным, и Палкоз, казалось, во всем слушался меня. Значит, наверняка кто–то обидел его, испортил настроение.

Утром и после возвращения с пастбища я неизменно чистил Палкоза, шерсть всегда лоснилась на нём. Но иногда он приходил весь в ранах и в клочьях лопуха. Неужели только среди лопухов растёт хорошая трава? Наверняка Палкоз резвился в стаде, совсем забыл про еду. Так случилась и на этот раз. Я заигрался с дружками на речке Казах, там нас застала буря и задержала. Словом, когда я вернулся домой, то оказался свидетелем чрезвычайно интересного события. Обычно в это время Палкоз свободно прохаживался по двору, но сейчас он был прикручен цепью к большому клёну, на котором я любил спать. Палкоз сердито косился на меня , и вид у него был удручённый. Перед ним в кормушке лежали початки кукурузы с непросохшим венками, тыква, искорёженный картуз подсолнуха, морковь. Из сада выскочил мой брат. Он был сильно возбуждён и даже разгневан. Чувствовалось, что он сильно пьян. После ухода жены из дома он совсем распустился, стал выпивать, куражиться. Всё его раздражало. Сейчас он держал в руках стальной кетмень, оставшийся после отца.

— А-а-а! — заорал брат. — Уже и кукурузу не хочешь жрать? Я тебя заставлю. Жри, лопай! Думаешь, легко мне достаётся? Лопай! Не то я накормлю собак мясом твоих жирных ляжек.

Брат разразился страшными ругательствами. Он сыпал отборными словечками на русском, уйгурском, казахском и даже на языке крымских татар. Выкрикивал всё, что взбрело на пьяную

голову, и вдруг размахнулся и резко ударил по спине Палкоза. Бедное животное! Если бы знал Палкоз, что его побьют, разве дал бы накинуть цепь на свои рога? Палкоз взгорбил спину, натянул рогами цепь, начал копытить землю. Видя, что брат ещё раз хочет ударить его, я взмолился:

— Лучше побей меня, ака. Он ни в чём не виноват. Бей меня.

— Прочь с дороги! И тебя не пожалею. — Брат оттолкнул меня крепким кулаком, заскрежетал зубами.

Я упал навзничь. Палкоз видел всё это. Он взревел, поднялся на дыбы и оборвал привязь. Встал рядом загородил меня своей мощной тушей. Он словно бы говорил: «Попробуй тронь!»

— Беги, Палкоз, — крикнул я, увидев приближающегося брата с кетменём в руках.

— Не убежит, — рычал брат, — не убежит.

И Палкоз, действительно, не побежал. Он согнул голову, поднял брата на рога и кинул его на землю. Не успел брат подняться, как Палкоз ринулся к нему и прижал его к стене.

— Палкоз, перестань! Палкоз, не трогай его! — кричал я и бегал возле разъярённого животного.

Палкоз отошёл от стены, покрутил головой, будто стряхивал какую–то тяжесть со своих острых рогов, и пошагал к развесистому клёну, под которым стояла кормушка и на ветвях которого, на специально устроенном помосте, я проводил короткие летние ночи.

— Палкоз тебя слушает! — удивился внезапно протрезвевший брат. — Он что, не любит запаха водки?

— Да, не любит. И запах водки, и тебя.

Я здорово рассердился на брата и наговорил много нехорошего: и то, что он пьяница, лодырь и вообще никчемный человек.

— Не говори так, — вздыхал брат. — Мне и самому от всего этого тошно. Вот увидишь, скоро я брошу пить, совсем брошу.

Ничего не сказал я брату в ответ, увёл Палкоза в сарай, где долго оставались мы с ним наедине. Тщательно протерев сухим сеном вздрагивающие бока Палкоза, ласково потрепал его по загривку. В темноте ярко светилось его повлажневшие глаза, и мне показалось, что Палкоз плачет. Так это было или не так, но Палкоз весь тот вечер был вялым, малоподвижным и как будто бы несколько задумчив.

А брат мой с тех пор круто переменился. Перестал пить и всем пообещал больше никогда не брать в рот и капли водки. А однажды подошёл ко мне во дворе, когда я устраивал на ночлег Палкоза, и твёрдо проговорил:

— Нурсадык, ты скажи своему Палкозу, что я очень люблю его. Люблю так же, как и тебя. Хорошо, что мы купили для хозяйства именно его.

II

Дни, когда налетает гроза, хлещет дождь и сверкает молния, очень радуют нас с Палкозом. Радуют и волнуют... Чтобы полюбоваться на красавицу-радугу, я бегу на окраину села. Палкоз, конечно же, следует за мной.

— Смотри, как расцвечены вон те дальние тучи, — говорю я Палкозу и указываю рукой на убегающие к горизонту облака. — Все они пронизаны синими, жёлтыми, оранжевыми, красными перьями. Не облака, а гигантские райские птицы. А радуга — словно триумфальная арка. Видишь, как широко и торжественно она распахнута — летите, птицы, в невиданную синь, роняйте золотые перья на орошённые дождями нивы.

И ещё оттого я радуюсь, что много всяких других чудес на земле. В нашем дворе стоит старый кудрявый клён. Никто не знает, сколько ему лет, говорят только, что посадил его ещё дед моего деда. На нижних его ветвях я соорудил верёвочную сетку и застелил её старым тулупом. Ночами я сплю там, а днём, укрывшись в прохладной тени ветвей, читаю книгу.

— Упадёшь ты когда-нибудь оттуда, — сокрушается сердобольная мать, но дед, наоборот, подбадривает меня:

— Не бойся. Тот, кто облюбовал этот клён, проживёт долгую и хорошую жизнь.

Разумеется, обо всём этом я не преминул рассказать своему другу Палкозу.

Однажды безлунной ночью к дереву подошёл какой-то человек и тихо окликнул меня. Свесив голову вниз, я огляделся и узнал в пришедшем Сулеймана-аку.

— Эй, Нурсадык, — зашептал он, — спустись вниз.

Я натянул рубашку, штаны и через минуту был уже под деревом.

— Что случилось? — спросил я.

— Ничего. Пошли быстрее, я не один.

Взял меня за руку и повёл за собой. Неподалеку стояли мужчины с неоседланными ишаками. Я узнал их. Это были братья Амут и Турган. Глаза у них горели, и я заподозрил что-то неладное.

Джигиты сели на ишаков. Сулейман-ака посадил меня перед собой и сказал попутчикам:

— Это наш братишка. Ну, давайте побыстрее. До луны не окончить дело.

— Куда едем? — с тревогой спросил я.

— Как доедем, скажем, — засмеялись они в ответ.

Я промолчал. Когда мы добрались до обнесённого высоким забором сада Камардина-капака, мои попутчики сошли с ишаков.

Я видел хозяина этого сада. Однажды шёл мимо, держась за хвост Палкоза, и ненароком посмотрел в сторону сада. Хозяин заметил меня и грозно сказал:

— Выколю тебе глаза, если они ещё раз посмотрят на мой сад.

— Нурсадык, — сказал мне Сулейман-ака. — Этот капак нехороший. В колхозе работать не хочет. Ни одного яблока никому не даст, всё продаёт. Спекулянт и скопидом.

— Воровать нехорошо, — сказал я слова, сказанные когда–то мне дедом. — Если бы знал, не пошёл с вами.

— Ты не будешь воровать. Мы сами управимся. Сейчас Камирдина-капака дома нет. Не успеешь до трёх сосчитать, как мы набьём мешки и будем здесь. Ты стой тут. Появится капак — крикни.

Я малодушно согласился. В темноте они прошмыгнули в сад, а я остался. Прошло довольно много времени, и вдруг как из-под земли появился какой-то человек. Это и был Камардин-капак. Он больно схватил меня за локоть, от него пахнуло водкой.

— Воруют? — спросил он у меня.

— Да.

— Чей ты сын?

— Сайдуллы.

— Скажи: отпрыск Сайдуллы, хромого калеки.

Я крепко обиделся на капака за то, что он обозвал отца хромоногим. Отец потерял ногу на войне. Защищая Родину. К тому же он давно умер. Тут Камардин-капак стал целиться в кого-то из

ружья. Я испугался за людей в саду — этот злой человек может их перестрелять.

— Берегись! — громко, с плачем, закричал я и кинулся бежать, но споткнулся, упал и снова оказался в руках озверевшего капака. Он спустил с меня штаны и безжалостно избил колючей хворостиной. В конце концов, я всё-таки убежал...

Эту ночь я провёл беспокойно и уснул только на рассвете. Проснулся поздно от каких-то громких тревожных криков, которые доносились с улицы. Я выбежал во двор и не сразу понял, что произошло. По двору, плача и вытирая рукавами слёзы, ходили мои родственники, соседи, старики и старухи. Было ясно, что случилось какое-то горе.

— Что ты наделал? Как можно обидеть безответное животное? — спрашивали люди с негодованием Камардина-капака, который стоял посреди двора с окровавленным ножом в руках. Он вытирал нож травой. Наконец приблизился к моей матери и начал кричать ей в лицо:

— Ты вспомни, каких только пакостей не делал мне твой муж! — Он со свирепым лицом наступал на мать. — Он обвинил меня в том, что я потопил в реке обоз пшеницы, и меня засадили. Он хотел моей смерти, а сам умер раньше меня. А я вот жив, и теперь пришло время рассчитаться хотя бы с вами.

Потом я увидел Палкоза с обрезанными ушами. От боли он метался по двору. Кровь струями текла по его атласной коже. Бедный Палкоз, мой большеглазый друг!

Я пошёл к Палкозу, чтобы приласкать его, но после случившегося он стал недоверчив, дико взревев, бросился на меня и свалил с ног. Потом он отошёл к сараю и, с недоумением и диковато глядя на людей, замер там. Вот как подло отомстил моему покойному отцу коварный Камардин-капак.

— Хватит причитать, не человек же умер, — наконец выкрикнул капак и, обращаясь ко мне, игриво добавил: — Эй, озорник, твой Палкоз, оказывается, хорошо откормлен. Пусти его на мясо, а взамен я тебе отдам стельную корову. Будешь пить молоко да и меня благодарить.

Я не стерпел.

— Как ты можешь так говорить? Разве свежие родники, пение соловья, тепло солнца, весь этот большой мир, существуют толь-

ко для человека? Всем этим любовался и радовался мой Палкоз, а ты отнял у него эту радость. Нет у тебя ни души, ни сердца, ни совести.

— Потише, молокосос. Ишь разговорился, — Камардин-капак намеревался ещё что-то сказать, но его решительно перебил аксакал с запахнутой за пояс полой халата:

— Иди вон, мерзавец. Как ты посмотришь теперь людям в глаза? Молва о твоей подлости разнеслась уже по всему Челику, она облетит весь край, и нигде ты не найдёшь покоя. Позор тебе, изуверу!

— Стой, стой, — Камардин насильно остановил старика. — Скажи лучше, готова ли моя кадушка, которую я тебе заказывал? Пригодится для мяса, когда хозяин зарежет Палкоза.

Старик ничего не ответил, повернулся и ушёл к себе в дом. Через минуту он появился на крыльце с новенькой, только что сделанной кадушкой. Молча бросил её на землю и растоптал ногами.

— Пусть вот так разлетится твоё благополучие, — крикнул старик и плюнул Камардину в лицо.

Люди постепенно разошлись по домам. Назавтра пришёл ветеринар, осмотрел животное и составил акт на Камардина. Врач также посоветовал подать на него в суд.

— Зачем? — не согласился я. — Пусть живёт и кается перед народом. Вы лучше скажите, заживут ли у Палкоза уши?

— Заживут, — успокоил ветеринар.

Уши быстро зажили, зарубцевались раны, из них стали расти белые, шелковистые кисточки шерсти. Теперь, когда он подбегает ко мне, кисточки на ушах его трепещут, а на глазах появляются слёзы. Палкоз научился плакать по-настоящему. Он подрастал, заметно креп телом. Однако стал очень грустить, ни на какие игры его не тянуло. Когда приходилось проводить Палкоза мимо дома Камардина, тот умоляюще просил:

— Не показывай ты его мне, не терзай душу...

Какое-то время я его не видел, а потом от людей узнал, что Камардин-капак свёл счеты с жизнью — повесился.

Летом, в моё отсутствие, брат продал Палкоза своему знакомому из Чилика.

— Не обижайся, — сказал он, — но нам нужны деньги. Таков закон жизни.

— Будь проклят такой закон! — заплакал я и выскочил во двор.

В Чилике Палкоз прожил больше месяца. Видно, очень тосковал по прежней жизни и в конце концов вырвался на волю и прибежал домой. Громко мыча, как бы приветствуя нас, Палкоз важно прошёл во двор. Трогательна была эта встреча с моим любимцем. Я его обнимал, гладил, целовал обрубки его ушей, а мать и брат с изумлением наблюдали за этой сценой.

Однако новый владелец вскоре пришёл за ним, но Палкоз лёг во дворе, и никакими силами уже нельзя было сдвинуть его с места. Хозяину были возвращены деньги.

Однажды Палкоз заболел какой-то болезнью. Он болел долго. Я навещал его и многие часы проводил рядом с ним. В глазах Палкоза часто появлялись слёзы. Он плакал. Плакал с ним и я.

Как-то раз я хотел прогуляться с ним по улице, Палкоз попытался встать, но у него уже не было сил, чтобы совершить нашу прогулку. Скоро его не стало. Он ушёл от меня, обиженный злым человеком, но не забытый мной. А вместе с ним, как мне казалось тогда, ушли мои самые нежные чувства, светлые надежды и радости. Но доброе время вернуло мне всё это. Вернуло в воспоминаниях.

АЛЬДИХАН КАЛДЫБАЕВ

СИНЕЕ КОЛЕСО

Одна из самых любимых забав Серикбека и Марата — гонять колесо. Для этого у каждого из них есть по ободу от старой телеги и по куску толстой проволоки, изогнутой в виде крюка. Поддев колесо этим крюком, друзья дни напролёт с грохотом носятся по аулу. Когда игра надоест, Серикбек обычно вешает колесо на шею, такая у него привычка. А мать, если увидит, всегда при этом ворчит:

— Сынок, опять рубашку испачкаешь! Лучше бы в руки взял, чем на шею цеплять...

Но как ни старался Серикбек угодить матери, колесо через некоторое время снова оказывалось у него на шее — сам не замечал, как это происходило.

Однажды Марат торжественно выкатил на улицу синее колесо, новенькое-преновенькое.

— Эй, погляди-ка, какое оно у меня синее! — хвастливо крикнул он Серикбеку издали и тут же, запыхавшись, подбежал ближе. Телячий нос его победно вздёрнулся кверху, ноздри, и без того большие, довольно раздулись, а рот растянулся до самых ушей.

Синее колёсико, конечно же, до смерти заинтересовало Серикбека. Чего только одна краска стоила — сверкала так, что глазам было больно! Даже громыхало новое колесо приятно, словно колокольчик тенькал.

— Марат, давай меняться на что хочешь, — не утерпев, взмолился Серикбек. — Я тебе в придачу красную биту отдам...

— Вот ещё! Нужна мне твоя бита, — сразу надувшись, наотрез отказался Марат.

Вот тебе и на, красная бита была для Серикбека самой драгоценной вещью, его сокровищем, а Марат отмахнулся от неё, как от какой-то ерунды. Эх, взять бы и отобрать колесо силой, да стыдно: Марат ещё маленький. Серикбек его постарше, в будущем году в школу пойдёт. Если он обидит малыша, мама по головке не погла-

дит, без слов ясно. Но с этого дня назойливая мысль о том, как бы заполучить синее колесо, преследовала Серикбека всюду. В конце концов мечта его осуществилась. А произошло это вот как.

Однажды в полдень мчались они наперегонки по узенькой глинистой тропке, ведущей к речке за аулом. По обе стороны от дорожки росла густая трава. Неожиданно Марат, споткнувшись, упал с разбегу плашмя. Его синее колёсико отлетело в одну сторону, а изогнутый крюк — в другую. Серикбек, давным-давно обогнавший Марата, тотчас вернулся назад. Марат же в это время, не обращая внимания на друга, что-то озабоченно искал. Увидев в его руках только крюк, Серикбек сразу понял, что пропало синее колесо, и поэтому, не помня себя от радости, закричал:

— Коза тому, кто пасёт, находка тому, кто найдёт!

Так они давно решили: потерянная вещь принадлежит тому, кто её отыщет.

Серикбек сразу сообразил, как искать колесо. Немного сосредоточившись, он закинул свой обод в заросли — ни звука. Нашёл его и снова метнул в траву. Так и швырял в разные стороны, пока не послышался знакомый звон колокольчика. Опрометью бросился на звук и, несмотря на то, что колесико едва пролезло через голову, тут же нацепил его на шею.

— Отдай моё колесо! — захныкал Марат.

— Размечтался! Я нашёл — я и заберу! Можешь моё взять, — предложил он напоследок и со всех ног припустил домой. А ревущий Марат поплёлся в свой двор.

У дома Серикбек отдышался. Теперь синее колесо принадлежит ему! Хотел его снять, да не тут-то было: колёсико застряло на голове. Он тянул его, дёргал и так и эдак, но всё понапрасну. Ему даже показалось, что отныне колесо так и будет висеть на его шее всю оставшуюся жизнь. С перепугу Серикбек даже заревел во весь голос. Услышав плач сына, на улицу выбежала мать.

— Кто тебя обидел, солнышко?

— Во-от, не снима-ается!

— Говорила ведь тебе, оставь эту игру, будто других нет, — принялась она отчитывать сына, но тут вдруг поняла, что колёсико и в самом деле не снимается, отчего не на шутку разволновалась: — Ой-бай-ау[1], что же теперь делать?! И отца-то дома нет, ещё на работе...

[1] Восклицание, выражающее сильные эмоции.

Вокруг уже собрались люди, но никто так и не смог стащить колесо с Серикбека: потянут спереди — оно на затылке застрянет, попробуют дёрнуть сзади — у Серикбека от боли искры из глаз сыплются.

— Надо его к кузнецу Абдрахману отвести, — наконец предложил кто-то. — У него руки ловкие — в два счёта железку перепилит.

Серикбеку от этих слов стало не по себе — дело в том, что колхозный кузнец Абдрахман — не кто иной, как отец Марата. Мальчишке со страху почудилось, будто перед глазами угрожающе замаячил громадный молот. Что он скажет, если кузнец вдруг спросит его: «Как ты посмел обидеть моего сына?!» Вот позор-то!

— Не-е-ет, не пойду-у...

— Как это не пойдёшь?! Так и будешь с этим хомутом ходить?! — И мать потащила упирающегося Серикбека за собой.

Когда они вошли в кузницу, Абдрахман, отобедав дома, только-только принялся за работу. Увидев бедного Серикбека, он невольно улыбнулся.

— Что вас привело ко мне? Отчего такие мрачные? — спросил Абдрахман, но по его улыбающемуся лицу было ясно, что он всё и без слов понял.

Мать скороговоркой объяснила, в чём дело, и попросила:

— Помогите нам, одна надежда на вас.

— И эта вся беда?! Эх ты, герой, слёзы-то — ручьём! Ну-ка иди сюда, посмотрим, — подозвал он Серикбека, намыливая ладони.

Вот уж воистину «ловкие руки»: щедро покрыв лоб мальчишки мыльной пеной, Абдрахман без труда стащил с его головы проклятое колёсико. Не то что боли, Серикбек не почувствовал даже, как оно скользнуло по голове. Мать кинулась благодарить кузнеца на все лады, а он возьми да и скажи:

— Марат-то мой из-за этого колеса полчаса назад такой рёв поднял! А оно само привело сюда обидчика, ну надо же! — И с этими словами он бросил синее колесо в кучу железного лома, что громоздилась в углу. Лёгкий звон упавшего колеса показался Серикбеку сродни радостному ржанию жеребёнка, примкнувшего к своему косяку после долгой разлуки.

Лицо мальчишки полыхнуло от стыда. Скорее всего, он больше никогда не обидит Марата.

МУХТАР МАГАУИН

БЕЗ ХОЗЯИНА

Это была не какая-нибудь немецкая овчарка с разбойничьими глазами, готовая в любой момент, только прикажи, броситься, схватить, подмять, не английский дог с пиратским оскалом, мнящий о себе, что на свете нет более свирепого существа, чем он, и не казахский дворовый пёс, способный довериться кому угодно и куда угодно последовать за ним. Это была маленькая болонка, которая не то что сторожить дом, охраняя его от всяких там воров и грабителей, а даже лаять, просто подать свой собачий голос по-настоящему и то не могла. Поэтому-то в глазах её хозяев она не имела никакой ценности.

Если, впрочем, быть точным, то собака эта вообще не имела хозяев. Откуда она пришла, где она жила прежде — было неизвестно.

В один из дней, как всегда по утрам, надев рабочую одежду и выйдя из дому, хозяин его увидел, что у крыльца с подветренной, солнечной стороны лежит белая, размером чуть больше кошки, болонка. Когда же вечером, уставший и весь пропылённый, он вернулся домой, то увидел, что с этой утренней болонкой играет его маленький сын Ален. Зная, что предоставленный целый день самому себе сын скучает, отец только и сказал: «Э, бог с ним, пусть играет!» К тому же щенок (для казахов всякая маленькая собака — щенок) был премиленький. Тело его покрывала длинная, слегка курчавившаяся, белая шелковистая шерсть. Торчащий прутик хвоста напоминал гребёнку. И весь он, со своими тоненькими лапками, был трогательно хрупок. Чистый-чистый, словно только что вывалялся в снегу. Маленькие его глазки из-под длинных, пушистых густых косм надо лбом так и поблёскивали.

Худой, щуплый, с ногами хомутом, шестилетний мальчик провозился с белой болонкой до самых сумерек. Ни отец, у которого, как всегда, не было на него времени, ни мать, которая хоть и была рядом с ним целый день, но никогда не обращала на него внима-

ния, не запрещали Алену играть с болонкой. Но, когда он захотел взять её домой, они воспротивились. И не посмотрели ни на рёв его, ни на топанье, сказали, что это чей-то соседний заблудившийся щенок и теперь ему пора возвращаться домой. Но утром следующего дня, когда они поднялись, оказалось, что болонка спит под их крыльцом. Переночевала она под крыльцом и на другой день. Так белая болонка, выскочившая каким-то образом из просторной, богатой квартиры в центре города, заблудившаяся, брошенная, наверно, затем каким-нибудь хулиганистым мальчишкой в трамвай и очутившаяся в итоге на тихой узкой улочке городской окраины, стала щенком Алена, жившего в покосившемся старом доме с соломенной крышей, имевшем две полутёмные комнаты, крохотные сени и огороженном дырявой штакетниковой изгородью.

Но это лишь одно название, что собака стала щенком Алена, на самом деле болонка по-прежнему оставалась без хозяина. Отец Алена уходил с рассветом и возвращался с сумерками. А придя домой, рубил дрова, таскал уголь, ломал какие-то ящики, сколачивал какие-то доски, и если ему не находилось работы по двору, то возился в крохотном саду возле дома, в котором росло около десятка яблонь, переворачивая всё в нём кверху дном, а в выходные дни работы у него только прибавлялось — когда уж тут ему смотреть за собакой. Мать же всё время крутилась у плиты: что-то чистила, что-то резала, что-то кипятила, смешивала, переливала из одной посуды в другую — в общем, день-деньской не разгибает спины, а всё у неё дела не кончаются, — когда ей налить собаке поесть? Во всём доме без работы только один человек — Ален. Раньше весь долгий день он сидел в полутёмных комнатах, чинил машину, у которой отвалились колёса, или скакал на трёхногой лошади и всё равно не знал, как убить время, теперь же он не замечал, как подходила пора садиться солнцу. Вечно теперь он был на улице, вечно с болонкой. Вечером валился с ног от усталости, а утром снова начинал возиться с ней. Он выдумывал всё новые и новые игры: то они соревновались в беге, то боролись, то бодались, то перетягивали какой-нибудь прутик. В общем, у обоих у них не было ни минуты покоя.

Но положение белой болонки от этого не улучшилось. Ещё в тот день, когда она объявилась у дома, мать увидела, что Ален ту самую баранку, которую обычно приходится заталкивать в него

силком, да ещё следить, чтобы он не выплёвывал, а глотал, ест с необыкновенной жадностью, откусывая от неё поочередно со щенком; с той поры есть на улице ему было категорически запрещено и запрещено было выносить что-нибудь специально для щенка: кто мог поручиться, что, увлекшись, Ален не начнёт откусывать от того же куска. Ну а давать еду бездомной собаке, сливать в миску остатки супа по-прежнему никто в доме не считал своей обязанностью. Не по лени и не от жадности. От невнимательности. А в результате белая болонка иногда по нескольку дней кряду ничего не ела.

Густая шерсть не давала заметить, что упитанная когда-то, ухоженная болонка похудела, опала в боках, у неё проступили рёбра, что она вконец истощена. Разве что подумаешь, глядя на неё: какая она стала грязная, как свалялась на ней шерсть. Состояние, в котором она находилась, можно было угадать по её покрасневшим, постоянно теперь слезящимся глазам. Лишилась она и прежней своей игривости. Ален, у которого от постоянного пребывания на воздухе появился волчий аппетит, наестся утром до отвала и, икая, идёт во двор, а болонка всё ещё лежит под крыльцом, свернувшись калачиком и сунув мордочку в пах. Сытый Ален не понимает, в каком состоянии голодная болонка. «Щенок, щенок!» — зовёт он её. Тычет палкой, бьёт прутиком. И, наконец, заставляет подняться. Для него начинается игра, для болонки — рабочий день.

Постоянно голодная болонка взяла себе за правило регулярно обегать соседние дворы. На неё нападали другие, большие собаки, гоняли ребята. Но пустой желудок давал о себе знать, и болонка была вынуждена рыскать по округе. Она доедала объедки от трапезы какой-нибудь доброй овчарки, подбирала огрызки хлеба, выпавшие из мусорного ведра или оброненные играющими ребятишками.

В общем, поддерживала силы этими перепадавшими ей крохами, чтобы не протянуть ноги.

В один из таких её обходов болонку сбил на улице мотоцикл. Подросток, только учившийся водить, не смог справиться с управлением, а может быть, и нарочно наехал на неё. Всё это издали видел отец Алена, возвращавшийся с работы. Когда он подошёл к болонке, она дико верещала своим тоненьким голоском, царапая землю передними лапами. Отец не смог смотреть на неё и ушёл.

Всё равно болонка должна была подохнуть. Ален хотел пойти посмотреть, как она будет подыхать, но отец не пустил его.

Вечером во время ужина разговор за маленьким круглым столом крутился только вокруг белой болонки. Отец Алена упрекал мать. Собака-де, сказывают, удачу приносит дому, эта сама пришла — так ты не сумела хозяйкой себя проявить. Хоть и не говорит, а живая тварь, так ты и толики внимания ей не уделяла, кормить никогда не кормила. А ведь единственному твоему хворому мальцу какой забавой была — что так жадничала?

Был он хмурый и весь поникший и говорил, не повышая голоса. Жена не оправдывалась. Но она не считала виноватой только себя. Бедная моя головушка, сказала она, день-деньской торчу в этой могиле, сама от собаки мало чем отличаюсь, от единственного лёгкого теперь уж, поди, половинка только и осталась. Таскаю ещё свои кости — так кажется, что живая, а на самом-то деле тоже ведь труп уже. Когда ты, хозяин, сказал, что будем эту собаку держать у себя, когда ты сказал, что этот щенок наш, и надел на него ошейник? А если у тебя такая мысль была, то почему ты конуру ему не сделал, не посадил у конуры на цепь? Что мне, жалко для собаки помоев, которые я каждый день в уборную выливаю? Всё из-за тебя вышло так, и теперь на тебе грех за смерть невинного животного. В общем, не в лучшем ты свете, чем я...

А утром, выйдя на улицу, отец, радостный, тут же вернулся в дом.

— Ален, вставай, — сказал он. — Щенок твой живой, сам пришёл.

Ален, уже проснувшись, начал торопливо одеваться. Мать, никогда прежде просто не замечавшая щенка, вышла вместе с ними.

Болонка не смогла добраться до своего обычного места под крыльцом. Она лишь вползла во двор и упала там, у самой изгороди. Только глаза у неё и поблескивали.

Отец поднял болонку и отнёс под крыльцо. Подстелил ей соломы, солому сверху накрыл куском старой мешковины. Мать налила в оловянную миску тёплого молока. Накрошила в молоко хлебной мякоти. Ален начал было гладить болонку по голове, по спине, но отец остановил его, и он больше не беспокоил собаку.

Все думали, что болонка сдохнет в этот же день. Но до вечера она не подохла. И назавтра не подохла. Не подохла и на третий день. Наоборот, день ото дня ей становилось всё лучше. Наконец,

дней через пятнадцать–двадцать, она встала на три лапы. Задняя левая лапа, неправильно сросшаяся в бедре, осталась прижатой к туловищу.

После того как болонка, которую все приговорили к смерти, поправилась, хозяин снова перестал обращать на неё внимание. И без того ему было некогда. Жена его снова стала забывать кормить болонку. Ей со своим-то горем бы справиться, да и по хозяйству дел всё время выше головы. Даже маленький Ален, и тот перестал глядеть на своего щенка. Не годится он для игр, как поначалу. Несимпатичный, грязный, со свалявшейся шерстью — плохой щенок. Да и хромой к тому же.

Белая болонка, ковыляя на трёх своих лапах с улицы на улицу, как и прежде, бродила по дворам. Порою какой-нибудь совсем старый добродушный пёс, которому лень даже вылезти из конуры и полаять, отдавал ей остатки своего обеда из чашки. Иногда какая-нибудь дряхлая старуха, которая грелась на солнце у стены дома, опершись на палку и щурясь, поднималась и, сгорбившись, шла внутрь, выносила ей то ли корку хлеба, то ли кусок кости — в общем, что-нибудь такое, для чего у болонки была слишком маленькая пасть, а если и не маленькая, то не по её зубам. Болонка перебиралась на другую улицу, на другой двор. Хромую, её не трогала ни одна из встречных собак, никто из играющих мальчишек не бросал в неё камнем. Даже машины и мотоциклы, редко забиравшиеся на эти окраинные улицы, объезжали её. Но, хотя болонка и чувствовала себя в безопасности, уходить дальше двух-трёх ближайших улиц она не решалась. Боялась, что заблудится. Смутно припоминалось ей, что когда-то в далёкие, давние времена, едва успев прийти в мир, она выскочила на волю из большой комнаты, где было много мягкой еды и всяких сладостей, и в каком-то дурацком восторге пробежала, не останавливаясь, несколько улиц. К чему это приводит, она теперь знала. Поэтому каждый вечер болонка возвращалась на свой двор и ложилась на привычное место под крыльцом — укрытие от дождя и ветра.

Но выросшая в тёплом доме на мягком диване болонка не знала, что у природы бывают четыре времени года и что сейчас — середина лета.

ТУРСЫНАЛИ РЫСКЕЛЬДИЕВ

БЕЛЫЙ ВЕРБЛЮЖОНОК

Талгар и Шалкар после полудня перегоняли в аул с выпаса верблюдов, когда вдруг неожиданно апрельские облака, разбушевавшиеся и разошедшиеся, словно злая женщина, распустили волосы-струи и как начали исходить потоками слёз. Всё кругом вмиг окуталось мраком, будто собираясь поглотить все горы и долину вокруг. И показалось, что гром, загремевший с особой, устрашающей силой, и молния, сверкнувшая, метнувшись огненной камчой, хлестнули прямо по лбу эти чёрные дождевые облака, которые неслись, беспорядочно клубясь.

Верблюжата прижались к верблюдицам, и все скучились с подветренной стороны сосен, растущих вдоль дороги. Шалкар и Талгар тоже спешились со своих стригунков и спрятались под большой сосной.

— Ту-у, надо же какой дождь! Прямо как из ведра льёт...

— Верблюды не сдвинутся с места, пока дождь не стихнет, у них малые верблюжата.

Кратковременный дождь вскоре перестал. Вдвоём они погнали было своих верблюдов по направлению к аулу, но оказалось, что в балке поднялась вода. Когда же верблюды начали переходить речку, вспенившийся паводок, бурля и неукротимо рванув, словно самец верблюда во время гона, хлынул шумным, сокрушительным потоком.

Может, мальчиков уберегли ангелы или предостерегла судьба? А иначе неизвестно куда бы их могло занести бурным паводком. Услышав грохот и сильный гул, они, подтянув поводья своих стригунков, приостановились на берегу. А верблюды устремились вперёд, и все благополучно перешли через стремительный поток на противоположный берег, а вот маленького, только что ставшего на ноги белого верблюжонка мощный поток сбил с ног и, швыряя, прихватил с собой...

Недолго побесновавшись, апрельские кучево-дождевые облака суетливо-торопливо пронеслись мимо, а лес и небо — насколько хватало взгляда — засияли, словно зеркала.

Талгар и Шалкар застыли на своих стригунках, как будто каменные статуи, не отрывая взгляда от бурлящего потока паводка. Балка, как только проходила через приграничную зону, продолжалась по открытой местности и уходила по плоской равнине вдаль. Ребята издали отчётливо видели, как люди на той стороне в потоке, который прорвался на волю и теперь разлился, растекаясь, поймали белого верблюжонка.

— Куда они денут белого верблюжонка, куда поведут? — вытаращив глаза, тревожно спросил худощавый, смуглый Талгар, отличавшийся немного беспокойным нравом. — Раз белый верблюжонок нарушил границу, то его будут судить, да?

— Чего ты говоришь такое? Закон перехода границы белый верблюжонок не нарушал. Если уж судить, то пусть судят ливень да паводок, — ответил обычно покладистый рыжий Шалкар, разволновавшись, и у него набежали слёзы на глаза. — А что, если к тому же белый верблюжонок не знает о приграничных законах?..

— Оказывается, в некоторых странах судят даже мышей, нарушающих закон... Что теперь делать-то? Неужели мы на самом деле потеряем белого верблюжонка? Посмотри только! Те, что на той стороне, любуются им.

— Постой! Давай дождёмся, что дальше будет, что ты такой нетерпеливый!

В это время раздался протяжный, слабый рёв белого верблюжонка. Первородящая верблюдица, сама чудом уцелевшая после паводка и обессилевшая, услышав рёв верблюжонка, тоже подняла рёв-вопль, да такой душераздирающий, будто её душат всхлипывания. И тут Талгар и Шалкар переглянулись, заметив, как из сильно набухшего вымени животного, которое, казалось, вот-вот треснет, закапало густое жёлтое молозиво.

— Крик белого верблюжонка похож на детский плач, правда? Наверно, мать свою вспомнил, да?!

— Может, это тоска по родной земле, по родине? — спросил Шалкар.

— Значит, он, бедняга, тоже думает о родине!

— Скажешь тоже! Откуда даже крупным верблюдам знать о родине, не говоря уж о верблюжатах?!

— Родина — это же земля, где он рос, не так ли?.. Наш рыжий выхолощенный верблюд, проданный одному торговцу из Узбекистана, тосковал по родной стороне и сбежал оттуда, вернулся домой...

— Ну, хватит. Зачем лишние разговоры. Сообщим пограничникам на границе. А то лишимся белого верблюжонка...

— Давай. Пошли поскорее...

Верблюды тоже обходили, напирая друг на друга, железную сетку, которая была натянута вдоль приграничной полосы, и, подняв морды кверху и недовольно морщась, не отрывали глаз от той стороны, откуда раздавался голос белого верблюжонка. Они, похоже, тоже не хотели смириться с потерей белого верблюжонка. Рёв первородящей верблюдицы сильно разволновал Талгара и Шалкара, им было жаль её до слёз.

КЕНЕС ЮСУП

ТУТ И СКАЗКЕ КОНЕЦ...

— Давным-давно, давным-давно, когда дедов наших, прапрапрадедов не было ещё на свете...

— Ну пап, где ж ты гладишь? Я сказал же — под лопаткой.

— Сказки рассказывать или гладить?

— Ты что, папа, языком гладишь?

Алимтай тихо застонал. О времена, о дети...

— На чём мы остановились?

— Дедов не было... Пап, а где они были?

— Не родились ещё...

— Как не родились?

— Так, не родились, не ро-ди-лись. Не было их на свете!

Ертай горестно всхлипывает:

— Не хочу так. Не хочу, чтоб их не было!

— Хорошо, хорошо. Не хнычь. Они были маленькими. Совсем маленькими.

— Так бы и говорил.

Ертай торжествует победу.

О господи, как трудно в наше время быть отцом! Алимтай до звона в ушах напрягает голову, старается придумать что-нибудь покороче, чтоб поскорее избавиться от этого маленького тирана. Но не тут-то было. Ертай будто догадывается о замысле отца и нарочно требует подробностей, выспрашивает: а почему, а как?

Мальчишка уже привык, что каждый вечер отец приносит ему новую сказку. И попробуй отказать — оружие наготове: слёзы. Разве устоишь против них? А хитрый бесёнок чувствует: в слезах — его сила, и пользуется ими без смущения. Каково тут отцу? Где Алимтай должен каждый день брать новую сказку? Пробовал он повторяться, но тут же был пойман с поличным:

— В прошлый раз по-другому рассказывал!..

Вот тебе и обвинение — враль. Но если бы только это. Нет, опять слёзы — не так, не так! — и категорическое требование повторить слово в слово всё, что говорилось раньше. Не память нужно иметь, а электронно-вычислительный центр. Лучше уж новое придумывать — меньше мороки.

Когда же ты вырастешь, мучитель? Разламывайся у отца голова, падай он от усталости, будь у него совершенно скверное настроение из-за каких-нибудь неприятностей на работе, но он обязан рассказывать сказки. Сказки, сказки, сказки! Без конца.

Может, права Нурила? Она не очень-то считается с капризами сына. Чуть что не по её — отшлёпает. И не охнет, будто так и надо. Если Алимтай начинает возмущаться, она лишь отмахивается: мол, если иногда его не приводить в себя, на голову сядет.

— Я уже света белого не вижу! — вздыхает она иногда.

— А без него видела бы? — ехидничает Алимтай.

Пока Ертай не ходил и приходилось до немоты в мышцах таскать его на руках, Алимтай с нетерпением ожидал часа, когда сын, наконец, подрастёт. Потом стал ждать, когда он заговорит. Хоть смог бы, пусть невнятно, напомнить о своей нужде и не марал бы так часто штанишек. Природа не заставила ждать, прислала и такой день.

Вот тогда-то впервые и пришло ему в голову страшное слово — воспитание. В воображении Алимтая оно приобрело форму огромного вопросительного знака. Мало того, вопросительный знак этот имел свойство оживать и тогда начинал походить на ядовитую змею, которая, казалось, так и старается ужалить. В поисках противоядия Алимтай буквально измусолил с десяток книг. В первую очередь, конечно, Сухомлинского и Спока. И открыл парадокс: в книгах — полезного много, а вот подходящего — мало. Оказывается, быть воспитателем и родителем — это далеко не одно и то же. Против строгости и требовательности воспитателя вынимают шпаги любовь и жалость родителя. А может, и вообще воспитывать не нужно, потому что характер заложен в генах? А? Эх, если бы это было доказано, как легка бы стала жизнь мам и пап...

Однажды близкий приятель Алимтая сказал:

— Скинь паранджу с истины и ты кое-что увидишь.

— Слишком загадочно. Нельзя ли поясней?

— Всё очень просто. Это не я воспитываю ребенка, а он меня. Да-да, не таращь глаза. Я — воспитанник, потому что свои поступки я взвешиваю на его безмене.

— Значит, скоро тебя можно будет увидеть рядом с ним на горшке? — усмехнулся Алимтай.

— Рассказывают, один мудрец сказал: «С того счастливого дня, когда Аллах подарил мне младенца, я раздвоился. Если первый «я» — действую, то второй «я» — наблюдаю, оцениваю, а значит, занимаюсь самовоспитанием». Так-то!

— Очень умно! Только какой мне прок от этих высказываний?

— Алимтай, брат мой, но что я могу тебе посоветовать, что? Сам в таком же положении. Дома для меня уже не жизнь, а тихое-тихое существование — только бы он, мой сорванец, не замечал меня. Не знаю, как твой, а мой, чертёнок, изобретательный: то верблюд я для него, то черепаха. Так колени измурыжишь за вечер — опухают. А ему что? Поездил на тебе и — доволен. Только во сне и ангел... И хоть бы кто пожалел меня! Где там! Жена: «Сам, говорит, виноват». А в чём я виноват? Что ремня не снимаю? А как тут снимешь? Отец мой, сам знаешь, на фронте погиб. Не видел я отцовской ласки. Не могу быть жестоким. Вот и попал под власть собственного чада.

Так рассуждал приятель. Может, и правильно рассуждал?..

Каждое утро начинается с уговоров.

— Ереке-е! Вставать пора.

— Ещё немножко, папочка.

Минута, пять, десять — хватит.

— Проснись же, Ереке, сегодня к вам в садик, наверное, заяц в гости придёт!

Если бы всегда можно было обманывать, обещая визиты слонов, носорогов, леопардов!.. Но уже в следующий раз малыш не только не желает подниматься, но и в садик его приходится вести почти волоком. Благоразумие покидает Алимтая, он призывает на помощь воспитательниц:

— Сделайте же так, чтоб он не ревел!

— Очень интересно! Может, подскажете — как? — это воспитательница начинает заводиться.

Если бы он сам знал — как! Но теперь уже отступать поздно. И он, очертя голову, лезет в конфликт:

— Отвлеките его чем-нибудь, — поучает Алимтай. — Займите!

— Отвлеките, займите! А вы, значит, в сторонку?

— Ну, придумайте что-нибудь! Обманите!

— Детей обманывать нельзя!

Вышедший из себя Алимтай спешит удалиться. В этот день он уже не может ни на чём сосредоточиться, раздражается по каждому поводу.

— Опять плакал? — спрашивает лаборантка Люся.

Ища сочувствия, Алимтай вздыхает.

...И вот настал день, когда Алимтай выдохся. Кончились сказки. Обошёл все книжные магазины — может, что-нибудь попадётся? Тщетно. В душе проклял работников издательств, но легче от этого не стало: сказок-то всё равно не было.

И надо же так — когда он совсем отчаялся, неожиданно вспомнил сказку о Золотой Птице, которую ещё в младенчестве ему рассказывала бабушка. Золотая Птица была истинным кладом, неисчерпаемой золотой жилой. Умеючи, можно было совершенствовать сказку до бесконечности. Золотая Птица сегодня отправлялась в Африку, встречалась там с обезьянами, спасала их от нашествия коварных леопардов. Завтра она перелетала в Новую Зеландию... И так далее. Страны, которые посетила Золотая Птица, Алимтай отмечал на карте красным крестиком.

Игра нравилась ему самому. Теперь между делом он обдумывал сюжет будущей сказки, в обед забегал в библиотеку, выскребал из БСЭ необходимые данные, а там оставались детали...

Кроме всего прочего, Золотая Птица посылала Ертаю конфеты, игрушки, билеты в цирк. Только вот встретиться с ним ей всё было некогда.

— Наконец, утомлённая долгой дорогой, Золотая Птица вернулась домой и уснула в своём гнезде, высоко в горах...

Кажется, это заключение уже стало вырабатывать у Ертая условный рефлекс: он тут же начинал посапывать, а через несколько минут крепко спал.

...Из последней командировки Алимтай привёз сыну огромного игрушечного медвежонка.

— Это тебе от Золотой Птицы...

— Не ври, — разозлился Ертай. — Нет никакой Золотой Птицы. Всё ты придумал, чтоб обмануть меня.

У Алимтая стало сухо во рту. Мгновенье он смотрел на сына ошарашенно, потом перевёл взгляд на Нурилу и сразу же догадался обо всём.

— Зачем? Зачем ты отняла у него Золотую Птицу?

Он уже готов был взорваться, накричать на неё, нагрубить, унизить. Но Нурила упредила, сама кинулась в атаку:

— Твоими фантазиями я вот так сыта. Довольно с меня... Пусть растёт, как все другие дети...

Алимтай опешил, не мог вымолвить ни слова. Только вздохнул и ушёл к себе в комнату.

Вечером, видно, почувствовав, что она вела себя не лучшим образом, Нурила, как бы прося прощения, рассказала:

— Заладил вечером: сказку да сказку. Карту принёс. Я взялась было рассказывать, но ничего не придумала. Потом сказала, что Золотую Птицу медведи съели. Кто ж знал, что он так разревётся!.. Никак успокоить не могла — сама испугалась до смерти. Ну и сказала: мол, нет никакой Золотой Птицы, не было, всё это выдумал отец.

Алимтай долго не мог уснуть. Чувствовал, опустело в душе, будто он навсегда что-то потерял. Уже потом понял, что ему самому жаль было расставаться со сказкой, так прочно вошедшей в его жизнь.

Взрослые тоже жалеют об ушедшей сказке.

КАДЫРБЕК СЕГИЗБАЕВ

ЗАЧЕМ АРХАРУ БОЛЬШИЕ РОГА?

I

— Поехали, дитя моё, — сказал дедушка внуку Кошану, оседлав своего коня по кличке Акжал[1]. — Надо поглядеть, что там в лесу делается.

Кошан в поисках пропавшего телёнка забредал порой на небольшие холмы близ аула. Но ему ни разу ещё не довелось побывать в поросших густыми лесами ущельях и на склонах высоких гор. Вот почему он радостно закричал:

— Ура, я тоже побываю в горных лесах!

— Оу, жеребёнок мой, ну зачем тебе понапрасну мучить себя жаждой? — завела было свою привычную песню бабушка, тут же подыскав удобный повод удержать внука дома. Однако дед вмиг отмёл возникшую помеху, сказав беспрекословным тоном:

— Ничего, чем день-деньской гоняться меж домов за ягнятами-козлятами, мальчику полезней с малых лет узнать ущелья и вершины родных гор. Лучше налей-ка айран[2] в дорожный торсук[3].

После этого Кошеке[4] было недосуг не то что слушать чьи-то советы, а даже прихватить для себя кое-что из верхней одежды. Теперь ни на пядь нельзя было отставать от своего деда. Как только, усевшись вдвоём в седле, выехали из аула, внук уже успел задать свой первый вопрос. Разумеется, он прекрасно знал, как разговаривать с дедом. Бывало, он задаёт своему отцу два вопроса подряд, а тот сразу его упрекает: «Ой, да ты, оказывается, несносный болтун». Ну а деду хоть сто вопросов задавай — тому никогда не надоедает поговорить со своим внуком.

---

[1] Акжал (кличка коня) — в пер. «белогривый».

[2] Айран — кисломолочный продукт.

[3] Торсук (жанторсык) — бурдюк (посуда из кожи для хранения и перевозки жидкостей).

[4] Кошеке — уважительное от «Кошан».

— Ата[1] , а лесником быть хорошо?

— Конечно, хорошо, дитя моё!

— Потому что можно видеть и медведей, и волков, да?

— Э-э, конечно, видишь, кого только ни увидишь...

— А маралы-архары тоже встречаются?

— Разумеется, когда изо дня в день объезжаешь лесистые горные склоны и ущелья, можно встретить всяких диких животных...

Кошан без устали задавал вопросы, а белогривый конь без устали поедал дикий клевер.

II

Немало вопросов было задано, немало ответов — получено, большая часть айрана из торсука была выпита, когда Кошан увидел вдруг лежащий под обрывистой скалой непомерно большой рог.

— Ата, ата, а чей это рог?

— Это рог архара, дитя моё.

— А зачем архару такой большой рог?

— Дитя моё, — сказал дед, слезая с коня, — ты сперва рассмотри хорошенько этот рог, а потом сам попробуй найти ответ на свой вопрос.

— Нашёл я, нашёл, — сказал Кошан, стараясь поскорей ответить дедушке. Он ещё не совсем понимал, что торопиться с ответом не следует. Вначале надо обдумать всё, сообразить, что к чему.

— Это чтобы не бояться волков.

— Нет, дитя моё, архар не может испугать волка большими рогами. Наоборот, бежит от него. Только благодаря быстрым ногам и спасается от волков.

— Тогда рога ему нужны, чтобы бодаться с другими архарами.

Дедушка был очень огорчён ответом своего внука.

— Ты бы не торопился тотчас отвечать на вопрос. Подумал бы. Ты уже не тот малец, что раньше, ты ученик третьего класса. Покопался бы в разных книжках и журналах, — сказал дед. — Это вот как бывает. Когда ты много потрудился, чтобы найти себе пищу, тогда она и усваивается лучше. Если ты хорошенько помучаешься, чтобы найти ответ на трудный вопрос, тогда свой ответ уже

[1] Ата — дедушка.

никогда не забудешь. Ты сперва рассмотри хорошенько, исследуй этот рог. Потом расскажи мне, что заметил.

Кошан с трудом сдвинул выбеленный временем голый череп с зияющим вместо носа отверстием, а также лобной костью, цельно переходящей в мощные витые рога. Перевернул и рассмотрел его. Однако так и не понял, какую часть рогов надо «исследовать» и беспомощно оглянулся на деда.

— Ну, и что ты заметил?

— Ничего.

— Тогда давай объединимся и вдвоём проведём исследование, — сказал дедушка. — Ты сперва посчитай кольца на рогах.

— На каждом по четырнадцать колец.

— Хорошо, а о чём говорят эти кольца?

— Не знаю, может, они для красоты.

— Если не знаешь, то узнай, дитя моё. Такие большие рога бывают только у архара-самца, а у самок рога бывают маленькими, как у козы. На их рогах тоже бывают кольца. Каждый год к рогам архара по одному кольцу прибавляется. Выходит, рога, которые мы видим, говорят, что они принадлежали архару, который прожил четырнадцать лет. Архары в среднем живут 14–15 лет. Это означает, что эти рога принадлежали старому архару. Что ты ещё заметил?

— Не знаю... Они до сих пор ещё блестящие.

— Ты правильно заметил, молодец. Если бы этот архар погиб давно, его рога на солнце потеряли бы уже блеск. Потому что верхний слой стал бы разрушаться и шелушиться. Через шесть-семь лет рога превратились бы в рыхлые иссохшие кости. Выходит, этот архар погиб или стал жертвой волков прошлой зимой. Обрати внимание, где лежали эти рога. Они ещё на поверхности, не засыпаны наносом, не ушли пока в землю. Если мои слова сейчас западут тебе в душу, ты позже и сам разгадаешь немало тайн природы.

Ну а почему у самца архара большие рога, ты уж сам подумай и найди ответ.

III

На обратном пути Кошан был уже не в силах беспокоить деда нескончаемыми вопросами, а потому старался поскорее найти ответ на единственный вопрос, заданный ему самому. Правда, он так и не додумался ни до чего.

Акжал пустился, объезжая густые леса, в свой каждодневный путь по протоптанной им тропе и поднимался всё выше в горы. Из густых зарослей калины с шумом взлетали тетерева. На безлюдных просторах горных долин вольно паслись жирные сурки. Когда один из них, завидя конных людей, поднимал сигнал тревоги, все остальные устремлялись к своим норам. Карканье ворон, стрекотанье сорок, пение певчих птиц — всё составляло прекрасную музыку, свойственную лишь лесам высокогорья. Несмотря на жгучий интерес Кошана к этим чудесам, в голове его постоянно вертелась одна заданная дедом загадка: «Зачем архару большие рога?». И ему самому надо искать ответ на свой вопрос.

Этот вопрос Кошан, вернувшись домой, задавал и старшему брату, и матери с отцом. Однако толком никто ничего не смог сказать. Только отец, читавший как-то интересную статью в научном журнале, сказал, будто в ней говорилось, что «большие рога нужны архарам для охлаждения крови при скоростном беге». Кошан так радовался, будто одним выстрелом не двух, а семь зайцев уложил. Помчался к дедушке, пересказал слышанное. Старый лесник немного призадумался, потом сказал: «Вот об этом мы знать не знали...»

IV

И после этого случая дед не раз брал Кошана с собой на лесные прогулки. Однажды, обозревая окрестности в бинокль, показал ему самца архара, стоявшего на макушке одной из самых высоких вершин горной гряды Кызылшагыла. Огромные витые рога архара были подобны сводам купола и выглядели великолепно. Да и сам архар был похож на отлитую из бронзы величественную статую.

— С тех пор как этим животным не приходится слышать ружейные выстрелы, они потеряли страх и становятся всё беспечнее, — говорит дедушка. — Ну, Кошантай[1], ты подкрадись по этой ложбине поближе к архару, заляг с ружьём и наблюдай за ним. Сегодня, может, найдёшь ответ на вопрос, который как-то задавал мне.

Сам дед, прячась, пробрался по балкам к своему коню, сел на него и скрылся в густом тальнике. Ну а Кошан, пригнувшись до самой земли, подкрался с биноклем поближе к стоявшему к нему

[1] Кошантай — уменьшительно-ласкательное от «Кошан» (тай — жеребёнок).

боком архару и стал следить за ним. Самец, красуясь, продолжал стоять, грея под солнцем свою спину. Такой величавый, и стать у него особо торжественная. Внимание мальчика вдруг привлекло какое-то движение на склоне скалы. Он отчётливо разглядел там с десяток архаров, погруженных после пастьбы в дрёму. Рассмотреть лежащих среди тёмно-коричневых камней животных с их тёмно-коричневой шкурой было бы нелегко без бинокля, который будто притянул и положил архаров прямо у него под носом. Сердце Кошана гулко забилось. То ли он почувствовал, будто лежит прямо среди диких животных, но им как-то завладел страх. Через какое-то время Кошану показалось, что самец, который, застыв, стоял, будто страж на часах, вдруг резко глянул назад. И тут же сделал два-три прыжка, потом резво прянул в сторону и снова с опаской бросил вгляд назад.

Между тем, как заметил мальчик, по склону холма, что высился с другого боку самца, медленно поднимался вверх его дед на коне. Бедное животное, кажется, не осмелилось бежать в ту сторону, прыгнуло в следующий миг с высокой отвесной скалы и стремительно пронеслось камнем вниз. «Всё, погиб!» — пронзила Кошана холодом ужасная мысль. Раздался резкий, как ружейный выстрел, звук упавшего тела. Сероватое тело дважды перекувыркнулось, затем вскочило и устремилось наискосок по склону к стаду, уносящемуся во всю прыть в даль. Он величаво откинул огромные рога к спине и стремительно скользил миражом над землёй. А у мальчика в мыслях застрял один-единственный вопрос: «Как, спрыгнув с такой высоты, он остался жив?»

— И правда, как он остался жив? — спрашивает подоспевший к нему дед, пряча улыбку. — А ты, видно, не приметил, дитя моё? Днём, когда архары пасутся, вожак забирается на вершину и стоит на страже своего стада. В минуту опасности ему приходится прыгать с высокой скалы. Когда он прыгает, то приземляется не на ноги, а пробороздит рогами землю, перекувырнётся и идёт себе дальше. Потому-то у архара рога непомерно большие, потому у других животных и не бывает таких крепких костей черепа. Вот, дитя моё, как раз в этих непомерно больших рогах и состоит одно из известных нам достоинств архара, — договаривает дед.

Кошану нечего возразить после чуда, которое он видел собственными глазами.

БЕЙБУТ КОЙШИБАЕВ

СОЛНЦЕ С ЗАПАХОМ ПОЛЫНИ

Сегодня день рождения Зауре.

Зауре — самая красивая в мире девушка. Красивая и в жизни, и на фотографии... Это фото она мне подарила. Давно, правда, когда мы были ещё в восьмом классе. Но я всегда ношу его с собой, в нагрудном кармашке. Нет-нет и погляжу, когда никто не видит.

Вот и сейчас достаю, отвернувшись к окну полупустого троллейбуса. Какие глаза смотрят со снимка! Мало того что красивые, так ещё умные-умнющие. Но всё равно, портрет не передаёт всей её красоты.

Сегодня её день, и я еду к ней. Прячу фотографию, встаю и, едва троллейбус останавливается, пулей вылетаю наружу. Спешу к большому белому дому и... едва не сталкиваюсь с нашим одноклассником, Канатом. Вот некстати-то!

И только сейчас мне в голову приходит, что он тоже мог быть приглашён вместе с нами.

Как уверенно он держит свёрток под мышкой и подаёт мне руку, твёрдую, негнущуюся. Мы входим в лифт, нажимаем кнопку с восьмёркой, с лёгким вздохом закрываются двери, и сквозь дырочки в кабине видно, как мимо змеятся шуршащие тросы.

Канат между тем вынимает солидную книгу. «Маленькая энциклопедия большой кибернетики» — читаю я на блестящей кожаной обложке.

— С трудом достал, — произносит он значительно.

Его у нас считают интеллектуалом. В науках он чувствует себя вольготно, словно садовник в своём саду, — берёт и пробует любой плод на выбор. Я ему тайно завидую. Хоть по математике, хоть по физике он щёлкает задачки как семечки. И вот ведь что главное: Зауре — тоже так. Если кого из них двоих вызывают к доске, начинается настоящий турнир эрудитов. Как только Канат — допустим, Канат — пишет на доске свои уравнения, Зауре уж поднимается:

— А у меня решение другое...

Канат — своё, она — своё. Формулы так и сыплются градом. А учитель слушает с нескрываемым удовольствием, покачивая головой и лишь изредка вставляя замечания.

Я бы тоже рад встрять в это состязание, но куда мне! Хотя и я читаю книжки по физике, но такой уж, видно, я бесталанный. Порой учу, учу, а всё будто не свою голову наполнял. Не укладывается, чтоб в нужный момент вот эдак блеснуть.

Говорят, человек своими свойствами обязан генам. Так, видно, во мне какой-то негодный для точных наук ген затесался. С одной стороны, я знаю об этом, а с другой — меня всё-таки тянет к физике. И каждый раз так и подмывает вмешаться между ними. Может, потому, что мне просто невмоготу созерцать это единение, эти совместные интеллектуальные игры Каната и Зауре. Они шутя перекидываются физическими формулами. А я после каждого такого урока чувствую, как между мной и ею вырастает стена, ложится пропасть. И я назло генетике стремлюсь овладеть физикой...

Сейчас я в душе уже закипаю — этот Канат нарочно демонстрирует тут общность их с Зауре наклонностей.

— Да, хорошая книга, — цежу я невыразительно...

Дверь распахивается, и мы вручаем нарядной Зауре подарки: Канат — свой объёмистый том, а я букет гладиолусов и книжку стихов. Я дарю гладиолусы, наверно, потому, что сам их люблю — и цветы, и листья, похожие на богатырские мечи. Почему богатырские, сам не знаю. Но обязательно богатырские.

Зауре благодарит нас, своей нежной рукой она крепко жмёт мне руку, и я чувствую новый прилив обожания к ней. Терпеть не могу, когда девчонки, здороваясь, томно подают кончики пальцев — кажется, будто держишь дохлую рыбу. Зауре не такая, уже одно её приветствие стоит целой жизни.

В гостиной, кроме хозяйки, трое девочек и Сакен. Он крутит ручки приёмника. Вот остановился — льётся такая знакомая бетховенская мелодия. Сакен отставляет стул, скрещивает руки на груди. С полузакрытыми глазами он медленно покачивается в ритм музыке из стороны в сторону. Симфоническую музыку он понимает отлично. Впрочем, увлекается ею и Канат. Но задавака Канат не стоит и ногтя Сакена. Это факт! Сакен — не просто интеллект, Сакен — это личность! Он увлечён «великой проблемой

воспитания». Во всяком случае, так говорит он сам об этом. Всего, что он толкует по этому поводу, не перескажешь, но суть в том, что молодёжь, по его мнению, должна нравственно совершенствоваться в объединениях по интересам. По его словам, вся задача сводится к «развитию клубной системы». При этом он подтверждает свои слова ссылками на классиков. И тут он нашего Каната-интеллектуала за пояс заткнёт. Канат, я думаю, вообще мыльный пузырь, лишь бы блеснуть...

Музыка кончается.

— Европа! — восклицает Канат таким тоном, будто Европа его собственность.

— Да, прелестно, — поддерживает и Зауре.

И девочки кивают восторженно.

— А ведь сам Бетховен не называл её «Лунной», — произносит Сакен. — Сначала она была просто без названия... — По своему обыкновению он углубляется в историю сонаты. Рассказывать Сакен умеет, надо отдать должное. Впрочем, и остальные стараются вставить словечко. Все ещё продолжают смаковать услышанное, кажется, даже чуть-чуть причмокивают.

— А ты что молчишь? — улыбается мне Зауре. — Или недоволен?

И хотя мне тоже «Лунная» нравится, конечно, я неожиданно для самого себя отвечаю ворчливо:

— Ну её, вашу симфонию!

Я говорю то, чего не думаю и не чувствую. Просто назло всем остальным, особенно Канату. Серьёзную музыку я в самом деле люблю и даже немного играю на пианино. Но об этом мало кто знает. И сейчас я не признался бы, хоть золотом меня осыпь. Может, я дурак, но иначе я не могу.

— Да знаем, знаем, что не любишь, — как бы соболезнуя, вздыхает Зауре.

А она-то серьёзно так думает!

Дело же вот в чём. У нас в комитете комсомола Зауре отвечает за художественную самодеятельность, а Канат у них — лучший скрипач. Так вот, как-то раз для него не нашлось аккомпаниатора, чтобы выступать на школьном концерте. Зауре обратилась ко мне, но так нерешительно, что сразу было видно — на всякий случай, но ни на миг не верит, что я умею. И я отказался. Наотрез. Вообще,

посудите сами — он будет красоваться на сцене, блистать, а я — помогать ему в этом! Да вдобавок по поручению Зауре! Она не переспросила меня тогда, а я ответил, как сейчас, назло:

— Терпеть не могу скрипичного писка.

Конечно, теперь она судит обо мне по тому случаю. И я ещё подливаю масла в огонь:

— То ли дело естественный звук кобыза. Со струнами из конского хвоста. Натёртыми смолой.

И слышу возмущённое:

— Консерватор!

На глаза мне попадается висящая на стене домбра.

Достаю её и начинаю потихоньку наигрывать «Думы» Тленды. Вещь прекрасная, в ней и грусть, и любовь, и мудрость.

— О чём сия фантазия? — саркастически бросает Канат.

Думы написаны в манере кюя, народных музыкальных пьес, которые игрались казахами, когда они не знали фортепьяно и многого другого. Наш эрудит продолжает острить, не отстаёт:

— Ну, поведай же нам, как называется твоя фантазия.

— Кюй, — говорю я серьёзно. — Это называется кюй.

Меня заглушает пластинка. Грохочут литавры, через несколько тактов начинает жалобно стонать саксофон. Танцы. Первыми поднимаются неразлучные подруги Зейнеш и Гайни. Они вместе всюду, и танцуют они одной парой. Сакен выходит со своей Марал. Эти двое — друзья. Канат приглашает Зауре. Потому что я в нужный момент нарочно стою отвернувшись и прикидываюсь, что мне не до танцев.

И вообще. Наверное, во мне сидит чёрт какой-то, заставляющий делать не то, что нужно, не то, что делают другие, говорить всё наоборот, даже во вред себе. Конечно, мне самому от этого хуже всех. Ведь я хочу же танцевать с Зауре. И хочу же нравиться. Ещё как хочу!

Я наблюдаю за танцующими, не отрываясь, слежу за Канатом и Зауре. У меня тошнотворно кружится голова от его бешеного верчения. Парень тоже! Вихляется вокруг Зауре, дрыгая руками и ногами. Лично мне это напоминает доисторических людей, пляшущих в отблесках костра. Точно. Только раздеть и нацепить им набедренные повязки. Можно ещё деревянное копьё с каменным наконечником в руки — для полной достоверности.

Но нет, это всё подходит к кому угодно, кроме Зауре. Она в любом положении хороша и изящна. Недаром говорит Сакен, что, откройся у нас танцклуб, они с Марал были бы двумя королевами танца. Движения Зауре музыкальны даже в этом диком вихре. Она вся — грация. Ах, бедное моё сердце, оно комком подкатывает к горлу, и каждое движение Зауре так и кричит, какой я дурак, что не опередил Каната. Хотя, правда, не люблю этот танец. Но пусть! А этот тип — он явно без ума от Зауре. Его физиономия об этом откровенно заявляет всем и каждому. Он всегда, что б ни делал, сразу смотрит, понравилось ли ей. В школе ли, в компании ли — он весь к её услугам.

Хорошо ещё, что Зауре не всегда за него.

Мы давно переписываемся с ребятами из Дели. Вместе читаем их письма, вместе придумываем ответы. Техническая сторона дела возложена на Зауре: она лучше всех пишет по-английски. Как-то мы сидели вот так, и кто-то сказал:

— Давайте расскажем о наших древних городах.

Канат сморщился:

— Что мы о них знаем! И вообще, зачем тревожить прах веков! Давайте лучше о Расуле Гамзатове. По-моему, нет ни одного современного поэта лучше.

Я разозлился:

— Можно подумать, правда, о Расуле тебе есть что порассказать!

— На спор, — говорит он, — могу полчаса наизусть читать его стихи. У меня есть трёхтомник.

— Вот как? Тогда вспомни, что там написано: «Если выстрелишь в прошлое из пистолета...». Ну, как дальше? А?.. «То будущее выстрелит в тебя из пушки».

— Я знаю, да спорить нет охоты, — возражает Канат.

Все смеются. И Зауре тоже смеётся.

Мы пишем индийским друзьям о том, как в древности стояли на нашей земле города, крупные центры культуры, как постепенно войны и стихия превратили их в руины. Пишем о караванных путях и о том, как теперь ведутся раскопки в мёртвых цитаделях, похожих на песчаные холмы. Дружно придумываем фразу, а Зауре своим красивым почерком переносит её на чистовик. Чаще всего она записывает сочинённое мною. Когда она со мной заодно, я забываю о существовании Каната, я сижу абсолютно счастливый

и поглаживаю кармашек, где лежит фотография. Ведь она сама подарила мне это фото. Никто не дарит таких вещей человеку неприятному!

Сакен ставит на радиолу вальс. Он и Марал — победители нескольких городских конкурсов бального танца. Я кидаюсь к Зауре. Она без слов кладёт мне ладони на плечи, и мы на мгновение застываем, чтобы попасть в такт.

Я не чувствую её веса, она парит в моих руках как пёрышко на ветру, и я кручу её в любом направлении совершенно без усилий, будто она моя частица, — так согласованны наши движения... Нет, быть не может, что она ко мне равнодушна.

Потом мы садимся за дастархан[1]. Слышен запах отменного кумыса. Сакен закрывает глаза и сладко вздрагивает. Мы сдержанно отхлёбываем понемногу и ставим пиалы на стол.

— Полынью пахнет, — замечает Зауре.

Она ест баурсак и подносит пиалу к тонким губам. Я смотрю на неё, а вижу полынную степь. Табун лошадей. На жели[2] множество жеребят, прелестных, изредка тонко ржущих. Я каждый год бываю в ауле нагаши[3]. Там много солнца и полыни. Там лошади и кумыс. Всё это мне очень нравится. Не знаю почему. Я как-то и не думал, что другим тоже может быть приятен запах полыни... Оказывается, и ей он доставляет удовольствие, этот горьковатый солнечный запах, примешанный к кислому молоку. Я это хорошо вижу и делаюсь ещё счастливее. Счастье просто ослепляет меня.

— Да, пахнет полынью, — подтверждает Канат, и по интонации его ясно, что ничего приятного он в этом не находит. Хотел поддакнуть Зауре, а вышло наоборот. Вот сейчас она поставит его на место и он, конечно, тут же согласится. И всегда так. Будто он не человек, а кибернетическая машина, а Зауре его программирует как хочет.

Я не умею так по-собачьи смотреть и заискивать.

— Канат похож на кибера, — громко говорю я.

Девчонки хохочут. Он, конечно, вне себя. Со страхом вижу, как бледнеет Зауре. И сердце моё леденеет.

---

[1] Дастархан — скатерть, а также накрытый угощением стол.

[2] Жели — канатное приспособление для привязи жеребят в дойный день.

[3] Нагаши — родственник по линии матери.

— Такое не идёт к дастархану, — вмешивается Сакен. — Лучше бы поговорили про «Кыз-Жибек»... Разве не все знают? На закуску приготовлены билеты в оперу. На когда? На сегодня, конечно. Встанем из-за угощенья и пойдём слушать «Кыз-Жибек».

Атмосфера разряжается, все громко радуются.

Я выхожу на балкон, закрываю за собой дверь, — сразу музыка стихает, растворяясь в уличном гаме. В глаза ударяют лучи вечернего солнца. Гляжу вниз, тротуар в тени. Мчатся автомобили. Всё разноцветное, пёстрое: и машины и люди.

Вдруг опять хлынул потоком оркестр: дверь отворилась. Слышу шаги за спиной. Я не поворачиваюсь, смотрю на проходящий мимо троллейбус. Ещё один лёгкий шажок. Потом голос Зауре:

— Каким думам предаешься, Тендик?

На миг меня охмеляет удивительная мысль, вернее, ощущение, — кажется, будто между нами давным-давно всё ясно, мы давным-давно любим друг друга, только молчим. Она стоит рядом, я смотрю в её глаза и всё думаю о том же.

— Наверное, опять ты во власти какой-нибудь дерзкой идеи? — улыбается она. — Бунтарь-одиночка.

Я молчу, потому что никак не могу освободиться от чудного самообмана. Она облокачивается о перила. Наконец её вопрос доходит до меня.

— Дерзкой идеи?

Она смеётся.

— Ты что, обиделся? — Голос ласковый. И вдобавок тёплым светом наполняются глаза за длинными густыми ресницами. Я уже ничего не ощущаю, я словно повисаю в воздухе и долго плыву над землёй, плыву целую вечность. Слова Зауре возвращают меня к действительности.

— Всё-таки порой твои штучки переходят все границы. Ты был бы совсем отличным парнем, если бы не выходил за рамки общепринятого на каждом шагу. Всегда ты не как все...

— Если все станут класть соль в чай вместо сахара, я должен тоже?..

— Ах, ты никому не веришь, — бросает она досадливо.

Какое быстрое отрезвление. И говорить больше не хочется. Только боль в груди. Наверное, она обыкновенная девушка, смазливая — и всё. Ничего больше.

Из комнаты доносится:

— Скорее, ребята, опоздаем...

Театр неподалеку. Мы приходим вовремя и занимаем свои места: я, рядом Зауре, рядом Канат...

Занавес поднимается. И я забываю о них обо всех, я телом и душой там, с героями «Кыз-Жибек». Я весь в их судьбе. Да и не я один, конечно, не я один захвачен происходящим на сцене. Должно быть, Зауре тоже... Я на миг отвожу глаза, чтобы увидеть отзвук музыки на её лице. Оно порозовело, зрачки расширены. Как волнуется!..

И тут я замечаю, что они двое сидят, взявшись за руки.

Тёмно-фиолетовая завеса обволакивает меня. Я перестаю слышать и видеть. Какая измена — измена тому миру, что царит сейчас в зале, созданному искусством... Потом дым рассеивается. Я чувствую, как во мне струится ледяная кровь. Я смотрю перед собой, но артисты словно исчезли, вернее, они движутся по сцене, что-то поют, но это уже не имеет никакого значения...

Я поднимаюсь и быстро иду к выходу. Никто из одноклассников не замечает моего ухода, только зрители в проходе поспешно убирают ноги, освобождая мне дорогу. Что-то говорит билетёрша, но я не понимаю её. Молча выскакиваю на улицу, ныряю в вечернюю прохладу, как в речку.

Тёмное небо. Над городом как будто натянута угольно-чёрная кошма с бесчисленными дырочками-звёздами. Кошма, побитая молью.

Я бреду домой и размышляю устало: «Разве есть в мире что-то постоянное? Всё так быстро кончается. Особенно хорошее, особенно очень хорошее... Часто именно хорошее... Часто?..» Я пытаюсь вспомнить ещё что-нибудь грустное из прошлого, ещё что-нибудь столь же мучительное, и не могу. Сегодняшний день заслонил собой всё... Может быть, я ошибаюсь?.. Ужасно хочется ошибиться.

И сухой шорох шин провожает меня всю дорогу. И напоминает порой звук ветра в знойной степи... И я думаю ещё, что надо отпроситься дома и уехать хотя бы дня на два туда, в аул, где солнце с запахом полыни и тонкое ржанье жеребят на жели.

МАДИ АЙЫМБЕТОВ

ГНЕЗДО АИСТА

Провыли, отсвистели холодные мартовские ветры, похоронив серый ноздреватый снег, и в наш кумозекский аул, не задержавшись в горячих краях, приплыла чета белых аистов. Снова птицы поселились на соломенной крыше верблюжьего сарая, в своём тёмном большом гнезде. И это случалось каждый год.

Аисты свили своё гнездо пять лет тому назад, когда, громко закричав, родился на свет Маран, внук старика Усенали, которому и принадлежал верблюжий загон. Произошло это событие тёплой весной, когда люди особенно верят в то, что детей в их дом приносят аисты. С тех пор эти птицы пять раз дарили своим птенцам крылья и небо, и Маран вырос настолько, что годился для игры в асыки, став пригожим и забавным парнишкой с небольшим мягким чубчиком на круглой головёнке.

Издавна на крыше сарая лежал верхний деревянный круг от поломанного каркаса старой юрты, когда-то поддерживавший свод войлочного жилища. Так и лежал себе шанырак, придерживая солому, чтобы ветер не растрепал её и не унёс, пока его не облюбовали аисты для своего гнезда. Теперь шанырак выполнял двойную работу.

Единственный верблюд старика Усенали оступился в прошлом году на озёрном водопое и погиб, оставив сарай пустым. А сын старика тракторист Бегимбет получил в совхозе новый дом с приусадебным участком. Старая мазанка из саманного кирпича стала совхозным складом для отслужившего свой век железа, которое было жалко выбрасывать и которое когда-нибудь на что-нибудь могло сгодиться. Дом без людей сразу ссутулился и врос в землю обшарпанными стенами. Так и стоял он, медленно дряхлея и подолгу глядя подслеповатыми окнами на верблюжий сарай, ставший не нужным никому, кроме аистов.

Сторож железного хлама, безбородый Жанас, гордо именовавший себя завскладом, в один недобрый день вздумал было снести

верблюжий сарай и даже пригнал бульдозер, но тут очень кстати появился старик Усенали и спас загон от разрушения. Он встал на пути ревущей машины и показал Жанасу рукой на шанырак и гнездо на нём.

— Гнездо священных птиц тоже священно, негоже людям приносить птицам горе. Не зря говорят: кто посмеет разрушить гнездо аистов, на того падёт проклятие безумия. Аист — вечная птица!

Безбородый ключник Жанас все слова старика пропустил мимо ушей, закипев мелким гневом на этого выжившего из ума шептуна, помешавшего ему делать важное государственное дело. Но старик не уходил из-под ножа бульдозера, и тогда кладовщик закричал высоким петушиным голосом:

— Ты эти побасенки вон тому сопляку рассказывай! — И ткнул пальцем в прижавшегося к деду Марана. — Неужели не понимаешь, что если загорится сарай, то огонь перекинется и на склад, в котором хранятся государственные ценности, за которые отвечаю я, а не ты. Из-за какого-то паршивого гнезда и вонючей прелой соломы я не могу бросать в огонь народное достояние. Ну-ка, отойди с дороги! Айда отсюда! Прочь!..

Попрыгал Жанас, поорал, да так ничего и не добился. Старик, казалось, ногами врос в землю. Видя такое дело, засмеялся молодой тракторист, развернул свою машину и уехал своей дорогой. Вот так и удалось в тот раз сохранить в целости гнездо, согретое духом давно погибшего верблюда. Но с того часа поселилось в душе старого Усенали большое беспокойство. Не было у него веры безбородому кладовщику Жанасу. Всё мнилось ему, что стоит глаза отвести, как налетит безбородый и сравняет с землёй верблюжий сарай.

Чем ближе подходило время весенних ветров, тем больше росла его тревога. Совсем потерял старик покой и стал даже ночами уходить из дома, чтобы бродить дозором вокруг своего жилья в другом конце аула. Потом эти ночные бдения вошли у него в привычку, оправдывая старческую бессонницу. Успокаивался он, только увидев, что старый шанырак и тёмное гнездо всё ещё на своём месте. Однако никому, кроме него, не было дела до аистов и каждый жил своей жизнью, был занят своими заботами, обременён своими хлопотами. Да и сами аисты ничем не мешали людям, не подозревая, что выбор их оказался таким неудачным и что

для одного Жанаса торчат они бельмом в глазу, что из-за них на земле идёт самая настоящая борьба.

Перед тем как начать кладку яиц и высиживать своё потомство, они приводили в порядок свой дом, устилая гнездо камышовым пухом, клочками шерсти, мягкой ветошью. А в перерывах между работой летали дружной парой к озеру, в поисках пищи бродили по илистому берегу, высоко поднимая тонкие ноги в красных чулках. Насыщались аисты зелёными озёрными лягушками да мелкой рыбёшкой. Этого добра на озере с избытком хватило бы и не на одну пару аистов.

Потом самец с самочкой будут летать к озеру по очереди, потому что в гнезде появятся тёплые и хрупкие яички, которые никак нельзя застудить. Теплом своим будут греть птицы слабую жизнь, волнующе зарождающуюся в скорлупе, передавая аистятам нежную силу матери и мужественность отца.

Самка откладывает обычно в гнезде три яичка, только два из которых превращаются в голубовато-белых пушистых и желторотых птенцов. Дедушка Марана со вздохом говорит, что третье яйцо является «Божьей жертвой», потому оно и должно погибнуть. Первые вылупившиеся птенцы выталкивают его из гнезда. Жестокостью это назвать трудно, необходимостью оправдать ещё трудней, так пусть оно будет Божьей жертвой в утешение дедушкам.

Самая хлопотная пора начинается для аистов с этого дня. Ни минуты отдыха они не знают, снуют от озера к гнезду, таская корм для маленьких аистят, вечно голодных и требующих пищи, ожидающих родителей с жадно раскрытыми бездонными клювами, с настойчивым и просящим криком. С потомством своим аисты разговаривают громким щёлканьем и треском клювов. Это щёлканье придаёт свой ритм жизни всему аулу Кумозек.

С наступлением сумерек усталые аисты опускаются на старую крышу и дремлют, стоя на одной и поджав под себя другую ногу, а голову уютно прячут под пёстрое крыло. В это время затихают и беспокойные птенцы, сворачиваясь и крепко засыпая, зная, что родители не оставят их без защиты.

А с рассветом снова начинаются привычные хлопоты у супружеской пары белых аистов. И в этих заботах чередуются дни за днями, нанизываясь на нить времени. Но вот уже начинают высовываться из гнезда то большие, но ещё слабые крылья аистят, то

их голенастые длинные ноги. Теперь над гнездом стоит неумолчный треск научившихся аистиному языку птенцов. Бывает, что и ссорятся братья в отчем гнезде. Но если рядом оказывается кто-нибудь из родителей, то тут же берёт драчунов за шейки крепким клювом и хорошенько встряхивает, давая уроки доброжелательности и мира. Но что делать, если выросшим птенцам уже тесно в гнезде и их зовёт к себе голубой простор неба, ширь земли, желание полёта, самостоятельности, дерзости. И встаёт перед взрослыми аистами новая огромная ответственность — научить своих птенцов жить и летать, дать им крепкие крылья.

С этих пор гнездо на соломенной крыше часто остаётся пустым целыми днями. Аисты уводят своих птенцов всё дальше от родного дома. Они учат их высоко летать, не зная усталости, учат грациозной посадке и охоте. Маран с дедушкой часто и подолгу любуются жизнью прекрасных птиц.

Но вскоре гнездо начинает терять свою привлекательность и теплоту, перестаёт быть уютным. Ночи становятся прохладными, а рассветы — ледяными. Поверхность озера по утрам покрывается ледяной коркой. В осеннем небе постепенно остывает солнце. Приходит пора и аистам прощаться с родным гнездом, с привычным озером, с аулом и его людьми. Поднимаются аисты в небо, сбиваются в дружные стаи и несутся, ведомые звёздами, в чужие тёплые края, к горячему небу, к иным озёрам, к другим деревьям, к другим добрым людям. Они должны жить, хотя в чужих краях и лягушки горькие, и рыба невкусная. Но им, наверное, надо улетать ещё и затем, чтобы ещё сильней любить свою родину. Однако прежде нужно совершить прощальный круг над родным гнездом: над маленьким аулом Кумозек, чтобы увидеть, как машет им ручкой Маран, чтобы услышать, как шепчут добрые напутствия сухие губы его дедушки, благословляющего их полёт.

Старику Усенали всё известно об этих птицах, вплоть до того дня, когда они покинут родину. После того как аисты улетят в жаркие страны, ровно через неделю начнутся в Кумозеке холодные, затяжные осенние дожди. А возвращаются аисты весной, когда утихнут красные ветры, жадные ветры месяца марта...

Эти законы времени и природы аисты не нарушили и в этом году. Они не могли обмануть ожидания. День их прилёта для Марана и дедушки Усенали стал настоящим праздником. Долгий

день прошёл для них в дальнем конце старого аула, у дряхлого дома, у тёмного гнезда. Старик достал из сарая остатки арбы и принялся что-то чинить, делая вид, что занят срочной и нужной работой. Но это он делал для отвода глаз, и работа была лишь поводом побыть с прилетевшими птицами. Да разве можно было спокойно усидеть дома в тот особенный день, когда возвращались в гнездо аисты!

Маран всё спрашивает у деда, откуда прилетают к ним эти птицы. Ему очень хочется знать, как находят они путь в Кумозек, как не заблудятся в большом небе. Почему не строят новое гнездо совсем в другом месте. По словам старика выходило, что аисты не гнездятся где попало и что даже не над всяким домом вьют своё гнездо. Эта пара аистов выбрала для своего гнезда только их дом из всех домов и сараев аула. Это, конечно, неспроста. А смысл такого выбора в том, что в этот дом отныне вошло счастье, достаток и мир. Они принесли в дом радость.

Маран не очень хорошо понимает значение слов «счастье», «радость» и «мир», но ему от дедушкиных слов становится тепло. Однако он, не удержавшись, спрашивает:«А разве в других домах нет радости, счастья и мира? Показал бы ты мне их».

Смеётся старик Усенали и объясняет внуку, что в каждом доме их аула есть радость и достаток, что всё есть благодаря миру и тишине на земле, беспечальной и доброй. Но особая благодать снисходит на того, чей дом выбирают для своего жилья аисты. Видно, приглянулся им чем-то старый сарай, пустовавший после гибели верблюда, понравилась мазанка, хозяева её, а может, тем по душе пришелся птицам этот двор, что в нём родился крикливый малыш, тянущий руку к солнцу. И весь день проходит в разговорах об аистах, их гнезде, о будущих птенцах, соломенной крыше и старом шанираке. До тех пор беседуют дед с внуком, пока не иссякают вопросы у маленького Марана. Потом аисты улетают к озеру, а дед с внуком возвращаются домой. Дед считает день прилёта аистов священным днем.

По утрам старый Усенали всегда просыпался от треска аистиных клювов. Кто знает почему, но сегодня уши его не услышали щёлканья птиц. «Видимо, утомила аистов далёкая дорога и они ещё не проснулись» — успокоил себя старик и закрыл глаза. Но что-то не лежалось. Поворочался дед с боку на бок, покряхтел и

встал. Набросив на плечи потёртый чекмень, он вышел во двор и кинул взгляд в сторону старого сарая, но птиц не увидел. Не заметил он ни круглого, как чаша, шанырака, ни гнезда аистиного. Сердце дрогнуло, ударило в рёбра. Понял он, что эту беду сотворил своими руками безбородый невежда Жанас. Понял это старик и без промедления направился к дому кладовщика.

Как раз в это время Жанас выгонял корову со двора на пастьбу. Видно, суров и страшен был вид старика, гневны его глаза, потому что заметался, засуетился безбородый Жанас и начал заикаться, словно язык его связался узлом. Не дожидаясь того, что скажет ему рассерженный аксакал, он принялся визгливо оправдываться, заламывая руки:

— О-о-о, от-т-т-агасы! Аксакал! Я ничего плохого не сделал! Я только перенёс гнездо на крышу вашего дома!

И только после этих слов старику стало ясно, что всё пропало, что ничего уже нельзя исправить. Все гневные слова, которые он собирался бросить Жанасу, показались ненужными и остались невысказанными.

С того дня аисты больше не возвращались в Кумозек, в своё потревоженное гнездо. Они не простили вмешательства людей. А может, они не узнали своего гнезда на чужой крыше? В тот же день был снесён с лица земли и старый верблюжий сарай. Так случилось, что исполнилось давно вынашиваемое желание безбородого Жанаса. Только укором остались лежать на крыше нового дома дедушки Усенали поломанный шанырак да холодное гнездо навсегда улетевших аистов. Не гнездо уже, а куча мёртвых веток, клочья ветоши и камышового пуха, — ведь гнездо должно быть тёплым.

МАРАТ КАБАНБАЕВ

РОДНОЙ ЧУЖАК

Манап опустил на асфальт чёрный блестящий «дипломат», снял пиджак и, перекинув его через плечо, свободной рукой начал отряхивать пыль с брюк. В голове ещё звучали отголоски перестука вагонных колёс, одежда пропиталась специфическим запахом поезда. Вот Манап выпрямился, извечным жестом степняка козырьком приставил ладонь ко лбу, огляделся, куда его занесло. Наверное, и тысячу лет назад его прожжённые зноем кочевые предки поступали так же, перед тем как приступить к большому и важному делу.

Сибирское солнце светило в вышине робко и ненавязчиво. Щурясь, Манап взглянул на него, затем посмотрел на часы — без пяти четыре. Двое суток назад в это же время он выехал из Алма-Аты. Там от жары плавился и лип к подошвам асфальт, скручивалась пожухлая листва на деревьях.

В Омске дышалось свободней. Кончался август, а тополя на улицах были ещё в свежей зелени с редким крапом желтизны. Удивительный город, и народ странный: люди одного расового типа, говорящие на одном языке, кажется, с одним выражением на лицах, походили на близнецов-двойняшек. Взгляд искал и не находил в толпе чего-нибудь яркого, запоминающегося. Другое дело Алма-Ата: шумная, праздничная, как восточный базар, контрастная, разноликая, разноязыкая. В Омске же даже на вокзале удивляла пристойная тишина.

Манап пересёк привокзальную площадь и открыл дверцу стоявшего такси. Русый шофёр, свернувшись калачом и уткнувшись подбородком в коленки, дремал за рулём. Он открыл мутный от сна глаз, бросил на пассажира проясняющийся взгляд.

— Куда? — буркнул, прикидывая, кто это — якут или бурят.

Манап назвал улицу и номер дома. Таксист убрал ноги с сиденья, разгладил ладонями лицо, сгоняя остатки сна, задумался, за-

тем решительно опустил руку на рычаг коробки передач, где в прозрачном плексигласовом набалдашнике застыл красный скарабей. На тыльной стороне руки шофера напряглись и выступили синие вены.

Манап почувствовал беспокойство: понял ли его таксист? Не успел он повторить адрес, как тот повернул к нему хмурое, со складками на лбу, лицо, хрипло спросил:

— В детдом?

— Да!

— Садитесь!

Манап устроился рядом, осторожно подтянув брюки с колен, чтобы наглаженные под матрацем стрелки не потеряли вид. Несколько мгновений шофёр просидел в странном раздумье, потом перекинул рычаг и выжал акселератор. Ярко-зелёная «Волга» помчалась по узкой, как кишка, улице. Манап что-то слышал об этом городе в поезде, что-то помнил по книгам и телепередачам: основан он, кажется, во времена Петра Великого, здесь сохранились старинные дворцы и полно красивых современных зданий. Разглядывая незнакомые улицы, Манап крутил головой, ёрзал на сиденье.

— К кому? — опять пробурчал шофёр, не поворачиваясь.

— О чём вы?

— К кому едете в детдом?

— К младшему брату!

— А-а-а! — Он опять нахмурился и больше не раскрывал рта, пока они не подъехали к забору, за которым виднелось трёхэтажное здание посреди зелёного парка.

Машина остановилась, шофёр застыл как истукан, уставившись в одну невидимую точку впереди себя, не обращая внимания на пассажира, шарившего в карманах.

«Ну и тип, — раздражённо подумал Манап, вытаскивая деньги. — Неужели он такой же угрюмый с друзьями и в семье?»

Шофёр снисходительно взглянул на хрустнувшую в пальцах пассажира трёшку, буркнул:

— Не надо...

«Вон почему сидел с замороженными глазами... Вымогает». Манап прибавил ещё потрёпанный рубль:

— Четыре хватит? Машина государственная... Бензин бесплатно...

Шофёр тряхнул головой и, протянув руку через его колени, открыл дверцу со стороны Манапа.

— Ничего не надо... Всего хорошего!

Недоумевая, Манап стоял на обочине и смотрел вслед исчезающей машине. «Чудеса! — думал. — Везде таксисты рыщут, как звери, голодными глазами выискивая приезжих, заламывая баснословные цены... А тут... Чудеса!»

* * *

Среди гулких пустых коридоров Манап легко отыскал директорский кабинет. Осторожно толкнул дверь с гравировкой на медной пластинке, попросил разрешения войти.

Белокурая пожилая женщина подняла на него внимательные глаза и кивнула на стул, стоявший возле стола прямо перед ней. Судя по произношению, по южному загару, посетитель прибыл издалека. Женщина отодвинула стопку бумаг и доброжелательно улыбнулась:

— Чем могу быть полезна?

Манап сел, раскрыл дипломат, протянул сколотые скрепкой документы. Директор разложила их на столе, а он начал сбивчивый рассказ о том, что много лет искал брата Кали... С тех пор как его сдали в детдом, они не виделись... За эти годы он успел поступить в университет, встать на ноги..

Директор задала несколько вопросов, слушала внимательно, но речь её становилась всё официальней.

— ...Да, да... Есть у нас и казахские дети, хотя и немного. В основном, из Омска. Но есть и из Кургана, Павлодара, Тюменской области. Живут они хорошо. По возможности стараемся не дать им почувствовать отсутствие родителей.

Вот уже пятнадцать лет она здесь директорствует. До этого была заведующей учебной частью. Интернат вырос на её глазах: общежития, спортзал, мастерские... Есть и пионерский лагерь в лесной зоне.

История интерната — сюжет для целого романа. Среди его питомцев есть герои соцтруда, академик, несколько докторов, известный писатель. И никто не забывает, откуда он вышел в люди: каждый год проводятся встречи с выпускниками... Много писем...

Директор внезапно умолкла, взглянув на Манапа: не утомила ли своими разговорами человека, ждущего встречи с родным братом? Но гость сидел с непроницаемым лицом, чуть опустив голову, уставившись в одну точку. Она понимающе улыбнулась. Хотя откуда знать этой женщине, что смотреть в одну точку — даже не привычка, а наследственная черта всего рода Турекельды.

— ...Впрочем, всё это вы сможете увидеть сами: не сегодня, так завтра. У нас есть удобные комнаты отдыха для приезжих. Вы отдохнёте вместе с братом, там и наговоритесь от души. Постарайтесь присмотреться к мальчику, к обстановке. Может быть, и нам что присоветуете: ведь вы — будущий философ.

Она нажала кнопку селектора под правой рукой:

— Лидочка, позовите, пожалуйста, Эльжбет Сергеевну. Передайте, что приехал гость из братской республики.

Внешнюю угрюмость Манапа она, наверное, поняла на свой лад и старалась не оставлять гостя наедине с мыслями: встала из-за стола, отодвинула жёлтую занавеску, закрывавшую одну из стен. За ней был огромный архитектурный план.

— Не могли бы вы подойти поближе?!

Манап поднялся со стула, шагнул к красочной схеме.

— Это — наше будущее. Мы объявили конкурс, и архитекторы области сделали этот проект. Главный архитектор Омска — наш воспитанник, он и помог. Вы, наверное, понимаете, каков размах, — это скорей можно назвать детским городком на берегу Иртыша. Мы займём площадь в пятьдесят гектаров: просторный спортзал, общежития, мастерские, клуб, закрытый бассейн — всего не перечислишь.

— Виктория Ивановна, вы меня вызывали? — из-за двери, улыбаясь, выглянула миловидная женщина лет тридцати. Лёгкая изящная фигурка в пышном белом платье, казалось, парит над полом: малейшее движение воздуха — и взлетит, как пушистое зёрнышко одуванчика.

— Вы уже здесь, милочка?! — улыбаясь, директор запросто кивнула вошедшей женщине и с серьёзным лицом обернулась к Манапу: — Знакомьтесь! Старший воспитатель Эльжбет Сергеевна Войницкая. Какая звучная и грозная фамилия! — с пафосом добавила она: — Хотя Великая Октябрьская революция свершилась в Петрограде, но характеры её героев выковывались здесь, в

ссылках Сибири. Элочка — потомок славных русских и польских большевиков.

— К вашим услугам... — невпопад ляпнул Манап, да ещё наклонил голову. Лицо его вспыхнуло. Он не паясничал, просто перепутал одну русскую фразу с другой, более уместной для этого случая: «Очень рад».

Но проницательная, чуткая женщина поняла его оплошность и замешательство, тут же сгладила неловкое мгновение, закружив, заговорив, не давая Манапу опомниться, развеяла и волнение и навязчивые мысли. Похоже, она без объяснений понимала, что должен чувствовать человек перед встречей с потерянным братом, понимала его одиннадцатилетнюю тоску и суматошную радость.

— Как зовут вашего брата?

Манап поднял голову:

— Турекельдиев... Турекельдиев Кали.

— Эльжбет Сергеевна, проводите гостя к брату. И, пожалуйста, подготовьте Кали к встрече... Детские души так ранимы, — посмотрела она на Манапа. «Ничего, всё уладится», — говорили её глаза: — Манап... Э-э-э...

— Сымбатович, — понял её заминку гость.

— Благодарю. Да, конечно... Если Манап Сымбатович не будет возражать, я бы предложила устроить встречу не здесь, а где-нибудь во дворе. Там братья будут чувствовать себя непринужденней.

— Не беспокойтесь, Виктория Ивановна. Подобные встречи у нас не редкость. Вот только фамилию Турекельдиев... Простите, не могу вспомнить. В восьмом классе есть спортсмен Тукельдиев Гани. Может быть, всё-таки он?

Тень недовольства мелькнула на лице директора: столько времени потрачено на пустопорожние разговоры, а настоящие имя и фамилия выясняются только сейчас. Эльжбет Сергеевна, при всем её такте, могла бы и скрыть своё недоумение, а уточнить данные воспитанника можно один на один.

В следующий миг лицо директора стало по-прежнему приветливым и внимательным:

— Во время приёма детей, дорогая Эльжбет Сергеевна, случались и не такие ошибки: бывало, как послышалось, так и запишут второпях. Так и Турекельдиев превратился в Тукельдиева. — О

Гани-Кали она не стала распространяться, так как сама допустила оплошность с именами: — Ну, желаю счастливой встречи с братишкой. Комната для гостей в вашем распоряжении. Торопить вас мы не будем — сами решайте, на сколько дней остаться... Постарайтесь понять друг друга и привыкнуть... Как? Завтра уже возвращаетесь?! Жаль, жаль! Тогда перед отъездом загляните ко мне вместе с братом. До встречи, Манап Сымбатович!

* * *

Эльжбет Сергеевна, спускаясь по лестнице, порхала со ступеньки на ступеньку, мило щебеча:

— Вас удивляет тишина?! Летние каникулы ещё не закончились: малыши в пионерском лагере, старшеклассники работают в подшефном совхозе за городом. Сейчас в интернате только спортсмены вроде вашего Кали: скоро соревнования на первенство среди школ города.

Манап шагал следом, спускаясь по ступеням, повторял про себя: «Всё правильно, всё правильно...» Встретили его прекрасно. И он был очень благодарен этим женщинам за участие, за внимание и тепло. Он чувствовал даже некоторую растерянность, не зная, как отблагодарить их за всё хорошее.

И всё же сам себя не обманешь — занозой влезли в душу и саднили там какие-то сомнения, подозрительность, появившиеся, едва Манап вошёл в директорский кабинет. Умело и отработанно, как в театре, Виктория Ивановна убедила его, что детства счастливей и благополучней, чем в интернате, не бывает. Она обрушила на гостя целый поток фактов, цифр из прошлого и настоящего, она описала с блеском завтрашний день интерната, и всё без запинки, без сучка без задоринки, без сомнений и горечи, как не бывает, когда размышляют вслух или говорят о предмете впервые. И только с именем брата вышла обычная в вольной беседе заминка.

На чистой аллее лежали длинные тени деревьев. Казалось, в воздухе — ни дуновения ветерка, но белое плиссированное платье Эльжбет Сергеевны пузырилось и трепетало, как крылья бабочки. Манап шагал следом, тайком любуясь женщиной, повторяя про себя: «Всё правильно».

Они остановились возле одноэтажного кирпичного здания.

— Это и есть спортзал. Тренировки ещё не закончены. Вы пока посидите на лавочке, а я приглашу Кали. — Платье Эльжбет Сергеевны опять вздулось, она обернулась, словно на лету: — Не беспокойтесь, если задержимся: спортсмен после занятий должен остыть и привести себя в порядок, — её глаза скользнули по крупной фигуре Манапа, как по скульптуре типового проекта. Белое платье вспорхнуло по лестнице и исчезло за дверью.

* * *

Наконец-то на лестницу пружинистым шагом выскочил белолицый юнец с чёрными кудряшками на влажной голове. Его плечи были по-мужски широки, а жидкая фигура по-мальчишески долговяза. Это был он — Манап даже подскочил на месте, узнав осколок рода Турекельды. Походка, посадка головы, взгляд — каждая отдельная черта в облике мальчишки была знакомой копией отца Сымбата.

Порода Турекельдиевых, которые обычно муху не обидят, — тихих, спокойных, но на праздниках выступавших борцами, называлась в народе за силу и добродушие Туйе-Палуан — Верблюд-Борец. Кали — самый младший отпрыск этого рода, в котором, кроме отца Сымбата, война выкосила всех мужчин. Давно уже нет и отца — только этот мальчишка Кали да Манап...

От волнения у Манапа вылетели из головы все приготовленные слова. Как старший, он, наверное, должен был первым шагнуть к брату, но забыл об этом и стоял, не зная, куда деть руки. Наконец закинул их за спину и застыл как верстовой столб. Эльжбет Сергеевна посмотрела на него, подбадривая улыбкой, и отступила назад: дескать, любуйтесь своим братцем. Её белое платье чуть колыхалось за спиной Кали.

Юноша угрюмо посмотрел на Манапа, затем обернулся к старшей воспитательнице.

— Тренировка не закончена, я только начал входить в форму... — сказал неустоявшимся баском. Повёл расчёской по влажным волосам ото лба к затылку — как взрослый. «Косой пробор ему бы больше подошёл, — подумал Манап. — Страдая в тесной скорлупе детства, стремясь к взрослости, тоскуя столько лет... Дорогой мой...» Внутри у него что-то закипало и разрасталось.

— Разве можно так говорить, Гани?! Неужели тренировка тебе дороже родного брата? Завтра сгонишь семь потов и наверстаешь упущенное, — доброжелательное выражение лица воспитательницы ничуть не изменилось при этом, по тону нельзя даже было сказать, что она пожурила Кали. Нет, понимая состояние братьев, Эльжбет Сергеевна как бы руководила их свиданием.

У неё был железный характер: под стать польским и русским предкам, вынесшим сибирские морозы, остроги, тюрьмы и лагеря. Только сейчас Манап понял, что брат не был предупреждён о встрече там, в спортзале. Ему устраивали сюрприз, единственным зрителем которого была она — старший воспитатель; а психологический эксперимент выходил далеко за рамки методических указаний.

Когда Эльжбет Сергеевна сказала «родной брат», Кали повернул голову и впился в Манапа глазами, будто среди шумной ярмарки, где все чужие, встретил знакомое лицо и не мог вспомнить, где видел его. Мучился Манап, не зная, как вести себя. Никто никогда не провожал, не встречал его. Без проводин и шума он уезжал из аула поступать в университет, без встреч и поздравлений вернулся. Наверное, потому и стоял как столб, не зная, не умея того, чему, казалось бы, человеку и учиться не надо.

Не убирая участливой улыбки с уголков губ, Эльжбет Сергеевна что-то шепнула на ухо Кали, и тот, неловко передвигаясь на длинных ногах, стал спускаться вниз по ступенькам, медленно и неуклюже, будто считал их. Манап тоже подхлестнул себя и, с трудом переставляя одеревеневшие ноги, шагнул навстречу. Когда почти равный с ним ростом юноша оказался рядом, он протянул руки, пытаясь обнять младшего брата.

— Здравствуйте! — сказал тот, оробев.

Уж если Аллах решит наказать, то найдёт для кары самый неожиданный повод: руки Манапа повисли как плети. Что за «здрассте»? Он обил столько порогов, подавив собственное самолюбие, обошёл столько кабинетов, стольких людей побеспокоил и подключил к работе, заставив страдать и мучиться вместе с собой — всё ради потерянного брата. А потом — двое бессонных суток в пыльном вагоне, ожидание, и всё только ради того, чтобы услышать «здрассте»?!

Одиннадцать лет его сердце разрывалось от воспоминаний о слезах брата перед разлукой, столько лет... «Спокойно... Спокой-

но...» Он вспомнил о присутствии старшей воспитательницы и, спохватившись, неловко вцепился в длинную руку Кали, обнял его, как сухой, неподатливый ствол дерева, поцеловал в лоб. Запах дешёвого мыла защекотал ноздри. Кали, зыркнув исподлобья в сторону Эльжбет Сергеевны, ещё больше смутился и выскользнул из объятий.

К счастью, старшая воспитательница заметила натянутость встречи и потеряла интерес к ней.

— Я оставляю вас, — сказала чуть растерянно и грустно. — Если понадоблюсь, найдёте у директора.

Опустив голову, она задумчиво отошла на несколько шагов. Белое платье, не шелохнувшись, облегло стройную фигурку. Но вот, будто вспомнив, кто она, Эльжбет Сергеевна строго выпрямилась, мерно застучали её каблучки, платье вскипело, затрепетало и полетело по прямой, в струнку, аллее.

Манап смотрел ей вслед, ему нравилась эта чуткая, внимательная женщина. Как загадочен мир чувств! Манап понял, что тайком наблюдает за Элочкой, одновременно стремясь уловить в ней черты непринуждённого кокетства молодой красивой женщины, желающей нравиться мужчинам, и черты своей рано умершей матери. Впрочем, каждая тридцатилетняя женщина напоминала о ней. И он, сам того не замечая, искал сходства с образом, сохранившимся в душе с ранних лет.

Кали стоял, равнодушно опустив голову, ступнёй в белой кроссовке с яркими полосами шевелил упругий зелёный стебелёк.

— Давай сядем, — вздохнул Манап, опускаясь на край скамьи.

Кали послушно сел.

— Как твои дела? — спросил Манап бывшего четырёхлетнего мальчугана, отданного в трудный для Турекельдиевых год в детдом, а теперь высоченного юношу Кали. Ему не хватило смелости сказать: «Как твои дела, брат мой?»

— Спасибо, так себе... Ничего. — В глазах Кали сверкнул и погас лучик солнца, просеянный сквозь густые кроны деревьев.

«Что делать? — лихорадочно думал Манап. — Мы одной крови, но выросли в разной среде... Что я могу сказать ему, покинувшему родину, едва научился ходить? Бить меня некому... Примчался на встречу вместо того чтобы обменяться письмами, узнать друг о друге, привыкнуть к своему родству...»

С новым приливом тепла в душе Манап вглядывался в крупные черты горбоносого лица Кали.

— Как учёба? Ты уже в восьмом классе?

— В восьмом? А... Да! Закончил. — Кали кивнул, пряча глаза.

— Недостаток в жилье, пище, одежде есть?

Кали всем телом повернулся к Манапу и непонимающе уставился на него. Догадавшись, что задал нелепый вопрос, Манап почувствовал, как вспыхнуло лицо.

Да, трудно быть старшим братом. Что спрашивать с Кали, если сам Манап не знал, какие отношения должны быть в семье между ними. Да... Он был для Кали старшим братом одиннадцать лет назад, когда, обливаясь молчаливыми слезами, сдавал его в детдом. Сейчас та боль, то чувство родства притупились. Они вспыхнули было несколько минут назад при первой встрече. И вот опять вместо них в душе — пепел.

Действительно, Кали вправе сказать напрямик: какое Манапу дело до того, сытно или голодно живётся здесь? Даже если бы знали наперёд, что ему придётся пережить, неужели не сдали бы в детдом?

«Сдали бы», — незаметно вздохнул Манап. Тогда это был единственный шанс спастись. С другой стороны, Кали имеет право спросить, усмехнувшись ему в лицо: «А что вы, родственники, смогли бы мне дать?» И опять Манапу ответить непросто: конечно, жилось братишке и сытней, и заботились о нём больше. Манап хлебнул и аульного сиротства, и студенческой нищеты.

Впрочем, всё это мелочи. Кое-что Кали должен понимать и сейчас, когда-нибудь поймёт и остальное. Манап в мыслях всё кружил вокруг да около, избегая главного вопроса, который должен быть поставлен ребром, который он долго обдумывал, отправляясь из Алма-Аты. Остальное, — «как дела, как жильё, одежда, пища»; всё остальное — детский лепет, недостойный их одиннадцатилетней разлуки. Такие пустопорожние вопросы задают друг другу соседи, встречающиеся почти каждый день. Манап собрался духом и решительно спросил:

— А ты аул помнишь? Нашего коке[1], меня... Горы, реку, лес... Помнишь?

[1] Коке — уважительное обращение к старшему.

Кали, вычерчивая носком кроссовки непонятные узоры на земле, равнодушно кивнул. Манап оторопело уставился на него, кашлянул, стараясь освободиться от подкатывавшего к горлу комка: «Забыл... Забыл всё начисто. Иначе бы хоть встрепенулся, хоть голову поднял, а не сидел бы так, равнодушно глядя под ноги; воскликнул бы: апырау[1], неужели, мол, ты тот самый Манап, мой единственный кровный брат?! Или хотя бы внимательно посмотрел в глаза...»

Манап сдерживал раздражение, стараясь не думать о брате плохо, — родне надо прощать всё! Про себя он стал даже оправдывать Кали: видно, тот пошёл характером в отца, про которого говорили: «Пропусти через него караван верблюдов — он и тогда не шелохнётся!» И все их родственники таковы: работать за семерых, а как поговорить — клещами слово не вытянешь. В ауле шутили: «Турекельдиевы или по золотому червонцу за щекой носят — боятся рот раскрыть, или хотят, чтобы другие научились читать их мысли».

Манап тоже молчал несколько минут, взвесил каждое слово и начал говорить резко, выдавливая из себя сухие фразы:

— Мы с отцом сдали тебя в детский дом в Усть-Каменогорске поздней осенью. Иначе поступить не могли: мать умерла от рака; отец, контуженный, израненный на войне, и до того не часто выходил из больницы, а тут совсем слёг. Я учился в школе-интернате, надеялся, что отец ради тебя возьмёт в дом мачеху. Но ему становилось всё хуже... До сих пор перед глазами, как ты, весь в слезах, вырываешься из рук воспитательницы, заходишься в плаче. Даже укусил её за палец. А мы с отцом успокаиваем тебя, говорим, что вернёмся через три дня с полной сумкой конфет. Отец топтался на месте, отворачивал лицо, рассеянно шарил по карманам, ты за него не очень-то цеплялся — больше за меня: тянул ручонки, кричал: «Мака, — ещё не выговаривал Манап, — конфеты ты принеси и забери меня отсюда насовсем!»

Пока с отцом добирались до аула — словом не перебросились, будто с похорон ехали. После этого я ещё долго просыпался в слезах, а фуфайка под головой каждое утро была мокрой.

После смерти матери за тобой ухаживал отец. И я, когда приезжал из интерната... Пелёнки твои стирал. Ты любил меня. Куда бы

[1] Апырау — возглас удивления.

я ни пошёл — полз или топал за мной, не отставал ни на шаг. Последний сухарик, и тот мы с тобой делили на двоих.

Манап замолчал, тоже уставившись под ноги. Обычно и за неделю не говорил так много слов сразу. И вот сорвался, выложил самое сокровенное, глубоко запрятанное, то, что должно умирать вместе с телом. Не предполагал, что придётся говорить об этом при первой встрече после разлуки.

А что же Кали? Он сидел, не шелохнувшись, откинулся на спинку лавочки, скрестил руки на груди. Ресницы опущены, глаз не видно — не понять, о чём думает.

Манап снова тихо вздохнул, наклонился, взял дипломат, стоявший сбоку под рукой, положил его на колени, открыл, щёлкнув замками. Невольно погладил ладонью мягкую ткань и вынул свёрток с лёгким летним костюмом, встряхнул его, расправил складки и положил на лавочку возле Кали.

— Я был в стройотряде... Неплохо заработал... Сорок шестой размер. Может, подойдёт. — Прилипший к нёбу язык не поворачивался сказать: примерь!

Кали равнодушно покосился на костюм и улыбнулся краешком глаз. Вздрогнул и чуть приподнялся уголок губ. Кровь гулко застучала в голове Манапа, защемило под сердцем, и на глазах выступили слёзы. Он посмотрел в сторону учебного корпуса, отворачивая голову, там в окнах, блестевших стёклами среди деревьев, лучились солнечные зайчики.

«Чёрт возьми, точная копия отца!»

Их отец прожил жизнь, наверное, ни разу не рассмеявшись: самое большее — иногда улыбался, и в эти мгновения вздрагивал краешек его губ.

— Шмоток у нас хватает! Каждый год получаем... Вообще-то мне и сорок восьмой тесновато...

Когда спокойный юношеский басок дошёл до Манапа, он дёрнулся, как конь от удара плетью. «Неужели это тот самый брат Кали?» — текли тягучие, как дёготь, мысли, неуклюже отливались из чувств в слова.

Вдруг зашелестели деревья — это свежий порыв ветра прошёлся по ветвям, сорвав несколько жёлтых листиков. Один из них, порхая, как бабочка, скользнул по плечу Кали и зацепился на его одежде. Не отрывая глаз от этого жёлтого сухого пятачка, Манап продолжил:

— В прошлом году поставил мазар над могилой коке. Сам делал саманные кирпичи. В соседнем районе нашлись дальние родственники — они тоже помогли, — немного помолчав, добавил: — Нынче народу хорошо. Одеваются красиво, живут прилично...

Сказал это Манап с намёком, чтобы Кали не подумал, будто он, бедолага, не имеет ни копейки за душой: «Мы тоже не лыком шиты, хоть и сироты, но нас двое. Есть и близкие люди, есть родная земля».

Кали насторожился и повернул к нему голову. В его лице что-то изменилось: то ли волнение, то ли удивление было на нём. Маленькие глаза так и сияли. С тех пор как сели, он впервые заинтересовался Манапом. И тот, всей душой потянувшись к младшему брату, даже подвинулся чуть ближе к Кали.

— Мазар? Это что?

Манап замер, оглушённый вопросом. Рука, опершаяся было на разложенный костюм, судорожно сжалась в кулак, сминая мягкую ткань.

«Что он говорит? — опять застучала кровь в висках. Но другой голос наставлял и успокаивал: — Раскрой глаза пошире: ведь рядом сидит брат твой — одна кровь, одна плоть...»

Одиноко выросшему вдали от земли, где перевязали ему пуповину, отделив от матери, где надели первую рубашку, — откуда знать ему обычаи своего народа? Его несчастье, но не вина в том... И жил он до сих пор, считая, что нет у него родителей, нет человека, который когда-нибудь придёт за ним. Где сосна взросла, там она и красна — откуда знать ему, какие надгробья возводят казахи на своих могилах. Если он и видел кладбище — то тесные ряды крестов, памятников со звёздочками, железные оградки.

— Мазар — это... По казахским обычаям родные должны в течение года после похорон сделать над могилой что-то вроде маленького дома. Кто побогаче, у кого много родни, строят из кирпича, а то и из мрамора, люди победней — из горного камня и самана. Делается это для того, чтобы могилу не оскверняли дикие звери, не топтал скот. С другой стороны, родственники и друзья проявляют таким образом заботу об умершем, чтобы сохранить память о нём.

Манап опустил глаза, опять задумался. Ему пришлось работать от зари до зари, пока не построил мазар. Этот последний долг пе-

ред отцом измучил его, и, когда мазар был готов, Манап наконец-то спокойно вздохнул, будто за саманными стенами замуровал своё безрадостное детство, вечную нужду. Будто с этого дня начинал новую, благополучную жизнь.

Не поворачивая головы, Манап искоса взглянул на Кали. Тот сидел со скучающим видом, на лице будто написано: твоё дело говорить — моё слушать, вытерплю как-нибудь. Почувствовав взгляд, он достал расчёску, с треском продрал густые высохшие кудри, раздувая щёки, тщательно продул её зубья.

«Хоть бы спросил, как и когда умер отец, как жил все эти годы старший брат, где учится? — с укором подумал Манап. — Впрочем, что брат: с глаз долой — из сердца вон, — слишком недолго и слишком давно они были вместе... Но хоть какое-нибудь волнение, хоть какой-то интерес к отцу, давшему ему фамилию, должны же быть?»

Манап и сам немало выстрадал. Хотя особенно жаловаться на судьбу не мог: другим жилось легче, но ведь и он от голода не пух. Умер отец, но остались кое-какие родственники, друзья отца, был аул, считавший его своим. И тех, кто старался отвадить от дома, кто мог при случае попрекнуть куском хлеба, — таких в ауле можно было по пальцам пересчитать.

Манап учился в районной школе-интернате, там и жил. На каникулы аульчане везли его к себе. А если, бывало, он заартачится, передавали ему со своими детьми сердечные приветы и сельские деликатесы вроде курта, иримшика, варёного мяса, всё то, что по бедности отрывали от своих детей. Вот и сейчас, вернувшись на каникулы, он без проблем найдёт, у кого остановиться.

Так за что же ему сердиться на брата? У него не было не только родителей: не было и земляков, родной земли, своего народа. Наверно, сколько помнит себя — всю жизнь рядом с ним те же сироты, воспитатели, общежитие, столовая... Кого винить? Войну, принесшую горе миллионам? Но миллионы, чьи судьбы искалечены ею, могли бы только позавидовать Манапу.

Он хотел выдавить из себя ещё несколько слов, чувствуя, что пауза слишком уж затягивается. Но Кали встрепенулся, и Манап проглотил не успевшие сорваться слова: пусть выговорится, выплеснет накопившуюся боль.

— Скоро первенство города среди школ... Весной из-за пустяка засудили по очкам. Даже тренер сказал, что я на ринге работал

лучше. Сейчас у меня первый юношеский... — Кали будто почувствовал, что хватил через край, умолк, смутившись.

Манап был и этому рад. Он вдруг остро почувствовал, что рядом с ним обыкновенный ребёнок, беспечный малыш. Но странно... Опять засаднило на душе. Вот оно что?! Оказывается, он подсознательно сравнивал Кали с младшими братьями своих знакомых и из-за этой-то разительной несхожести никак не мог душой почувствовать того, чего ждал, до конца не мог даже воспринять Кали как кровного брата. Мудрено ли? Ведь они даже думали на разных языках. И то давнее исступлённое ожидание родства душ гасло, даже не разгоревшись.

— А ещё чем занимаешься, Кали? — И снова единственно подходившее обращение к младшему «баурым» — родной мой — не смогло сорваться с языка.

— Природу люблю! Животных... У нас есть живой уголок: морские свинки, кролики, утка и даже змея. Я — староста кружка юных натуралистов. Вчера был дежурным... А позавчера Колька Жеребцов загнал в дупло бурундука. Я сунул руку, а он как тяпнет. Вот! — Кали показал прокушенный палец. — Целый день бурундук ничего не ел — думали, не приживётся. А вчера слышу — хрустит сухарём.

Он задумался, соображая, что ещё есть интересного в его жизни, о чём стоит рассказать.

— Недавно ощенилась собака у Эльжбет Сергеевны... Английский сеттер. — При этих словах лицо его потеряло последние черты природной угрюмости: — А у вас в Казахстане удавы есть?

Манап почувствовал намёк и желание получить какого-нибудь диковинного для этих мест зверя. К этому времени накипевшая было обида прошла. Манапу уже не нужно было прибегать ко всяким уловкам, чтобы вызвать мальчишку на разговор. Понятна стала причина прежней хмурости: Кали, пожалуй, и сам измучился, не понимая, чего от него хотят, не схватывая логическую нить разговора, и потому однозначно отвечал на вопросы: «да», «нет»... Хорошо хоть вышла эта незатейливая беседа. Что взять с пятнадцатилетнего мальчишки?

— Удавов у нас нет! — сказал Манап, свесив голову, и спросил: — А кем ты хочешь быть?

Кали ответил не задумываясь:

— Лётчиком... Военным лётчиком! Из наших выпускников многие поступают в лётные училища. Недавно приезжал дядя Саша... Сидоров. Полковник. Я с ним переписываюсь. Это он заставил меня заняться спортом. А то, говорит, не примут в училище. У дяди Саши отец был лётчиком-испытателем — погиб на войне.

Манап усмехнулся: долго же он прождал, прежде чем услышал «дядя Саша». По-русски это, кажется, что-то вроде родства. А младший брат, щурясь, смотрел на верхушки деревьев, в мыслях уже паря высоко в небе. Но вот он бросил настороженный взгляд на циферблат часов, блестевших на запястье Манапа.

— Который час? — спросил, беспокойно ёрзая.

— Без пяти пять!

Кали вскочил:

— В половине шестого закончится тренировка. Мне надо побыть хоть на разборке... Скоро соревнования. — До свид... — хотел попрощаться он и умолк на полуслове: — Вы надолго приехали?

— Нет. Уеду сегодня вечером. Поездом.

— Ну, тогда счастливого пути! — Кали постоял, переминаясь с ноги на ногу. Вот уже повёл плечом, разворачиваясь спиной к Манапу. На скамье остался летний костюм.

— Кали!

Он обернулся и шагнул обратно к Манапу.

— Костюм возьми!

— Но... Мне он мал... Если только Гизатуллину. Его койка рядом с моей. Можно подарить? Вы не обидитесь?

— Ничуть!

— Спасибо! — он осторожно взял свёрток и пружинистым шагом взбежал по ступенькам на высокое крыльцо спортзала.

— Я буду писать. Приеду ещё, — сказал ему вслед Манап и добавил: — Может, приеду.

Кали кивнул, полуобернувшись у двери: то ли услышал, то ли случайно. Вот он махнул рукой, и левый уголок губ чуть дрогнул, приподнявшись. Глаза Манапа затуманились. «Младший брат — душа моя, мои крылья!» — запоздало звучали в голове слова, которые он так и не смог произнести вслух. Гулко хлопнула тяжёлая дверь. Крутое высокое крыльцо опустело.

* * *

Часто руководители и администраторы устраивают свои кабинеты настолько в соответствии с личным характером, что сами становятся как бы частью интерьера. Манап вошёл без стука и застал Викторию Ивановну на том же месте, в той же позе: внимательно просматривавшую бумаги на столе.

Она удивлённо посмотрела на молодого человека, чуть живого от усталости. Манап, волоча ноги, подошёл к креслу и опустился в него. С полминуты Виктория Ивановна разглядывала гостя. Потом улыбнулась: «Понимаю вас без слов. Такая встреча способна растрогать и каменное сердце... Радость и печаль, любовь и разлука — друг без друга не живут. Понимаю», — говорило её лицо. Но было на нём и удовлетворение проделанной работой.

— Можно пожать вам руку, Манап Сымбатович, поздравить от всего сердца? Кое-что уже слышала от Эльжбет Сергеевны. Она заходила ко мне. Теперь вы не одиноки. Теперь у вас есть брат. Ваша надежда.

— Да, конечно. Спасибо, — сказал Манап, не поднимая глаз, держа широкие ладони на подлокотниках кресла.

Виктория Ивановна чуть приподняла брови: если она не ошибается — молодой человек не так уж рад этой встрече?! Хотя она слышала, что степной народ сдержан в проявлении чувств.

— Эльжбет Сергеевна показала вам вашу комнату? — в голосе директора зазвучали официальные нотки.

Манап поднял голову, посмотрел на неё растерянными усталыми глазами, но голос его был твёрд:

— Наверное, уеду сегодня. Вечером есть поезд.

Авторучка в пальцах Виктории Ивановны начала выбивать дробь по столу, затем резко умолкла.

— Этого нельзя делать... Вы должны побыть у нас хотя бы два-три дня, погулять с Гани по городу, понять его душу. Омск — город с богатым историческим прошлым: многие революционеры провели здесь свои самые продуктивные годы... А может быть, мы пришлись вам не по душе?

Манап поёжился под её пронизывающим взглядом, как на ледяном сквозняке. Положил ладонь на колено, сжал пальцы в кулак.

— Ну что вы, Виктория Ивановна. Я не могу выразить, насколько благодарен вам. Кали растёт здоровым, крепким парнем.

Спортсмен... Натуралист... Но я очень тороплюсь. Сами понимаете, заботы студентов перед семестром. Будет всё хорошо — приеду в следующем году.

— Вам видней!

Манап попрощался и шагнул к двери.

— Вы забыли портфель! — остановил его голос.

Он обернулся. Дрогнул и чуть приподнялся уголок губ на его лице.

— Я хотел бы оставить дипломат Кали: мне хорошо послужил, может быть, и ему сгодится... Если вас не затруднит — передайте брату. И ещё раз большой привет от меня.

Виктория Ивановна почувствовала, что буквально за несколько минут что-то переменилось в душе Манапа: улеглось смятение, он словно перешагнул невидимый рубеж. Но что могло произойти? Если бы она могла спросить. Если бы Манап смог ответить... Даже себе.

Виктория Ивановна на миг задумалась, хотела подняться из-за стола:

— Я провожу вас до крыльца.

— Не беспокойтесь. Ещё раз спасибо за всё. Большой привет Эльжбет Сергеевне. Прощайте!

Рука Манапа легла на дверную ручку, толкнула и плотно притворила за собой дверь. Спокойным шагом он пошёл вдоль коридора к выходу.

* * *

Кажется, только что была прекрасная погода, светило солнце. Но вот уже смеркалось. Цепляясь за ветви тополей, со стороны реки выполз туман. Помнится, из интерната Манап зашагал куда глаза глядят. Долго ли шёл, зачем? Не помнил. Помнил только, что из тумана выплыл зелёный глаз такси. Он поднял руку, тяжело опустился в мягкое сиденье, пробормотал одно слово «Вокзал» и, откинув голову, закрыл глаза.

Характером Манап пошёл в отца: беды и радости бродили в нём, как кумыс в бурдюке, не отражаясь на лице. Зная его угрюмый нрав, друзья в общежитии как-то решили напоить Манапа, дескать, с водкой и медведя разговорить можно. Но от выпито-

го он вообще замкнулся и перестал отвечать даже на однозначные вопросы. После этого друзья отступились. «Настоящий богатырь Алпамыс — герой казахских сказок», — шутят до сих пор.

— Ну и как? Нашли братишку? — Манап услышал вопрос и поднял свинцовую голову: тот же шофёр, то же такси...

— Нашёл!

— Всё хорошо?

— Хорошо!

Шуршали шины по асфальту, призрачные строения выплывали из тьмы и тумана.

— Что-то уж слишком быстро возвращаетесь?

— Дел много!

Шофёр кивнул: мол, понятно. И начал говорить. Сначала голос его звучал отрывисто, потом потёк непринуждённо.

— Я ведь тоже сирота: отец погиб на войне, мать умерла в Ленинграде во время блокады. Соседи сдали нас с сестрой в детдом, а позже его разделили надвое, и мы со Светланкой потеряли друг друга. Мне было пять, ей — три годика...

«Волга» загудела, взбираясь на пригорок. Какое-то время мотор надрывался и захлёбывался, но вот машина снова, тихо урча, помчалась по ровному асфальту.

— Всё, что я смог узнать, — группу, где оказалась Светланка, отправили в один из сибирских городов на Иртыше. Столько лет прошло, не могу разыскать сестру: может, замуж вышла, переменила фамилию, может, документы перепутали — попробуй теперь разберись. Помотался я по Сибири и обосновался в Омске. Вроде бы всё есть: свой дом, семья, но живёшь как-то не так, будто половину себя самого утерял. У тебя так бывает?

Манап молча кивнул.

— Езжу вот, смотрю на женщин её возраста — вдруг узнаю. А как окажусь возле детдома — сам не свой: всё кажется, сейчас выбежит навстречу сестричка со светлыми кудряшками на плечах, закричит: «Витюся!» Да!.. Запиши мой адрес, в другой раз, может, остановишься с братом. Вдруг и Светланка ещё найдётся?!

Он остановил машину, вынул из кармана потрёпанную записную книжку, вырвал листок, черкнул по нему авторучкой,

сунул Манапу в нагрудный карман пиджака. И вдруг озадаченно спросил:

— Браток! Ты вроде с вещами садился?! Точно помню: чёрный дипломат... Или это когда туда ехал?!

— Брату оставил. Очень ему понравился. Взрослеет, пусть поформсит.

Шофёр протянул руку через спинку сиденья, легонько хлопнул пассажира по плечу:

— Повезло тебе... Счастливчик!

Но в глазах Манапа блестели слёзы.

НАРБИНЬ КЕНЖЕГУЛОВА

НОВИЧОК В ГОРОДЕ

Взрослые сами по себе радовались встрече. Бабушка, с удовольствием отпивая из пиалы ароматный чай и вытирая вспотевший лоб огромным белым платком, повернулась к Серику и сказала: «Иди, мой жеребёночек, поиграй с Таиром. Только будьте осторожны, в этом городе видимо-невидимо несущихся во весь опор машин».

Смуглый мальчонка, хотя до сих пор не подходил к нему, поглядывая издали с любопытством, тут же побежал вместе с ним на улицу.

Выйдя во двор, преградил ему дорогу.

— Как тебя зовут? — спросил он грубоватым тоном, а сам так и буравил его глазами, даже не моргнул.

— Серик. А тебя как?

Он специально спросил, хотя хорошо знал имя своего городского родственника. Пытаясь превзойти того в наглости, нарочито подбоченился. Так обычно делал аульный аким Наим, когда разговаривал с чабанами.

— Таир. В каком ты классе учишься?

— Перешёл в третий.

— Я тоже.

«Ишь, какой шустряк! Я думал, что он самое большее учится во втором», — подумал Серик.

«Он оказался мне ровесником. Я ему всего лишь по плечо. Может, мне натравить на него Мыркы», — подумал в свою очередь Таир.

Таир, побежавший куда-то в глубь двора, принёс раздвоенную палку с привязанной к ней длинной резинкой.

— На, это тебе, насовсем отдаю. С этого момента будем друзьями.

— Что это такое?

— Ты что? Не знаешь? Это же рогатка! Пойдём, покажу тебе кое-что.

Перейдя широкую улицу, они зашли в большой парк. Там играла шумная ватага мальчишек. Таира они называли Толиком. Таир по-русски стал им что-то торопливо объяснять. Несколько раз в его речи промелькнуло слово «колхоз». Он быстро говорил о чём-то, тыча указательным пальцем в сторону Серика. Видимо, знакомил его с ребятами.

И тут мальчишки зашумели:

— Мыркы идет! Мыркы!

Обернувшись, он увидел рыжего мальчика в шортах и в белой кепке. Его рыжие волосы колтуном торчали на голове. Таир торопливо представил ему новичка. Мыркы, кривя губы, смотрел на всех поверх голов. И это говорило о его превосходстве над всеми. Он, равнодушно выслушав слова Таира, свистнул. Затем, цвиркнув слюной сквозь передние зубы, сплюнул. Струйка слюны попала на новые брюки Серика, которые он надел перед поездкой в город. У него всё напряглось внутри. В ауле он бы не стерпел такого оскорбления. Но он решил не связываться с этим незнакомым мальчиком.

Мыркы, видимо решив, что разведка боем в отношении Серика окончена, повернулся к своим старым знакомым. Сунув руки в карманы, выгреб оттуда горсть вырезанных в виде острых треугольников жестянок. Вложив одну из них в рогатку, он натянул её, прицелился в дерево шагах в пяти и выстрелил. Треугольная жестянка со смачным звуком вонзилась в ствол. Возбуждённый столь удачным выстрелом, рыжий стал раздавать ребятне по две-три самодельных пульки. Подойдя к Серику, предложил и ему две-три пульки. Но тот не взял. Таир суетливо заверещал: «Вот дурень, почему не взял? Мне бы отдал».

Мыркы повёл за собой всех мальчишек. Выйдя на мощённую камнем площадку, они увидели стаю голубей, и все стали стрелять по ним из рогаток. Голуби с шумом разлетелись в разные стороны. Серик был поражён происходящим. В школе, где он учится, голуби живут на чердаке. Они вольно летают туда, куда хотят, и никто их не трогает. Наоборот, дети приносят для них из дома хлебные крошки, зёрна. И они спокойно разгуливают по школьному двору...

Мальчишки вдруг загалдели. Серик подбежал к толпе и, растолкав всех, увидел распластанного на земле воробышка. Тот трепыхался, беспомощно подметая землю раненными крыльями.

Мыркы, оскалившись, смеялся и носком ботинка подталкивал умирающую птичку. Серик кинулся на Мыркы, оттолкнул его и взял в руки воробышка. Из клюва птички капала кровь, а в чёрных, как две смородинки, глазках застыли слёзки. У Серика тоже слёзы навернулись на глаза. Сунув воробышка в руки одного из мальчишек, он кинулся на Мыркы.

Он вырвал из его рук рогатку, разорвал её надвое. В клочья разодрал резинку. Мыркы не ожидал такого поворота событий, но быстро пришел в себя. Он обернул вокруг кисти солдатский ремень, который снял с пояса, и только замахнулся, намереваясь ударить Серика тяжёлой бляхой, как тот перехватил ремень. Размахнувшись, он забросил его далеко через головы мальчишек и, бросившись врукопашную, уложил рыжего на лопатки.

Мальчишки, глядя на бессильного перед этим напором Мыркы, растерянно стояли в стороне.

Серик, запыхавшись, поднялся с земли, протянул руку к ребятам и потребовал:

— Давайте сюда!

Смущённо пряча глаза, все торопливо отдали ему свои рогатки.

— Не смейте больше делать этого!..

Вечером, возвращаясь домой, Таир хмуро следовал за Сериком...

БАККОЖА МУКАИ

ЗНОЙ

Три дома по соседству. В среднем живёт Жамал с дочкой, дом справа, высокий, с ухоженным просторным двором, занимает семья нового председателя колхоза Салимбая, а слева притулилась невзрачная низенькая саманка старика Дуйсенбая. Построенная бог знает когда, она почти вросла окнами в землю. Рядом со своим домом Дуйсенбай сколотил из досок высоченный сарай, пожалуй, самую высокую постройку в ауле. На крыше его аккуратно разложена копна сена, да и внутри помещения такая чистота, словно не сарай это вовсе, а жилой дом. И всё оттого, что Дуйсеке больше всего на свете любит возиться с домашней скотиной. С утра и до позднего вечера копошится он во дворе, не зная устали. Характер у старика спокойный, незлобивый, кажется, и слова из него не вытянешь. Но это только кажется: если вздумает Дуйсеке язык почесать — равных ему не найдётся.

Есть у старика Дуйсенбая внук — Сактаган, первенец дочери Науат. Три года назад Науат вышла замуж за пожилого солидного человека и отдала сына на воспитание родителям. С тех пор Сактаган и живёт у бабушки с дедом.

В обеих соседских семьях тоже подрастают дети, ровесники Сактагана — Бекен и Нурбуби.

Поговаривают, будто жена председателя после первых родов захворала и врачи сказали, что она теперь никогда не сможет рожать. Видно, поэтому единственный салимбаевский сын, Бекен, растёт капризным баловнем и задирой. Никто с ним поладить не может, одно слово — сорвиголова. Не только с ровесниками, даже с ребятами постарше готов сцепиться по малейшему поводу, чуть что не по нраву — сразу кулаки в ход пускает. А настырный какой! Побьют, бывает, его, а он снова на рожон лезет, одно на уме — только бы победить, только бы везде быть первым.

У Жамал дочка куда спокойнее. Нурбуби маленькая, смуглая, худющая, как ягнячья лодыжка, а характер у неё бойкий и общи-

тельный да язык что помело — чего только не знает, все свежие аульные сплетни первой в класс приносит. Мать Нурбуби работает дояркой на колхозной ферме. Вот уже несколько лет она вдовствует, но в обиду себя никому не даст, нрав у неё жёсткий, скорее мужской. Если Жамал что-нибудь не понравится, она церемониться не станет — всё в лицо выскажет, ни на возраст, ни на положение не посмотрит. Подруг у неё нет, поэтому всеми своими бедами и радостями она делится с маленькой дочерью. Бывает, что и сболтнёт лишнее, а дочка-то шустрая — глядишь, и «новость» уже по классу гуляет.

Как ни странно, но Нурбуби и Бекен большие друзья, всё свободное время, на зависть маленькому соседу, они проводят вместе. Сактаган вырос некрасивым: от горшка два вершка, рыжий, да к тому же немного косит. Вот и держится всегда в стороне от других детей. Нелюдимый и застенчивый по природе, он не пользуется авторитетом у сверстников, даже в школе с ним никто не общается. На переменках Сактаган обычно сиднем сидит за своей партой и с завистью наблюдает за тем, как возятся и бутузят друг друга мальчишки. После занятий не лучше — оседлает бревно, валяющееся у дедушкиного дома, и глаз от Бекена с Нурбуби не отрывает. Они часто играют во что-нибудь интересное, и Нурбуби иногда даже приглашает его, но Сактаган в смущении отворачивается и убегает, а дома опять за своё — высунется в окно и во все глаза за соседскими ребятами следит.

Бекен, Сактаган и Нурбуби — ровесники, разница между ними в несколько месяцев. Все трое учатся в одном классе.

Сын председателя и Сактаган друг друга недолюбливают, можно даже сказать, ненавидят, а почему — и сами толком не знают. Сактагану просто не по душе задира-сосед, а Бекена больше всего задевает упрямство нелюдимого одноклассника: ведь знает, дурачок, что не по силам ему с ним тягаться, а всё равно превосходства Бекена не признаёт. К тому же мальчишки, похоже, ревнуют друг к другу маленькую соседку. Петушки петушками. Однако напрямую они почти не сталкиваются. Сактаган обычно шпионит за Бекеном издали. Тут он его не боится — проклинает на чём свет стоит, шлёт угрозы одна страшнее другой и даже пульнуть в него чем-нибудь с безопасного расстояния готов, да как-то случай не подворачивается.

Иногда Нурбуби уходит с матерью на ферму. Тогда Сактаган совсем теряет покой. Скучает, мается от безделья и, не придумав ничего интересного, тихонько отправляется сам на то место, где Бекен и Нурбуби играют чаще всего. Но никого нет, и он тоскует ещё сильнее, словно гусёнок, потерявший свой выводок. В душе его поднимается обида на Жамал, которая увела с собой дочку.

Потоптавшись на месте, Сактаган нерешительно направляется к дому Нурбуби и, воровато оглянувшись по сторонам, прилипает к окошку. Если, не дай бог, в эту минутку покажется откуда-нибудь Бекен, он тут же даёт стрекача. Бекен только посмеивается и изображает погоню. Между домами считанные шаги, и он бы на самом деле в два счёта догнал Сактагана, но ему довольно и того, что соперник трусливо бежал.

Однако сегодня Сактаган всё-таки попался... Когда он, как всегда воровато, заглядывал в окно Нурбуби, сзади подкрался Бекен. Да так неслышно, что внук Дуйсеке заметил своего врага только после того, как тот ловко вытянул его гибким прутом по мягкому месту. Сактаган резко обернулся и увидел Бекена: недруг стоял, оскалив зубы в довольной улыбке, и готовился хлестнуть его ещё раз. Не зная, как вырваться, Сактаган заметался из стороны в сторону. Зелёный прут больно обжёг икры. Слёзы градом брызнули из глаз, и он присел, схватившись за ногу.

— Апа-а[1]! Ой, апа-а-а!

Во двор тут же выскочила старуха Дами. Увидев рядом с плачущим внуком Бекена, она закричала:

— Это опять ты, хулиган! Ты что же дерёшься?! — и засеменила на помощь Сактагану.

Но Бекен, ни капельки не испугавшись, хлестнул орущего мальчишку ещё разок и с хохотом отбежал.

— Накажи тебя Бог, драчун проклятый! Чтоб тебе пусто было! — запричитала бабушка Дами. — Вымахал с каланчу и к малышу лезешь! Только вот попадись мне! Уж я-то тебя отделаю!

Она взяла Сактагана за руку и повела прочь, не переставая чехвостить Бекена. А тот знай себе посмеивается, стоит в сторонке и только поплёвывает сквозь зубы. Старуха Дами пройдёт несколь-

[1] Апа — форма обращения к старшей родственнице или старшей женщине.

ко шагов, остановится и снова кричит. Но за языком своим на всякий случай следит — не дай бог сказать лишнее. Как-никак Бекен — сын председателя. А начальник, он и есть начальник. Тем более что Салимбай по натуре крут и своенравен. Вообще-то, Дами его не боится, пусть он и начальник. Всё же председатель всегда был к ним добр, вот и Дуйсенбая сторожем назначил. «Что же вам, Дуйсеке, без дела ходить», — сказал тогда Салимбай. Старик согласился и теперь исправно получает зарплату, а делать почти ничего не делает.

Когда Дами вспомнила об этом, ей стало неудобно за свои проклятья. Она обернулась и хотела подозвать салимбаевского сынка, примиряюще погладить его по головке, но задира Бекен вдруг запел:

Старая ворчунья,
Знаешь только ругань.
Пусть старик твой сдохнет
И в земле засохнет!

Дами вздрогнула, и её миролюбивого настроения как не бывало. Она аж посерела и прытко зашагала к воющему мальчишке. Уже на подходе старуха вдруг нагнулась и подхватила с земли увесистый булыжник. Бекен, всё это время преспокойно оравший свою дурацкую песенку, увидел в руках у бабушки Сактагана камень и пулей бросился прочь. Позорный побег обидчика с места происшествия только разжёг в Сактагане мстительную ненависть, и он, недолго думая, пустился за Бекеном, кидая вдогонку камни.

— Эй, щенок, — окликнула его Дами, — прекрати! Перестань, говорю! Покалечишь чужое дитя.

Она догнала внука и слегка подтолкнула его в затылок, но хрупкий пацанёнок зашатался и чуть не упал. Досадуя на его слабость, Дами прослезилась и сказала с укором:

— Ты тоже хорош!..

Сактаган, волоча ноги, понуро поплёлся домой и вдруг услышал голос Жамал:

— Ой, что случилось с младшеньким моей тетушки?

Он поднял голову и увидел Нурбуби с матерью. Бабушка остановилась и затараторила соседке о случившемся, а Нурбуби при-

жалась к матери. Бекен помахал ей издали, но она покачала головой и крикнула:

— Подойди сам!

— Не могу, а то старуха поймает.

— Эх ты, трусишка!

Бекена задели за живое слова Нурбуби, и он всё-таки приблизился к ней.

— А, негодник, попался! — обрадовано воскликнула Дами и кинулась к нему.

Однако Нурбуби спешно встала между ними, и Бекен снова ускользнул от старухи. Она поняла, что мальчишку ей не поймать, и в порыве негодования бросила вслед камень.

— Женеше[1], что вы, убьёте ведь, — запоздало крикнула Жамал, но булыжник уже попал точно в цель, и Бекен, услышавший слова Жамал, резко остановился. Заорал благим матом и упал на землю. Казалось, ни за что на свете он не перестанет кричать, хотя было не так уж больно и камень, пущенный слабой рукой, лишь слегка скользнул по мягкому месту.

Первой к нему подбежала Нурбуби, она едва не плакала от жалости. Следом за дочерью к лежащему Бекену подошла Жамал, а потом уж приковыляла старуха Дами и с ходу запричитала:

— Господи, что же я наделала, что я наделала! Как же быть? Жертвой за тебя буду, старая...

Она заходила к Бекену то с одной, то с другой стороны и плаксиво кудахтала. А мальчишка упрямо ревел, колотил ногами землю и повторял сквозь слёзы:

— Всё равно скажу! Скажу папе, что камнем ударила. Он вам покажет, он вас из колхоза выгонит! — Бекен захлёбывался в рыданиях и, заикаясь, подвывал: — Па-а-па-а, па-а-па-а...

Дами ущипнула себя за щёку и всхлипнула:

— Стыд-то какой, Жамал, что же мне теперь делать?

— Я всё скажу — он выгонит, — не унимался Бекен. — Я заставлю выгнать вас из колхоза! И дом твой заставлю сломать! Трактором... Папиным «Виллисом»...

— Что он говорит?! — испугалась Дами.

Жамал не выдержала:

---

[1] Женеше — жена старшего брата.

— А ну вставай, негодник! Вставай, что бы там с тобой ни случилось! — Она подняла с земли упиравшегося Бекена и возмущённо проговорила: — Да ты что, сын, что ли, Божий? С ним возишься тут, жалеешь, а он и в ус не дует. Ишь ты, паршивец! — Жамал шлёпнула его по мягкому месту, схватила за руку дочку, у которой глаза наполнились слезами, и потащила её домой.

Во всем ауле Бекен побаивался одну лишь Жамал. И хотя шлепок у неё получился увесистый, кричать побоялся: знал, что иначе получит ещё больше. Еле переставляя ноги, потащился домой. И только старуха Дами продолжала в нерешительности стоять на месте. Она смотрела вслед удалявшимся и не знала, как поступить: то ли плюнуть на всё, то ли догнать салимбаевского сынка и успокоить. Так и стояла, пока Бекен не скрылся в доме, и всё приговаривала: «Стыд-то какой!», а потом опомнилась и, приподняв подол, быстро-быстро засеменила в свой двор. Жена председателя могла тотчас же устроить скандал, и старуха с опаской оглянулась на большую синюю дверь, за которой скрылся мальчик. У входа ей встретился Сактаган, она легонько ткнула его в лоб и незлобиво ругнулась:

— Ух, негодник! Всё из-за тебя... — Потом Дами снова обернулась и, завидев появившуюся во дворе сухопарую жену Салимбая, поспешила в дом, горестно бросив внуку: — Прячься, несчастный.

Сактаган юркнул домой вслед за бабушкой.

Дами высунулась в окошко и, заметив, что Умитжан подняла тазик и скрылась в доме, пришла в себя, рассердилась за свой испуг и опять вышла на улицу. Под ноги подвернулось старое ведро, она подхватила его и с грохотом отбросила в сторону. Всё ещё сердясь, вынесла из дому печные щипцы. От злости Дами понемногу расхрабрилась и заворчала про себя: «Пусть только сунется ко мне! Пусть только сунется, сама не обрадуется — уж я ей выскажу, рта раскрыть не дам...» Хоть и осмелела, а на синюю дверь всё-таки поглядывала с робостью.

Мимо медленно проехал на сером осле Дуйсенбай. На ишака с двух сторон было навьючено сено. От сарая тут же послышался его голос:

— Я же просил вас открыть двери сарая... Боже, ведь я говорил вам, что под скотом сыро... Открой! Сейчас же открой мне сарай!

Он не дождался, пока старуха выполнит его просьбу, скатился колобком с осла и кинулся к сараю. Дами, и без того кипевшая от злости, взорвалась:

— Всё о скотине печёшься?! А на нас тебе наплевать?!

Но Дуйсенбай не обращал на неё внимания. «Проклятье, целый день вкалывал, и всё насмарку!» — проворчал он, схватил лопату с коротким черенком и принялся убирать сарай. Дами хотела похвалиться перед ним, как проучила салимбаевского сына и как Умитжан не осмелилась за него заступиться, но муж был сердит и обижен. Она знала, что, когда старик возится в сарае, к нему лучше не соваться. Старуха повторила рассказ про себя, и гнев её понемногу утих.

Наконец Дуйсенбай закончил свои дела и вошёл в дом. Дами расстелила дастархан и выставила нехитрое угощение: пару кусков сахара, комочек курта и высохшую лепёшку. Разлила чай. Некоторое время старики молчали. Дуйсенбай, обливаясь потом, прихлёбывал из пиалы. Дами не вытерпела и первой нарушила молчание:

— Салимбаевский хулиган житья не даёт нашему несчастному. Каждый божий день до слёз доводит.

— Что, и сегодня побил? — спросил старик.

— Какое там — едва совсем не убил беднягу.

— А-а... понятно, весь в отца, бедолага. Такой же дохлый. На голове собака плясать будет, а он не пошевелится.

Дами опешила. Она не ожидала услышать от старика такое. Ей стало стыдно, точно это она ляпнула непростительные слова. Руки её задрожали, морщинистое лицо задёргалось. Старуха задела неверным движением стоявшую перед ней пиалу, и горячий чай выплеснулся ей на ногу.

— Да ты что, старый хрыч, — закричала Дами, вскочив с места, — от своей крови отрекаешься?! Кто, кто его отец?! Говори, растрезвонь всем! Пусть знают! Ишь, язык развязал — да такое и враг не посмеет сказать...

Дуйсенбай испуганно взглянул на старуху и понял, что оплошал. Стараясь исправиться, он лихорадочно подыскивал оправдание и вдруг брякнул:

— Да я же об Аскарбае нашем говорю...

Дами не сдержалась и заплакала.

Сактаган, который грустно стоял у раскрытой двери и наблюдал за игрой Нурбуби и Бекена, вздрогнул. Слова деда бурей ворвались в его душу. К горлу подступили рыдания, но слёз не было. Он горько вздохнул, равнодушно взглянул на веселящихся во дворе сверстников и нехотя вышел. Вяло, точно из-под палки влез на сеновал. Огляделся. Внизу резвились Бекен с Нурбуби. Недалеко пасся серый осёл. Два петуха, отчаянно задираясь, клевали друг друга в гребешки. Он поднял лицо к чистому небу и увидел далёкую тучку, которая быстро росла и расплывалась, как чернильное пятнышко на промокашке. Окружающий мир показался Сактагану обманчивым миражом, призрачным видением, таким чужим и далёким. Он зарылся в сено и горько, беззвучно заплакал...

С того дня Бекен стал невыносим. Едва завидит Сактагана — тут же спешит ему насолить, гоняется за ним с угрозами. И хотя Сактаган уже раз попался, но сдаваться не собирается и побеждённым себя не чувствует. Но и Бекен не успокаивается, при каждом удобном случае кулаки в ход пускает. Посмотреть со стороны — соседи-мальчишки теперь точно кошка с собакой.

Время от времени между ними вспыхивают потасовки. Сактаган чаще проигрывает и поэтому выдумал свой способ мести, кинет камень и — бегом подальше... Вчера он снова неожиданно напугал Бекена, осыпав градом камней. Один из них попал в Нурбуби, которая играла рядом, та заревела во весь голос. Сактаган убежал домой и в страхе спрятался под кровать, хотя никто за ним и не гнался.

Зато сегодня Нурбуби с Бекеном устроили засаду и поймали его, когда он возвращался из школы. Сактаган пробовал было, как всегда, спастись бегством, но споткнулся и упал. Бекен тут же настиг его, принялся нещадно колотить, пиная ногами. Пыхтя и сопя, подбежала Нурбуби и стала ему помогать. Она не только дралась, а ещё и приговаривала обидно: «Рыжий!.. Косой!.. Безотцовщина!..» Сактагану было больно, но ещё сильнее ранили его слова Нурбуби. Он зарыдал так безутешно, что никакая сила не смогла бы заставить его умолкнуть. А дома его принялась трясти бабушка Дами. Внук не услышал от неё ни одного тёплого слова и в отчаянии убежал. Влез на крышу и привычно зарылся в сено. Долго лежал, не в силах остановить сотрясавшие его рыдания.

Солнце уже склонилось к закату, а Сактаган всё плакал и горько проклинал весь белый свет — Бекена и Нурбуби, и бабушку Дами, и дедушку Дуйсенбая. Он старался обозвать их пообиднее, вспоминал услышанные походя бранные слова, посылал проклятия, одно ужаснее другого.

«Если бы у меня был папа, — думал он и задыхался от огромного горя, свалившегося на его хрупкие плечи. — Если б у меня был папа... Противные, вы отдали мою Науат-апу старику, чтобы получить деньги и баранов. Я видел, вы спрятали их в сундуке. Ну и ладно! Вот вырасту и сломаю ваш сундук. Баранов отгоню назад, а деньги отдам обратно, и тогда мама вернётся. Мы построим с ней большой дом, а вас туда не пустим. Я всё маме расскажу, когда она приедет. Как он бил меня вчера, и сегодня. Всё-всё расскажу». А потом, вспомнив, что мать давно уже не приезжала к нему, заревел в голос и спросил вслух, прерывая каждое слово судорожными всхлипываниями: «Мама... ты... забыла... меня?.. Почему... ты... не приезжаешь?..»

— Эй, Сактаган, — послышался голос бабушки, — где ты ходишь, негодный мальчишка? Нечего по ночам шляться, ступай домой.

Сактаган сразу перестал плакать и замер, боясь пошевелиться.

— Старая, чай готов? Устал я. Благодарение Аллаху, два тюка сена навьючил сегодня на эту скотину...

Оказывается, уже и дедушка приехал. «Сейчас сено на крышу поднимать будет, — мелькнуло в голове. — Заругается, наверно». Но Дуйсеке не полез на сеновал, а затащил тюки с сеном в сарай и вошёл в дом.

— Сактаган! А, Сактаган! — вновь позвала бабушка. — Хватит болтаться на улице, сынок, иди домой. Что ж поделаешь, если ты у нас такой невезучий. Однако и твой день придёт, верь, сынок!

Он не двинулся с места, но последние слова бабушки запали в душу и дали волю мечтам. Сактаган представил у себя в руках пышную, горячую, сдобренную маслом лепёшку и вкусную конфетку в блестящем фантике, точь-в-точь такую, какую он видел недавно у Бекена. Под ложечкой засосало, но он не обратил на это внимания. А потом Сактаган зажмурил глаза и представил белого-белого тулпара[1] и себя верхом. На душе стало легко-легко и ра-

[1] Тулпар — быстроногий скакун.

достно, он поднялся и попробовал скакать — чуть с крыши не слетел. Опомнился и посмотрел перед собой — краешек неба полыхал алой краской, и от этого щёки его вдруг загорелись румянцем. «Скорей бы рассвет, — подумал он. — Скорей бы прошла ночь и наступил мой день...»

Когда вечерние краски сгустились, мальчишка спустился с крыши сарая и направился к придорожному арыку. Сел у воды и вспомнил мать, которая не приезжала с прошлого года. Нежные чувства, что он испытывал к ней всего лишь несколько минут назад, мгновенно улетучились. Чтобы прогнать злость, Сактаган нагнулся и, черпая пригоршнями воду, несколько раз брызнул на пыльную дорогу. Арык струился, точно хвост жеребёнка на ветру, и дразнил его своим весёлым журчанием.

Поозорничав немного, Сактаган отправился к дому Нурбуби. Он увидел её опять с Бекеном. Она поливала из крохотного ведёрка цветы, а Бекен подносил воду. Рот у Нурбуби был набит хлебом, а в руке она держала булку.

— Давай завтра посадим цветы под окнами нашего класса, — услышал Сактаган.

У него потекли слюнки. Он робко приблизился к одноклассникам и уставился на цветы. Ещё днём они были ярко-красными, аж глаза резало, а теперь чуть погасли, приобретя густо-вишнёвый оттенок. Видно, это близкая ночь провела по ним щедрой кистью.

Первой Сактагана заметила Нурбуби. Она запрыгала, дразнясь, и крикнула, даже не потрудившись проглотить хлеб во рту:

— Рыжий, рыжий и косой! Безотцовщина!

Бекен, который нёс ей воду, остановился и тоже заорал:

— Эй ты, пошёл прочь! Ещё своруешь что-нибудь.

— Нет, не сворую, — виновато пробормотал Сактаган.

— Иди-иди! Мы всё равно с тобой играть не будем. Вдруг ещё чесоткой заразишь, — язвительно бросила Нурбуби и, подняв из-под ног камешек, швырнула в Сактагана.

Бекен будто ждал сигнала к атаке — тут же бросил ведёрко и ринулся к соседу. Сактаган кинулся наутек, но, добежав до дома, нагнулся за камнем. Его преследователь испуганно остановился и повернул назад. С безопасного расстояния он крикнул:

— Эй! Выходи один на один!

— Врёшь ты все, — фыркнул Сактаган.

И тогда Бекен с ходу сочинил дразнилку:

Рыжий телок
Ростом с вершок,
Эй ты, трусишка!
Жалкий зайчишка...

Обозлённый Сактаган швырнул в него булыжник, но обидчик ловко увернулся и снова принялся дразнить, корча рожи:

Рыжий, рыжий Сактаган,
Положи змею в казан!

Сактагану тоже хотелось сказать что-нибудь складное, он лихорадочно подыскивал слова, но стихи никак не сочинялись, и он в ярости молчал. Противный голос Бекена вонзался в уши, как игла, и переворачивал всё внутри. Он прижал ладони к голове и заорал:

— Не слышу! Не слышу! А-а-а-а!

Но Бекен не обратил на это внимания и нараспев, меняя интонации, повторял свои дразнилки, только чуть повысил голос, чтобы вконец досадить бедному сопернику. Он произносил пару строчек и ехидно добавлял «ля-ля-ляй». В унисон с ним пела и Нурбуби. От этого Сактагану было особенно обидно. Не сумев заставить их замолчать, он подобрал несколько камней и снова пустился бегом. Однако Бекен и Нурбуби от него не отстали.

В конце концов преследователи понемногу успокоились и только изредка кидались булыжниками. Сактаган один, а против него двое. Уже стемнело, летящих камней не было видно, и лишь когда какой-нибудь из них с шумом плюхался оземь, противники, пригнувшись, прикрывали руками головы.

Если бы на улицу не вышла Жамал, рано или поздно один из них наверняка бы покалечил другого.

Увидев надвигающуюся в темноте мать Нурбуби, Сактаган спешно ретировался.

Он долго ворочался в постели и не мог заснуть. В ушах по-прежнему звенели оскорбительные стишки Бекена. Никогда раньше он так не переживал. Что бы ни случалось, едва коснётся головой

подушки — как сладкий сон смеживает веки. А сегодня с ним происходило непонятное: пробормочет что-то, замолчит, потом вдруг застонет и бух! — на другой бок. Полежит тихо и опять бормотать принимается.

Дедушка спал рядом и негромко похрапывал. Сактаган прислушался, и ему показалось, что дед повторяет во сне бекеновскую дразнилку и даже аульные собаки, похоже, весело перелаиваются: «Рыж-жий, рыж-жий Сак-та-ган...» Он заткнул уши, но это не помогло: унизительные строчки всё так же ритмично звучали в голове. Сактаган хотел вскочить, чтобы избавиться от надоедливой дразнилки, но побоялся бабушки. Она спит чутко, как птица. Поэтому он только вздохнул и сказал про себя: «Ничего, я тоже придумаю».

Но сколько бы Сактаган ни старался, дразнилка у него не получалась. Он даже устал, подыскивая подходящую рифму к имени своего обидчика. В конце концов на него напала зевота, и он решил: «Когда я вырасту, не то что один, целых сто стишков сочиню. Нет — тысячу!» Поддаваясь дрёме, Сактаган вспомнил про цветы — сон как рукой сняло. Его вдруг осенило, и он тут же соскочил с постели и торопливо оделся. Даже про бабушку забыл.

Бегом бросился к дому Салимбая, пролез через дыру в плетне и ползком приблизился к клумбе. Коснулся рукой первого цветка, издающего тонкий аромат, но не решился сорвать, даже захотелось отыскать ведёрко и тоже полить клумбу, однако опять вспомнилась дразнилка, и Сактаган подавил в себе жалость. Со злостью вырвал крайний стебелёк с распустившейся головкой, кинул на землю и придавил ботинком. Ярость не проходила. Сактаган принялся срывать цветок за цветком, топтал их, смешивая с грязью, и приговаривал: «Вот тебе. Бекен! Получай, Бекен!» Вскоре всё было кончено. От старанья он вспотел, рубашка прилипла к телу.

Довольный и успокоенный, мальчишка вернулся домой и по дороге то и дело повторял себе: «Вот тебе, Бекен! Получай, Бекен!» Лучше стишка и не придумаешь, казалось ему.

Дуйсенбай не спал, стараясь справиться с приступом мучительного кашля. Проснулась и Дами.

— И ночью спать не дают, — проворчала она, поправляя подушку.

Старик, успокоившись, тоже не утерпел:

— И куда только ходит этот негодник в глухую темень? В кого уродился?

Сактаган, удовлетворённо сопевший после битвы с цветами, весь напрягся: сердце его бешено забилось. Кажется, дедушка снова хочет сказать, что он похож на Аскарбая. Забытая боль волной прокатилась по телу.

— Тише ты! Не болтай чепухи! — сердито буркнула бабушка, и в комнате воцарилось молчание.

Сактаган не спал. Он представил вдруг Аскарбая, скачущего на коне. По земле волочится длинный курук[1]... Настоящее пугало! Он нырнул под одеяло, и видение исчезло.

Утро началось со скандала. Умитжан обнаружила разорённую клумбу и с криком бросилась в дом. Проснулся Салимбай. Соскочил с кровати Бекен, и все трое выбежали во двор. Бекен увидел загубленные цветы, с рёвом упал на землю и задрыгал ногами. На его голос сбежались соседи — Жамал, Дуйсенбай со старухой.

— О Аллах, а я-то думал, отчего шум такой... Невелика беда — были б сами здоровы да скот цел, — сказал Дуйсеке и вернулся к себе.

В это время в председательский двор зашла заспанная Нурбуби. Узнав о случившемся, она заревела вместе с Бекеном.

— Не вой, дурочка, беду накличешь, — прикрикнула на дочку Жамал и потащила её домой, подгоняя шлепками.

Помявшись немного, ушла и Дами.

В школе Нурбуби растрезвонила об утреннем происшествии всему классу. «Сактаган со своим дедом и бабкой растоптали все цветы на клумбе», — раздавался то тут, то там её заговорщицкий шепот. Услышала её и Айша-апай[2]. После уроков она устроила классное собрание. Долго говорила о том, что природа — это народное богатство, что беречь её долг каждого и что любовь к окружающему миру неразрывно связана с такими понятиями, как родной очаг, земля отцов, Родина. Она не ругала упавшего духом Сактагана, не клеймила его позором, даже не спросила ни о чём, потому что поняла — нотациями ничего не добьёшься.

Когда учительница закончила, зашумели дети.

---

[1] Курук — деревянный шест с верёвочной петлёй на конце; используют при ловле лошадей.

[2] Апай — обращение к учительнице.

— Его надо из школы выгнать! — гневно выкрикнул с места Бекен. — Мама сказала, что милицию вызовет. Мой папа выгонит сактагановского деда из своего колхоза, и из аула тоже.

Айша-апай поморщилась и с укором взглянула на Бекена.

— Сактаган на деда своего похож. — Это уже Нурбуби. — Дед его в лесу деревья рубит, для того чтобы печку топить. И сено в колхозе ворует. Да-да, я знаю!

Айша-апай удивлённо повернулась к девочке, будто впервые увидела её. «Ну и ну, — думала она, — вот тебе и первоклассники! Один лучше другого. А Нурбуби-то казалась робкой и молчаливой».

Учительница подошла к Сактагану и ласково погладила его по голове. Класс замер: как же так, вместо того чтобы наказать виновного, апай ласкает его. Дети недоумённо молчали.

— Где твой отец работает? — спросила Айша.

Сактаган опустил голову, а Бекен нетерпеливо выкрикнул с места:

— Он сторож в папином колхозе.

Послышались смешки, и кто-то вставил:

— У него нет отца.

В классе на мгновение стало тихо, а потом дети наперебой принялись изливать свои познания.

— А вот и неправда! У него есть папа. Это — Аскарбай, — овладела вниманием одноклассников Нурбуби, изо всех сил стараясь казаться всезнающей.

— Табунщик Аскарбай?

— Он самый.

— Вы всё перепутали, — вклинился в разговор Бекен. — Аскарбай ведь папа Лаулик, — и он оглянулся на напрягшуюся от волнения Лаулик.

— Да, — выдавила девочка.

— Ну, он сперва папа Лаулик, а потом Сактагана. Мама же моя знает, — выпалила Нурбуби.

Сактагану стало невмоготу. Он сорвался с места и, пряча полные слёз глаза, выбежал из класса.

— Убежал, убежал!.. Ловите его! — крикнул было Бекен, но учительница строго остановила готовых уже сорваться первоклассников. Сгоряча она огрела пощёчиной взбудораженного Бекена. С диким воем он метнулся из класса.

На этом длинный школьный день закончился.

Когда плачущий Сактаган приплёлся домой и уткнулся мокрым лицом в подушку, Дами пыталась разузнать у внука причину слёз, но он только горько рыдал.

— Наверно, опять его председательский сын отлупил, — заключила старуха. — И что ему нужно от нашего бедняжки? Охотится за ним, точно Сактаган его отца убил. Обязательно до слёз довести надо, ни дня без этого не может. Да и Умитжан бесстыжая, ещё и заступается за своего хулигана.

— Да, она такая, — равнодушно поддержал Дуйсеке, скручивая аркан. — А почему муженьку её не пожалуешься?

— Взял бы и сказал сам.

— Ты чего несёшь, старая? Причём тут я? Что я, бездельник какой? Не свиней, поди, подковываю... Верчусь как белка в колесе...

Дами смекнула, что лучше с ним не связываться, и замолчала. Пока старик чесал языком, она вышла из дому.

— Всю жизнь спину гнёшь, а конца работе нет... — ворчал Дуйсенбай. — Одну на ноги поставил, а тут второй рот открыл. О Боже, разве я просил тебя об этом?! — Повернувшись к внуку, он повысил голос: — Да перестанешь ты или нет?.. Чего глотку-то надрывать? — Он подождал ответа, но, кроме плача, ничего не услышал. — Прекрати! Воешь, точно отца схоронил.

Волоча ноги, Сактаган направился к двери.

— Во-во, и этот сопляк характер норовит показать. Ради кого, спрашивается, спину гну? А всё не нравится. О Аллах...

Сактаган не услышал последних дедовых слов. Он медленно побрёл к арыку и опустил в воду потрескавшиеся ноги. Немного погодя успокоился, слёзы на глазах высохли. Пятки защипало, он вытащил ноги, смазал их грязью, а потом принялся мыть.

В это время на глаза ему попался Бекен. Сактаган ощетинился, как ёж, о побеге и не подумал — наоборот, обрадовался неожиданной встрече. То ли от обиды, то ли от отчаяния, но в нём проснулась смелость и он даже почувствовал себя сильным.

Бекен придрался с ходу:

— Эй ты, рыжий! Чего воду мутишь?

Сактаган посмотрел на прозрачную воду, потом на свои грязные ноги и виновато вынул их из арыка.

— Разве не знаешь, это — наш арык. Мой папа заставил вырыть.

— Он у нашего дома течёт, — после паузы робко возразил Сактаган.

— Чего-чего?! Какой такой дом? Нет у вас дома. Он колхозный.

— Скажешь тоже... Это дедушкин дом.

— Ха! И дедушка твой колхозный.

Сактаган растерялся: дедушка и вправду числился колхозным сторожем. Тут уж Бекен прав, никуда не денешься. Но разве можно отступать? И он неуверенно пробормотал:

— Дедушка — мамин...

— Ещё чего! — Бекен подступил ближе. — И мама твоя колхозная, и сам ты колхозный. А колхоз — папин!

Бекен говорил так, будто колхоз, а вместе с ним мама и дедушка Сактагана — его собственность. Сактаган вскочил:

— Мама не работает в твоём колхозе. Мы с ней — от Бога. Вот!

— Ха-ха! Тебя создал табунщик Аскарбай, — рассмеялся Бекен, — а Аскарбая создал Бог.

Сактаган, уже смирившийся с очередным поражением, забыл обо всём и кинулся с кулаками на ненавистного соперника. Обменявшись ударами, они покатились по земле. Сактаган сразу оказался снизу. Бекен сел на него верхом и принялся дубасить, прибавляя к каждому удару что-нибудь обидное. Сактаган извивался под ним змеёй, нещадно брыкался, но сбросить Бекена не мог.

— Эй!

Бекен даже вздрогнул от неожиданного окрика и выпустил Сактагана. Обернувшись, он увидел рыжего человека с суровым лицом. Человек быстро приближался, пришпоривая лошадь. Бекен похолодел от предчувствия расплаты, но не смог даже двинуться с места.

— Ты что же это, собачий сын, делаешь?! — Человек гневно округлил глаза, не слезая с коня, схватил за шкирку побледневшего Бекена и опять крикнул, да так, что вены на шее набухли: — Что же ты делаешь?! — Потом ударил его наотмашь по лицу.

Бекен дико заорал.

Сактаган вначале ничего не понял. Он тоже испугался, когда подъехал всадник и оторвал от него Бекена. Даже бежать хотел. Но потом узнал рыжего человека. Это был Аскарбай.

Он видел, как Аскарбай схватил Бекена за шиворот и несколько раз тряхнул, как кинул обмякшее тело на землю и дважды с размаху перетянул увесистой плетью. После этого всадник хлестнул камчой испуганно всхрапывавшего коня и умчался прочь.

Он исчез так же внезапно, как и появился, а притихший Сактаган молча смотрел ему вслед: не знал, радоваться происшедшему или нет, благодарить Аскарбая или проклинать...

Палящий июльский зной обжигал своим дыханием восьмилетнего мальчугана, но он не замечал этого. Его детское сердце впервые почувствовало, что есть на свете человек, который по-настоящему его жалеет. Ему было почему-то стыдно признаться в этом...

Собрались люди. Выбежала, причитая, Умитжан. Она бросилась к посеревшему от страха сыну, злобно сшибла с ног застывшего в растерянности Сактагана, он упал. Умитжан схватила камень, но тут вмешалась Дами. А Сактаган лежал. Он лежал ничком, прижавшись к земле, и неслышно плакал. Никто не помог ему подняться. Все столпились около Бекена.

Солнце нещадно палило. А Сактаган всё лежал под его жгучими лучами. Ему казалось, что привиделся сон. Ему казалось, такое никогда не могло случиться в его жизни.

Беспощадные, острые отвесные лучи обволакивали мир душным, всепроникающим жаром. Шёл тысяча девятьсот пятьдесят второй год.

НИКОЛАЙ ВЕРЁВОЧКИН

ЛЁШКА, КОТОРЫЙ НЕ ВИЛЯЛ ХВОСТОМ

Он смотрел на меня одним глазом, другой закрывало мягкое ухо.

Поглощённый созерцанием моей персоны, он пи́сал минуты две, не осознавая этого.

С таким же любопытством изучал и я его, теряясь в догадках, откуда у крошечного существа берётся столько воды.

Запасы влаги наконец иссякли. Щенок стоял беспомощный, вымокший, но — на что я сразу обратил внимание — не вилял хвостом.

Минуту назад я тихо барахтался под понтонным мостом. Деревянный настил прогибался, и железные баржи чуть приседали, когда над моей головой проезжали машины. На тонких перильцах висели пробковые спасательные круги, похищение одного из которых входило в разряд моих самых дерзких планов. Я тренировал лёгкие: погружаясь в воду, перебирал руками толстый канат, стараясь донырнуть до якоря. Канаты тянулись от барж метров на пятнадцать против течения, мне не хватало воздуха.

Я намеревался вновь подвергнуть испытанию выносливость моих лёгких, когда надо мной остановился человек и, перегнувшись через перила, швырнул в воду серый кулёк. В таких кульках раньше продавали сахарный песок или крупу. Пухло плюхнувшись, кулёк пошёл ко дну.

Человек меня не видел, да и я видел лишь его тень на воде. И очень подозрительной показалась мне, любителю шпионских повестей, эта тень. Что можно бросить на середине реки под понтонный мост? Всё, что угодно. Скажем, взрывчатку... Или какую-нибудь улику. Допустим, пистолет...

Я нырнул и у самого дна перехватил кулёк.

В кульке пульсировало живое сердце.

Я почувствовал, как в холодной воде моя кожа покрылась потом.

Вынырнув, я ухватился левой рукой за канат, подтянулся и опустил кулёк в баржу.

И вот мы сидим на тёплом и мокром дне баржи, разглядывая друг друга. К шерсти «утопленника» прилипли клочья серой бумаги. Всё произошло быстро, поэтому кулёк выполнил роль скафандра. На слабых ногах щенок боком отошёл от лужицы, неуклюже попытался стряхнуть с себя воду, зажмурился от солнца и высунул алый, как пламя зажигалки, язык.

Глуше и глуше, превращаясь в неразборчивое шарканье, стучали по настилу моста подошвы несостоявшегося убийцы. Вскарабкавшись на нос баржи, я разглядел костистую спину, твёрдый и лысый, как валун, затылок. Левое плечо заметно ниже правого. Серый костюм свободно болтался, словно был подвешен на гардеробных плечиках.

Мама говорила, что собаки вызывают у неё аллергию.

Я вообще затрудняюсь назвать животных, которые нравились бы ей. Достаточно было за столом произнести «мышь», и это на неделю лишало её аппетита. Вот чем ей не угодили мыши? Понятно, что знакомить её с Лешкой (так теперь звался щенок) не имело смысла.

Я спрятал его в соседский стог соломы. Сбегал домой, быстро перекусил и принёс ему молока. Специальной посуды не нашлось, и я напоил щенка из своей кружки.

Бедная мама, если бы она знала...

Золотые соломинки запутались в высохшей, закурчавившейся шерсти собачонка. Он безмятежно вытянулся на мягкой подстилке, положив лобастую голову на передние лапки. Мордочка его была чрезвычайно серьёзной. Я засмеялся, а он строго посмотрел на меня, не меняя позы. Я не знал, кто он: дворняжка, сеттер или овчарка. Мне было всё равно. Он мне нравился.

Когда я понёс кружку домой, Лёшка увязался за мной. Он совал свой нос во все углы, как покупатель, присматривающийся к ценам на людном базаре.

Вдруг за штакетниковой оградой раздался боевой визг и яростное шипение. Драная-передраная одноглазая кошка с видом существа, смертельно оскорблённого Лёшкиным присутствием в этом мире, жёлтой молнией бросилась наперерез нам. И столько было искреннего гнева и бандитской злобы в этом маленьком зверёныше, что меня на секунду парализовал страх. Фашиствующая киска скалила жёлтые клыки и с ненавистью била Лёшку когтистой лапой. Присев на корточки, я стал сражаться с агрессором. Хулиганка словно не замечала меня. Ну хоть бы капельку уважения: всё-таки я человек!

Когда я поднял щенка на исцарапанные руки, кошка трижды упруго и высоко подпрыгнула, сопровождая дикий танец шипением и демонстрацией когтей. После чего умчалась за ограду и неотрывно следила за нами горящим глазом, выгнув спину и кровожадно урча.

Вечером я протащил щенка за пазухой в дом и устроил спать рядом с собой, с таким расчётом, чтобы головой он лёг на подушку. Лёшка недовольно заурчал, отполз вниз под одеяло и уткнулся носом в лапы.

Мама услышала ворчание и, открыв дверь моей комнаты, спросила, что со мной.

— После молока живот урчит, — ответил я, не поворачиваясь, и успокоил. — Пройдёт.

Сказав это, я совершил оплошность. У мамы кроме меня никого не было. Я рос хилым мальчишкой, и мама изучала на мне все болезни, иногда обходилась даже без помощи врача.

Она включила свет, присела на краешек койки и, положив холодную ладонь на мой живот, принялась устанавливать диагноз.

— Да ничего у меня не болит, только в животе нехорошо, словно паука проглотил, — попытался я психологическим манёвром заставить её ретироваться.

Мама жутко боялась пауков и, наверное, скоро бы ушла, но в это время Лешка встал, подняв одеяло палаткой, — и я впервые услышал его тявканье.

Мама брезгливо подняла пухлый, глухо ворчащий ком за ухо и понесла к двери.

— Отпусти, ему больно! — запротестовал я.

Думаете, он завизжал? Молчал, как игрушечный.

Ночь мы провели с Лёшкой в стогу соломы, на рваной телогрейке, которую я позаимствовал у огородного пугала. Утром нас чуть не проткнул вилами сосед, когда готовил подстилку для поросят.

Лёшка стал третьим членом нашей семьи.

Первое время мама соглашалась терпеть его только во дворе, на цепи. Потешно и тяжело было смотреть на маленькое, скорее напоминающее котёнка, чем щенка существо, этакую чебурашку с наивными глазищами, прикованную ржавой цепищей.

Что за изуверские предрассудки: держать собаку на цепи!

Маме это казалось в порядке вещей.

Я сказал, что в древнем Египте в порядке вещей считалось держать на цепи рабов. То есть людей. Мы с Лёшкой отчаянно протестовали. Я выступал с манифестами. Он объявил голодовку: лежал с тоскующей мордочкой в пыли, даже не пытаясь поднять тяжёлую цепь. Иногда с ним случались приступы ярости и он с таким усердием грыз железные звенья, что я опасался за его зубы.

На маму не действовали ни мои речи, ни Лёшкина ярость.

Но однажды она увидела слёзы на его мордашке. Она не знала, что собаки умеют плакать. И это так на неё подействовало, что она собственноручно освободила щенка. Справедливость восторжествовала, и до конца своих дней Лёшка не знал, что такое неволя.

Шло время, и с каждым днём мы всё сильнее привязывались друг к другу.

Взрослел я, рос Лёшка. Он становился красивым псом с широкой грудью и большой умной головой. Всё чаще мама гладила его по дымчатой шерсти, полной сухого электричества. Мы с Лёшкой забыли старые обиды. Мир и согласие царили в нашей небольшой семье.

Но я чувствовал, что Лёшке скучно в нашем тихом посёлке. Он часто вздрагивал во сне. Я догадывался, что ему снится. Он был

рождён для борьбы, для погонь. Таинственный зов тревожил его сердце.

Однажды в наш огород забрёл бык.

Лёшкин загривок и мышцы ног судорожно затрепетали. Он утробно зарычал и по-волчьи оскалил зубы. Бег его был столь яростным и стремительным, что казалось, вот-вот он споткнётся и полетит кубарем через голову. Бык струсил и неуклюже отпрянул, а Лёшка, мгновенно отделившись от земли, вцепился в его загривок. Непрошеный гость взревел и тяжеловесным галопом поскакал прочь с висящим на его спине Лёшкой. Слепой мощный бег быка напоминал движение локомотива, сошедшего с рельсов. Сухо затрещал поваленный плетень. Я бежал следом, призывая Лёшку к милосердию. Сквозь лай дворняжек слышался тяжёлый топот и утробные стоны объятого ужасом животного.

В Овражном переулке какой-то человек выскочил из сарая с вилами, которые он держал, как копьё. Человек метнул вилы, целясь в Лешку, но попал в ляжку быка. Сделал он это без злобы, холодно. От человека веяло скукой, как от старого кирзового сапога. Самой запоминающейся частью его лица была серая, потёртая временем лысина.

Я уже отчаялся догнать четвероногого кавалериста, когда, наконец, Лёшка бросил свою жертву. Расслабленной трусцой, легко перебирая лапами, словно подбрасывая себя, он бежал мне навстречу. Был он спокоен и полон достоинства, будто только что совершил благородный поступок.

Скорее из посёлка, подальше от людских глаз!

Мы свернули в переулок, ведущий к реке, пробежали по перекату и спрятались в каменной нише разрушенной наводнением мельницы. Куст чернотала укрыл нас от всего мира. От пережитых волнений меня трясло, как погремушку.

Сквозь зелёные прутики и листья-лодочки поблёскивали размытые на речной ряби солнечные пятна. Я разглядывал справедливую и суровую Лёшкину морду. «Какой у меня сильный пёс, — нашёптывало самолюбие, — достаточно сказать ему «фас», и он разорвёт в клочья любого врага». Я положил голову на Лёшкину спину, смотрел на комара, кружившего над нами крошечным бом-

бардировщиком, а думал о человеке с вилами. Комариный звон наполнил моё тело, и я забылся в тревожном полусне.

Возвращаясь с реки, мы повстречали человека.

Был он белобрыс, как одуванчик, и весь перемазан земляничным соком. Голубоглазый сосед Васька совершал своё первое путешествие по земному шару.

По всему было видно, что человек безнадёжно заблудился, и это обстоятельство его явно огорчало: сладкий земляничный румянец на его щеках основательно размыли солёные ручьи.

Заметив нас, он в нерешительности остановился и, стеснительно ковыряя пальцем в носу, поджидал. Когда же мы поравнялись, Васька осоловело и очарованно уставился в Лёшкины глаза, которые находились как раз на уровне его собственных.

— Куда направился? — спросил я.

— Гуляю, — туманно ответил сосед, не отрывая взгляда от Лёшки.

Мой пёс и Васька настолько заинтересовались друг другом, что казалось — ещё немного и они обнюхаются. И действительно, Лёшка принюхался и широким языком облизал сладко-солёные щёки карапуза.

Я посадил путешественника на Лёшкину спину. Лёшка оглянулся и с недоумением посмотрел на меня, словно укоризненно спрашивая: «Как это понимать?» В разного рода сложных ситуациях, при встрече с незнакомцами он всегда вот так же молчаливо советовался со мной, безошибочно определяя, как вести себя дальше. И на этот раз он вздохнул, но безропотно довёз малыша до крыльца его дома. Всю дорогу Васька, поддерживаемый мною за рубашку, счастливо сопел и завороженно разглядывал Лёшкины уши.

С этого дня Васька повадился в гости к Лёшке. Он присаживался на корточки и что-то рассказывал псу, лежащему в гордой позе сфинкса. Они были идеальными собеседниками: Васька без умолку лопотал, Лёшка внимательно слушал.

Для друзей ничего не жалко!

На очередное свидание сосед приволок любимые игрушки — деревянную машину и резиновый красно-зелёный мяч. Машину Лёшка обнюхал, деликатно тронул лапой и потерял интерес. От

упругого мяча пришёл в восторг. Шумная азартная игра оборвалась трагическим происшествием: Лёшка, не соразмерив силу своих челюстей, прокусил мяч. Разумеется, сделал он это совершенно нечаянно. Васька взревел, как пожарная машина. Прибежавшая по сигналу тревоги Васькина мама застала такую сцену: безутешно рыдающий малыш сидит на земле, прижимая к груди дряблый мяч, а Лёшка-утешитель облизывает его мордашку. Женщина напустилась на Лёшку. Он слушал её с гордо поднятой головой, с достоинством. В конце концов, ему надоел её крик. Верхняя губа раздражённо приподнялась, обнажив белые клыки. Панически взвизгнув, соседка подхватила Ваську таким образом, что ноги у него оказались вверху, а голова выглядывала откуда-то из-под локтя.

— Чтоб я тебя больше не видела рядом с этой зверюгой! — кричала женщина, умыкая своё дитя и хлопая его по мягкому месту.

На следующий день Лёшка нанёс визит вежливости. К завалинке, на которой маленьким старикашкой сидел, пригорюнившись, Васька, он притащил дырявый мяч. Звонко гавкнул и убежал. Но скоро вернулся. На этот раз с огромной, чисто обглоданной костью.

Васькина мама вначале всячески препятствовала встречам сына «с этой зверюгой», но, убедившись в тщетности подобной тактики, в дальнейшем использовала эту дружбу в педагогических целях.

— Если ты будешь шалить, — говорила она Ваське, — я не пущу тебя играть с Лёшкой.

Угроза действовала безотказно. Васька переставал шалить.

Что касается меня, то, говоря откровенно, я жутко ревновал Лёшку.

Рос я замкнуто, друзей у меня не было. Всех их заменил Лёшка.

Много лет спустя, когда я стал достаточно взрослым, на ум пришла нелепая на первый взгляд мысль: Лёшка не только был моим другом, он, потомок волка, был моим воспитателем. Характер человека в определённом возрасте формируется не только под влиянием тех людей, кому по долгу службы или родственных связей предписано его формировать. Его создают и ветер, несущий соломенные стрелы, и осенние кусты боярышника, обильно об-

рызганные кровью ягод, и светлые струи переката на маленькой реке, и грозовые дни, полные тяжёлых туч и озонной свежести, и запах полыни, и первый снег, и зимняя сказка ледяного узора на твоём окне, и дощатые заборы, и кучи мусора — всё оставляет в восковой душе подростка свои отпечатки. Предутренним молочным туманом затягиваются со временем далёкие события детства. Но чистые собачьи глаза — глаза преданного друга — я буду помнить всегда.

У Лёшки был прекрасный характер.

Это был гордый, спокойный пёс, в каждом движении которого чувствовалось природное достоинство, сила и естественность. Никогда и никому не позволял он обижать себя и своих друзей. Да, он обладал чувством собственного достоинства, той мудростью, которая позволяет в самых тяжёлых ситуациях оставаться самим собой. И если он дрался, то всегда с противником, равным ему по силе или сильнее его. Я ни разу не видел, чтобы он обидел слабого. Разумеется, я не считаю кошек.

Мне далеко до Лёшки. Но как бы там ни было, с тех пор как мы встретились с ним, я никогда и не перед кем не вилял хвостом.

Однажды зимней ночью я проснулся от глухого воя и скрёба за дверью.

Мама открыла дверь и в ужасе всплеснула руками.

Из черноты сеней, в которой холодно синело окно с вмёрзшей в лёд звездой, в избу вбежал Лёшка. Он был сильно изранен, на разорванные уши налипли комья красного снега.

Лёшка тихо и как-то виновато лёг у печки. Он вздыхал и вздрагивал.

Я опустился на колени и осторожно подул на его обезображенные уши.

— Что случилось, Лёха? Кто это тебя так?

Прикрыв веки и подняв голову, он тоскливо завыл. Я погладил его по спине, чувствуя ладонью, как часто бьётся сильное сердце моего друга, и Лёшка умолк.

В жаркой пасти печи яростно трещали берёзовые поленья.

Языки пламени сливались в моих глазах. В туманном зареве возникали и исчезали в долю секунды лица огненных людей, ру-

шились огненные города, дрались косматые огненные звери. Чем-то диким, первобытным пахло от дремавшего Лёшки, от чего замирало сердце и становилось страшно и холодно.

В эту ночь мне снились синие в блёстках сугробы, наметелившиеся у плетней, печальное ночное небо, словно замёрзшая река со зловещей прорубью луны, и мёртвый Лёшка, одиноко лежащий в этой холодной тишине.

Проснувшись утром, я увидел: Снежок сидел на голове у Лёшки и лизал ему уши. Котёнок был весь белый, словно врач в халате, а то, с каким терпением выдерживал процедуру Лёшка, только усиливало сходство.

Я вышел в огород и увидел три следа, уходящих по вершине сугроба к лесу. По бокам отпечатки лап были немного больше, чем в центре. У заднего плетня снег был вытоптан и обрызган кровью. От этого места в лес уходило только два следа. Они сопровождались красными точками.

И я живо представил, как ночью, когда от мороза дрожат и тихо звенят звёзды, пришли к нашему дому волки. Они схватили зубами Лёшкины уши и хотели увести его с собой в лес. Но у заднего плетня, пересилив боль, Лёшка выдрал уши из волчьих пастей и стал драться с лесными собратьями. Он вырвался из плена и прогнал волков.

Так Лёшка приобрёл особую примету — рваные уши. Он долго болел и только к весне поправился.

Когда я вспоминал нашу первую встречу, просто не верилось, что тот пушистый комочек с любопытными глазами, опускавшийся на дно в сером кульке, был он — пёс из гордой породы волкодавов.

Любимым нашим занятием были кроссы по более или менее пересечённой местности. Какое удовольствие: просто бежать рядом — в лес, в поле, на реку, не всё ли равно куда — не быстро и не медленно. Бежать, пересекая овраги, берёзовые рощи, поднимаясь на пологие сопки. Какая радость: мчаться по этой упругой земле, не зная, куда заведут тебя незнакомые конские тропы, а потом свалиться, где трава погуще, и не мигая смотреть в высокое небо. Можно почитать свои первые стихи, поделиться тайной. Лёшка всегда внимательно выслушает и сохранит всё в строгом секрете.

Мы с Лёшкой барахтались на песчаной косе у Заячьего острова и не заметили, как к нам подошла девочка в ситцевом платьице с рисунками шахматных фигур.

— Здравствуйте, — нараспев сказала она.

— Здравствуйте, — немного вопросительно ответил я, разглядывая незнакомку — два хвостика торчат поверх ушей, маленькие родинки на пухлой щеке похожи на созвездие Большой Медведицы. Когда она моргала, золотистые реснички, казалось, издавали тихий мелодичный звон.

Лёшка невоспитанно зевнул во всю пасть и шумно отряхнул с себя песок.

— Можно его погладить? — кивнула девочка на моего товарища.

— Спроси у него, — буркнул я.

На следующую осень я должен был идти в пятый класс, и меня задело, что интереснее для незнакомки был Лёшка.

К моему величайшему огорчению, Лёшка позволил себя погладить.

Человек, имеющий сильную и умную собаку, как-то сразу становится значительнее и интереснее. Так подумал я с некоторой долей ревности. О Лёшке ходили легенды. И все хотели познакомиться со мной, чтобы подружиться с ним.

С этого дня мы с Лёшкой бегали не так часто и не так быстро. Мы малость остепенились. Что мы, в самом деле, мальчишки, что ли? Теперь в наших походах принимала участие Таня.

Больше всего ей нравилось лакомиться ежевикой и загорать на ничейном пляже у Заячьего острова.

Мы лежали на горячем песке так: Лёшка посередине, а я и Таня по бокам, положив головы на его широкую спину.

— Почему ты назвал его Лёшкой? — спросила Таня.

— В первом классе мы сидели за одной партой с одним мальчишкой. Он хорошо рисовал. Но это не главное. Мы с ним дружили.

— А где он сейчас?

— Утонул.

Мы помолчали, и Таня спросила:

— Как его звали?

— Лёшкой.

Таня взъерошила Лёшкин загривок, приговаривая:

— Хороший пёс, умный пёс...

— Он никому не позволяет гладить себя, только мне и Ваське, — сказал я, — он тебя любит.

И мы все, кроме Лёшки, покраснели.

С крыши нашего сарая виден щитовой домик в степи, который незаслуженно красиво звался аэропортом.

Мы с Лёшкой часто бегали туда смотреть зелёненькие пузатые четырёхкрылые самолеты.

Там-то он и влюбился по самые рваные уши в овчарку Альпу.

Вскоре Лёшка стал отцом.

Мы частенько навещали Альпу. Лёшка с удивлением на почтительном расстоянии разглядывал странные пискучие существа, ползающие у ног суженой. Иногда он их обнюхивал, чем-то напоминая сапёра у мин незнакомой системы, вот-вот готовых взорваться.

Диспетчер аэропорта — бородатый мужик в пегом свитере, связанном, как он утверждал, из шерсти мамонта, — выходил к нам навстречу, приветствовал и долго рассуждал о супружеском счастье, откровенно завидуя Лёшке.

Но однажды старый холостяк принял нас без обычных острот.

— Осиротели твои карапузы, — сказал он, одной рукой гладя Лёшкину голову, в другой руке у него была бутылка с молоком, на горлышко которой натянута соска, — убили Альпу. Нет больше мамки. Дебилы! Убить такую собаку! Разве может быть такая красивая собака бродягой? Балбесы! Ты приглядывай за Лёшкой. Здесь один живодёр промышляет, унты из собачьих шкур шьёт.

Осиротевшие карапузы с восторженным визгом бросились к Лёшке, приняв его за мать.

Лёшка с недоверием разглядывал щенят, суетившихся у его ног. Он всё ещё немного побаивался их. Умная морда его была печальна и сурова. Когда Лёшка улёгся на траву, щенята принялись тыкать влажными носами в его бок. Не находя сосков, они недоумевали, очень расстраивались и скулили.

На крыльцо выбежала кошка, всем видом своим спрашивая: «Что тут происходит? В чём дело, господа?» Она увидела Лёшку, с которого, как с горки, скатывались щенята, презрительно фыркнула и умчалась в дом, к котятам.

Лёшка старательно облизывал шершавым языком детвору. Водные процедуры щенятам не нравились.

— Ну, отец, — сказал бородач Лёшке, — воспитывай теперь сам.

И он передал мне бутылку с молоком, добавив:

— Этого, чёрненького, я потом заберу.

Мы вернулись домой с шестью Лёшкиными детьми, которые уместились в одну корзину.

Слух о Лёшкином благородстве всколыхнул весь наш большой посёлок. Женщины приводили в пример своим непутевым мужьям моего друга. К нам приходили знакомые и незнакомые люди посмотреть на Лёшку и поговорить о нём. Приносили молоко для щенят.

Лёшка лежал со своим детсадом на охапке соломы. Вид у него был серьёзный и, я бы даже сказал, суровый.

Этакий зубастый нянь.

Когда любопытных собиралось слишком много, отец семейства поднимался и медленно шёл на толпу, которая моментально рассеивалась, при этом кто-нибудь непременно восклицал: «Телёнок да и только!» Имелся в виду Лёшкин рост, а не нрав.

Лёшка не любил, когда в его личную жизнь вмешивались посторонние.

У Лёшки всегда оставался Враг, злой и коварный.

Однажды зимой, когда он был ещё подростком, кто-то облил его водой. Он прибежал домой весь обледеневший.

Как-то раз кто-то установил проволочную петлю в дыре нашего забора. Если бы я не подоспел вовремя, Лёшка бы задохнулся.

В тот осенний день я, наколов дрова, сидел на осиновом чурбане и подбивал клинышком топорище. Где-то за нашим огородом выстрелили. Скоро утиная охота, пробуют ружьё, подумал я, наверное, по сорокам бабахнули.

Вскоре прибежал Лёшка. Он ткнулся мне в колени, взвизгнул по-щенячьи и упал. Я бросил топор на кучу берёзовых поленьев и склонился над ним. Весь его бок был в крови. Стреляли не по сорокам.

Прошло много лет, но мне всё так же тяжело вспоминать подробности той минуты, заново переживать Лёшкину смерть... Глаза, прекрасные собачьи глаза моего друга, всё понимающие глаза...

Я лежал, обнимая мёртвого Лешку, и плакал навзрыд. Тяжёлая тоскливая злость душила меня.

Я побежал. Сначала просто бежал, без цели, размазывая по лицу собственные слёзы и Лешкину кровь. Потом понял, куда бегу.

Он, человек с каменной лысиной, черпал воду в колодце.

— Зачем ты убил его? — закричал я.

Он вздрогнул. Полное ведро сорвалось со сруба и полетело назад в колодец. Рукоятка завертелась, как пропеллер, гремя и повизгивая. Тяжёлый подземный всплеск.

— Ты что? Белены объелся?

— Старый болван! Твоя жизнь не стоит Лёшкиной, тебя убить надо...

— Ну ты, щенок!

Я вспомнил кулёчек, брошенный через перила понтонного моста, и, присев, нащупал один из булыжников, которыми был вымощен подход к колодцу.

Мой враг попятился от меня, бормоча: «Я думал, волк, я думал — это волк...» Резко повернувшись, он бросился к своей веранде, перепрыгнув канаву, наполненную водой.

Булыжник, попавшийся мне под руку, был слишком тяжёл.

Я швырнул его в спину убийце, но он плюхнулся в лужу, в равной степени обрызгав грязной водой и меня, и моего врага. О, как отомстит мне за свой минутный страх человек, убивший Лёшку...

На автомобильной свалке я нашёл разбитый кузов старой «полуторки». Из досок с сохранившимися бортовыми номерами сколотил гроб. Дно устлал соломой.

Лёшка лежал, вытянувшись на золотой соломе, и казался особенно большим и тяжёлым.

Никогда я не чувствовал себя таким беззащитным и одиноким, как в ту ночь, когда вёз Лёшку на старой скрипучей тележке по безлюдным, залитым сине-серебристым светом улицам посёл-

ка. Где-то на окраине надрывно выл цепной пес, тревожа собачьи души, добровольный плакальщик. И эту дикую, безысходно тоскливую песнь на разные лады подхватило чуткое собачье племя.

Я вёз хоронить Лёшку на человечье кладбище. И это не было святотатством, хотя я знал, что ни один человек в нашем посёлке не поймёт меня.

Когда из жизни уходит даже очень плохой человек, о нём говорят: умер.

А о самой умной и доброй, преданной собаке скажут: издохла.

Но собаки умирают точно так же, как люди. Но дело не в том даже, кто как умирает, дело в том, кто как живёт.

НУРДАУЛЕТ АКЫШ

МАЛЬЧИК, ЗАСТЕСНЯВШИЙСЯ СОБАКИ

Когда отец привёл домой пятнистого, с горящими, как уголья, глазами, щенка, Куаныш от радости забросил в небо шапку. Одним из самых заветных и осуществимых, на его взгляд, желаний было иметь собаку. Хотя он родился и вырос в городе, он был близок к животным. Некоторые его товарищи содержали, по возможности, рыб, птиц, кроликов и ухаживали за ними. В прошлом году он последовал примеру друга Серика и держал в доме аквариум с рыбками. Но когда они с папой и мамой уехали летом отдыхать, то все рыбки подохли. Дома-то никого не осталось, ухода за ними не было, вот они и передохли.

Сколько бы Куаныш ни ныл, папа никак не мог собраться купить ему собаку. Он был занятый работой человек, на подобные мелочи у него и времени не хватало. В те дни, когда появлялось у него свободное время, — не было возможности. А в другой раз вдруг не найти было собаки хорошей породы. И вот сегодня выдалась счастливая возможность. Лучшая порода, европейская овчарка — шестимесячный щенок. Папа назвал его Таймасом. Сказал: «Когда-то у меня была собака с такой кличкой».

Теперь большую часть свободного времени Куаныш проводит с Таймасом. Гладит его, играет с ним. Иногда он учит его находить брошенную вдаль палку. Но пока это у них не получается. Главная его обязанность — два раза в день давать Таймасу еду. Мальчик поначалу относился к этой работе с огоромным вниманием и ответсвенностью, ведь он был так рад появлению собаки.

— Он должен быть для тебя не просто забавой, он — сторож целого дома. Сам знаешь, как он нужен, когда в доме никого не бывает. Тогда Таймас будет охранять ворота, — сказал папа.

Они жили на окраине города в частном доме. И вправду, в таком месте иметь собаку — просто необходимо. Поэтому у ворот поставили будку и привязали на цепь Таймаса. Хотя Таймас и был

зубастой овчаркой с торчащими ушами, нрав его быр мягкий, спокойный. Лежит себе возле будки, то откроет глаза, то закроет. Да и к шуму за забором он не очень-то и прислушивался. Хотя Куаныш и взялся поначалу за воспитание собаки, но через некоторое время постепенно запустил это дело. К тому же наступил сентябрь и начался учебный год. С утра Куаныш пропадал в школе на уроках, а после обеда в группе продлённого дня. И вовсе времени у него не стало. К тому же, едва он выходил из стен школы, как тут же спешил на игры.

Однажды, когда мальчик, вдоволь насытывшись игрой, пришёл домой, Таймас нехотя встал с места. Посмотрел мальчуган, а миска у его будки облизана — стоит чистая-пречистая, а брюхо у бедняги к спине прилипло. Куаныша в жар бросило от стыда, когда он встретился глазами с умоляющим взглядом собаки. Глаза Таймаса были похожи на человечьи. Они будто говорили: «Что же ты оставил меня голодным, Куаныш? Вон как в брюхе у меня гудит». Мальчик вбежал в дом и быстро открыл дверцу холодильника...

Он только теперь отчётливо понял, что собака так же, как и человек, способна испытывать голод и так же терять от этого бодрость духа и настроение. После этого случая он старалася вовремя давать собаке еду. Но разве не свойственно человеку забываться? И тот же неприглядный случаи повторился.

Как-то мальчик вернулся с игр и только открыл ворота, как услышал звон цепи. Это вставал с места и встречал его Таймас. И тут Куаныш вспомнил, что, как назло, опять забыл дать ему еды. Как и в прошлый раз, он попешил в дом, начал поспешно шарить в карманах, но не нашёл ключей. Он их утром дома забыл. Он посмотрел украдкой из-за угла дома на собаку, ожидающую, что, как и в прошлый раз, Куаныш вынесет из дома огромный кусок хлеба с маслом. Что же теперь делать?

В кармане лежит мелочь. Значит, можно побежать в магазин и купить на неё полбулки чёрного хлеба. Но через ворота он не может выйти, потому что прямо у них лежит собака и она в нетерпении не сводит с него глаз. Нет, не может он решиться идти мимо пса с пустыми руками. А другой дороги на улицу нет. Немного подумав, Куаныш решил выйти наружу через соседский двор.

И надо же такому случиться: перелезая через забор, он зацепился брюками за кол. Со стороны двора соседей шёл с веником в руках Идрис-атай.

— Светик мой, что это ты? — спросил он удивлённо. Ему показалось необычным поведение мальчика, которого он знал всегда примерным. Куаныш рассказал ему всю правду.

— Я собаки стесняюсь и потому не могу выйти через ворота, — сказал он.

Старик прыснул со смеху, весело поглядывая на мальчика. Потом вошёл в дом и вынес миску бульона.

— Если ты стесняешься собаки, значит, совесть есть у тебя. Не теряй её никогда, — сказал атай.

БЕЙСЕНБАЙ СУЛЕЙМЕНОВ

ЕДИНСТВЕННЫЙ СЫН

Папа Серика купил новёхонькое ружье. Двустволку.

С того времени, как ружьё повесили на самом почётном месте в гостевой комнате, в Серика словно вселилась незримая сила. Всякий раз, проходя мимо, мальчик с благоговением поглаживал гладкий ствол. Ружьё было прекрасным.

Прошло несколько дней. Однажды он возвратился после игр домой, сильно уставший. Даже не обращая внимания на мамины слова: «Вымой руки с мылом!», он накренил ведро и, выплеснув воду, лишь смочил кончики пальцев и спешно принялся уплетать обед за обе щеки.

— Постоянно спешишь куда-то. Ешь не спеша, как другие дети! Ты так себе желудок посадишь.

Серику было не впервой вполуха выслушивать мамины замечания. Он лишь кивал головой и делал вид, что согласен с нею. А после он уже ничего не помнил, как говорится, в одно ухо влетело, а в другое вылетело.

— Мама, я чуть не подавился, ещё немного и проглотил бы этот камушек.

— Что за камушек, я очень тщательно перебрала рис и три раза его промыла.

— А это что?! — Серик, показал маме то, что принял за камушек.

— Не знаю.

— Мама, да это вовсе не камень, Это же свинцовая дробь. Как она попала в еду?!

И тут мама вспомнила, что отец, накануне вернувшись с охоты, принёс дичь — самку косули.

— Да это же сайгачатина. Вчера твой отец ходил на охоту вместе с озорником-сыном Сагырбая. Вот они и пристрелили её. Мясо вовсе не жёсткое, приятное. Вот только жаль — она носила двух-

трёх месячного детёныша. Жуй, жуй хорошо. Если плов не поесть горячим, то вкус блюда меняется.

Мама суетилась, пытаясь угодить сыну.

— Мама, покажете мне мясо сайги?

— Вон там под навесом. А голова и ноги в сенях. Отец сказал, что из ноги тебе камчу сделает.

Серик, отодвинув еду, выскочил из кухни на улицу. Зайдя под навес, открыл посуду с мясом сайгака.

В небольшой посуде лежало тело баловня бескрайних степей — сайгака. В нос мальчику ударил терпкий аромат жусана — степной полыни. Он подошёл ближе, принялся внимательно осматривать сайгака и тут увидел застрявший между копыт стебелёк жусана. Посмотрел в глаза создания дикой природы. Они были прозрачные. Будто живые. И будто глядели на него... Но длинные ресницы не дрожали. И под глазом застыла слеза. Будто самка сайгака плакала...

Серик не помнил, что было дальше. Он выскочил на улицу. Ему казалось, что ранее спокойная природа в этот миг зарыдала, заголосила от нестерпимого горя...

Он ворвался в комнату, где висело ружьё, сдёрнул его со стены и на улице вместе с патронташем бросил оружие в горящий очаг.

Пули тут же начали взрываться и разнесли очаг вдребезги. Чёрный котёл — мамино девичье приданое — стал дырявым как решето.

Отец прибежал с воплем: «Моё ружье»...

Мать закричала: «Мой котёл»...

Издалека донёсся голос бабушки: «Жеребёночек мой»...

Единственный сын побежал в безмолвную, безлюдную степь...

А степь продолжала рыдать, исходя громким, неутешным плачем...

СЕРИК АСЫЛБЕКУЛЫ

ЗИМНИЕ КАНИКУЛЫ

— Танатик!.. Ну что ты будешь делать с этим проказником... — Мать, возившаяся у очага, растерянно уставилась на сына, когда тот с громким кличем ворвался в дом, словно гнался за вражеским отрядом.

— И где тебя угораздило так вымокнуть, — продолжала недовольно выговаривать она сыну. — Будешь теперь кашлять ночь напролёт.

Но её ворчание не возымело на мальчика ни малейшего действия, размашисто ступая по алаше[1], он не посчитал даже нужным стряхнуть с обуви снег, уверенно прошёл к очагу, в котором дышали красные угли саксаула, и развалился на брошенной рядом подстилке из конской шкуры. В его карих глазах играли лукавство и озорство, а подрумяненные морозцем щёки пылали в тепле пуще прежнего.

От него исходил тонкий запах снега, слегка подопревшего за зиму, — запах, приятно щекочущий ноздри, который, будь он неладен, будоражил душу, сея безымянную тоску и вызывая в воображении чудные картины лета: ласковое, жаркое солнце, зелёные раздолья пастбищ, безграничная синь неба... и многое то, что пронизано светом и добром, как это открытое мальчишеское лицо.

— Мам, а мам... А кашлять ночь напролёт — это плохо, да? — мальчик говорил торопливо, не успев ещё отдышаться.

— Не болтай попусту, — незлобиво отвечала мать, — а то беду накличешь... Где это тебя носило до сих пор?

— Сено отощавшим овцам разбрасывали.

— Э, да ведь этим вы ещё утром занимались с отцом?

— А ну тебя, мама!.. — Танат не любил, когда мать допытывалась о том, что и сама прекрасно знала. — С Мойнаком с горки катались, ну...

---

[1] Алаша — тканый безворсый полосатый ковёр.

— И что же, так и будешь целыми днями бегать наперегонки с псом? Лучше бы сходил коня напоил. Второй день в стойле без воды стоит, сеном сухим кормится.

Мальчик уже привык к этому обычному, ежедневному ворчанию. И в ответ только буркнул:

— А с кем мне ещё здесь играть...

Женщина подбросила в огонь дров, принялась разогревать на сковороде примерзший куырдак[1], что со вчерашнего дня стоял на морозе в чулане. Открыла клапан на самоваре, который вдруг тяжело и со свистом задышал. Затем побежала было домывать посуду, но вдруг вспомнила что-то важное и быстро обернулась к сыну. С секунду она помолчала в нерешительности...

— Учитель твой пришёл, — сказала она затем, пришёптывая.

Мальчик встрепенулся и, не веря своим ушам, настороженно посмотрел на мать.

— Разыгрываешь, да?

— Нет, правда. Говорит, что детей собирает. Завтра вроде уже уроки начинаются.

— Где же тогда его машина? — спросил Танат, всё ещё надеясь, что мать пошутила.

— Он пешком пришёл, а шофёр с машиной остался в зимовье Кистаубая. К нам ведь ещё нет колеи.

Тут Танату вспомнилось то, что он учится в центральной усадьбе совхоза, в интернате для детей чабанов, а сейчас находится на каникулах дома. И эти зимние каникулы настолько коротки, что двенадцать дней пролетели быстрее двенадцати минут на уроке. Танат беспомощно притих, будто всё это осознал впервые. Вдруг он стал тихо считать, загибая пальцы: «Один, два, три, четыре...» И тут взгляд его неожиданно остановился на паре массивных, словно отлитых из чугуна, чёрных ботинок у двери. Мальчик окончательно растерялся.

— Шынтаса, что ли? — спросил он упавшим голосом. «Даже сюда, на край света, добрался, шпион проклятый», — подумал он, готовый обозвать своего учителя и словами похуже.

Сковорода шипела на огне.

— Раздевайся быстрее, — сказала мать, но мальчик, будто не расслышав, продолжал сидеть, уставившись в одну точку.

---

[1] Куырдак — казахское национальное мясное блюдо.

Женщина с нетерпением взглянула на сына.

— Поторопись, Танатжан! Пойди поздоровайся с учителем. Вот и куырдак готов.

Танат нехотя сошёл с места и принялся раздеваться. Бросил отцовские кожаные рукавицы на сложенные у входа дрова. Скинул сапоги, раскидав их по сторонам.

— Жеребёнок ты мой маленький!.. — ласково проговорила мать, следившая за каждым его движением. — Золотце ты моё!

Танат понимал причину маминой нежности: ей всей душой хотелось, чтобы сын сейчас не расстраивался. Но что делать...

Женщина, осторожно неся на вытянутых руках медный самовар, прошла в гостиную. Вскоре оттуда донеслись невнятные голоса учителя и мамы. Мальчик всё ещё раздумывал, входить ему туда или нет.

— Танат, а Танатжан!.. — послышался через минуту нетерпеливый голос матери. — Куда ты подевался?.. — В её тоне чувствовалось раздражение. Танат понял, что медлить дальше нельзя.

У стенки напротив двери, подложив под локти пару подушек, удобно расположился плотно сбитый мужчина с тёмным морщинистым лицом — заведующий интернатом Шынтас.

— Здравствуйте, — едва слышно проговорил мальчик.

— А-а, батыр!.. Жив-здоров? Ты чего это нас сторонишься? — сказал учитель, почему-то заёрзав на месте. — Ну, проходи поближе...

Мальчик молча, бочком проскользнул к маме, разливавшей чай.

— Стесняется, должно быть, — сказала мама, словно оправдываясь.

— А чего стесняться своего учителя, каждый божий день видимся... — проговорил Шынтас, отправляя в рот полную ложку жирного куырдака.

— Ешьте, не стесняйтесь, — сказала женщина, улыбаясь, и придвинула блюдо с мясом поближе к учителю. — Что же вы совсем не берёте? Обеденное время уже, подкрепитесь как следует.

Лицо учителя расплылось в улыбке.

— Не беспокойтесь, женеше, — сказал он, запустив в блюдо деревянную ложку. — Пай-пай! Вот где достаток и обилие... — не отрывая глаз от свежей конины, добавил учитель.

— Так-то оно так... — проговорила женщина без особой радости.

— А чего ты не кушаешь? — удивился учитель и повернулся к мальчику. Танат промолчал и сделал вид, что не слышит. Так он обычно выражал своё недовольство. Шынтас, догадавшись, что мальчик не особо его жалует гостеприимством, больше не обращался к нему.

— Да, чуть не забыл спросить, выздоровел ли Абеке? Осенью вроде по врачам всё ходил, — сказал он, обращаясь к хозяйке. Похоже было, что говорил он это так, для разговора.

— Как же он выздоровеет при такой-то жизни. Радикулитом всё мучается, бедняга. Отпросился тогда из больницы, беспокоился, что одной мне с откочёвкой не управиться. Теперь, как только похолодало, опять стал прибаливать.

— Да... Худо это, худо... — отвечал Шынтас, невесело отпивая чай. — Трудновато тут вам приходится, да...

— А если бы было легко, разве бы все не кинулись в чабаны, так ведь наоборот — бегут все, как от огня. Вот уже второй месяц как откочевали мы на зимовку. И хоть бы одна живая душа проведала нас, поинтересовалась — как мы тут живём, не нуждаемся ли в чём... На другой день после переезда веттехник появился здесь, акт на павших овец составил, и с тех пор как в могиле какой живём — вы вот второй человек, которого видим.

— Что и говорить, трудно... — закивал головой учитель.

— Только и радости, что мальчик наш на каникулы приезжает, да ведь ненадолго это... Вот уже и забираете... — Женщина смахнула краешком жаулыка[1] невольно выступившие слезинки, стараясь сделать это незаметно. В груди у Таната защемило. В душе он злился на родителей из-за того, что те не могут никак расстаться с этой проклятой работой, будто им без неё не прожить, но и жалость к ним пробирала его. Каждый раз, когда он приезжает на каникулы, повторяется эта история. И мать отпускает его, словно отрывает от сердца живой кусок, и самому Танату не хочется покидать родителей. Но... в конце концов, приходится смириться.

— Вот и Танатжан часто хнычет, давайте, говорит, переедем в центр... А куда нам теперь трогаться с места? Притерпелись к этой доле. И работу привычную оставлять жаль...

[1] Жаулык — женский головной убор.

— Да, женеше, такое и мне знакомо. И у нас работа не из лёгких. Мне-то уже за сорок перевалило. И что же? Как привязали к школе и к детскому шуму... А всё от старой привычки. Что судьбой, как говорится, уготовано, так это навсегда.

Солнце уже клонилось к горизонту. Мать стала прибирать дастархан.

— А теперь можно и отправляться, — сказал сытый и довольный Шынтас, глянув в окно. — Пай, пай, гляди-ка, как далеко ушло солнце... Нам бы до вечера добраться до какого-нибудь жилища, а там и заночевать...

Женщина, наскоро убрав посуду, принялась готовить мальчика в дорогу.

— Отправляетесь?.. Ну да, как же иначе... — с грустью проговорила будто самой себе.

Она начала складывать в небольшой чемодан выстиранные вещи мальчика.

— Танатжан, как бы чего не забыть. Ты уже следи. На меня иногда находит, могу позабыть чего... — приговаривала она время от времени.

— Кажется, всё положила, — сказала она наконец. Потом открыла шкафчик и что-то ещё стала складывать в мешочек. — В дороге пригодится, небось, ещё проголодаетесь...

— Ну что вы, женеше, к чему это, — сказал с улыбкой Шынтас. — По пути-то люди живут.

— У людей это одно, а мамину стряпню когда ему ещё придётся отведать... А не пригодится по дороге — в интернате с товарищами поделится. — Мать мягко взглянула на сына. — Ягнёночек ты мой!.. — Глаза её снова увлажнились.

Словно током пронзило Таната. Перед глазами помутнело, и слегка закружилась голова... «Не надо плакать, мама, — захотелось сказать мальчику, — ты ведь понимаешь, что надо ехать учиться, ты у меня всё понимаешь...»

Через несколько минут все, одевшись, вышли на улицу.

— Ну, женеше, будем здоровы, — стал прощаться Шынтас, протягивая руку. — Привет Абеке передайте. Жаль, что не свиделись.

Женщина высвободила руку, достала какой-то свёрток, сунула в карман серого драпового пальто учителя.

— До свидания, айналайын. Это на воротник невестке моей. Каракуль с прошлого года лежит. Уж не обессудьте, ничего другого не смогла подобрать.

— Что вы, ничего не надо, — замахал руками учитель, не сумев, однако, скрыть появившейся на лице радостной улыбки. — Спасибо, спасибо!

Женщине, похоже, не терпелось отделаться от учителя. Ублажив его и попрощавшись, она бросилась к стоявшему в стороне сыну и принялась его целовать и ласкать. Мальчик, хоть и не был низкорослым, но, укутанный в зимнюю одежду, походил сейчас на толстенького медвежонка.

— Хороший ты мой, светик, солнышко моё, — причитала мать, не выпуская из объятий сына, который, стесняясь рядом стоящего учителя, отчаянно вырывался.

— Только учись хорошо, сынок, слушайся учителей. Не отставай от своих сверстников, — наставляла она между поцелуями. — Как жаль, с отцом не попрощался. Бедный, будет теперь тосковать...

Мальчик, наконец, вырвался из объятий. «А мне какое дело, — сказал он про себя, — я, что ли, виноват в том...» Он почувствовал, как всё у него внутри всколыхнулось. От обиды на глазах выступили слёзы. Он смахнул их тыльной стороной рукава пальто и поплёлся к учителю, молча его ожидавшему.

Уходя, он расслышал, как мать сделала за ним несколько шагов и, задыхаясь от душивших её слёз, проговорила: «Верблюжонок ты мой маленький!»

Двое, большой и маленький, уходили в сторону безмолвно-белой бескрайней степи, по давно никем не хоженной, заснеженной тропе. Вокруг лежали песчаные холмы, будто перевёрнутые пиалы, укрытые слоем ваты. Кое-где чернели кусты саксаула и жузгена. Вдалеке, покачивая горбами, шли дойные верблюдицы вслед ушедшим на выпас верблюдам. Холодное солнце опускалось всё ниже.

Мороз пощипывал лицо, но Танат вскоре вспотел. Поспевать за редкими шагами Шынтаса — дело не из лёгких. Время от времени мальчик проваливался по пояс в снег и отчаянно выкарабкивался. «Эх, то ли дело дети Шынтаса, — думал он с горечью, — всегда при родителях и не носятся на каждых каникулах домой и обратно». Ему подумалось на миг, что самый счастливый человек на земле —

это хиленький, лупоглазый третьеклассник — сынишка учителя. И он предался мечтам, представляя себя на месте счастливчика... Вдруг что-то тяжёлое ударило тёплым комом по ногам. Танат с досадой глянул вниз. Мойнак, радостно виляя хвостом, путался в ногах, словно пришёл просить суюнши за добрую весть.

— Назад! — прикрикнул Танат, нахмурив брови и перешагивая через собаку. «Принесли тебя черти сюда», — подумал он в сердцах, но Мойнак не собирался слушаться его. Он всё выпрыгивал, толкая передними ногами мальчика в плечи, и всё пытался лизнуть его в лицо.

— Назад, говорю! Чего пристал! — сердито выкрикнул мальчик, теряя терпение.

Но Мойнак разыгрался ещё сильнее. Мальчик прикусил губу и сделал несколько шагов, зло косясь на собаку, потом вдруг остановился и с силой пнул её в бок носком кирзовых сапог. Простодушная борзая, не ведавшая раньше такой жестокости от своего хозяина, отскочила в сторону и, поскуливая тихо, осталась сидеть. Долго ещё глядел бедняга Мойнак вслед удалявшимся в безлюдную степь людям — большой впереди и маленький позади. Больше он не пытался их догнать.

Когда они с учителем удалились от зимовки на порядочное расстояние, Танат обернулся и бросил взгляд назад. Одинокой точкой в белом просторе чернела накренившаяся крыша его дома. Всё в той же позе стояла мать, лишь колыхался на ветру её жалулык. Всё на том же месте сидела собака, продолжая недоумённо глядеть вслед уходящему в неизвестные дали маленькому хозяину. Мальчик быстро отвёл глаза. Сердце его теснилось и гулко забилось в груди. Он решил не оглядываться, что бы теперь ни случилось.

БАХЫТЖАН КАНАПЬЯНОВ

ЗА ХЛЕБОМ

I

Мальчика послали за хлебом.

Обычно в магазин за продуктами, а значит, и за хлебом отправляли его сестёр или старшего брата, понимая, что у мальчика последнее свободное от домашних поручений лето перед школой, ибо мальчик этой осенью должен идти в первый класс. «Успеется ещё ему помогать по дому», — ласково бурчала нянька, поручая купить молоко и хлеб кому-то другому, кто старше, но не мальчику, который с раннего утра с только ему понятным чувством исследовал и постигал пространство широкого двора и огорода.

В тёмном сарае он видел, как солнечный луч, пробившись сквозь небольшое оконце, разделял сарай на видимую и невидимую части, светящимся прозрачным снопом ложился на земляной пол, вбирая в себя бесчисленное множество мелких былинок, которые невесомо плыли в пятнах льющегося света.

Петух, охраняя хохлаток в отсеке курятника, следил своим круглым неподвижным глазом за движениями мальчика. Алый гребень слегка свисал на его голове, готовый в любой момент воспрянуть в полутёмном царстве сарая.

Мальчик вышел из сарая и направился к огороду, где в дальнем углу был колодец, в который опускали бидон с молоком, и поэтому молоко всегда было прохладным и вкусным. Горловину бидона покрывали марлей, а сам бидон с только что купленным молоком помещали в большое, широкое ведро на цепи. И это ведро, но уже с бидоном, осторожно опускали почти до воды колодца. Мальчик помогал домашним поднимать и опускать это ведро с молоком, крутя рукоять и наблюдая, как цепь ровными кольцами огибает бревно подъёма, стянутое по краям железными ободами. Самым захватывающим было, когда мальчик вглядывался в тёмный сруб колодца, и из его мрака, из прохладной глубины проступала зеркальная поверхность колодезной воды, и кто-то, похожий на него,

мальчика, смотрел снизу вверх, отвечая на его возглас глубинным эхом:

— А-а-а-а!

— Вот ты где! — подошла к мальчику нянька. — Дома, как всегда, никого, а к ужину хлеба ни крошки. Вот тебе деньги, купишь буханку белого и буханку чёрного. Далеко не ходи, только в ларёк, что через квартал.

Мальчик, обрадовавшись такому поручению, взял синюю пятирублёвку, сетку-авоську в крупную клетку и потопал к воротам двора.

— Сдачу не забудь взять, — крикнула ему вдогонку нянька.

— Ладно!

Боковая дверь больших деревянных ворот со скрипом открылась и выпустила мальчика на улицу.

II

Улица имела название — Первого мая. Дома были все в один этаж, каркасно-камышитовые, саманные и деревянные, только там, вдали улицы едва виднелись двух- и трёхэтажные постройки, а здесь дома все были с палисадниками, в которых росли клёны и акации, закрывая своей листвой окна со ставнями. У каждого дома ставни имели свой цвет. У кого-то синие с белыми вырезами, у кого-то зелёные, а у некоторых домов и вовсе неокрашенные, имели деревянный, серый цвет.

Мальчик уже умел немного читать, правда, не вникая в смысл прочитанного. В его комнате висела большая географическая карта, старший брат показывал на карте ту или иную страну, а также острова, реки и моря. И называл их, заставляя мальчика повторять эти названия, а затем показывать на карте. Так мальчик научился переносить по буквам эти названия с карты на бумагу. Первым таким словом было слово «Мадагаскар», которое он по буквам перенёс на бумагу. Во-первых, этот остров очень легко было найти на карте, а во-вторых, он горделиво сопел носом, когда сёстры хвалили его, что в этом слове целых десять букв и все их мальчик перенёс на бумагу.

Первая, перекрёстная — была улица Розы Люксембург. Мальчик остановился на перекрёстке. Как его учил старший брат, огля-

нулся налево, а затем, дойдя до середины, оглянулся направо, машин, мотоциклов и запряжённых телег не было, и мальчик спокойно перешёл перекрёсток. Справа от него был большой бревенчатый дом. Там было общество глухонемых, и по вечерам они собирались со всего города здесь, в этом доме, общаясь между собой жестами и мимикой. В этот дом два раза в неделю привозили кино. Для глухонемых, но со звуком. Это был единственный на всю округу своеобразный кинотеатр, который посещали и жители близлежащих домов. Мальчик в сопровождении брата также ходил. Правда, было тесно, не то что в настоящем кинотеатре, в «Ударнике» или в «Колосе»; всем мест не хватало, и ему приходилось сидеть на деревянном полу рядом со своими погодками, которые, как и он, пойдут этой осенью в школу.

Подойдя к ларьку, мальчик постучал в окошко. Оно открылось и тётя-продавец, считая на счётах, спросила:

— Тебе чего, мальчик?

— Мне одну буханку белого и одну буханку чёрного, — поднимаясь на цыпочки, чтобы дотянуться до окошка, произнёс мальчик.

— Хлеб только чёрный, и то чёрствый, вчерашний, — отозвалась тётя-продавец.

— А что мне делать? — растерянно промолвил мальчик. — Мне сказали купить чёрный и белый.

— Не знаю, мальчик, не знаю, — отмахнулась от него тётя-продавец. — Сходи на улицу Толстого. Туда должны завести вечерний, свежий.

Окошко захлопнулось. И мальчик оглянулся по сторонам, не зная, что делать.

Идти обратно: тогда на ужин в доме не будет хлеба. Пойти на улицу Толстого, конечно, можно. Это в двух кварталах отсюда, но нянька сказала — сходи только к ларьку.

Мальчик, размышляя, сам не заметил, что направляется туда, куда указала тётя-продавец.

Пройдя улицу Максима Горького, он увидел, как мулла в чалме, поднявшись на деревянный минарет мечети, окрашенный в голубой цвет, громко произносит какие-то слова, обходя кругом верхнюю площадку минарета-башни. При этом поднимает обе руки вверх, словно приветствует небо и солнце, которое уже стало клониться далеко за Иртыш.

Мечеть находилась на углу улиц Достоевского и Первого мая. Мальчик знал названия этих улиц потому, что не раз ходил с сёстрами и братом в школу, где работала мама, на новогодний утренник, а также в кинотеатр «Ударник», чтобы не только посмотреть новый детский фильм, но и до сеанса полакомиться эскимо-мороженым.

Школа, где работали родители, как раз и была на улице Толстого, куда должны привезти в хлебный магазин вечерний хлеб.

Проходя мимо мечети, мальчик оглянулся на закрытые наглухо ворота. Мальчик вспомнил, что по улице Первого мая на этот самый праздник, в честь которого и названа улица, всегда вывешивались красные флаги, которые крепились к деревянным воротам домов. Брат объяснял мальчику, что больше всех флагов развевается именно на нашей улице потому, что она и называется улицей Первого мая. А отец этой весной впервые взял мальчика на демонстрацию. Мама надела на него матроску и в руки дала красный бумажный цветок. Когда мальчик с отцом проходили мимо этой мечети, то повстречали несколько стариков, с каждым из которых отец поздоровался, протягивая две руки. Тогда на воротах мечети также развевался красный флаг.

Отец, улыбаясь, попросил позвать самого главного муллу этой мечети. Вышел высокий, худой старик с седой бородой, в халате и в чалме, похожий на Старика Хоттабыча. Отец, показывая на развевающейся флаг, стал что-то объяснять старику. Старик утвердительно кивал головой, прикладывая две руки к груди. А когда мальчик возвращался с отцом после первомайской демонстрации, то развевающего флага на воротах мечети уже не было. На вопрос мальчика, почему сняли флаг, отец, чему-то улыбаясь, ответил:

— Так надо, сынок...

Следующей после улицы Достоевского и была улица Толстого. А за этой улицей был базар, а дальше горсад, где были различные аттракционы — карусели, качели и киоски с морсом, мороженым и пирожными.

А на улице Толстого, напротив хлебного магазина, была парикмахерская, куда водили его усатые дядьки, приехавшие в их дом из далёкого степного аула. Они, конечно, брали его на базар, где долго ходили вместе с ним по торговым рядам и закусочным, но заходили, весело смеясь в усы, и в эту самую парикмахерскую, и

брили наголо свои головы, и силком усаживали его, мальчика, в кресло, держа за руки, он кричал и ревел, когда суровый парикмахер ручной машинкой стриг его жёсткие волосы.

Правда, это было один только раз, но мальчик запомнил это навсегда и больше не стригся, несмотря ни на какие уговоры. А нянька пригрозила, что перед школой его обязательно постригут. Даже не постригут, сказала она, а обязательно обреют!

Ну, до школы ещё далеко, и мальчик, помахивая сеткой-авоськой, направился в сторону хлебного магазина.

— Ай, мұғалім баласы, отыр![1]

Мальчик оглянулся.

Сосед Есентай, сидя на телеге, кнутом подзывал к себе мальчика. Лошадь, фыркнув, понуро остановилась. Мальчик кивком головы поздоровался с соседом Есентаем, улыбаясь, подбежал к телеге и, держась за заднее колесо, вскарабкался и сел позади возничего.

Сосед Есентай дёрнул одной рукой вожжи, а другой чуть хлестнул кнутом коня:

— Чу!

Телега, поднимая пыль, покатила в сторону базара.

Деревянная нога Есентая удобно покоилась вдоль телеги. Мальчик знал из рассказов родителей и соседей, что сосед Есентай воевал, и там, на войне, потерял ногу. Он единственный во всей округе имел лошадь и телегу, и по вечерам, к концу базарного дня, привозил к себе во двор какие-то мешки, то с мукой, то с картошкой.

Мальчик, весело помахивая сеткой-авоськой и болтая ногами, глядел на проплывающие мимо дома, прислушиваясь к скрипу тележных колес, которые сливались с тактом ровной ходьбы лошади.

— Қайда бара жатырсың? — спросил по-казахски сосед Есентай, дымя папиросой, и, кивая на сетку-авоську, добавил — Нанға?[2]

Мальчик утвердительно кивнул головой и, видя, что одна его сандалия слетела с ноги, попросил остановиться.

Сосед Есентай остановил коня и, усмехаясь в усы, стал наблюдать, как мальчик, держась за колесо, пытается спрыгнуть с телеги. Наконец, это ему удалось, и он надел свою сандалию.

---

[1] Эй, сын учителя, садись! (*каз.*)

[2] Куда направляешься? З хлебом? (*каз.*)

— Спасибо!

— Ай, қазақша сөйле, рақмет де![1]

— Рахмет, дядя Есентай, — бойко ответил мальчик и помахал рукой.

III

Хлеб ещё не привезли. Несколько человек стояли у входа в магазин, в ожидании вечернего привоза хлеба.

Мальчик занял очередь за пожилой женщиной, которая о чём-то толковала с мужчиной. Она кивнула и сказала:

— Я крайняя. Будешь за мной. Толька никуда не отходи, дождись, чтобы за тобой заняли.

И добавила с улыбкой:

— Такой маленький, а уже помощник в доме.

Мальчик вздохнул, вспомнив наказ няньки, и уставился в буквы витрины — «Нан — хлеб», словно ища незнакомые буквы, но все они были известны мальчику. Он уже знал со слов старшего брата, что чёрточка означает начало перевода слова на русский язык, и наоборот, а значит «Нан» — это хлеб по-казахски.

За мальчиком заняла очередь молодая женщина, он ответил ей, что стоит за той женщиной, которая разговаривает с мужчиной. И тут мальчик почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Мальчик оглянулся и увидел отца, который, улыбаясь, долго смотрел на него из-под слегка надвинутой на глаза шляпы.

Мальчик подбежал к отцу и, обняв его за ноги, стал торопливо рассказывать — почему и зачем он здесь.

Отец держал какой-то свёрток в руке и, продолжая улыбаться, остановил нескончаемый поток слов мальчика:

— Начни с того, что вначале вышел из дома. Как я тебя учил.

— Да, вначале я вышел из дома. Нет, вначале няня сказала, чтобы я купил в ларьке хлеб — буханку белого и буханку чёрного, а потом только я вышел из дома.

— А потом?

— А потом... В ларьке хлеба не было, нет, был, но только чёрный и чёрствый, вчерашний. Так сказала тётя-продавец, она сказала, что в этот магазин привезут вечерний. Вот я и жду.

---

[1] Эй, по-казахски говори. Скажи «рахмет» (*каз.*).

Отец придирчиво осмотрел мальчика, видя, что сандалии надеты на босые ноги, штанишки, поддерживаемые лямками крест-накрест, были не первой свежести, да и ситцевая рубашка с короткими рукавами оставляла желать лучшего. Он вновь улыбнулся, потрепал жёсткие волосы своего сына и сказал:

— Пойдёшь со мной.

— А хлеб? Его же ещё не привезли.

— На обратном пути возьмём.

Отец что-то сказал женщине, за которой стоял мальчик, и они через пустеющий базар пошли в сторону городского сада.

В горсаду было многолюдно. Звучала музыка из репродукторов, а затем чей-то голос стал настойчиво приглашать всех в летний театр, на какую-то встречу.

Отец, держа за руку мальчика, уверенно повёл сквозь людской поток куда-то в глубь городского сада.

Мальчик, оглядываясь, видел, что карусели и детские качели не работали. И все люди спешат на какую-то встречу куда-то по аллее, ведущей к летнему театру.

Отец сел в первом ряду, усадив рядом мальчика. Многие здоровались с отцом, о чём-то с ним разговаривали, затем все начали хлопать в ладоши. Все люди встали со своих мест, стуча откинутыми сиденьями, и продолжали хлопать, пока на сцену не вышел человек в зелёном костюме. Он улыбнулся и передал свою шляпу кому-то из тех, кто пришёл вместе с ним. Шляпа была такая же лёгкая, как у отца, только светлее.

Люди стали рассаживаться по своим скамьям, а кому не хватило мест, стояли у прохода и по краям сцены. Человек стал о чём-то долго и увлечённо рассказывать.

Мальчик вначале слушал, хлопал вместе со всеми, а затем, поглядывая на наручные часы отца, стал ёрзать, беспокоясь, что весь вечерний хлеб продадут и им с отцом ничего не достанется.

Отец, продолжая слушать, второпях объяснил мальчику, что этот человек — очень известный писатель и большая для него радость встретиться с ним.

Мальчик вздохнул и продолжал терпеливо ждать конца этой встречи.

Многие люди задавали какие-то вопросы, и писатель охотно и увлечённо отвечал, вызывая одобрительные возгласы собравшегося народа. И люди вновь хлопали и не отпускали писателя.

После встречи все, кто был в городском саду, стали давать писателю книги, которые он подписывал, спрашивая имя и фамилию читателя.

Отец тоже развернул свёрток, и мальчик увидел книгу, на обложке которой прочёл слово «Абай», и отец, держа его за руку, подошёл к писателю.

Мальчик, не вникая в то, о чём спрашивал писатель отца, начал считать количество пуговиц на костюме писателя и отца. Их число было равным — по две на костюме и по три маленьких на рукавах.

— Тебя спрашивают, чем так озабочен? — слегка подтолкнул мальчика отец.

— Хлеб закончится в магазине, — серьёзно ответил мальчик, вызвав тем самым смех и улыбку писателя и отца.

Писатель погладил по опалённой жарким июньским солнцем макушке мальчика и вручил только что подписанную книгу.

Мальчик положил эту книгу в сетку-авоську и стал торопить и тянуть отца к выходу из городского сада.

На углу улиц Первого мая и Толстого мальчик сказал отцу, чтобы он подождал его, а сам побежал в хлебный магазин и вскоре вернулся в радостном возбуждении, держа две свежие буханки хлеба — белого и чёрного.

В сетке-авоське, которую терпеливо нёс мальчик, покоились две буханки хлеба, белого и чёрного, а также книга, пахнущая ещё не ушедшей типографской краской, запах которой перебивал душистый и ароматный запах вечернего хлеба. Когда мальчику становилось тяжело нести сетку в одной руке, он перекладывал её в другую, перебегая к отцу слева направо, и вновь нёс свою поклажу, держась за твёрдую руку отца, который, глядя сверху на него из-под шляпы, слегка посмеиваясь над мальчиком, иногда спрашивал:

— Не тяжело?

— Нет.

— Может, помочь?

— Нет, не надо, я сам.

И отец вновь погружался в свои мысли, всё ещё находясь под впечатлением этой незабываемой встречи.

У ворот их дома стояла нянька, вглядываясь из-под руки в даль улицы.

— Что, Евдокия Михайловна, заждались нас с сыном? — спросил отец. — А мы с хлебом, и с книгой.

— Да я уже к ларьку бегала. Продавщица сказала, что видела нашего кормильца и что он пошёл аж на Толстого. Все уже дома, а его нет и нет, — целуя мальчика, успокоилась нянька.

Жаркое солнце июня опускало свой красный, багровый шар за реку Иртыш, окрашивая его вечные воды волнами заката. И в доме мальчика собралась вся семья — отец и мать, братья и сёстры, няня. И был душистый, вечерний хлеб, белый и чёрный, и была книга писателя, которую отец плавно и певуче уже читал вслух маме, подчёркивая интонацией самые примечательные места. И ждала мальчика карта, что висела над его кроватью, ждала своими странами, морями и океанами.

И мальчик, вновь перескакивая с пятого на десятое, рассказывал родным и близким обо всём, что с ним сегодня произошло. И отец, вновь улыбаясь, мягким жестом остановил мальчика:

— Мен саған қалай үйреттім? Әуелі сен үйден шықтың...[1]

— Да, отец, вначале я вышел из дома...

* * *

Прошли годы и десятилетия. Мальчик стал поэтом, писателем, издателем. Вышло много книг мальчика. В разных странах и на разных континентах. Он и сам побывал во многих странах, даже в тех, которых он не видел на карте своего далёкого детства.

И когда он получает из типографии очередной том полного собрания сочинений гения казахской словесности, писателя, на встречу с которым повёл мальчика отец, он сквозь свежую типографскую краску всегда ощущает ничем не истребимый душистый аромат хлеба из далёкого и незабываемого детства.

[1] Как я тебя учил? Вначале ты вышел из дома... (*каз.*)

АЛИБЕК ФАЙЗУЛЛАУЛЫ

АРШАТ И АСХАТ

Им нужен не будильник с его громким и противным металлическим звонком, а тёплые бабушкины руки и мягкий нежный голос, который ласково будит со словами:

— Айналайын, мои дорогие жеребята, вставайте, пора завтракать и в школу!

И это куда больше радует слух, и сонливость быстро исчезает.

Продолжительно зевая и широко потягиваясь, Аршат обняла бабушку, которая поглаживала её длинные косы:

— Бабушка моя родная, золотая бабулечка, я тебя очень, очень люблю! — продолжая бубнить, Аршат целовала и целовала бабушкино лицо.

Как один дети быстро вскочили с постели и пошли умываться. Пока они умывались, бабушка, не умолкая, предупреждала их о скользкой дороге и что надо быть осторожнее. Сделав выводы из слов бабушки, Асхат сказал:

— Аршат, сегодня мы выйдем пораньше. Потому что гололёд заставит нас идти медленней, — он стал подгонять младшую сестрёнку.

Позавтракав, они вышли из дому намного раньше, чем обычно. Перешагнув порог дома, они увидели скользкую дорогу.

— Ладно, ты, Аршат, иди потихоньку в школу, я тебя догоню, — вешая свой рюкзак на забор, велел Асхат.

— А ты что будешь делать? — спросила маленькая Аршат.

— А я поколю лёд и посыплю дорогу золой, — объяснил Асхат и пошёл за штыковой лопатой.

— Но ты опоздаешь на урок!

— Нет, я не опоздаю, я сделаю всё быстро!

— Нет, опоздаешь! Лучше бы ты это сделал после уроков!

— Нет, так нельзя, потому что если выйдет бабушка, она может поскользнуться и упасть.

Слова брата показались Аршат смешными, и она хихикнула.

— Смешной ты! — продолжала она хихикать. — Как наша бабушка может упасть?! Ведь она ходит медленно и размеренно, не то что мы!

— Да, ты права, но наша предусмотрительность прежде всего, — быстро ответил Асхат и пошёл в сторону навеса за лопатой.

После уроков они вместе возвращались домой. По дороге Аршат заладила:

— Я очень соскучилась по бабушке, я хочу домой!

Вначале Асхат слушал её молча. Но когда её нытье перешло все границы, он заговорил.

— Ведь и так домой идём, потерпи, скоро ты увидишь бабушку, чего заладила.

И вдруг он вспомнил, что надо было зайти за бабушкиной палкой, которую она впопыхах забыла вчера у родственников, а сегодня гололёд.

— Знаешь, Аршат, нам надо зайти к дяде Ашиму, так что не спеши.

— Нет, я не пойду туда, ведь дом дяди Ашима очень далеко, сам иди, если тебе так нужно. Я устала и соскучилась по бабушке. — Резко ответив, она, надув губки, пошла в сторону дома.

К ужину дома собрались все домочадцы. Родители, которые работали в городе, сегодня вернулись раньше. Мать накрыла пышный дастархан.

— Позовите бабушку, ужин готов! — раздался родной голос из кухни.

Смотревшие телевизор Аршат и Асхат резко посмотрели друг на друга, с вопросом в глазах «Кто же пойдёт и позовёт бабулю?». Аршат быстро отвела свой невозмутимый взгляд и продолжала смотреть передачу. Асхат, быстро поняв её безразличие, соскочил с места и пошёл за бабушкой.

— Ах, вот мой внучек больше всего меня любит! — радостно проговорила бабушка, опираясь на свою трость, которую принёс Асхат из дома Ашима.

Услышав похвалу бабушки, Аршат соскочила с насиженного места и, подбежав к бабушке, заговорила:

— А я ведь вас сильно люблю! — ревниво проговорила она.

— Да, конечно, ты меня тоже любишь, — подтвердила бабушка.

— Нет, ты не так говоришь, скажи, как сказала Асхату: «Ах, вот моя внучка меня больше всего любит!» — и губки её затряслись в преддверии плача.

— Да, да, Аршат любит меня, внученька моя меня сильно любит! — ответила апа.

Довольная своим натиском, Аршат повеселела. Взрослые смеялись над проделкой младшей дочери. Только Асхат не смеялся, смиряясь с участью старшего...

АРАСАНБАЙ ЕСТЕН

МАРАДОНА

Во дворе школы царит шум и гам. Но всё перекрывает гул, доносящийся со стороны футбольного поля.

— Марадона! Дай пас!

— Пасуй сюда!

— Ну, бей же!

Арман, опять ловко обведя очередного соперника, адресовал точный пас давно жаждущему передачи на левом фланге Ельнуру. Тут же он устремился по инерции к центру игровой площади.

Марадона! Едва услышав это слово, в тот же миг чувствует себя окрылённым. Да, он теперь не обыкновенный Арман, он Армандо. Он футбольный король, прогремевший на весь мир, — Армандо Диего Марадона! Он, едва выйдя на квадратное поле, превращается в кудесника мяча, в одухотворённого, свято чтимого Марадону.

И тут он, в мгновение ока, стремительно очутился на открытом местечке. Поддавшись его филигранному финту, оказался не у дел защитник — «приспешник» вратаря. Теперь он — прямо у ворот соперника. Это — очень выгодное положение для Армана-Армандо. Устремлённый с левого крыла, точно у грудной точки оказался Ельнур-Бурричага. Однако перед прикрыт наглухо. Защитная линия неприступна. Находясь в окружении нескольких защитников, он с левой стороны редута подал знак рукой партнёру. Это было самым удобным приёмом, чтобы застать соперников врасплох. Здесь ни в коем случае нельзя голосом сообщать о своих предстоящих действиях. Тогда другая сторона легко раскроет твои карты. Партнёр по команде, который почти никогда не упускает реального момента, подняв мяч выше головы защитников, точно направил ему под ногу. Молодец, Бурручага!

Не дав подняться упавшему тёмному мячу с земли, подхватив его на лету, тут же устремился к воротам. Решение твёрдое, цель ясна. Впереди простор. Ему теперь не помеха защитник, маяча-

щий сбоку. Также нет большой необходимости слишком примыкаться к воротам. Достаточно тех же семи-восьми метров. Раз, два, три... Хватит! Теперь сомнения нет. Надо идти вперёд, несмотря на грозные телодвижения стопперов. Уже невозможно прервать натиск Армана-Марадоны. Пусть попробуют сдержать. Если из-за недостаточности мастерства нарушат правила игры, то пенальти неизбежен! Это означает одиннадцатиметровый штрафной удар. Сожаления не будет. Есть мастер исполнения пенальти — Ельнур-Бурричага. Конечно, это будет в крайнем случае. А в этой ситуации — ещё нелёгкое дело заставить споткнуться хваткого форварда под десятым номером.

Вот он на одиннадцатиметровой точке. Натиск двоих стопперов с правой стороны может свернуть горы. Уже почти нависли над ним. В мозгу Армандо промелькнула молниеносная хитрая мысль: «Иди ближе, ближе ко мне!». В это же мгновение, кончиком ноги укротив движение мяча, как крутящиеся жернова, он встал как вкопанный. Стопперы, замаячив, пролетели мимо по инерции. Вот оно, сложилось выгоднейшее мгновение застать вратаря врасплох! Находясь под прикрытием незадачливых защитников, он намерен использовать соперников, как союзников. Это — давно приведённый в соответствие приём.

Момент движения нападающего был пропущен. Впопыхах стоппер попытался было поставить заслон, но Арман-Армандо, сделав чуть заметное движение вкривь в правую сторону и обработав мяч правой ногой, изо всех сил ударил точно в верхний левый угол ворот.

В эту же секунду над полем взорвался восторженный глас болельщиков. Форвард сгоряча приложился к мячу так сильно, что он вырвал стойку одной стороны. Он только сейчас почувствовал, что нога, пронзённая жгучей болью, стала нестерпимо ныть. Над площадью всё ещё висит шум и гам. Одни до хрипоты в горле орут «Гол!», другие протестуют — «Не считается!». Вдруг Марадона почувствовал удар в правом боку. Удар очень чувствительный. Резко оглянувшись, увидел того прошляпившего его стоппера. Скривив рожу, он, пыхтя, отдаляется от него. Что это за издевательство?! Разгневанный Арман рванул было за ним, но... проснулся.

В классе невообразимый галдёж. Ребята хихикают и хохочут. В его адрес раздаются самые различные приколы.

— Эй, Марадона, неужели всю ночь сторожил овец?

— Наверняка он всю ночь тренировался, дабы в любом случае поставить на колени пятый «Б».

— Если подводит надёжный друг, то на кого ещё надеяться. Сегодня непременно проиграем, когда наша надежда находится в таком плачевном состоянии...

Арман, которого четвёртый «А» всем классом окрестил именем Армандо Марадона, сконфузился. Ведь он совсем недавно с широко открытыми глазами сидел уже на пятом уроке! Возможно, его довели до приятной истомы эти тёплые солнечные лучи, падающие из окна. Нет-нет, всему виной телевизор! Даже не телевидение, а программа. Да, конечно, те дяденьки, которые на свой вкус составляют телевизионные программы. Эти дяденьки почему-то именно самые интересные спортивные передачи по времени приурочивают к полуночным выпускам.

Серьёзно сцепившись с матерью, с трудом, но всё же получив разрешение (и то благодаря вмешательству отца), он смотрел футбол, который закончился глубокой ночью. В час, а может, в два ночи. Да ещё после матча обсуждали яркие моменты игры, а потом был долгий разговор о разных фактах из жизни звёзд футбола. Информация в основном была почерпнута из документального фильма о мексиканском чемпионате мира. Марадона, Платини, Санчес, Руммениге, Гуллит... — все известные всему миру футбольные звёзды! Ну как тут не смотреть зачарованно на их филигранную игру кудесников мяча на зелёном газоне! Но ярче всех среди плеяды звёзд сияет Марадона. Да, действительно Армандо есть Армандо!

Диегито — самый старший в семье из восьмерых детей. На него равнялись младшие. Его биографию досконально изучил будущий футболист Арман. Он с увлечением смотрел матчи чемпионата девяностого года. Крепчал, будто с ним упражнялся на газоне, болел за него всей душой. Даже плакал вместе с Марадоной, когда его команда проиграла в финале. Следует признать, что школьные друзья не зря окрестили его Армандо. Действительно, этот мальчуган был схож с Армандо Марадоной не только созвучием имени или игровым мастерством, но и всей душой, вместе с естественным происхождением.

Как-то после того чемпионата его отец с грустью молвил:

— Всё равно теперь Марадона вновь не засияет, как в восемьдесят шестом году...

— Да, тогда была неповторимая игра!

Ещё несколько лет назад Арман ничего другого не признавал, кроме мальчишеских игр и мультфильмов. Теперь футбол стал веской причиной того, что он стал смотреть ночные передачи. Отец не возражал. Он тоже боготворил этого спортсмена. Говорил о нём только добрые слова. Мальчик лишний раз убедился в этом, когда, еле сдерживая слёзы, рассказывал отцу услышанные из уст детворы слухи о том, что Марадона замешан в наркобизнесе.

— Белиберда! — отец со злостью ударил газетой по столу. — Это — полная ложь! Это — чёрная сажа от завистников! Только завистливые люди вращаются у ног великих личностей и звёзд. Именно подобные мелкие души когда-то распространяли различные слухи вокруг персоны Пеле. Ведь, в конце концов, все эти наветы оказались беспочвенными, фальшивыми! И здесь — то же самое происходит!..

В эту ночь они с отцом легли спать где-то около трёх часов ночи. Но после захватывающего разговора разве заснёшь сразу? Размышляя о том, как походить на Диего Марадону, как оправдать надежду отца и стать спортивной звездой, как поправить материальное положение в семье, как подрасти быстрее, чтобы стать опорой отцу... — после всех этих мыслей он с трудом сомкнул глаза. Что поделаешь, если он, сдержав слово, данное отцу, тут же вскочил с постели, когда тот подошёл к нему, чтобы разбудить. И вот он сейчас пожинает плоды недосыпания. Значит, недавние впечатления оказались лишь приятными грёзами. Да ещё тут стукнул в бок не футбольный соперник, а рядом сидящий рыжий друг Марат, губы которого от улыбки растянулись до ушей.

Он не дотянул всего-то десять-пятнадцать минут до окончания последнего урока... К счастью, учительница, по всей вероятности, ни о чём не догадалась. Видимо, Марат обратил внимание на его состояние в тот момент, когда мугалима[1] покинула класс и ребята дружно поднялись с мест.

— Не паникуйте, пацаны, — он хитро улыбнулся, быстро приходя в себя. — Вот сейчас увидите...

[1] Мугалима — учительница.

Открыв сумку, вытащил голубую футболку. Да, голубая форма очень напоминает спортивное обличье национальной сборной команды Аргентины. На спине изделия красуется цифра «10».

— Ох, какая красивая футболка!

— Ты теперь стал настоящим Марадоной!

— Очень круто! — зацокали языком друзья.

— Вам нравится? — поинтересовался Арман. — Тогда сегодня после игры все сдадите мне свои футболки. Я попрошу отца, чтобы на футболках он вывел причитающийся каждому номер.

— Это просто замечательная идея! — воскликнул его друг Ельнур. — Может, теперь следует написать на груди и название нашей команды?

— Давайте для начала придумаем достойное название команды!

— Пусть будет «Спутник»!

— Нет-нет! Давайте назовём «Жигер[1]».

— «Жаскайрат»!..

— Название команды, что ли?.. — вдруг встрепенулся Арман-Армандо, до этого находящийся в плену раздумий. — Она будет называться «Намыс[2]». Ещё дед говорил: «Настоящий джигит никогда не уронит чести и достоинства». И мы — тоже...

— Ну, Марадона! И здесь ты нашёл отличный выход!

— Правильно, пусть будет «Намыс»!

— «Намыс», «Намыс»!!!

Наконец, приняв окончательное решение, дети дружно помчались в сторону футбольного поля, примыкавшего к школьному двору. Среди них есть свои Марадоны. Да, это — не сборная команды Аргентины и не итальянский клуб «Наполи», но надежда четвёртого «А» класса — футбольная команда «Намыс»! Как говорят: «Доброе слово — половина счастья». Кто знает, может, уже завтра среди этих пацанов, защищая свою честь и достоинство, вырастут молодые Марадоны, Платини, Пеле... — кудесники мирового футбола. Но мы не боги! И всё же...

В таком случае, всё возможно, возможно!

Как говорил дед Армана: «Самое главное — хранить в душе достоинство джигита и всегда с честью защищать свою репутацию».

---

[1] Жигер — энергия.

[2] Намыс — честь; доброе имя, репутация.

СЕРИК БАЙХОНОВ

ЧЕРНОМОРДЫЙ

Черномордый обвёл своими бездонными глазами окрестность. Круглые чистые глаза сайгака были маленькими копиями неба. Когда они широко открывались, по их гладкой, блестящей поверхности проплывали узенькие цепочки облачных обрывков. Маленькие облака на крошечном небе. Это небо в сайгачьих глазах было не голубым и не синим — каким-то новым, необычным. Через множество перемешанных отражений тянулся зыбкий жёлтый мираж. Мираж необъятной степи, так и не сумевшей в крохотном пространстве лечь во всю свою ширь...

Помимо степи и неба, в глазах сайгака отражались ряды приземистых плоских сопок. Они отступали к самым краям глазниц, мельчали, расплывались и в конце концов исчезали, превратившись в едва заметную чёрточку... Между сопками белел голый такыр[1]. Он казался особенно большим и объёмным, из-за того что располагался по самому центру. Когда зрачки меняли положение, такыр на мгновение исчезал, а потом занимал скромное место в глубине зениц. Всё здесь выглядело иным, непривычным. Целый мир в сайгачьих глазах.

А реальный мир, который лежал сейчас перед Черномордым, был намного черствее — какой-то серый и холодный. Степь обрамляли гряды стареющих гор Каратау. Они казались строгими и неуютными. Снежное покрывало только-только начало вскрываться, рассыпавшись на сотни рваных лоскутов. Эти упрямые островки снега так ярко белели на солнце, словно хотели навечно остаться клеймом на теле степи. Со стороны ущелий налетал порывами пронизывающий ветер, от его завываний чувствительное тело сайгака невольно содрогалось. Не зная устали, он очищал и

[1] Такыр — пустое место, лысое место (потрескавшаяся солончаковая голая земля).

без того гладкую поверхность такыра, с усердием выметая и угоняя невесть куда остатки снега.

Сайгак опустил чёрную морду, как будто не желал больше разглядывать этот унылый окружающий пейзаж; некоторое время он продолжал недвижно стоять на месте, крепко упираясь копытами в землю. Постепенно вокруг вожака стали собираться в кучу матки. Они совсем ослабели, выглядели жалкими, вконец истощёнными, даже не отваживались лишний раз поднять голову. Черномордый, у которого самого дрожали от слабости ноги, с жалостью оглядел их продавленные бока и втянувшиеся животы. Кажется, только вчера это были сильные и стройные животные, готовые поспорить в скорости с ветром. Дни и ночи, не зная покоя, бродили они по просторам равнодушной ко всему Бетпакдалы. И не ведали, что такое усталость. Их кочевая жизнь приостанавливалась лишь к вечеру. Когда солнце, прячась в своё гнездо, уступало место коротким сумеркам, сайгаки спускались на водопой, к подножию отрогов Каратау. Вскоре животы вздувались от обильного питья, тело приятно тяжелело и ноги сами несли животных к спасительным зарослям по берегам Сарысу, где можно было спокойно отдохнуть, не опасаясь нападения степных хищников. Здесь не донимал холодный свистящий ветер Бетпакдалы, не тревожили враги, промышлявшие в небе и на земле. Наслаждайся себе коротким отдыхом, положив брюхо на густой травостой, растущий под чием, и встречай безмятежно рассвет. Однако даже тут, у Сарысу, Черномордый никогда не предавался беспечному сну. Любой шум, каждое неосторожное, резкое движение глуповатых маток и неугомонных козлят вызывали в нём тревогу и сильное волнение. Было от чего беспокоиться — столько вокруг врагов, жаждущих крови. И нечем их сокрушить, нет у сайгака такой силы. Только ноги, только скорость, данная от рождения, помогают ему избегнуть смерти десятки раз.

О-о-о! Когда они помчатся, развернувшись, во весь опор, грудь этой безмолвной степи наполняется тревожным гулом. Железные копыта вздымают её до небес, а синее небо над их головами кружится чёртовым колесом. Упругий стремительный ветер играет с животными наперегонки, чёрная земля вот-вот разверзнется под ногами... Черномордый какое-то время сдерживает свой бег и постепенно оказывается в хвосте табуна. Плотная масса сайгаков продолжает неистовый, неудержимый полёт, и, когда последний

из них исчезает, растворившись в мираже, вожак успокоенно отдаётся во власть ветру, до предела вытягивая свои тонкие, стройные ноги, летит и летит через степь, словно падающая звезда. В такие моменты сайгакам не страшна никакая опасность...

Да-а, эти сказочные дни теперь так же далеки, как мечта.

Черномордый качнул головой и потряс рогами. Взгляд его оживился, глаза заблестели. Заметив волнение вожака, сайгаки сразу зашевелились и потихоньку пристроились с подветренной стороны от Черномордого.

Промозглый холод ранней весны забирается прямо под шерсть, как будто он на поводу у свихнувшегося ветра. От его жестоких порывов воет белый такыр. Стоящий под самым ветром Черномордый бросил брезгливый взгляд на своих спутников. Ему так хотелось поставить их на место, боднув покрепче рогами, но не хватало сил даже двинуться. Похоже, этот колючий, парализующий волю холод сделал своё дело. Страх перед будущим, готовый оборвать висящую на волоске надежду о лучших днях, медленно сковывал тело.

Черномордый не первый раз оказывался во власти этого чувства. Даже тогда, когда он появился на свет, встретивший его радостный, светлый мир показался чужим, полным предательства и опасностей. С тех пор прошла не одна весна, много раз он встречал её вот таким же поникшим и жалким, изнурённым зимней бескормицей. Пребывая на грани смерти, едва держась на слабых ногах, он, тем не менее, выживал, наливался наперекор судьбе силой и вновь твёрдо вставал на ноги. Раз уж создан ты живым существом, стремиться изо всех сил к свету, к жизни — вечная твоя доля. Такой же, как сейчас, пробирающий до костей холод не раз выгонял их в горы. Скользкие обледенелые склоны губили слабых, но щадили сильных и выносливых, заставляя в мучениях обретать многотрудный опыт. Что ж, спасибо и на этом. Безжалостные горы избавляли стадо от больных и немощных, верша суровый отбор. Однако сегодняшний страх, охвативший Черномордого, был совсем иного рода. Грудь сайгака судорожно сжималась, сердце беспомощно трепетало. Чем больше он думал, тем сильнее раскисала его воля, а тело поникало от пережитого позора. Это случилось в тот день, когда табун покинул бесприютную, продуваемую со всех сторон пронзительными ветрами Бетпакдалу и спустился в низину к белому такыру...

* * *

В этих местах нет даже кочки, которую приметил бы глаз. Куда ни глянь — всё та же монотонная степь. Низкая, стелющаяся по земле скудная растительность не может послужить убежищем для сайгаков, не спасёт от неистового ветра, что хочет лишить их последних сил. Даже обманчивый мираж, обычно служащий опорой для глаз, в ветреные дни бесследно исчезает. Кругом лишь снежная пыль да резвящийся буран. Сайгаки, обжившие эти места, давно привыкли и к дикой свистопляске, устраиваемой ветром, и к жалким кустикам степной полыни.

Как-то в один из редкостных ясных дней слегка пригрело. Снег, плотно укрывавший землю, запотел и как будто начал подтаивать, но последовавший затем ночной холод и налетевший ветер опять сковали его. Ледяную корку не то что мордой, даже железными копытами пробить было невозможно. Сайгакам грозила верная смерть. И тогда, собравшись в единый плотный массив, они помчались в сторону гор, смутно проступающих на горизонте. Многолетний опыт вёл их к ущельям, где можно укрыться от ветра, а если хорошенько поискать, то и набрести у оврага на островки сухой травы.

...По старой тропе, которую он топтал не раз, вожак вёл за собой плотно сбившееся стадо. Взрослые сайгаки трусили вперемешку с молодняком, хрустели по снегу, звонко цокали копытами по обледеневшему насту, подняв шум на всю степь. С севера неудержимо дул всё тот же пронизывающий ветер, заставляя животных постоянно держаться подветренной стороны. А вскоре он уже гнал сайгаков сзади, устроив в стаде настоящий хаос.

Черномордый привычно замедлил бег и скользнул в хвост стада. Ему долго не попадалась на глаза матка с обломанными рогами, еле её отыскал. Она тащилась из последних сил, едва перебирая ослабевшими ногами. Заметив вожака, матка ткнулась в него мордой, как бы делясь своей печалью, и даже от этого лёгкого толчка невольно качнулась. Правда, не упала, а лишь столкнулась с пробегавшим мимо самцом. С первого взгляда было понятно, что Короткорогая не протянет долго. Но Черномордого напугало не это. Что здесь особенного — видно, подошла её пора испустить последний вздох и успокоиться навеки. Всему своё время. Вожака встревожил незнакомый глухой звук, раздавшийся где-то совсем

рядом, сзади. Черномордый оглянулся. Это упал на бок самец, припадающий на левую ногу. И он наверняка уже не оправится.

Вообще, если сайгак упал в пути и не сделал попытки подняться, он, скорее всего, погибнет. Так и будет какое-то время лежать без сил, а когда придёт срок, закроет глаза навечно. Наблюдая, как исчезают вдали сородичи, он лишь вздохнёт от обиды и позора, и жизнь постепенно покинет его бренное тело. Так закончат все. Жил ты вчера, а сегодня тебя уж нет. Придёт весна, растает снег, потеплеет, и всё забудется... Черномордый был свидетелем множества подобных трагедий. Но его мучило сейчас не это, не это...

Теперь он старался не упустить из поля зрения свою подругу. Сколько надежд он связывал с ней! И сколько уж лет прошло с той поры, как они стали верными спутниками. Черномордый даже не припомнит, сколько раз за это время сходил снег. Короткорогая, в молодости игривая и беспокойная, теперь отяжелела, стала медлительной и неповоротливой. Разве можно узнать в ней былую непоседу? Да и сам он отныне предпочитает резвости размеренные спокойные движения. А ведь и у него были когда-то деньки, когда он не давал покоя никому в стаде. В последние годы на его почти белоснежной прежде морде появились чёрные пятна. Он резко выделялся теперь среди остальных сайгаков, но пока не знал, к лучшему это или к худшему.

Шедшая впереди сайга вдруг споткнулась и зашаталась. Вожак испуганно подлетел к ней. Матка упала, ударившись мордой о землю, неловко взмахнула ногами и опрокинулась набок. Её круглые блестящие глаза широко раскрылись. Самец увидел в их глубине хмурое чёрное небо и плотные тучи. Неожиданно тучи в глазах сайги остановили свой бег. Короткорогая тяжело и часто задышала, хватая ртом воздух, и вскоре отошла...

Черномордый несколько раз обошёл недвижно лежавшую подругу. Он долго стоял над ней, не в силах уйти. Его чистые глаза, казалось, стали ещё прозрачней. На чёрную морду одна за другой капнули две росинки. Голова закружилась, взор заволокло туманом. Он терял над собой власть. Дрожащие колени предательски подогнулись. Мелькнула шальная мысль — остаться... остаться тут навсегда.

Вожака привёл в чувство гул сотен копыт. Стадо повернуло назад и опрометью мчалось к нему. Вот оно пронеслось мимо. Влекомый неведомой силой, Черномордый последовал за ним. Он

вновь ощутил, как в его тело вливается непонятная свежесть, как поднимается из глубин прежняя воля. Вожак замыкал стадо, поэтому не удержался и, повернув голову, оглянулся... Прямо на него летело неведомое чудище о четырёх колесах. Это видение повергло его в панический ужас. Он знал, что от этого чудища нет спасения. Оно не ведало усталости и лишь наседало на хвост табуна, словно вымещало на нём свою злость на весь сайгачий род.

Черномордый мчался изо всех сил. Ему изменила выдержка, он не думал, как обычно, о стаде, не замедлял бег, присматривая за отстающими. Одна мысль стучала в его воспалённом мозгу: лишь бы спастись, только бы оторваться как можно дальше. Поначалу расстояние между ним и убегающим стадом быстро сокращалось. Он летел стрелой, мчался быстрее вихря, равномерно вскидывая в полёте ноги, не чувствуя хлёстких порывов ветра и мучительного холода. От ударов его копыт земля отскакивала назад, будто мяч. Однако вскоре Черномордый безнадёжно отстал, хотя выжимал из себя последние силы. Сайгак чувствовал, как учащается и становится беспорядочным дыхание, как медленно и неотвратимо тяжелеет тело. Погоня совсем уже близко. Ясно слышны восторженные крики преследователей. Догнали... догнали. Всё кончено. Кончено... кончено-о-о...

Четырёхколесное чудище поравнялось с вожаком. Сидящие в нём привстали. Вот они, гримасничая, указывают на него. Их громкие противные голоса разлетаются по степи. Но вдруг... чудище обогнало его и стало удаляться.

Черномордый остановился на последнем издыхании. Бока тяжело вздымались, грудь ходила колесом, голова жутко кружилась. Он долго стоял, бессмысленно оглядываясь, ничего не понимая. Мало-помалу сознание вернулось к нему, и вожак смутно оценил случившееся... Первый раз за всю свою долгую жизнь он так опозорился. Кто знал, что судьба сыграет с ним злую шутку? Кто знал, что жизнь порою может превратить тебя в игрушку? О-о-о, изменница судьба, невозвратная скоротечная жизнь!.. Было время, когда он не позволял ни одному врагу догнать себя, а теперь даже сама смерть от него убегает. Он никому не нужен, никому — даже заклятой смерти... Как ни беги, от себя не спасёшься. До чего же страшно и тошно.

Сайгак впервые с ненавистью помянул свою широкую морду, которая до самых скул была помечена чёрными пятнами. Вся беда в них. Никому не нужен Черномордый, потому как его стала одо-

левать старость. Да, обыкновенная старость. День хоронил день, годы летели, а с ними подкралась и она. Старость... Он лишь желанная добыча для голодных волков. И кто знает, возможно, и им он не по вкусу.

...В тот день он долго и бесцельно слонялся по степи, забредал в горные ущелья. Лишь после полудня случайно вышел на стадо. Погоня унесла многие жизни, а изрядно поредевший табун сумел спастись, найдя приют в горах.

* * *

Всё так же выл под ветром белый такыр. Мороз крепчал и насквозь пронял Черномордого. Изнурённое голодом стадо проявляло нетерпение, то и дело вглядываясь в даль. Вожак поднял облысевшую, покрывшуюся чёрными пятнами морду и с жалостью оглядел стадо. Как бы ни было страшно, пора двинуться в долгий путь. Горы не оправдали надежд сайгаков. Оставалось одно — спуститься вниз и пробираться к местности, густо населённой двуногими.

Черномордый энергично встряхнулся и направился вниз. Стадо понуро последовало за ним. Вожак то и дело сгонял разбредавшихся животных в одну плотную массу, стараясь помочь слабым, подтолкнуть отстающих, затем снова уходил вперёд. Так, двигаясь почти без остановок, сайгаки шли довольно долго. Далеко позади остался голый такыр, вокруг простиралась бескрайняя степь, покрытая колючками и мелким кустарником.

Дорогу стаду преградила белая река. На противоположном её берегу чернел густо разросшийся камыш, виднелись взметнувшиеся к небу деревья. Сайгаки замерли, не решаясь идти дальше. Хотя каждому хотелось пуститься вскачь, смелости не хватало и они топтались на месте. Река не внушала им доверия, внутренний инстинкт подсказывал, что белёсая поверхность льда таит в себе опасность. Животные теснились вокруг вожака, заглядывали ему в глаза, как бы прося о помощи.

Черномордый долго стоял в раздумье. Обернулся — на горизонте проступали еле заметные очертания Каратау. Он вспомнил беспечные дни своей молодости, оставшиеся далеко позади, как и эти горы. На миг явилась в мыслях Короткорогая. Дни, которые, казалось, не оставили в его душе и следа, вдруг явственно промча-

лись перед ним улыбчивой чередой... Однако, как только всплыли в голове события недавних дней, та жестокая погоня и его позор, призрачные видения тут же растаяли, всё смешалось. Гулко забилось сердце, в груди опять поднялся волнами страх. Истощённый сайгак с маленькими рожками прикоснулся телом к Черномордому и привёл его в чувство.

Он вновь вскинул морду и больше её уже не опускал. Уверенно переступая копытами, вожак вышел из стада и направился прямо к реке. Сайгаки потянулись за ним. Вскоре белая поверхность льда, припорошенная снегом, покрылась густыми следами. Черномордый старался держаться прямо, хотя неверный лёд то и дело трещал и предательски хрустел под ногами. Вот уже позади середина огромной реки. Но лёд скрипит всё сильнее, ясно слышится мягкое шуршание текущей под ним воды.

Черномордый прибавил шаг. Ведь до берега так близко! Лёд дал трещину. Это не страшно, если перепрыгнуть её — всё останется позади... Перед его глазами поплыли манящие скирды сена, разбросанные на земле стебли кукурузы... До берега так мало осталось... До берега совсем близко... До берега... Берега... Бе...

Под ногами Черномордого что-то грохнуло. Он ощутил, как тело мигом сковал ледяной холод. В груди что-то оборвалось. И всё. Его обволок голубой мир. Голубой... А потом... всё стемнело.

Стадо сайгаков в панике резко повернуло, помчалось вкось по реке. Через несколько мгновений оно достигло высокого берега, сайгаки нерешительно потоптались и наконец, растянувшись в длину, постепенно скрылись в прибрежных камышах.

Они шли к людям.

* * *

На этом всё кончилось. На этом не всё кончилось.

В Каратау пришла запоздалая весна. Опять повсюду закипела суетная жизнь. Всё как обычно. Правда, произошла одна маленькая перемена — у реки люди всё чаще стали встречать сайгаков, которых давно не видели в этих местах.

Когда земля очистилась наконец от снега, у подножия отрогов Каратау забелели скелеты падших зимой сайгаков. Но Черномордого среди них не было.

ТОЛЫМБЕК АБДРАИМ

ПОМОЩНИЦА

Суббота. Сегодня пятилетняя Жанар дома. В садик идти не надо. Прелесть! Она не спеша позавтракала и решила поиграть на улице. Её мама в передней команте приступила к стирке. Вдруг зазвенел телефон. Мать перебросилась с кем-то несколькими короткими фразами. И вскоре, на ходу снимая фартук, вошла в детскую.

— Вызывают на работу, какое-то срочное дело. Видимо, освобожусь только к обеду. Далеко не отлучайся из дома, ладно, родненькая?!

Жанар осталась одна. Теперь почему-то отпало желание пойти к соседским девочкам. В прихожей лежала грязная одежда старшего брата Ерасыла, который учится во втором классе, и отца, работающего шофёром в совхозе. Прямо целая гора...

Жанар стало жаль маму. Вот она сейчас побежала на работу. Придёт — надо по-быстрому приготовить обед. Делами по хозяйству — ухаживать за коровой и овцами, присмотреть за их молодняком и т.д. — тоже в основном приходится заниматься ей. Ещё в магазин надо успевать. А что папа, ему тоже нелегко. С раннего утра до поздней ночи по сути дела не слезает с машины. В сельском хозяйстве работы всегда невпроворот, летом — особенно.

Вдруг Жанар словно током пронзила одна мысль, от которой даже приятно и радостно стало у неё на душе. Она быстро взялась за дело. До локтей закатала рукава цветастого платья и начала стирку сама. Обильно намылила лежавшее в тазу с водой грязное белье и своими тонкими, нежными ручонками стало усердно тереть, мять, давить.

Время летело незаметно. Когда мама вернулась с работы, Жанар перестирала почти половину всей горки. Мать, стоя в дверях, удивлённо и восхищённо смотрела на действия маленькой доче-

ри. На спинках стульев висела постиранная, кое-как отжатая одежда брата, с которой капала вода.

— Доченька моя! Помощница моя! — Мама подбежала к Жанар и стала целовать её в раскрасневшиеся щёки, потный лоб...

КАК БАТЫР УХАЖИВАЛ ЗА УТЯТАМИ

Батыр живёт в районном центре. Их дом находится на окраине посёлка городского типа. Как-то его отец ездил в аул и привёз оттуда в коляске мотоцикла восемь маленьких утят. Во дворе рядом с гаражом он вырыл неглубокую яму и наполнил её водой. После сытного кормления утята с удовольствием плавают в воде. Затем носятся около дома, щиплют зелёную траву или нежатся на солнце. А иногда соберутся в кучу и, уткнувшись клювами друг в друга, отдыхают.

Для батыра наблюдать за всем этим — настоящая радость.

— Пока они не вырастут большими — сам буду ухаживать за ними. Никому не дам в обиду, — не раз говорил он.

— Молодец. Ты настоящий джигит, наш помощник в хозяйстве. Если сдержишь своё слово, осенью куплю тебе велосипед, — пообещал отец.

Четырёхлетний Батыр ликовал после этих слов. Шутка ли, у него будет новый, свой велосипед! И он каждый день с раннего утра до позднего вечера проводил время с утятами. Но ребёнок есть ребенок. Однажды он так заигрался со сверстниками, что совсем забыл про свои обязанности. Часа три пролетело незаметно. Вдруг он вспомнил про утят и стремглав побежал домой. Уже издалека заметил, как соседский серый щенок гоняется за птицами. Те с пронзительным пищанием разбегались что есть силы по всему двору.

— Прочь! Не трогай! — бежит и кричит Батыр.

В это время серый щенок догнал-таки одного утёнка, и тот в один момент исчез в маленькой, но хищной пасти щенка.

И тут Батыр от горькой досады дал волю слезам. Стоит и ревёт, а сам сквозь икоту кое-как выговаривает: «По-го-ди, не-годяй... Вот скажу па-пе, он те-бе по-ка-жет...»

— Сынок, что с тобой? Кто обидел тебя? — выбежала из дома мать Батыра, услышав его громкий плач.

— Ще-е-нок сьел одно-го у-тён-ка, — всхлипывая, сказал малыш.

— Фу, ты напугал меня. Я думала, с тобой что-то случилось. Ну, успокойся, золотой мой. Какое у тебя маленькое, доброе сердце! А щенка?! Я сейчас же скажу, чтобы его привязали крепко.

Оставшиеся семь утят, словно чувствуя надёжную защиту, уже сгрудились возле маленького Батыра и его мамы.

КРИВЫЕ ГВОЗДИ

За сараем на свалке мусора копошился мальчуган с небольшим ведром в руке. На его смуглом, курносом лице была заметна тень какой-то обиды. Иногда он находил среди всякого хлама гвозди, бросал их в ведро.

— Ну и нашёл же дед мне работу! Что ему только в голову не приходит...

Через некоторое время то ли устал, то ли стало жарко от палящего солнца, он отошёл в тень сарая и присел. «Ребята, наверно, уже пошли купаться, а я ещё здесь... Нет, надо заканчивать».

Что же предшествовало этому занятию курносого?..

— Айбол-жан, а где гвозди, которые я позавчера вытащил из старых досок, брусьев, привезённых твоим братом Нурболом, и собрал в одно место?

— Но они же кривые, погнутые, совсем непригодные гвозди.

— Ну и что, их можно выпрямить и опять пустить в дело.

— Не лучше ли купить новые в магазине, ещё время тратить на их выпрямление.

— Ты много не рассуждай, делай, что говорят!

— Я выбросил их на свалку.

— Иди собери их и принеси!

Голос у дедушки был строгий, Айбол знал, что перепираться с ним бесполезно, лучше повиноваться.

Он стал собирать кривые гвозди на мусорной свалке, куда их выкинул вчера сам. Хотя дело было утомительное, тем более на солнцепёке, задание деда мальчик выполнил добросовестно.

— Молодец!

Дед был очень доволен. Вскоре он с молотком в руке удобно устроился на низком стульчике возле наковальни и принялся за

работу — стал выпрямлять кривые гвозди. Через некоторое время все гвозди приняли почти первоначальный вид.

— Вот видишь, сынок, гвозди, которые ты выбросил как негодные, стали как новые. Помни, не умея ценить старое, не сможешь понять достоинства нового. Завтра начнём ремонтировать кошару. Я и сам знаю, что купить новые гвозди — дело немудрёное. А вот, видишь, чуть-чуть потрудились, и старые предметы стали пригодными.

Дед действительно был доволен. Он поднялся со стульчика, разогнул спину. Айбол всё это время молчал, сознавая свою оплошность. Он стал помогать деду собирать инструменты...

ЖОЛТАЙ АЛМАШУЛЫ

МОЛОДОЙ САЙГАЧОНОК — ЧТО РЕБЁНОК

(Из цикла «По следу старого охотника»)

— Ну, джигит, хватит прохлаждаться, пошли дальше! — сказал старый Калабай, оправляя висевшее на плече ружье. — Уже недалеко до Акколтыка, там он, у подножия той сопки...

Я взял двустволку. Вдвоём, пыхтя и отдуваясь, поднимаемся вверх.

Куда ни кинь взгляд, до самого горизонта ничего живого не видно. Только кое-где торчат запорошенные снегом кусты джингилы.

— Здесь, видимо, их нет!..

— Кажется, нет...

— Давай сделаем так, — посмотрел на меня Калабай, словно говоря «если разделся — полезай в воду», — будь что будет, но надо подняться вон на ту вершину. За ней есть большая долина, где обязательно должны пастись сайгаки.

Я согласился. Мы снова стали подниматься. Я думал только об одном — лишь бы аксакал остался доволен. Я от всей души желал ему, с детства ставшему для меня самым близким человеком, удачи. Дело в том, что у этого щуплого, высохшего от возраста старика недавно умер старший сын, прошло только несколько дней, как он оправился от тяжёлого потрясения, снова стал заниматься повседневными заботами. Это он предложил пойти на охоту. И не ради добычи, а чтобы немного развеяться, отрешиться от горестных дум и переживаний, отвести душу.

Идём и хрустим по скрипучему снегу. Пока не достигли вершины, ни я, ни аксакал не обмолвились ни единым словом. Когда вскарабкались на верхотуру, старик остановился, снял тымак (большую меховую шапку), ладонью провёл по вспотевшему лбу и перевёл дух.

— Ну, вроде дошли! — с облегчением и почти шёпотом сказал он. — Теперь, джигит, будем осторожны. Сайгаки очень чувствительны. Учуют запах, сразу умчатся.

Старый Калабай впереди, я следом за ним — пробираемся дальше, чтобы с противоположного склона увидеть долину. Вдруг старик присел. Немного погодя быстро махнул рукой, подзывая меня к себе. Я потихоньку подполз. Он шепнул:

— Как их много! — глаза его загорелись. — Пожалуй, десятка три. Не учуяли ли они нас?!

— Как знать...

— Тогда не будем зевать. Поступим так: одному из нас надо спуститься по этой ложбинке (он пальцем показал на узенькое подобие канавы), ползком добраться до самой долины. Пока они спохватятся и побегут, мы тоже кое-что успеем. Сейчас охотнику следует быть предельно осторожным, не спугнуть раньше времени. Ты пойдёшь, или...

— Нет уж, вы...

— Ладно, — согласился Калабай и почти ползком стал спускаться вниз, маскируясь в узкой ложбине. В его движениях чувствовался азарт. В своё время он славился в здешних краях как заядлый и добычливый охотник. О нём даже бывалые люди распространяли легенды. Теперь, постарев, он уже не тот, каким был в зрелом возрасте, однако сноровки своей не утратил. Вон как быстро он скользит вниз, прижимаясь к самой земле и ловко используя складки местности. Вскоре он совсем скрылся из виду. Теперь придётся сидеть и терпеливо ждать, когда раздастся выстрел. Только тогда мне можно будет присоединиться к старому Калабаю.

Выстрел не заставил себя долго ждать. Его эхо гулко разнеслось по окрестности в утреннем воздухе. Я резко вскочил. И тут же кинулся вниз.

Аксакал после выстрела так и застыл на месте. Видать, одного всё-таки подстрелил! Остальные в панике убегают. Однако... старик по-прежнему стоит, не шелохнувшись. Забыв о сайгаке, я подошёл к Калабаю. Опершись на ружьё, он всё так же стоит неподвижно. Впервые вижу, как человек вместо того чтобы радоваться, выглядит, как побитый. Тут я встревожился:

— Калеке, что случилось?!

Тот ничего не ответил. Из его глаз по морщинистому лицу скатились две скупые слезинки и исчезли в седой бороде.

Ещё несколько минут назад, охваченный охотничьим азартом, он напоминал напружинившегося кота, нацелившегося совершить

прыжок на зазевавшуюся мышку. Сейчас же этот чем-то расстроенный человек с повлажневшими глазами не имел ничего общего с прежним Калабаем...

— Калеке!

— Зачем я выстрелил в беднягу?! — наконец произнёс взволнованным голосом, в котором чувствовалось раскаяние, аксакал. — Ладно бы в какого-то сайгака, но я, оказывается, попал в молодого сайгачонка. Как горевал бы человек, если бы вдруг лишился несмышлёного дитя... А ведь сайгачонок тоже что ребёнок... Может, в том стаде плачет и горюет его мать. Проклинает, видимо, нас!..

Голос старика задрожал и смолк. Вдруг Калабай показал рукой на долину и, оживившись, воскликнул:

— Да ты только посмотри! Он убегает, убегает! Слава Аллаху, я его не задел!

Я оглянулся, вижу, пулей мчится молодой сайгачонок, догоняя убегавшее стадо.

И мне тут же припомнился рассказ отца. «Сайгаки чрезвычайно чувствительны, но и очень уж трусливы. Они могут упасть и лежать неподвижно, услышав неожиданный окрик или ружейный залп. Особенно это присуще молодым сайгам», — пояснял мне когда-то отец. В истинности его слов я убедился в этом случае.

Переминаясь с ноги на ногу, я растерянно смотрел вдаль, не зная, смеяться мне или плакать...

КЕНЕС ОРАЗБЕКУЛЫ

ДЛИННОНОГИЙ БАДИ

Альхисса[1]

Нашему человеку всегда было свойственно награждать сверстников различными эпитетами. Так, резко вытянувшихся в росте среди ребят считают плодами акселерации, лидерствующих, особо выделившихся умственными способностями считают «детьми индиго, вундеркиндами». Как говорится, человек соответствует времени. Прогресс нынешней науки и техники, средств информации (телевидение, компьютер, интернет, сотовый телефон и тому подобное), видимо, накладывает свой отпечаток на облик человечества. А может, — неведомая влиятельная сила матери-природы, толкающая человеческое дитя на новые ориентиры или направляющая под влияние современной техники? Во всяком случае, нынешние дети легко подвержены внешним влияниям и меняются на глазах...

Я, тоже озабоченный тем, чтобы мои герои не выпали из этого головокружительного ритма, породил на свет Длинноногого Бади. Итак, дорогие дети, приглашаю вас быть свидетелями нескольких приключений из жизни Длинноногого Бади.

Круглосветное путешествие

Бади с самого рождения, то есть как только нарекли его именем Бади, рос, питаясь в основном морковью. Точнее, если ещё малюткой он питался морковным соком, то, подрастая, превратил этот овощ в главную составляющую своего рациона. Неиссякаемая любовь к моркови сделала своё дело: он вытянулся, как тополь. Тощие ноги, руки, как плети. Оттого сверстники окрестили его Длинноногим Бади. Его ноги были настолько длинными, что, если шагнёт, одна из них оказывалась в Алматы, а другая — в Астане. Шагнёт ешё — уже в Атырау, ещё раз — ногой в Москве. Шагнёт в море — вода по щиколотку, идёт по океану — вода до колен не до-

[1] Альхисса — здесь: короче говоря; одним словом; коротко.

ходит. Даже высокие горы с вечными снегами и ледниками были похожи на горб лежащего верблюда, через который он легко перешагивал. А государственные границы этот мальчик совсем не признавал: оставлял за собой одно государство за другим.

Однажды он засобирался в длительный поход. Видимо, решил совершить кругосветное путешествие. Друзья-сверстники, собравшиеся на проводы, засыпали его просьбами-заказами.

— Привези мне кубик Рубика из Венгрии, — попросил друг Саян. — Я люблю составлять цельное из разноцветных частей.

— Ладно, — пообещал Длинноногий Бади.

— Если заглянешь в Россию, сможешь достать для меня куклу-матрёшку? — спросила соседка Раушан.

— Конечно, достану.

— А я обожаю куклу Барби, — вставила слово Гульсезим.

— Побывав и в Америке, прихвачу эту куклу для тебя, — успокоил её Длинноногий Бади.

— Мне нравятся самодвижущиеся игрушки-роботы. Говорят, их много выпускают в Японии, — втиснул своё слово Рауан.

— Ох, забавный ты, Рауан! Где Америка, а где Япония? Она же расположена на Дальнем Востоке. А наш Длинноногий Бади держит путь на запад, — демонстрирует Саян свою информированность.

— Ребята, разве я не собирался в круглосветное путешествие?! — удивился Длинноногий Бади. — После Америки я пойду дальше, а там — уже Япония. Возвращаясь, не позабуду и о просьбе Рауана.

Таким образом, сверстники и друзья успели проводить лишь одну ногу Длинноногого Бади, которая ещё находилась в Алматы. Ведь Длинноногий Бади уже рванулся в кругосветное путешествие, оттого другая нога уже висела над Шымкентом.

Не прошло и двух дней, а Длинноногий Бади успел обойти весь шар земной и в прекрасном расположении духа возвратился из круглосветного путешествия. Друзья-сверстники, которые ждали его с нетерпением, очень обрадовались успешному завершению вояжа. Длинноногий Бади с аккуратной точностью исполнил все их пожелания и заказы: перед ними яркими и ослепительными красками предстали кубик Рубика, матрёшка, кукла Барби, роботы и другие самые разнообразные игрушки. Длинноногий Бади подарил всем по одному сувениру, а вторую пару от каждого оставил себе. Дело в том, что он сам очень любил возиться с игрушками.

Конечно, путешествие проходило не без забавных приключений. Перешагивая через американский город Нью-Йорк, он случайно задел брючиной один из самых высоких небоскрёбов, отчего здание чуть не рухнуло на землю. Американские строители, как оказалось, строят на славу. Этот стальной небоскрёб, нервно покачавшись, как прочнейшая пружина, через томительное секунды вновь встал на своё место. В тот же день американские средства массовой информации с волнением сообщали о том, что в городе было зафиксировано колебание земли с малой амплитудой.

Необычной случай произошёл, когда он преодолевал, как лужу, Тихий океан. Неосторожным движением Длинноногий Бади наступил на кита, который, встрепенувшись, вскинулся так, что мальчик упал, распластавшись, на океан. Поднятые волны докатились до побережья Японии. Здешняя пресса наперобой заговорила о появлении небывалых цунами.

Всех приключений не счесть. Мы рассказали только о двух наиболее интересных из них.

Когда Длинноногий Бади стал делиться своими увлекательными рассказами о кругосветном путешествии, его друзья-сверстники слушали его, затаив дыхание и разинув рты. Потом ребята дружно попросили путешественника, чтобы он в следующий круиз захватил с собой их тоже.

— Ладно, — согласился Длинноногий Бади. — Возмью вас в следующий поход. Вы, конечно, полетите самолетом. Только договоримся, что будете аккуратно следовать за мной.

Как Длинноногий Бади разгонял тучи

Однажды бабушка повела с собой Длинноногого Бади на пёстрый сарыагачский базар. Она решила подарить сорочку внуку, который специально прибыл проведать стариков. Они прошлись от начала до конца базара не раз, а несколько раз. Однако Длинноногому Бади не подошла ни одна сорочка. Обидевшись на женщин — молодых продавщиц, будто они в чём-то провинились перед её любимым внуком, бабушка набросилась с упрёком на них (словно и не видела причину в долговязом Длинноногом Бади):

— Эй вы, непутёвые! И почему вы взялись за торговое дело, если не можете подобрать хоть одну сорочку, подходящую моему внуку?

— Ой-ой, бабушка! А мы же не знали и не гадали, что у вас есть такой бесподобный, представительный внук. Если вы известили бы заранее, то мы, обойдя весь шар земной, нашли бы для него соответствующую прекрасную сорочку. Мы не имеем по две головы, чтобы спорить и перерекаться с вами, — отшучивались находчивые молодушки.

— Уф-уф-ф! — тяжело вздохнула бабушка, когда самая последняя надежда при примерке не подошла Длинноногому Бади. Потом, смерив изучающим взглядом внука с ног до головы, воскликнула: — Миленький ты мой! И где же находят одежду твои родители такому сыночку?

— Бабушка, в нашем городе есть специальные магазины одежды для людей-великанов, — улыбаясь, стал разъяснять Длинноногий Бади. — Мама выбирает там одежду вместе со мной. Я же вам недавно говорил: не пытайтесь понапрасну подобрать мне сорочку здесь. И в мыслях моих не будет обиды, если вы не купите одежду.

— Милый мой! Дело не в том, что ты или твои родители будут на нас обижаться. Это — давно сформировавшаяся народная традиция. Если мы не одарим тебя обновкой, когда ты прибыл погостить у нас, то для чего зовёмся тогда дедушкой и бабушкой? Эй, доченька! — обратилась она к торговке. — Ты отмерь достаточный отрез из той ткани, чтобы потом можно было сшить сорочку. Я сама смогу сшить любую одежду, — нашла, наконец, выход бабушка.

Когда они вернулись домой, их с нетерпением ожидал дед. Он, пристально взглянув на старушку, сказал:

— Вы ушли на базар ранним утром. А прибыли домой после полудня. Где же вы болтались столько времени?

— Да мы с внуком просто развлекались, — с упрямством буркнула старушка.

— Да мне нет дела, ходите ли по базару или развлекаетесь. Сегодня аульчане совершают тасаттык[1]. Я хотел взять с собой внука. Всё-таки он из города, пусть своими глазами ознакомится с аульными обычаями, что-то полезное извлечёт для себя. Вот поэтому я сержусь, что вы припозднились.

— Тогда иди, иди, мой жеребёночек, — смягчилась бабушка. — Аульные традиции и горожанам приятны. Это хорошо, пусть знакомится с обычаями. Хочешь, веди его.

---

[1] Тасаттык — моление с просьбой о дожде во время засухи путём жертвоприношения.

— Ата! — обратился к деду Длинноногий Бади, едва отдалились от дома. — Как понимать «тасаттык»?

— Тасаттык — это жертвоприношение. Люди устраивают эту церемонию, когда долго нет дождя, когда начинают сохнуть посевы и желтеть сенокосные угодья, на которых заготавливают корма на зиму для скота. Вот тогда народ вымаливает у бога спасительного дождя, режет скот и организовывает благотворительные обеды. Всё это в целом и называется «тасаттык», внучек мой.

— Неужели после поминального обеда немедленно пойдёт дождь?

— Пойдёт ли дождь сразу, а может, заставить себя ждать, но потом падёт ливнем, или, возможно, не проронит и капли воды — на то воля Всевышнего, одного только Бога, внук мой.

По традиции, тасаттык был организован неподалеку от аула на берегу быстрой голубой речки. Они с дедом вместе с аульным людом вдоволь наелись бешбармака, попили сорпы[1] и душистого чая. За чаем аксакалы повели беседу о шежире[2], вспоминали былых батыров, рассказывали о подвигах предков. Длинноногий Бади, увлекшись разговором аксакалов, сам почувствовал себя причастным к духу предков и представил себя в образе батыра. Он, вскинув голову, увидел, как пёстрые облака, будто спеша куда-то, мчатся к высоким вершинам на востоке. Но из этой картины не было видно надвигающегося дождя.

Именно о грядущем дожде заговорил один из старцев-аксакалов, пристально вглядываясь в небо:

— Куда же спешат эти шелковистые белые облака? Эх, сейчас бы сюда нашего давнишнего батыра Толагая!

— Ну, болтнул же ты! — среагировал белобородый старик. — Ведь на всё воля Аллаха.

— Дедушка! — Длиноногий Бади тронул его за плечо. — Есть ли дома камча[3]?

— Да, дома, на почётном месте висит моя камча-бузаутис[4]. А почему заинтересовался ею?

---

[1] Сорпа — мясной бульон.

[2] Казахская летопись родословной.

[3] Камча — кнут, плётка.Здесь: камча, сплетённая из благородной кожи.

[4] Бузаутис — один из видов шва при ручном шитье (иногда применяется при изготовлении камчи).

— Просто так. Сейчас она нужна мне. Можно, я воспользуюсь ею?

— Если нужна тебе, то воспользуйся, внук мой.

— Спасибо, дедушка! — Длиноногий Бади немедленно вскочил с места и направился домой. Бабушка была дома, она сразу же вручила камчу внуку. Длиноногий Бади, взяв в руки камчу, сняв ремень с пояса, привязал к её концу, а потом направился в сторону горных высот на восточной стороне. Пристроившись между двумя острыми холмами, он заслонил путь нежным белоснежным облакам и начал отчаянно размахивать комбинированной камчой перед ними. Облака, чуть притормозив, как отара овец, стали пятиться назад. Они, возвращаясь на исходные позиции, стали сгущаться над аулом. Длиноногий Бади не унимается, не давая покоя дедовской камче. К сгущающимися облаками стали примыкать облака, по одному движущиеся с запада. Постепенно облака приняли тёмно-серый цвет и закрыли собой небесное светило.

Вдруг загремел гром, и весь аул с окрестностями оказался под спасительным ливневым дождём. Народ, спокойно беседуя, попивающий чай на берегу голубой речки, растерянно вскочив с места, изумлённо подставил лицо благодатной влаге.

— Вот, видите теперь?! — воскликнул тот самый старец. — Это же он, упомянутый мною батыр Толагай, согнав облака в кучу, призвал дождь.

— Нет, ты ошибаешься, — гордо выпячив грудь, вставил дедушка Длинноногого Бади. — Это был не Толагай-батыр, а мой внук. Это же мой внук батыр Длинноногий Бади, воспользовавшись моей камчой, отогнав облака и собрав тучи, сумел призвать дождь. Вон, посмотрите, кто одарил землю и народ благом, добом! — довольный дед указательным пальцем тыкал в сторону с головы до ног промокшего внука.

— Ох, божество! Значит ваш внук обладает магической силой и может изменять погоду по своему предусмотению!

— Вы же сами видели, как он превзошёл самого себя!

А сам батыр Толагай — Длинноногий Бади, глубоко удовлетворённый тем, что исполнил желание народа, одним движением дедовской камчи раздвинул тучи. На фоне небесной синевы ярко засветило солнце.

САБИТ ДУЙСЕНБИЕВ

СЛАДКОЕ ЯБЛОКО

Знаете, наш аул лучше и красивее всех аулов. В нашем ауле есть яблоня тётушки Аккыз. Яблоки с неё — самые сладкие в мире. Честное слово! Во рту тают. Слов не найдёшь описать! И сама тётушка Аккыз очень хорошая. Однако, если увидит, что на яблоню залезли, сильно сердится. Она для неё заветная. Мой приятель Адамбек говорит, будто под ней тётушка Аккыз похоронила своего единственного сына Таттибека.

Понимаете теперь, почему яблоки такие сладкие? Из-за имени Таттибека[1]. А если влезешь на дерево, то у захороненного под ним поясница заболит — такая примета. А когда заболит поясница у сына, то и тётушку Аккыз спина начинает беспокоить. Поэтому она сразу выбегает из дома, хотя ты не успел вскарабкаться ещё до половины дерева. И свою большую пегую собаку тётушка привязывает не к яблоне, а в стороне. Может, и неправда, но Адамбеку обо всём этом рассказывал его дедушка.

Однако, как бы Адамбек ни пугал нас своими легендами, всё равно мы потихоньку воровали яблоки. Даже сам Адамбек не мог удержаться. Вот и сегодня мы с Сериком, пригнувшись, подобрались к яблоне, едва увидели, что тётушка Аккыз ушла с чёрной сумкой в руке в магазин.

Пегая собака спала как ни в чем не бывало. Тихо, по-кошачьи вскарабкались на вершину. Натолкали яблок куда только могли. Очистив одну ветку, я потянулся к другой и обнаружил сломанный сучок. Руки мои задрожали. Кто мог его сломать? Эх, зря пришли, а вдруг поймают и нас обвинят?

Первым на землю спрыгнул Серик, за ним — я. Собака так рванулась, злобно зарычав, что цепь оборвалась. Я перелетел через покосившуюся ограду, штаны на мне затрещали. Мало того, ка-

[1] Татти — сладкий.

кой-то веткой с головы шапку сорвало. Стало обидно и тревожно. Брюки что — чепуха, всё равно старые. А вот шапка...

Ко всему, ещё рассыпал почти все яблоки, что были за пазухой. А Серика не догнать — вот где пригодились длинные ноги. Лишь когда очутился в кустарнике, еле перевёл дух. Яблок у меня осталось не больше пяти-шести. У Серика же — куча. Конечно, подпоясался широким солдатским ремнём брата, куда им выпасть! О штанах и шапке я смолчал.

Яблоки быстро исчезли в наших животах. Но два я всё-таки сохранил, сунув в разные карманы. Для кого, думаете? Для Айым. Для самой красивой девочки в нашем классе. Она мне нравится. Но вот нравлюсь ли я ей?.. Сколько ни ломал голову, не могу сказать определённо. Интересно, обрадуется она завтра этим яблокам?..

Так размечтался, что совсем забыл о своих рваных штанах и неосторожно вытянул ноги. У Серика, будто у кошки, завидевшей мышь, загорелись глаза. Он восторженно хлопнул себя по ляжкам. А заметив, что я ещё и без шапки, повалился на землю и стал кататься, схватившись за живот. Я думал, концы отдаст, так он зашёлся в хохоте.

Пришлось мне рассказывать всю правду. Улегшись рядом, я стал умолять Серика, чтобы он никому не проболтался. Предлагал вечную дружбу. А в знак верности даже обещал ему фонарик. Не что-нибудь — фонарик. Да не свой, а отцовский.

Как нарочно, в тот самый день почтальон принёс номер «Пионер Казахстана» с моим стихотворением. Оно прямо кричало на видном месте: «Мой Казахстан». Показал маме и прочёл с выражением. Она расцеловала меня, обрадовалась даже больше, чем я сам.

В это время с шумом вошёл тракторист Саржан. Поздоровался с мамой за руку. Она ему, естественно, новость. А он в ответ: нельзя, говорит, тянуть, обмыть надо стихотворение сына. Потом Саржан-ага крепко сдавил мне руку:

— Беги в магазин!

Мама — куда денешься? — вручила мне десятку. Я не преминул воспользоваться моментом и вставил:

— Дай, пожалуйста, ещё — на шапку.

— У тебя же есть шапка?!

— Да потерялась куда-то, — не моргнув глазом, соврал я. А мама — благо настроение у неё было приподнятым — сунула мне ещё пятёрку.

В магазин вроде мигом слетал, но соседи уже успели собраться. Целуют меня, поздравляют.

И какой же сегодня радостный день! Я лежал в дальнем углу нашего садика и мечтал. Стихи мои увидит Айым. Потом... А вдруг не увидит? Самому, что ли, показать? Нет, стыдно. Скажет, хвастун. Ещё презирать станет. Наверное, завтра в школе (первый урок у нас — литература) учительница сама сообщит. Вот когда Адамбека завидки возьмут! Не будет больше называть меня книжным червем. Да... Теперь-то уж наверняка меня выберут редактором стенгазеты. У Бекета ведь стихи дальше «районки» не пошли — и то выбрали...

Надо же, стоило мне подумать об этом, как яблоко, пущенное чьей-то рукой, так врезало мне по лбу, что разлетелось вдребезги.

— Эй, поэт, пошли в футбол играть! — Ну конечно, кто же ещё это может быть, если не Адамбек! А с ним куча пацанов. И Серик тоже. Улыбается — рот до ушей. Я ему подмигнул умоляюще: не говори, мол, о том, что произошло.

Всё таки замечательный день! Команду Адамбека мы разгромили в пух и прах, со счётом 5:2. Адамбек так разгорячился, что чуть не подрался с нами. Хорошо, отец его вовремя позвал.

На следующий день по пути в школу я повстречал Айым. Она протянула мне свою красивую, с длинными пальцами руку:

— Поздравляю со стихами!

— Спасибо! — говорю, а сам аж обалдел от счастья. Прочитала! Достал из кармана вчерашние яблоки. Айым стала ещё приветливее.

Вот так, вместе, мы вошли с ней в класс. Пусть знают, кто есть кто!

Ребята передавали из рук в руки газетный номер, шумели. Прозвенел звонок, и в класс вошла учительница со своей всегдашней чёрной сумочкой. Но сегодня апай какая-то особенная. Даже перекличку не сделала, встала перед классом и показала всем пионерскую газету.

— Читали?

— Читали, читали! — зашумел класс.

Апай похвалила мои стихи и добавила: если я так буду и дальше писать, из меня может получиться поэт.

В общем, я сидел как на именинах, довольный собой. А в это время дверь открылась и в класс вошла тётушка Аккыз. У меня

глаза полезли на лоб. Зачем она появилась?! Свёрток какой-то под мышкой... Вот сейчас развернёт, продемонстрирует всему классу и спросит: «Чья?» Ещё и учительнице нажалуется. Адамбека не проведёшь — сразу узнает. Да и сама тётушка, наверное, обо всём догадалась. Гляжу, Серик тоже сник.

Но всё произошло не так, как я вообразил. Тётушка Аккыз молча вручила мне свёрток и ушла. И сколько бы Адамбек ни тянул шею, чтобы разглядеть, что в нём, ничего не понял. Но высунуться не преминул:

— Яблоки воровал!

Лицо моё вспыхнуло. Показалось, весь класс уставился на меня. Учительница, однако, не подала виду и как ни в чём не бывало осадила Адамбека:

— Сабалаков, сиди тихо!

Адамбек присмирел.

Сразу после школы я пошёл домой, стараясь не попадаться никому на глаза. Но к вечеру неприятный разговор всё-таки возник. Отцу нужно было посмотреть овец в загоне, для чего понадобился фонарик. Мама, ясное дело, обыскав весь дом, не нашла его. Я усердно делал вид, что ищу вместе с ней. Но откуда фонарику найтись, ведь не подбросит его Серик как по заказу?.. В конце концов отец подступил с расспросами ко мне. А тут ещё соседская девчонка за молоком пришла — уши развесила.

И что за невезучий день! Сбежал на сеновал, упал лицом вниз и решил так лежать, пока не найдут.

Мама меня долго звала: «Сакен, Сакен», — но я не отозвался. А на отца обиделся: даже не поинтересуется, куда делся сын. Посмотрел бы сейчас понарошке — в другой раз не стал бы ругаться. И велосипед бы купил.

С этими горькими мыслями я незаметно для себя уснул. Очнулся, когда день уже был в полном разгаре. Папа и мама ушли на работу. Ключ, как всегда, под кирпичом. На столе завтрак, оставленный мамой. Поел и лёг спать в постель.

Потом решил перечитать стихи Абая. В прошлый раз на уроке учительница восхищалась стихотворением «Испытание коня». Я прочёл его несколько раз, подумал, но так и не смог понять, чем оно особенное. И потом, разве можно уши лошади сравнивать с камышом? А чёлку называть палицей? Наверно, я ничего не смыс-

лю в поэзии — не дорос. Когда стану взрослым, как сам Абай, тогда, видать, и пойму.

От нечего делать сел за письмо Айым. Ничего не утаил. Даже того, что она мне нравится. И о том, что яблоки воровал, написал и пообещал никогда этого не делать. Закончив письмо, я вложил его в синий конверт и, подойдя к дому Айым, опустил в почтовый ящик.

Шли дни. Как-то, выйдя из школы, я увидел поджидавшую меня Айым. Испугался — вдруг заговорит о письме. Но мы долго шли молча. Неожиданно Айым предложила:

Давай поможем тётушке Аккыз собрать яблоки.

Я очень обрадовался и, конечно, согласился. В условленный день мы с Сериком пришли в сад. Айым была уже здесь. Я готов был провалиться сквозь землю от стыда за недавний случай. Но тётушка не подала и виду. Мы с Сериком залезли на яблоню, а Айым внизу принимала наполненные нами вёдра.

В полдень тётушка позвала нас в дом обедать. На самом видном месте в переднем углу висела фотография весело улыбающегося джигита. На Гагарина похож. У нас ходили разговоры, что это и есть Таттибек тётушки Аккыз. Справа на стене — ещё две фотографии. На одной из них сама тетушка Аккыз. Нельзя было не узнать её по красивым тёмным глазам. На второй же, казалось, совсем посторонний для этого дома человек со строгим лицом. Мне и в голову не могло прийти, что это муж тётушки. Она, видно, заметила, как мы поглядываем на снимки, и рассеяла наши сомнения:

— Это мой старик, а это сынок, Таттибек.

Лицо тётушки тронула скорбь, но в то же время с губ не сходила какая-то печальная улыбка, хотя тётушка и запричитала:

— Единственный мой, ненаглядный!..

Протяжно запел самовар. Тётушка рассыпала по дастархану чашку баурсаков. И сами не заметили, как выпили по две-три пиалушки. Серик вдруг попросил:

— Тётушка, расскажите что-нибудь.

Вот нашёл время для разговоров! Я только что заложил в рот очередную баурсачину. А Серик — весь внимание: рот распахнул, уши навострил. Поневоле пришлось и мне прислушиться.

— Эх! Вы не знаете моего старика. И Таттибека даже не видели. Но наверняка слышали — бабы об этом часто судачат, — что десятерых я потеряла от оспы...

Я аж замер от удивления. Надо же, четырнадцать уже стукнуло, а впервые слышу, что у тётушки Аккыз было одиннадцать детей.

— Живым остался только младший. Но и его отняла у меня война. Одиннадцать их похоронила, а сама осталась одна-одинёшенька...

Чем только прогневила я Бога! Был бы жив Таттибек, уже и внучат бы нянчила — это ли не счастье? А умри я теперь — опустеет дом, сгниёт. В первый год, как сошлись со стариком, своими руками его поставили. А яблоню эту Таттибек посадил — учительница, говорит, велела. Да чтобы ровно росла, саженец ещё попросил меня подержать...

Рассказывая, тётушка Аккыз теплела лицом и умилялась, словно ребёнок.

— Для меня он не умер, я его часто в мыслях вижу. Джигит уже был, невесту собирался привести. Дочь того старика, который жил в начале улицы, ну тот, что недавно скончался. Не раз они сиживали вдвоём под этой яблоней. Сейчас при встрече она лишь кивнёт мне, будто виновата в чём...Недавно кто-то на яблоне ветку обломил. Сильно тогда рассердилась, в школу даже пошла. Да злости только до школы хватило.

Тётушка Аккыз замолчала. Молчали и мы. На душе у меня кошки скребли. Нехорошо получилось, я чувствовал себя преступником, который обидел и без того обездоленного человека.

С этого дня, как только появлялось возможность, я стал помогать тетушке Аккыз. В первое же воскресенье наколол ей дров. Пришла и Айым. С ней, конечно, веселее было. И интереснее. Баловались, мячиком мне в голову целила. А про письмо так и не сказала, забыла, наверное.

Однажды исчез тётушкин пегий пёс. Мы с Айым нашли его в тугаях застреленным. Я сразу вспомнил, что Адамбек недавно носился с отцовским ружьём.

Мы, как обычно, собрались на футбольном поле. Я отозвал Адамбека подальше от ребят и прямо спросил:

— Зачем собаку застрелил?

Вначале он испугался. Видно, думал, что учительнице расскажу. Потом осмелел:

— Ну и застрелил, твоё какое дело?

— И не жалко тебе одинокую старушку?

А он:

— Знаем, почему ты такой жалостливый стал!

Схватились. Изловчившись, я кинул его через бедро — хорошо так хлопнулся, аж застонал. Но удержать Адамбека на земле было трудно. Он расцарапал мне лицо и поднялся. Надо сказать, Адамбек боролся лучше меня. Вскоре он схватил меня за ноги, приподнял и бросил. Потом сел верхом и стал бить. Как ни пытался я вырваться, ничего у меня не вышло. Вдруг кто-то принялся нас разнимать, глянул — Айым. Вот ведь не везёт: Айым не видела, как я его мотанул, а стали меня побеждать — она тут как тут.

Адамбек, отряхнувшись, отправился домой. Разошлись и ребята. Остались мы вдвоём.

— Поднимайся, Сакен, пойдём.

Айым начала теребить меня. А я сидел и будто не слышал. Лицо горело от стыда.

— Тебе говорю...

Она упрашивала как только могла, а потом, вдруг рассердившись, уселась рядом:

— Тогда и я никуда не пойду.

Немного погодя Айым потихоньку запела. В вечернем безмолвии голос её звучал нежно, красиво. Сидел бы и сидел так, не шелохнувшись. Опустилась темнота, на небе высыпали звёзды. Я осторожно взял её за руку... Какое это было наслаждение!

— Пойдём, Сакен, — поднялась она, робко отняв руку.

А у меня неожиданно вырвалось:

— Ты торопишься?

— Нет, но, наверное, меня уже ищет мама.

Пошли, — и я, взяв её за руку, побежал. Бежим вдвоём! Как это чудесно! А небо — сплошные звёзды!..

На аул выпал первый снег. Казалось, зима вступила в свои права, но вскоре снова потеплело, вернулась ненадолго солнечная осень. В один из таких нежных и ласковых, тронутых увяданьем дней семья Айым собралась переезжать в райцентр, куда перевели на работу отца.

В последний раз мы гуляли. Бродили по аулу, сидели под заветной яблоней и на прощание открылись друг другу не таясь. Поделились самым сокровенным... Не заметили, как подкралась ночная прохлада.

— Вырастешь — наверное, писателем станешь? — спросила Айым.

— Наверно. А ты?

— Я — художником...

Близилась полночь. Но никто из нас не мог осмелиться первым произнести: «До свидания»... Подошли к дому Айым.

— Ты целовался когда-нибудь? — вдруг спросила она.

Сердце тревожно вздрогнуло. Я посмотрел в её глаза с восхищением и болью. Айым неожиданно обхватила меня и, чмокнув, поцеловала. Словно током ударило...

Всю ночь не мог заснуть. Наслаждался, вспоминая её поцелуй, но, как представлю, что Айым уезжает...

Проснулся в полдень. Мигом оделся и выскочил на улицу. У дома Айым — машина, толпа народу. И тётушка Аккыз с Адамбеком тоже здесь. Вещи давно погружены.

Я стал крутиться рядом с домом в надежде, что вот-вот покажется Айым. Ждать пришлось недолго — настала пора прощания.

Это были невыносимо тяжёлые минуты. Каждый из провожающих с неохотой выпускал Айым из своих обьятий. Тётушка Аккыз, не выдержав, заплакала. Я тоже готов был зареветь. В ту минуту мне казалось, что нет на свете человека дороже и ближе для меня, чем Айым, и счастливее её. Даже зависть шевельнулась. Эх, мне бы на место Айым! Интересно, как бы она тогда простилась со мной? Она ведь девочка, наверняка не стала бы, как я, изо всех сил сдерживать слёзы, а дала бы им волю.

— Учись хорошо. Навещай нас, не забывай, — наказала тетушка Аккыз и, достав из кармана красный, в крупных цветах платок, накинула его на волосы Айым. — Вспоминай маму Таттибека.

Прощаясь, Айым лишь подала мне руку. А я представлял это совсем по-другому, но тут почувствовал, что она вложила в мою ладонь свёрнутую бумажку.

Мы с Адамбеком долго бежали за тяжело, будто нехотя тронувшейся с места машиной. Айым, пока было видно, махала нам красным, в цветах, платком.

Я едва дождался, когда останусь один, чтобы развернуть бумажку, которую сунула мне Айым. На ней была нарисована яблоня тётушки Аккыз. Несколько мальчишек крадутся к ней, чтобы сорвать яблоки. Засоня пегий пёс беспечно дремлет. Поодаль — маленький домик, возле него копается тётушка Аккыз.

Знаете, наш аул лучше и красивее всех аулов. В нашем ауле есть яблоня тётушки Аккыз, и каждое яблоко с неё — самое сладкое в мире!

ПАТИГУЛЬ МАХСАТОВА

ВЕРНОСТЬ

До сих пор память хранит один случай из далёкого детства. Я училась в начальной школе. Как-то за утренним чаепитием мама произнесла:

— Акан с семьёй вернулся с летнего пастбища. Видела его утром, когда выводила корову. Говорит: «Вам ведь собака нужна была. Хотите щенка — отдам. Порода хорошая. Не боитесь хлопот — возьмите». Я согласилась.

Услышав это, брат, который обожал домашних животных, а особенно собак, позабыв о еде, тут же направился в сторону соседского дома, за ним последовала и я.

Акан-ага, как только увидел меня и брата, тут же догадался, зачем мы пришли, и повёл нас к собачьей будке. Мы увидели четырёх маленьких щеночков, которые спали, прижавшись к материнской груди, и сладко посапывали маленькими носиками. Мы с братом в умилении застыли на месте, не отрывая глаз от щенков.

— Выберите одного, который вам понравится. Все они будут хорошими собаками, — сказал Акан-ага, заметив, что мы медлим, не решаясь, кого выбрать... Взяв приглянувшегося нам щенка, мы, нежно прижимая его к груди, счастливые вернулись домой. Отцу и маме щенок тоже очень понравился. Все испытывали такую радость, словно в доме появился новорожденный.

— Пока не подрастёт, держите его в тепле, в сенях. Я подыщу ящик, — сказал отец и вышел на улицу.

Тем временем мама отыскала в доме ненужное тряпье. Отец вошёл, держа в руках ящик, застланный мягкой соломой. Мы с братом, положив сверху тёплые тряпки, уложили на них сладко спящего щенка и, любуясь им, долго кружили вокруг его нового жилья. Оторвавшись от домашних дел, мама сказала:

— Так и будете сидеть, глядя на него? Лучше подберите щенку подходящее имя. Он ещё маленький и будет долго спать.

Мама зашла в комнату, а мы остались, озадаченные, и начали вспоминать все известные нам имена, которые могли подойти нашему новому любимцу: Бойнак, Актош, Актапан. Но у щенка не было ни единого белого пятнышка, и нам пришлось от них отказаться. За поисками мы и не заметили, что прошло довольно много времени. В какой-то момент щенок, проснувшись, потешно зашевелился и стал жалобно, но громко визжать.

Брат, услышав его голосок, радостно закричал:

— Нашёл, нашёл, он подаёт знак о том, что проснулся! Назовём его Сигнал. Если к нам во двор зайдёт незнакомый человек, то он будет подавать нам сигнал.

Это имя понравилось и мне. Мама тоже одобрила наш выбор.

Щенок, окинув нас просящим, жалобным взглядом, стал ещё сильнее визжать и тоненько скулить.

— Щенок скулит, значит, он проголодался. Сейчас я налью кипячёного молока из казана, накормите его, — сказала мама.

Сигналу, который не умел ничего, кроме как сосать груди матери, пришлось порядком попыхтеть, прежде чем ему удалось вылакать тёплое молоко из глубокой миски. Но потихоньку и как бы незаметно он и этому научился, хотя поначалу нам пришлось с ним нелегко.

Теперь каждый наш новый день начинался с хлопот, как бы накормить Сигнала. Каждую свободную минутку мы прибегали к щенку. Сигнал же рос изо дня в день и, цепляясь за стенки ящика, научился, смешно кувыркаясь, вываливаться из него. Как только щенок выползал из ящика, мы клали его обратно на место, но он старательно, сердито визжа и тявкая, вновь и вновь выбирался из своего убежища. Наблюдая за усилиями своего нового друга, мы счастливо и от души хохотали, словно зрители в цирке.

Когда Сигнал научился легко выпрыгивать из ящика, отец соорудил для него просторную, уютную будку. Пёсик, несмотря на свой юный возраст, уже лаял, скалился и даже грозно рычал на людей, входящих на наш двор. Мы с братом с любовью наблюдали за его проказами. Вскоре он научился отвечать на просьбу «Дай лапу». Мы радовались выходкам умного щенка. Так дни проходили за днями.

Но вот закончились весёлые летние каникулы и начались занятия. Поскольку в нашей деревне не было средней школы, брат

продолжил учёбу в соседнем селе. Я осталась. Вот наш Сигнал, проводив меня до школы, взглянув на меня, скучая, бредёт обратно домой. Я неотрывно гляжу ему вслед, а когда возвращаюсь домой после уроков, Сигнал неизменно выходит встречать меня, непонятно как чувствуя моё возвращение. По утрам мы вдвоём с ним выводим корову, днём вместе идём к колодцу за водой, вечером оба встречаем стадо. В общем, он всюду вместе со мной. «Не ходи за мной — сторожи двор», — порой прикрикну я на него. И тогда он кротко и умоляюще глядит на меня своими добрыми собачьими глазами. Но если я позову его: «Ну хорошо, пойдём», он, завиляв хвостом, радостно лижет мою руку. Я счастлива, что нашла такого умного друга. Мама, видя его привязанность ко мне, довольна и как-то обронила: «Недаром Акан сказал, что это хорошая породистая собака».

К следующей осени Сигнал по-настоящему подрос и стал той умной сторожевой собакой, которая ни за что не пустит незнакомого человека во двор. По большей части он лежал у двери, положив голову на ступеньки и растянувшись во весь свой пугающе большой рост. Но даже тогда, когда человек или корова проходили по улице, он, навострив уши, прислушивался к любому шороху. В селе, где не принято вешать на двери замок, Сигнал стал настоящим охранником в доме.

Окончив четвёртый класс, я, вслед за братом, продолжила учёбу в районном центре, в 25 километрах от нашего села. В то время между двумя сёлами не ездили автобусы, и мы вместе с отцом, сев на старенький мотоцикл, выехали в дорогу. Сигнал, будто почуяв, что на этот раз никто его с собой не возьмёт, вышел вместе с мамой на улицу и молча уставился нам вслед. Я тихо заплакала...

Теперь Сигнал с нетерпением ждёт моего возвращения на каникулы. И я тороплюсь домой. Всякий раз, как только мы въезжаем на холмик, что возвышается вблизи села, Сигнал непременно встречает нас и, не отставая, радостно бежит за мотоциклом прямо до самого дома. Я до сих пор удивляюсь, как точно собака чувствовала момент моего возвращения домой и всегда оказывалась на холме, находившемся довольно далеко от нашего села, в тот момент, когда я подъезжала к нему.

Один случай, произошедший на летних каникулах, до сих пор в моей памяти.

Однажды отец, войдя в дом, сказал:

— Из районного центра приехали собачники. Будут отстреливать всех непривязанных, бродячих собак. Как бы они не подстрелили Сигнала.

Я молча застыла на месте, громко заплакала. «Я не позволю им стрелять!» — повторяла я одни и те же слова,

Мама, видя моё отчаяние, упрекнула:

— Что ж ты так расплакалась из-за каких-то собак!

Отец же был на моей стороне.

— Пойдём, привяжем собаку в школьном саду. Я думаю, эти места они не будут обходить, — сказал отец и повёл туда нас с Сигналом.

Школьный двор, который располагался за нашим домом, был засажен деревьями. Мы с отцом через заднюю калитку вошли внутрь большого сада. Когда отец привязал Сигнала к одному из деревьев джиды, от роду не носившая ошейник собака стала бросаться из стороны в сторону и жалобно скулила, да так, что у меня внутри больно защемило. Я, решив не отходить от него ни на шаг, присела рядом с ним.

— Мы ведь не знаем, когда придут собачники. Ты что, собралась целый день здесь сидеть? — произнёс отец.

— Буду сидеть. Если он останется один, он себя выдаст.

— А мне что прикажешь делать? Как я могу оставить тебя одну в этом саду?

— В таком случае запри нас в гараже с мотоциклом.

Согласившись, отец отвязал собаку. Пройдя с задней стороны по нашему саду, не показываясь никому, мы вернулись во двор и вдвоём с Сигналом юркнули в гараж. Отец снаружи повесил замок и, закрывая его, провернул ключ. Я устроилась в люльке мотоцикла, Сигнал же прилёг на земле рядом со мной.

«Сигнал, Сигнал мой хороший, мой дружок, ни звука не издавай, если узнают, что мы здесь, тебя застрелят, что мне тогда делать», — шепчу я собаке, поглаживая его по голове. А пёс, давая знать, что понимает мои слова, молча смотрит на меня и, притихнув, прижимается к полу. Мы даже не знаем, который час. Я изредка поглядываю через щель в гаражной двери за происходящим вокруг.

В какой-то момент, гремя дверями, вошла мама.

— Всё, хватит, иди, попей чаю.

— Нет, я не голодна.

— Ах ты господи, что это за ребёнок! Что теперь, из-за собаки голодной останешься?

— Занеси сюда, я не брошу Сигнала и никуда не выйду, без меня могут прийти собачники.

Мама вышла, а через минуту-другую принесла каждому из нас еду.

— Мама, быстрее выйди и закрой нас на замок, — сказала я, беспокоясь.

Между тем прошло довольно времени, и вдруг я услышала, как отец разговаривает с какими-то людьми по-русски. У меня громко забилось сердце. Не зная, что делать, я крепко обняла Сигнала. Из глаз моих ручьями потекли слёзы. Мы, затаив дыхание, тихо прислушиваемся. В какой-то момент во дворе всё стихло. Не было слышно ни звука, ни каких-то движений. Ах, слава богу, подумала я и, осторожно поднявшись и подойдя к двери, глянула во двор сквозь щель. Никого не было видно. Вернувшись, я села на своё место. Прошёл час или другой, звеня ключами и открыв двери, вошёл отец.

— Выходите, они ушли.

— Правда?

— Разве я буду вас обманывать, и так в тесном гараже просидели целый день до вечера.

Когда мы вышли на улицу, и вправду, оказалось, наступил вечер. Сигнал же, будто в благодарность, облизал мои руки, направился к дому и там, вдруг шумно вздохнув, привычно прилёг на ступеньках. От этого его движения у меня на глазах выступили слёзы. Я зашла в дом, счастливая оттого, что всё так удачно сложилось...

Годы шли своей чередой, не останавливаясь. Сигнал вырос и стал огромной взрослой собакой. Он, как член нашей семьи, всегда при своих делах. Я, окончив школу, уехала на учёбу в Алма-Ату. Каждый мой приезд Сигнал, как всегда, выходит мне навстречу. Когда мама его нахваливает, он смотрит мне в глаза, будто спрашивает: «А ты? Ты довольна мной?»

— Сигнал нам помогает, когда стадо отправляется на пастбище, они вместе с отцом уходят спозаранку и возвращаются затем-

но. И потому мы уверены и спокойны, когда он с нами. А во время вечернего полива он вместе с отцом обходит канал, — рассказывает мама.

В такие минуты, обняв и прижав к себе собаку, глажу её голову и шепчу на ухо: «Ты молодец, молодец, Сигнал!»

Не успела я оглянуться, как моя двухгодичная учёба закончилась, и я устроилась в одну из контор районного центра. Но меньше чем через год скоропостижно скончался наш отец, и мне пришлось вернуться в родные края. Братья жили далеко, со своими семьями, и всё большое хозяйство осталось на нас с матерью. Когда вечерами возвращается стадо, Сигнал до наступления темноты вместе с нами. Да, пришли трудности и страдания, но что делать? Жизнь продолжалась, и нам оставалось только терпеливо сносить все превратности судьбы.

После смерти отца Сигнал как-то непривычно притих и теперь ходил по двору, понурив голову. Всё чаще мы стали замечать слёзы на его глазах. Он перестал обращать внимание на входящих и выходящих со двора. Ещё очень долго ранними утрами Сигнал возвращался с той стороны села, где было сельское кладбище, хотя никто не замечал, когда он туда уходил. И по его печальным, скорбным глазам было нетрудно понять, что он не может смириться со смертью своего хозяина.

— Похоже, он постарел, — говорила порой мама, поглядывая на пса.

В один из дней, таких же, как и все остальные, я пошла на кукурузные поля искать корову. Сигнал брёл неподалеку от меня. В какой-то момент он, забежав вперед, исчез в кустах, росших на краю кладбища вдоль дороги. «Сигнал, ко мне!» — отчаянно закричала я ему вслед, но он не слышал меня. Несмотря на суеверный страх, я кинулась за ним. Прошептав начало молитвы: «Я Бисмилаху рахману рахим!» — тихо ступая, я подошла к отцовскому надгробию. Там, положив голову на холм, под которым покоился прах моего отца, широко раскинув лапы и будто обнимая его, лежал Сигнал. После кончины отца, жалея маму, я скрывала свои слёзы. Но тут, впервые за последнее время, разрыдалась от горечи потери. Опустив голову на колени, закрыв глаза, я стала вспоминать те светлые, хорошие дни, когда отец был жив, когда он был с нами.

Не знаю, сколько прошло времени. Сигнал, словно успокаивая: «Хватит, не плачь, вставай», стал лизать мои руки. Я подняла голову и сказала: «Ты помнишь, когда ты был маленьким, как отец запер нас в гараже?» — и заглянула в глаза Сигналу. Он, словно отвечая: «Да, помню», тонко заскулил и, обойдя ещё раз могилу, выбежал на дорогу. Я последовала за ним...

Да, в жизни, оказывается, случается и такое. Когда был жив отец, мы, рождённые в этих краях, никогда не думали, что однажды покинем эти места, ставшие для нас родными. Но когда я поступила в институт, мать, оставшись одна, была вынуждена перебраться в районный центр. В то время я была на учёбе. Как потом рассказывала мать, пока укладывали в машину багаж, Сигнал слонялся по двору. Поскольку в кузове не оставалось места, мама решилась поручить собаку покупателям нашего дома. Она обратилась к ним с такими словами: «Эта собака постарела. Не лишайте её тёплого места и ухаживайте за ней. Это хороший пёс, присмотрите за ним». Горько и глубоко вздохнув, мама села в машину, а новые хозяева поразились, увидев, как из глаз Сигнала текут слёзы. Когда мама и родные, выехав из села, приблизились к холму, мой брат увидел бегущего вслед Сигнала. Путники продолжили путь, уверенные, что Сигнал, устав, отстанет от машины. Но даже через многие километры брат снова и снова видел на дороге бегущего Сигнала, который, как и положено верному псу, всегда был рядом. И лишь только у асфальтированной дороги, в двенадцати километрах, чёрный силуэт собаки словно растворился...

Прошло много времени после печального переезда. Один из моих братьев, живший в соседнем селе, как-то, выходя из дома увидел во дворе собаку... Сигнал! Как он нашёл дом брата? Этому не было объяснений.

С наступлением летних каникул я приехала в то село, где жил брат. Войдя во двор, я увидела, что Сигнал, как когда-то давно, лежит у порога, положа голову на ступеньки. Он сильно постарел и, обессилевший, не обрадовался, не ластился, как бывало раньше. Погладив пса, я спросила: «Что случилось, ты обиделся на нас за то, что тебя оставили в старом доме? Но ведь меня не было тогда рядом. Я бы тебя ни за что не бросила. Не обижайся на меня. Я пришла сюда, чтобы увидеть тебя», — прошептала я ему. Из потускневших глаз, прикрытых тяжёлыми веками, горошинками пока-

тились слёзы. Я поразилась плачу собаки, и на мои глаза тоже навернулись слёзы. Почувствовав благодарность к преданному Сигналу, я задумалась о справедливости народной мудрости, которая гласит: «Собака — преданность, а женщина — обуза».

Настало время прощания. Сигнал выглядел нерадостно. Похоже было, что жизнь его подходит к концу. Предчувствуя, что больше его не увижу, обняв его, я, в душе прощаясь, прокричала: «Сигнал, до свидания! Встречай, когда я приеду снова!»

Но в следующий мой приезд я услышала, что Сигнал умер, уйдя на окраину села. Брат там же и предал его земле. Как говорится в народе, хорошая собака смерти своей никому не покажет. И опять моя собака поразила меня своей мудростью...

С тех пор минул не один год... Безвременно ушёл и мой брат, с которым мы когда-то, с любовью прижимая к груди, забирали из соседского дома нашего Сигнала.

Всё переменилось. И люди вокруг нас стали другими. Те из них, которые при жизни брата были рядом, в одночасье изменились. Может, это только кажется, или я раньше этого не замечала. Мысль о том, что многие из окружения семьи теперь отвернулись от нас, разрывает моё сердце. В такие минуты я с благодарностью вспоминаю Сигнала, который был верен нам до последней минуты. Наверное, будь он жив, он, как когда-то, лизнув мои руки и произнеся взглядом: «Не плачь!», смог бы залечить мою израненную душу.

ГНЕЗДО БЕЛЫХ ЖУРАВЛЕЙ

Повести

СМАГУЛ ЕЛУБАЙ

МЕДНОЕ КОПЫТО

Западный ветер принёс с собой пронизывающий холод, а вместе с ним и перемену погоды. Небо стало серым, и солнце теперь показывалось редко. Всё чаще из-за горизонта наплывали тяжёлые быстрые тучи. Круглые сутки выл и свистел над долиной холодный порывистый ветер. И, словно в такт ему, кивали голыми ветвями редкие кусты и одиноко торчащие деревья. Высохшая, пожелтевшая степь была уныла и пустынна.

Умчалось прочь шумное лето. На пороге стояла зима, долгая и суровая. Заунывное пение ветра, сиротливый степной пейзаж, свинцово-серое небо над головой — всё напоминало об этом...

В холмистых песках Сарытаукума на южном берегу Балхаша царит оживление — сюда, на кыстау[1], потянулись кочевья чабанов. Над обильным травостоем, ещё не тронутыми пастбищами, далеко разносится шум кочевых караванов.

К зиме в Сарытаукум спешат не только люди. Все четвероногие и пернатые обитатели степи в это время года ищут убежища в песчаном краю: здесь под деревьями саксаула можно найти приют в лютую стужу и добыть немного корма. Даже пугливые джейраны стали небольшими стадами продвигаться в сторону кочевий.

Одно из таких стад вот уже более десяти суток находится в пути. Долгим жарким летом джейраны паслись на безлюдных окраинах Сарытаукума. Там редко рыщут волки, да и в разгар охотничьего сезона эти места самые безопасные.

Наиболее отдалённые пастбища лежат на расстоянии двух-трёх суток от водопоя, но джейранов это не пугает. Насытившись сухими травами, полные сил, они резво перебегают знойные пространства песков, чтобы утолить жажду. Их стройные, изящные, как у скакунов, ноги легко разверзают синюю завесу марева, ны-

[1] Кыстау — зимовье.

ряя в зыбкий мираж, и плавно летят над песчаной долиной. Ближе к осени джейраны вместе с окрепшим за лето молодняком покидают обжитые места и спускаются к воде.

...Вот уже более десяти суток стадо джейранов находится в пути. Ветер, дующий в спину, доносит сырой запах выпавшего где-то вдалеке снега. Холод порою пробирает до костей, поэтому животные днём и ночью пасутся и почти не отдыхают. Только перед рассветом им удаётся на пару часов сомкнуть глаза. Они изрядно прибавили в весе, крупы их округлились, вместо гладкого ворса выросла густая, пушистая шерсть.

Вожак стада — громадный старый самец с обвислой грудью. Джейраны давно уже убедились в его силе и осторожности, поэтому безропотно подчиняются его воле. Слишком много тайн и опасностей таит в себе этот мир — старый самец прожил большую жизнь, опыт его поможет им уцелеть. Он всегда впереди. Стадо внимательно следит за каждым его шагом, стараясь не отстать и по одному движению ушей уловить приказ.

После продолжительного, многодневного перехода джейраны вышли к небольшой лощине, окружённой низкорослыми холмами. Вереницей потянулись в центр. Лощина была голой, серой и со всех сторон продувалась ветрами.

Матки принюхались. Каждой весной у них проходил здесь окот. Самое благоприятное время. К первой половине мая лощина зарастала буйной зеленью, становясь непроходимой для многих обитателей степи. Вожак стада вспомнил об этих беззаботных днях и понуро опустил голову.

Три дня беспрестанно лил дождь, и вот наконец проглянуло светлое майское солнышко. Как только пригрело, пропитанная ливнем земля расцвела, покрылась густой травой.

По зелёной лощине рассыпались мирно пасущиеся матки. Подле резвятся и прыгают, точно чертенята, трёхдневные сосунки. На взгорке, отдельно от стада, стоит как изваяние старый самец. Только иногда он недовольно мотает головой, отгоняя назойливую муху, и, кажется, дремлет, то открывая, то закрывая веки.

Спокойствие вожака обманчиво. Он весь внимание. От его слуха не ускользнёт ни один звук, ни один шорох, донесённый вет-

ром. Джейраны вольно пасутся в ложбине, а вожак недвижно застыл повыше, с подветренной стороны. И так всегда.

Во время окота, в один из таких солнечных дней, старый джейран, как обычно, занял своё место на взгорке, издали наблюдая за стадом. Из ближнего оврага до его ушей то и дело доносился писк суслика. Внезапно он оборвался. Вожак мгновенно напрягся и прислушался. Писк возобновился, но стал резче и вдруг снова умолк. Похоже, суслик кого-то заметил. К его крику примешались испуг и тревога.

Выпрямив грудь, настороженно приподняв голову, старый самец замер на своём посту и напряжённо вслушался в неожиданно наступившую тишину. Вновь раздался приглушённый писк перепуганного суслика и вскоре опять смолк — видно, добежал-таки бедняга до своей норки.

Вожак ударил передним копытом землю, фыркнул и повернулся в сторону предполагаемой опасности. Мирно пасущиеся матки тут же оторвались от травы, выжидающе уставившись на своего защитника. Старый джейран весь подобрался, выкинул несколько шариков помёта, с беспокойством огляделся. Ещё издали он заметил два враждебно торчащих уха и громко, предостерегающе фыркнул.

Матки пугливо зашевелились. Вожак напружинился и отчаянно прыгнул туда, откуда показался хищник. Он увидел волка с первого прыжка и сразу определил самое безопасное для себя направление. Бросился прямо в степь, увлекая врага за собой. Только бы увести от стада.

Вожак летел как стрела, оставляя за спиной холмы, овраги, а вслед за ним, поджав хвост и уши, мчался серый. Так бывало и раньше. Старый самец частенько шёл на разного рода хитрости, чтобы защитить маток и неокрепший молодняк, обычно после нескольких перевалов враг уставал и отказывался преследовать его дальше. Однако сегодня тот и не думал отступать, наоборот, с первых же секунд сумасшедшей гонки стал настигать его, медленно и неотвратимо. Казалось, это длится вечность. Старый джейран уже не скакал, а только прыгал, широко раздувая ноздри. Усталость опутывала ноги, и он явственно слышал за спиной тяжёлое, хриплое дыхание волка.

Внезапно тугой воздух разорвал чей-то резкий, пронзительный свист. Серый зарычал. Джейран оглянулся и увидел, как огромная

страшная птица с кривым клювом накрыла преследователя и мёртвой хваткой вцепилась в него растопыренными когтями. Поднялась пыль...

Это случилось прошлой весной. Старый самец до сих пор не может забыть тяжёлого дыхания волка за спиной и железных когтей своей спасительницы.

Только две недели спустя стадо джейранов достигло Сарытаукума. Долгий изматывающий ветер сулил резкое похолодание. Но внезапно он утих. Солнце потускнело. Послеполуденное небо, укутанное тяжёлыми тучами, окрасилось в лиловый цвет.

Пески встретили джейранов нетронутым травостоем. Измученное длинной дорогой стадо остановилось на отдых.

Приближалось время короткого гона. Разжиревшие самки всё чаще крутились неподалеку от вожака. Вот и теперь, насладившись недолгим отдыхом, они принялись обхаживать старого самца и двух молодых джейранов, то и дело обнюхивали их, не давая покоя. Джейраны-двухлетки в прошлом году впервые спаривались. Им ещё не приходилось вести за собой стадо, но самцы здорово подросли, возмужали, головы их украсились большими рогами. От них так и несло каким-то особенным запахом, который магнитом притягивал маток и молодых самок.

Вместе с ветром, словно бахсы[1], лишившийся бесовской силы, замедлил своё движение и песок. Притихшая степь будто ждала от изменчивой погоды чего-то непредвиденного. Так и случилось. Вскоре ветер задул с новой силой, поднял зыбучие песчаные волны, загудел в кустарнике. Пошёл мокрый косой снег.

Джейраны вскинули головы и нестройно зафыркали, встряхиваясь от свежести. Свинцовое небо, казалось, медленно опускалось в объятия земли. Горизонт подёрнулся дымкой, лишь кое-где проступали неясные очертания дальних холмов.

Старый джейран слизывал с морды холодные хлопья и беспокойно озирался. В такую погоду нужно быть начеку. Порывистый ветер, играя мокрым снегом, беспрестанно меняет направление, и тогда невозможно уже ничего различить ни острыми глазами, ни

[1] Бахсы — шаман, знахарь.

чутким носом. Именно в такую пору холод и голод заставляют степных хищников рыскать повсюду в поисках лёгкой добычи.

Стадо снова тронулось в путь, затрусило мелкой рысью в глубь песков, постепенно набирая скорость. Джейраны мчались навстречу ветру, запрокинув в полёте головы и плавно перелетая через сопки. Только тонкие ноги их мелькали в воздухе. Мела позёмка, то обгоняя, то подгоняя животных, то кружась рядом. У подножия холмов быстро вырастали высокие острые сугробы, ближе к гривастым склонам их очертания становились шире и круглее.

С наступлением сумерек ветер стал крепчать и вскоре перешёл в буран. Джейраны нашли приют с подветренной стороны невысокого хребта. Обычно в такие минуты, когда позади изнурительная скачка, приходит долгожданный покой. Но сегодня этого не случилось. Низина заполнилась беспокойным движением.

Упитанные годовалые самки разделились на три группы и снова принялись обхаживать самцов. То и дело тишину нарушало громкое блеяние. Это самцы-двухлетки, отделив от стада какую-нибудь матку, резво гоняли её по долине. Им удалось отбить почти весь молодняк, и они прочно удерживали его подле себя, не давая примкнуть к остальным. Едва та или иная годовалая самка неосторожно подбиралась к большому стаду, как двухлетки, ловко орудуя рогами, мигом возвращали её обратно. Они держались отдельно от вожака и зорко следили друг за другом.

В конце концов между самцами вспыхнула ссора, из-за того что молодые джейраны, не приученные к порядку, перебегали с места на место и без конца смешивались. Двухлетки оставили в покое глупых самок и свирепо бросились навстречу друг другу. Ни один из них явно не собирался уступать. Выпучив по-бычьи глаза, отступив немного назад, самцы угрожающе выставили рога и ринулись в атаку. Раздался сильный треск, точно головы друг другу раскроили. Но нет — джейраны в полном здравии и снова рвутся в бой. В сгустившейся темноте никто не заметил, как из шеи одного из них хлынула горячая кровь. Только дикий ветер поймал и унёс в объятия ночи торжествующий клич второго.

Вожак обежал разрозненное стадо, и ему наконец удалось собрать джейранов в кучу.

А двухлетки тем временем продолжали свой жестокий поединок. Джейран, удар которого первым достиг цели, осмелел и храб-

ро бросился в новую атаку. Не давая сопернику опомниться, он быстро боднул его несколько раз в бока и живот. Тот как-то сразу обмяк, сломленный натиском более сильного, однако с поля боя не сбежал, хотя истекал кровью и еле держался на ногах. Новый удар в грудь поверг его наземь, и снова, собрав свои силы, он поднялся, но тяжёлые рога наступавшего тут же опрокинули его навзничь...

Победитель с налитыми кровью глазами гордо огляделся в поисках своего косяка. Только теперь он заметил, что самок отбил старый джейран. Широко раздув ноздри, самец в ярости ринулся к большому стаду и бесцеремонно принялся отгонять в сторону молодняк. На пути его встал вожак. Старого джейрана побаивались все — самки мигом бросили своего нового покровителя и во всю прыть умчались к родному стаду.

На голой сопке остались лишь самцы. Злобно уставившись друг на друга, они постояли так некоторое время и в конце концов, не решившись начать драку, быстро спустились к пасущимся сородичам. Их внезапное появление напугало старых маток, которые резко шарахнулись и устремились прочь, а вслед за ними помчались в панике и остальные.

Вожак и двухлетка поспешили за стадом. Сначала они скакали рядом, поочерёдно обгоняя друг друга, но затем резко остановились, словно не было вокруг степного раздолья, а только узенькая тропа, где кто-то должен непременно уступить. Они долго топтались на месте, толкались, норовя заступить друг другу дорогу, а затем обежали бок о бок небольшую лощину, точно кони, запряженные в одну телегу. Самцы были очень заняты друг другом и не ведали, что подгоняемое ветром перепуганное стадо оторвалось далеко вперёд. Схватка неминуемо приближалась. Спустя минуту джейраны уже сцепились рогами. Ноги их широко расставлены, копыта крепко вонзились в затвердевшую землю, дыхание участилось, глаза налились кровью и, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Сила не могла одолеть силу. Наконец самцы расступились, не сводя друг с друга глаз, готовые для нового наступления...

Дикая степь будто сошла с ума. Над нею властвовал снежный буран. Он выл и свистел, рвал на ветру кривые ветви саксаула.

Прибитые к земле кустики полыни отчаянно сопротивлялись, царапая почву своими высохшими стебельками...

Сквозь пургу и ночь тащится по пескам одинокий волк. Иногда он останавливается и, подставляя морду ветру, долго принюхивается. Сегодня ему не везёт — в такой буран трудно найти себе пищу из тёплой крови и мяса. Серый злится, он пришёл в Сарытаукум от далёкого берега густо заросшей камышом реки, потому что знал: с наступлением холодов сюда, в пески, перегоняются многочисленные отары. Но сегодня ему не везёт на лёгкую добычу.

Волк повернул навстречу ветру. Так охоту вести удобнее: ни одно животное не ускользнёт теперь от чуткого носа хищника. Перемахнув через несколько сопок, серый резко притормозил у неглубокого оврага, принюхался и снова помчался вперёд. Он остановил свой бег у густо разросшегося саксаула, согнулся, переводя дух, и осторожно пополз к лощине, точно кот, крадущийся за мышью. Снизу изредка доносился какой-то треск и слышался знакомый крик: «Бао-оо!». Подобравшись к самому краю возвышенности, серый вытянул морду и посмотрел вниз. В лощине дрались джейраны. Они не заметили его и продолжали схватку, яростно кидаясь друг на друга с разбега.

Волк начал потихоньку спускаться. Один из джейранов, не чувствуя смертельной опасности, всё ближе отступал к хищнику. Когда расстояние между ними сократилось до двух прыжков, волк подтянулся и, оскалив пасть, кинулся на свою жертву. Острые клыки его глубоко вонзились в бедро джейрана. Самец успел лягнуть хищника свободной ногой и едва не распорол ему брюхо, но серому всё же удалось свалить его.

Старый джейран, всё ещё охваченный азартом драки, подбежал к недавнему сопернику и остановился как вкопанный, но тут же очухался и умчался прочь от проклятого места.

Волк тем временем перегрыз своей жертве горло и бросился догонять второго джейрана. Самец словно сквозь землю провалился. Обегав лощину, серый вернулся к своей добыче. Из горла ещё не успевшего остыть джейрана фонтаном била дымящаяся кровь...

Так начался для вожака первый день зимы, прозванный в народе «днём дикой козы».

Старый джейран, напуганный страшной смертью молодого самца, долго скакал, не чуя под собой ног. Когда он понял, что волк отстал, понемногу успокоился и повернул назад.

За ночь земля укуталась белым покрывалом, и вожак не сразу напал на след джейранов. Он обошёл заросли саксаула, возле которых разгорелась недавняя трагедия, и мелко затрусил с подветренной стороны. Вскоре самец учуял знакомый запах джейранов. Наконец, на рассвете, ему удалось присоединиться к своему стаду.

Вьюга буйствовала три дня и три ночи, кружа и поднимая над степью снежную пыль. Небо надолго затянулось плотными серыми облаками. Ветер занёс снегом низины, набросал тут и там горбатые сугробы, оголил гривы холмов. Воспользовавшись этим, джейраны облюбовали невысокую гряду и подолгу паслись на свободных от снега склонах.

Хотя начало зимы выдалось буранным, в последующие месяцы вьюги и метели не донимали животных. Ударили сухие морозы, снег почти сошёл, и степь запестрела, как лоскутное одеяло. Каждое утро солнце, зевая, открывало глаза и, приподнявшись над горизонтом, цеплялось за вершины ближних холмов.

Короткий день богат событиями. На заре стадо джейранов будит далёкий крик чабанов. Утро наполняется привычными звуками: блеянием овец, лаем пастушьих собак, всхрапыванием лошадей. Ближе к полудню джейраны иногда встречают и самого чабана верхом на верблюде. Приходят в движение соседние стойбища, пастбища заполняют отары.

Порой покой пасущихся джейранов нарушают верховые. Это охотники, которые спускают на стадо целую свору горластых псов. Откормленные, брюхастые собаки вначале с самоуверенным грозным видом бросаются вслед за джейранами, но вскоре, не выдержав гонки, отстают у ближайшей сопки. И только долго висит в воздухе их злобный лай и доносятся крики охотников.

Вечером ветер приносит к стаду горьковатый запах дыма. Слабо мерцают в ночи далёкие огоньки. Ночью огромное пастбище

пустует и никто не мешает джейранам привольно пастись. Так продолжалось до середины зимы.

В один из дней повалил густой снегопад, а следом ударил крепкий мороз. Ноги джейранов утопали в снегу по самые колена. С севера налетел сухой пронизывающий ветер. Резко похолодало, снежное покрывало схватилось тонким твёрдым настом.

Небо очистилось, но слабые лучи далёкого солнца не дарили тепла. Мороз особенно страшен, если ему сопутствует голод. Первое время джейранам ещё удавалось добыть немного корма из-под наста. Однако с каждым днём это становилось всё сложнее. Достать какой-нибудь жалкий пучок полыни было всё равно что прорубить копытами лёд. Не то что пастись, даже передвигаться теперь было трудно: наст жестоко ранил ноги. Джейраны ходили гуськом, стараясь попасть след в след. А когда кто-нибудь из них набредал на высохший кустик, на скудную еду набрасывались все разом, мгновенно поглощая всё вплоть до корней.

Опустело и пастбище. Не видно больше ни старика чабана на верблюде, ни его отары, не будят джейранов по утрам крики пастухов.

Вожак не помнил настолько суровой зимы за всю свою долгую жизнь. Бывали здесь холода, и донимал порою злой ветер, выпадали обильные снегопады, но никогда ещё степь не сковывал такой ледяной панцирь. Обычно джейранам не составляло труда расчищать копытами снег и кормиться сухой травой. Нынешний голод вызвал в стаде настоящую панику. Особенно быстро, за какие-то три-четыре дня, сникли старые, ослабевшие матки.

...Снова над степью раскинула свои крылья глухая ночь. Чернеют на ветру ветки одиноких деревьев. Холодное осиротевшее небо освещают редкие тусклые звёзды. В поисках корма стадо бродит неподалёку от пастбища.

Ветер донёс до джейранов запах сена. Он витал где-то поблизости от чабанской стоянки, и голодные животные, забыв об осторожности, потянулись навстречу ветру. Душистый запах сена щекотал ноздри и навевал воспоминания о лете, о богатых зелёных лугах, о тенистых оврагах, по дну которых весело журчат ручьи...

Зная изменчивый характер погоды и помня суровые дни зимней бескормицы, чабаны ежегодно запасаются сеном для личного скота. Запах такого стожка и учуяло стадо джейранов.

Чабанское зимовье находилось в ложбине. Именно оттуда услужливый ветер принёс долгожданный запах еды. Джейраны почти вплотную подобрались к стоянке, пугливо заозирались и, не заметив ничего опасного, осторожно двинулись к стожку, сложенному во дворе зимовки. Вожак подбежал к сену первым, но тотчас же испуганно отпрянул в сторону: у стога стояла пёстрая корова с огромным животом и равнодушно пережёвывала жвачку. Если бы она чуть пошевелилась, джейраны бросились бы врассыпную, но корова даже не обратила на них внимания, и успокоенные животные во главе со старым джейраном потянулись к желанному сену.

Наступило утро. Из печной трубы чабанского домика заструился сизый дымок. Дверь открылась, и во двор вышел человек. Он зашагал в сторону стога, заметил джейранов и замер. Потом, будто опомнившись, быстро вернулся в дом. Вслед за ним вышли во двор ещё двое. Они тоже приблизились к стогу, с любопытством поглазели на джейранов и медленно, то и дело оборачиваясь, пошли назад. Джейранам совсем не хотелось оставлять тёплое место и добрую еду, они продолжали жадно хватать сено, время от времени поглядывая на чабанский двор. Голод пересилил страх.

Нехотя взошло низкое зимнее солнце. Возле дома засновали люди. Из дальнего угла двора выбежала, виляя хвостом, собака. Джейраны сразу заметили четвероногого врага, поочередно зафыркали, предупреждая друг друга об опасности, и устремились прочь. Но пёс уже увидел их, залился громким лаем и пустился в погоню.

— Ложись!.. Кому говорят, перестань! — сердито одёрнул его хозяин.

К первому псу присоединились другие чабанские собаки. Одной из них, лохматой и пёстрой, удалось нагнать старую обессилевшую матку. Она вцепилась в бедро своей жертвы и легко опрокинула её наземь. Подоспевшая свора дружно набросилась на бедную матку, а лохматая псина опять помчалась к стаду.

Ледяная корка наста больно резала ноги. От стада стал отставать молоденький годовалый козлёнок. Он сильно прихрамывал и пытался догнать сородичей, беспомощно подпрыгивая, словно заяц, но силы оставляли его. Вскоре лохматый настиг его и легко отбил в сторону. Вожак видел, как разъярённый пёс потащил по снегу отчаянно отбивавшегося джейранёнка и как не мог совладать с неожиданным сопротивлением...

Джейраны в панике рассыпались по степи. Когда вожак оглянулся, лохматый всё ещё гнался за стадом. Старый джейран пропустил сородичей вперёд, а сам стал потихоньку отставать, решив отвлечь преследователя на себя. Но собака не поддалась на этот манёвр и, заливаясь лаем, продолжила погоню. Вот-вот она настигнет стадо и пустит в ход свои клыки. И тогда вожак джейранов решился на отчаянный шаг: он резко повернулся, угрожающе выставил рога и ринулся прямо на врага. Вид его был настолько страшен, что пёс, не ожидавший нападения, трусливо поджал хвост и поспешно ретировался. К его великому удивлению, джейран и не подумал его преследовать. Это ещё больше взбесило лохматого, будто опомнившись, он яростно бросился в атаку, всем своим видом как бы говоря, что на этот раз пощады от него не будет. Однако и джейран оказался не из пугливых. Он выставил опять свои грозные рога и приготовился к ответному нападению. Пёс хорошо знал, что такое палка, а рога самца напомнили ему об этом. Забыв о своём праведном гневе, лохматый вновь отскочил назад. Так повторялось несколько раз. Когда со стороны аула подоспела пара других собак, возвестивших о себе громогласным захлёбывающимся лаем, старый джейран развернулся и взял в карьер, отвлекая противников от стада.

Джейраны тем временем вышли на большую дорогу. И хотя погоня безнадёжно отстала, разгорячённые животные продолжали скакать, благо по утрамбованному снегу это было куда легче. Дорогу накатали машины, время от времени сновавшие от пастбища к пастбищу, и окончательно продрогшие, измотанные скачкой животные наконец-то размяли ноги.

Избавившись от назойливых псов, нагнал вскоре стадо и вожак. Он был ещё не так уверен и спокоен, как обычно. Перед глазами старого самца то и дело всплывала недавняя картина: старая матка, растерзанная сворой собак. Он вспомнил, как отчаянно она пыталась уйти от смерти и как дразнили жертву кровожадные псы, то отпуская чуть-чуть вперёд, то вновь набрасываясь всей сворой. Они не пожалели и беспомощного годовалого самца. Вожак будто снова увидел перед собой лохматого и его свирепых спутников, готовых разорвать на куски любого...

В стаде поселился страх, несмотря на то, что джейранам удалось уйти. В их ушах всё ещё звучал лай собак. Ничто на свете не

удержит теперь животных в этом голодном и суровом краю, где нечем покормиться и где подстерегают их четвероногие враги. Поэтому и мчатся джейраны по укатанной дороге, будто убегая от собственной смерти. А навстречу метёт позёмка. Мороз крепчает и всё сильнее щиплет уши и ноздри. Им нужно найти новое пастбище — тихое, мирное, безопасное. Дорога стелется длинной лентой и убегает вдаль.

...Сначала позади раздался какой-то непонятный гул, а следом показалось и незнакомое существо, его издававшее. Оно не было похожим ни на одного обитателя степи и никогда раньше не встречалось джейранам. Главным было, пожалуй, то, что это существо не напоминало извечных врагов стада: ни страшных, сверкающих в темноте клыков, ни налитых кровью глаз. Правда, размеры его поражали воображение. Не почуяв никакой опасности, джейраны продолжили свой размеренный бег по накатанной дороге. Незнакомое существо беззлобно следовало за ними, кричало изредка что-то вроде «беп-беп!», а когда уставшие животные свернули в конце концов в сторону, умчалось восвояси.

Медленно завоёвывая пространство, на степь надвигалась ночь. Стадо наконец остановилось на отдых среди теснившихся вблизи друг от друга невысоких холмов. Вокруг ни звука, только лёгкий шорох ветра, играющего ветвями кустарника. Джейраны расслабились. Тишина бережёт от опасности, они хорошо знали это по опыту. Неоглядная степь, небесный купол, корявые ветви в зыбком свете луны и тишина... Стадо мирно пасётся на защищённой от ветра возвышенности. Измученные матки разрывают копытами снег и ложатся. Только два неугомонных козлёнка не знают покоя. Они беспрестанно мечутся из одного конца стада в другой, сиротливо блеют, обнюхивая самок. Вожак узнал их сразу — это детёныши старой матки, ставшей жертвой свирепых псов.

Глава стада дремал стоя, когда до его слуха донёсся далёкий шум. Он прислушался и узнал натужный гул того мирного и беззлобного существа, которое преследовало их сегодня по дороге. Гул не напугал его, даже усладил несколько слух. Вожак открыл глаза. Где-то вдалеке, пробивая толщу густого мрака, замерцал слабый свет. Гул доносился именно оттуда и понемногу усиливался. Джейран и ухом не повёл, он убедился уже в безвредности не-

понятного существа, поэтому его приближение не вызвало в нём обычной тревоги.

Мерцающий свет пробудил в голове вожака далёкие и смутные воспоминания.

Это было очень давно. Старый джейран как сквозь сон помнит те дни. Он только появился на свет, и мать принялась осторожно вылизывать его своим тёплым шершавым языком. Она ласково облизала его с ног до головы, даже слипшиеся глаза. И тогда он открыл их и впервые увидел мир. Нежную зелёную траву, на которой лежал, обступившие уютный островок холмы... Он был у ног своей матери и с любопытством разглядывал белый свет, а мать, наклонившись к нему, продолжала его нежить и ласкать.

Он ничего ещё не смыслил, лишь внутренний инстинкт подсказывал ему, что надо подняться на дрожащих ножках, чтобы пососать. А когда силы оставляли его, он смешно плюхался на землю. Только это и усвоил маленький джейранёнок: когда ты голоден — нужно сосать, а когда сыт — ложиться спать.

Однажды задул от ближних холмов холодный ветер, кругом замелькали какие-то неясные тени. Маленький джейран трусливо съёжился и замер, как перепуганный насмерть зайчонок. Он весь дрожал от страха и с надеждой смотрел на пасущуюся неподалеку мать, но та не обращала на него никакого внимания. И тут началось самое страшное. Небо за какой-то миг почернело. Над головой раздался ужасающий грохот, на секунду всё вокруг осветила яркая вспышка. Он вскочил с места одним рывком. Это был его первый прыжок, и тогда он понял, что ноги ему даны для того, чтобы бежать.

Потом ему ещё не раз приходилось видеть мечущиеся по небу огни, которые чаще всего появлялись весной. Он привык к ним и больше уже не пугался.

Мерцающий вдали свет так похож на огни детства. Длинные лучи его то касаются неба, то зарываются в степь. Так непривычно видеть их зимой.

Гул нарастал, вот уже слышен у ближних холмов. Навстречу ему выбежали осиротевшие козлята — может, вернулась мать...

Вожак встрепенулся. Далёкий свет теперь кувыркался по склонам холмов, приближаясь к стаду. Беззлобное существо вскарабкалось на холм и резко остановилось. Ревущий гул сменился монотонным гудением.

Длинная полоса света описала круг по степи и подкралась к стаду сзади. Джейраны настороженно следили за странным явлением. Свет снова скользнул по верхушкам кустарников, выхватил на мгновение из темноты животных и замер в нескольких шагах от стада. Животные по-прежнему неподвижно наблюдали за его перемещениями. Глаза их сверкали зелёными огоньками, точно осколки бутылочного стекла. Опять послышался гул, и непонятное существо медленно направилось к стаду. Запрыгали длинные тени, в неверном свете кусты бесконечно меняли свои очертания.

Только теперь джейраны зашевелились. Суетливо помахивая хвостиками, поспешно кинулись бежать, но продолжали оглядываться. В их беспорядочных движениях угадывалось недоумение. В такие моменты вожак стада обычно подаёт сигнал тревоги, но сегодня он спокоен. Видимо, нет причин для волнения.

Незнакомое существо с горящими глазами медленно подбиралось к стаду, ломая на пути кустарник. Повеяло резким запахом горючего. Старый самец громко фыркнул, но в это мгновение свет погас и степь окунулась в непроглядный мрак. Ослеплённые неожиданной теменью, джейраны сбились в кучу и в замешательстве метались то в одну, то в другую сторону.

Вновь стало светло. Вожак увидел, что стадо помчалось прямо на свет. Пара осиротевших козлят подскакала к самому существу, от которого несло неприятным запахом, и резко остановилась. Любопытные джейранята вытягивали длинные шеи, принюхивались. За ними ложились на землю длинные кривые тени.

Изнутри странного существа раздались непонятные звуки: какой-то шум и щёлканье. Козлята испуганно зашевелились, а к ним уже приближались, обнюхивая землю, осмелевшие матки. Всё стадо столпилось в лучах света. Вдруг прогремел страшный грохот, от которого зазвенело в ушах. Запахло дымом. Один из козлят внезапно дёрнулся вперёд, подлетел вверх и плашмя шлёпнулся на землю. Снова раздался грохот, ещё и ещё. Несколько маток разбросала в стороны какая-то неведомая сила. Всё вокруг заволокло струйками едкого дыма.

Вожак недоумевал. Всё понятно, когда имеешь дело с живым врагом и вступаешь с ним в смертельную схватку. А этот неведомый враг косит всех без разбора. Игривые вспышки яркого огня ослепляют и не дают опомниться. А матки, отчаянно вскрикивая, падают одна за другой, разрывая судорожно бьющимися копытами снег.

Сегодня вожак жестоко ошибся. Теперь он знает, что безобидный свет несёт с собой смерть. Старый джейран присоединился к сородичам, сумевшим ускользнуть от безжалостного врага, и вместе с ними метнулся в степь. Он знал: бег — это залог к спасению.

Матка, бежавшая бок о бок с вожаком, неожиданно споткнулась и перевернулась на спину, но тут же встала на ноги. Видимо, она не оправилась после падения, неуклюже передвигала ногами и спустя минуту свалилась в неглубокий овраг. Джейраны промчались мимо. Матка попыталась встать, но не смогла. Вожак остановился, обнюхал её дрожащее тело. В больших чёрных глазах самки застыла немая мольба. Старый джейран понял, что ей уже не подняться. Он поспешил вслед за стадом, а когда обернулся на миг, увидел, как матка опять рванулась вперёд и без сил упала.

Джейраны спустились в окутанную темнотой ложбину и перешли на рысь. Их уже не преследовал свет, только слышны были вдалеке негромкие голоса. В ушах всё ещё стоял грохот выстрелов. Свет, от которого некуда деться, ядовитый дым, выжигающий глаза, неподвижное жуткое чудовище, несчастные матки, падающие одна за другой, — никогда прежде не сваливалось на вожака подобное несчастье. Он даже не ведал, что может случиться такое. От огромного стада, некогда заполнявшего собой долину, осталась жалкая кучка животных, которые свободно умещались на одной тропке. Старый джейран никогда не забудет умоляющих глаз той матки, оставшейся в темноте оврага. Как хотел он помочь ей, но это было не в его силах.

Сейчас, когда погони нет, кажется, опасность миновала, смерть осталась на этот раз где-то позади, в недрах ночи... Но что это? По верхушке сопки вновь заскользил ненавистный свет. Вожак громко фыркнул, и испуганные джейраны попятились. Знакомый длинный луч кружил по степи в поисках стада.

Бежать, бежать!.. Джейраны устремились за своим вожаком, но, когда они выскочили из оврага, навстречу им злобно сверкну-

ли огненные глаза беспощадного врага. Животные повернули назад, в спасительную черноту оврага. Вожак кинулся следом, но земля вдруг исчезла под его ногами — это погас свет. Он испуганно отпрянул. В тот же миг раздались новые выстрелы, от которых небо будто раскололось на мелкие осколки. Вновь запахло дымом. В темноте заплясали огненные блики.

Вожак в отчаянии носился между холмами, не зная, за каким из них его ждёт спасение, а за каким подстерегает смерть. Он чувствовал — панике поддались и остальные джейраны, однако страх свой побороть так и не смог. В темноте ноги его коснулись чего-то мягкого — это было тело старой матки. Он бросился прочь от проклятого места и ударился грудью обо что-то незнакомое и твёрдое, чуть не переломав кости. Ему казалось, что выхода из этой ловушки нет, что за каждым кустом его караулит враг. И тут над самым ухом прогремел уже знакомый грохот. Вожак прыгнул изо всех сил, выбросив ввысь натянутое до предела тело. Он был уверен, что стоит хоть на миг расслабиться, как враг неминуемо его настигнет. Железные копыта джейрана почти не касались земли, ноги выпрямились как стрелы. Ничего не видя вокруг, он то и дело налетал на колючий кустарник, проваливался в сугробы, на всей скорости скатывался кувырком в неприметные овраги, но тотчас же поднимался и яростно продолжал дикую скачку. Он ничего уже не ощущал — ни сильного мороза, ни встречного ветра, тело его взмокло и покрылось пеной, из разгорячённых ноздрей валил густой пар...

Джейран оставил далеко за собой голую неприглядную степь, легко взлетел на перевал. Глаза его начали постепенно выхватывать из темноты неясные очертания окружающего мира. Близился предрассветный час. Он наконец остановился и оглянулся назад. Далеко у горизонта таяли в дымке знакомые холмы, и меж ними сверкнули слабо огненные глаза чудовища. Они удалялись и были уже не так страшны. Вожак долго и пристально следил за неверными огнями, пока те совсем не исчезли. Никогда больше не доверится он скользящему свету.

Старый самец выбрался на дорогу и поскакал мелкой рысью. Потом остановился, оглянулся — позади простиралась необъятная степь с ярко очерченными на горизонте холмами. Узкая цепочка одиноких следов на снегу, и ничего больше. Он бесконечно

устал. Кажется, можно и передохнуть. Прилёг на минутку у невысокого кустика и не заметил, как уснул.

Когда он открыл глаза, перевалило далеко за полдень. Тело дрожало от лёгкого озноба, просыпался голод. Вожак встал, отряхнулся от снега. Маленькая ложбина с трёх сторон была окружена склонами невысоких гор, и только с востока открывался выход в низину. Джейран медленно двинулся по своему следу.

...Над тем местом, где ночью погибло стадо, кружила стая ворон. Вожак спустился к знакомому оврагу, в котором смерть настигла старую матку. Вспугнутые птицы, громко каркая, взлетали из-под самого носа. Тело матки по-прежнему находилось там. Джейран резко остановился, поражённый ужасной картиной: вместо больших чёрных глаз самки зияли пустые глазницы, шкура на брюхе вскрыта, внутренности выклеваны.

Он понуро побрёл к месту гибели стада. Никаких следов, никаких запахов — ничего не говорило о том, что кому-то удалось уцелеть в эту жуткую ночь. И тогда вожак поскакал, бешено набирая скорость. За ним тянулся лишь его собственный след. Впереди показался округлый холм. Джейран поднялся на его вершину и вдруг увидел лощину, на которой проходил весенний окот самок из его стада. На какое-то мгновение в памяти вожака всплыли безмятежные счастливые дни цветущей весны, но призрачное видение тут же растаяло.

Кругом только бесконечная снежная ширь. Во все стороны, куда ни кинь взгляд, стелется безбрежная степь, застывшая в вечном молчании. Кажется, из этого огромного мира откочевала куда-то всякая жизнь. И никого не осталось на сотни вёрст вокруг в этом глухом замёрзшем пространстве, кроме одинокого джейрана. Только теперь вожак по-настоящему ощутил бездну грозящего ему одиночества, предстоящая жизнь показалась ему душным мирком, который будет стискивать его до конца дней, нагоняя смертельную тоску и страх.

По бледному вечереющему небу пролетела одинокая птица. Он вздрогнул от шелеста её крыльев. Куда летит она и откуда?.. Птица взмыла вверх и вскоре, превратившись в едва видимую точку, слилась с тусклым зимним небом.

Одинокий джейран не двинулся с места. Он стоял и стоял на вершине холма, точно каменное изваяние.

МОЛДАХМЕТ КАНАЗ

ЧИКА — СЫН ДАБЫЛА

Чика — немец

Вчера вечером женщины нашего аула все до единой собрались в доме Танзилы, чтобы отметить шильдехану — смотрины ребенка, хотя тётушка Танзила вовсе никого и не рожала. Она привезла из города взрослого мальчишку, моего ровесника. Женщины пили чай, ели жаренную на масле пшеницу. Утром я услышал краем уха мамин шёпот: «Сын-то Танзилы, свет мой, ни капли не похож на мусульманина. Говорят, он из немецкой семьи», и тут же, сунув босые ноги в старые калоши, побежал к тёте Танзиле.

Посреди комнаты сидел рыжий мальчишка, веснушчатый-веснушчатый, прямо пёстрый, как сорочье яйцо. Глаза прозрачные, будто льдинки. Нос прямой. Шея тонюсенькая. Ни дать ни взять, немец. Настоящий! Я скорей к Акботе рассказать. Привёл Акботу, а там и другие прослышали, набежали. Даже Жумажан, и тот не выдержал, пришёл. Собрались мы во дворе на солнышке, обсуждаем мальчишку, которого Танзила привезла из города. Я говорю: «Он такой рыжий-прерыжий. Даже рыжей меня. А шея тонюсенькая, всего с волосок». И тут он сам появился во дворе.

— Вон, вышел, — толкнула меня Акбота.

— Идом.. идом, — сказал Жумажан. Он у нас самый бойкий. К ребятам на станцию бегал в другой аул. По-русски чешет без запинки. — Не баяться... Не баяться... Мы кушайт не будум.

Мальчик подошёл поближе. На голове у него новёхонькая пилотка с красной звездой, подпоясан кожаным ремнём со сверкающей золотом пряжкой.

— Пошём? — спросил Жумажан, кивнув на пилотку. Все остальные молчат, будто в рот воды набрали.

— Не... не...

— Му-у, му, — передразнил Жумажан. — Ты что, телёнок? Ну, му-у, му-у, — перешёл он на казахский.

— Не продаю.

— Пырдаёшь... Пырдаёшь... — и Жумажан опять со значением произнёс по-казахски: — я тебе говорю, продаёшь. Рубль!

— Не ори! Не буду продавать...

Мальчишка засунул руки в карманы и вызывающе встал против Жумажана.

— Э-э, да это же немец. Врезать ему надо. Это же фашист, — повернулся к нам Жумажан. — Не советский, — обратился он к мальчику. — Шистай фашист. Перед фашиса! Перед! — с этим возгласом Жумажан кинулся на противника. Я бросился мальчишке под ноги, Жумажан толкнул его, и тот опрокинулся на землю. Жумажан уселся на него верхом и принялся дубасить. Кисык тоже не остался в стороне, я же, изловчившись, пнул чужака что было силы. «На, фашист, на! Получай!»

Во двор выбежала Танзила, и мы все бросились врассыпную. Танзила, конечно, первым делом пойдёт к нам и пожалуется. Мне нужно переждать, чтоб не попасть маме под горячую руку. Пусть поостынет пока. Я, пригибаясь, проскользнул на сеновал. Здесь я лежал и вспоминал, как в прошлом году погиб на фронте отец. Тогда мама раздирала в плаче лицо: «Чтоб не видать тебе добра, фашист. Будь проклят. Да придёт на тебя погибель, фашист! Да сгинет всё твоё племя!»

Мы соседи

Танзила наша соседка, поэтому, как только приходит письмо от Дабыла, она спешит к нам и просит меня прочесть. И мне же приходится писать ответ.

Вечером к нам зашла Танзила. Я похолодел. Только б она не рассказала про драку.

— Рыжий, напиши дяде письмо. Соскучился, небось, по родным. Пусть хоть новости узнает, — сказала она приветливо.

Я перевёл дух. Мигом взял ручку, начал писать. Письма всегда начинались одинаково. Не дожидаясь диктовки, я выводил: «Здравствуй, дорогой наш Дабыл! Пишет тебе твоя верная супруга Танзила. Мы все живы-здоровы, чего и тебе желаем». Дальше Танзила начала диктовать: «Да хранит тебя Бог, и да будет тебе опорой воинственный дух твоих предков.

В первых строках своего письма спешу сообщить, что у нас большая радость. Суюнши[1], дорогой, суюнши. Ты стал отцом. Сбылось твоё желание. Теперь дома тебя ждут двое. Радуйся. Я съездила в детдом. И вот сын у нас появился. Ему одиннадцать лет, ходит в четвёртый класс. По-казахски говорит хорошо. Хотела было взять казаха, да подумала-подумала и решила, что так будет лучше. А вдруг завтра объявится кто-нибудь и скажет: «Моё дитя», и останемся мы проливать слёзы. По этому случаю пришлось прирезать чёрную овцу. Документы помог получить наш однорукий дядя.[2] Фамилию мальчику дали — Дабылов. Имя — Бахытжан. Специально так назвала — Бахытом, авось, бог смилостивится — будет счастливым. В детдоме видела дочку дяди Танирали. И помнишь, у нашего кривого деда был сват? Так его сын тоже там. Бедняги. Да что поделаешь? Слава богу, государство кормит их и одевает, — не пропадут. Так и живём, ждём тебя с нетерпением. Особенно сын ждёт не дождётся. Лишь бы ты вернулся живой и невредимый. У нашей снохи Сылкым три козы попали под поезд.

Торебала прислал письмо. Пишет, что будет проездом числа пятнадцатого. Хочу через него передать тёплые носки, рукавицы. Масла насобирала, пришлю, хоть отъешься немного.

Пиши чаще.

Твоя супруга Танзила.

7 апреля 1943 года».

Танзила вытащила из кармана потёртый треугольник письма, бережно развернула его и положила передо мной. Я надписал адрес.

Мама запретила драться

Мама сказала, чтоб я больше не дрался с Бахытжаном. Говорит, что стыдно нам драться, потому что мы соседи, да к тому же ещё и родственники.

— Какой же он нам родственник, он же немец, — возразил я. — Немцы же воюют с нами? И папу тоже немцы убили.

---

[1] Добрая весть или подарок за неё.

[2] Танзила, соблюдая обычай, не называет по имени родственника мужа.

— Нельзя так говорить. Твоего папу убили не немцы, а фашисты. Фашисты — это совсем другие немцы. Если не веришь, спроси у учителя. Он так нам объяснил на собрании. А потом Бахытжан — казах. Его папа — Дабыл, а мама — Танзила.

— Ты же сама вчера говорила, что он не похож на мусульманина.

— Когда?

— Вчера.

— Замолчи. Чтоб я больше не слышала. Он сын Дабыла. — Мама со звоном опустила медные щипцы, которыми ворошила угли. Взметнулось облачко золы. — Запомни: он сын Дабыла. Понял? Сын Дабыла.

Иду к учителю

Наутро я пошёл к своему учителю. Он всё знает. Учитель русского языка приехал в нашу школу в прошлом году. Мы записали в дневнике «Сердалы Ахантаевич Ахантаев», но все называют его просто «мугалим» — учитель. И мы тоже зовём его так. Он не сердится. Соберёт народ в клуб, читает лекции. Никто, кроме него, так не делает. А в бумажку даже не заглядывает. Все только удивляются, как много он знает. Он усадил меня на табурет и тихо стал объяснять:

— Немцы и фашисты — это не одно и то же, Ертас. Есть между ними разница. Фашисты — это те, кто воюет, чтоб отнять у других народов землю, превратить их в рабов, заставить их работать на себя, а непокорных истребить. Они готовы всю землю потопить в крови, грабить, жечь, убивать. Самый главный кровопийца — Гитлер. Мы воюем с фашистами. А немецкий народ не хочет войны. Среди немцев рождались великие люди.

Учитель рассказал мне про немецких поэтов и писателей. Ещё я узнал, что среди немцев есть даже коммунисты, но у них такие трудные имена, что я тут же все забыл. Но зато я понял, что не все немцы — фашисты. Учитель всегда говорит правду.

Бахытжан умеет разговаривать по-казахски

Бахытжан, оказывается, знает казахский язык. Утром я увидел, что он сидит на солнышке, строгает деревяшку. Ножичек у него

замечательный, с костяной ручкой. Сидит себе строгает. Я подошёл поближе, спрашиваю его по-русски:

— Бахытжан, твоя казахский знает?

— Зна-аю, — протянул он и улыбнулся.

Я прямо рот разинул. Так у него ловко получается по-казахски, да ещё совсем не сердится. Видно, не обижается за вчерашнее. Я ещё несколько шагов сделал и с опаской думаю: вдруг он прикидывается; подойду ближе, а он бросится. Вообще-то я успею убежать. Но пусть только попробует, пойду расскажу Жумажану. Нет, драться он не хочет. Подвинулся, чтобы я сел рядом.

— Вот, тачанку мастерю.

— А что это?

— Чапаев ездил на такой лёгкой тележке.

— Ну-ка, ну-ка... — потянулся я.

— Подожди, сейчас... Вот только колёс нет.

Я сразу вспомнил, что в прошлом году закинул за печку игрушечную машину, и побежал за ней.

— Сейчас принесу.

Машина вся была помята, но колёса оказались целы. Бахытжан обрадовался.

— Здорово... Хочешь я тебе звездочку подарю? Возьмёшь?

— Возьму, конечно.

Он достал из кармана звёздочку и протянул мне. Красную звезду с серпом и молотом. Пристегнуть звёздочку к ушанке, то-то ребята удивятся. Сверкает — глаз не отвести. У меня сердце заколотилось от радости и благодарности. «Бахытжан не фашист, он немец», — подумал я.

Пришла весна

В наш аул пришла весна. Глубокий снег на склонах гор растаял и бурным потоком устремился по ущельям. Мы развлекались, пуская бумажные кораблики. Все собаки из аула убежали в горы охотиться на мышей. «Прыг-скок», — резвятся на негнущихся ножках крохотные ягнята на выпасе. Нияз — бригадир — объезжает аул на своём пегом коне и созывает народ на работу. Дети все тоже на пашне. Взрослые делают лунки, а мы разбрасываем семена. В каждую лунку отсчитываем по десять-пятнадцать семечек.

Нам нравится, что мы как взрослые работаем. На усталость или скуку не жалуемся. Возвращаемся затемно. Детей по двое, а то и по трое подсаживают на волов. Так и возвращаемся верхом.

Мама будит меня

Мама разбудила меня очень рано:

— Вставай, Ертас, вставай.

Я спросонья испугался.

— А? Что?

— Ты что лежишь? Все уже ушли на дамбу. Стыд какой. Одевайся скорей. Пойдём.

С лопатами и тяпками мы пошли мимо станции к дамбе. Возле дамбы толпился народ. Здесь не только наши колхозники, пришли люди и со станции. Длинная цепочка тянется от насыпи до самого подножия гор, откуда носят дёрн и землю. За дамбой, насколько хватает глаз, раскинулось безбрежное море. Водой затопило камышовые заросли. Но и насыпь растёт всё выше. «Не удержать. Видите, как за час поднялось», — озабоченно хмурятся взрослые. По эту сторону дамбы распаханное и засеянное поле. Если насыпь размоет, то посевы пропадут.

Я в паре с одним мальчишкой таскаю землю на носилках.

Пришла тётя Танзила с Бахытжаном.

Станционные мальчишки удивились новичку.

— Ертас, эй, Ертас! Откуда он взялся? У нас же в ауле вроде не было такого?

— Он что, татарин? — наперебой спрашивали меня мальчишки.

— Это сын тети Танзилы. Бахытжаном зовут. Она недавно ездила в город, родила вот.

Они начали потешаться.

— Да ты что, Ертас? Вот ты даёшь! Разве такими большими рождаются?

Подняли меня на смех. А Жумажану только это и нужно. Сразу стал задираться.

— Да врёт Ертас! Его зовут Чи...и...ка! Это фашист — сын немца! Вы только посмотрите на его рожу!

— А...а, чтоб язык у тебя отсох! Задам я тебе трёпку! Ну-ка, иди сюда. Поймайте-ка мне его!

Это тетя Танзила, бросив лопату, кинулась было к Жумажану, но он успел убежать.

С тех пор Бахытжана стали звать Чикой.

Как затопило нижний аул

Утром я вышел во двор и только стал потягиваться, как на крыше соседнего дома увидел Бахытжана. Он заметил, что я смотрю на него, и нетерпеливо замахал руками: «скорей, мол, сюда. Я быстренько вскарабкался по деревянной лестнице на крышу сарая.

— Смотри туда! Вон, вон!

Нижний аул затопило. С крыши всё было видно как на ладони. Восемь домов вода затопила по окна. Ещё немного, и затопит дом Акботы. Толстый деревянный кол во дворе их дома, к которому привязывали корову, едва виднеется. Только самая верхушка над водой.

Вот вода подобралась к пирамидке сухого кизика. Куча легко всплыла, и по водной глади разбежались, завертелись лёгкие кругляшки. А там плывут, как корабли, четыре корыта. По крыше дома почтальона Бостая метался пёстрый щенок. Присядет, поднимет морду и взвоет, а то, жалобно повизгивая, носится кругами. Жалкий такой.

Хлопочет толпа людей на берегу: выносят вещи из затопленных домов, суетятся.

Бабушка Кунимхан забыла отвязать корову. Бедное животное хочет высвободиться, пятится назад и рвётся что есть мочи.

С тяжёлым уханьем рухнул дом почтальона Бостая. Взметнулся под небо столб воды. Те, кто был на берегу, громко ахнули.

Пёстрый щенок, который бегал на крыше, исчез, но потом мы увидели, что он изо всех сил гребёт к берегу.

Мы помогаем Акботе

На другой день мы с Бахытжаном пошли к Акботе. Затопленный дом надо было разобрать, и мы решили помочь им.

— Знаешь, Кали, старший брат Акботы в армии. Они с мамой одни. Давай поможем им, — сказал я Бахытжану.

— Давай, — сразу согласился Бахытжан.

К дому Акботы мы брели по воде. На самом глубоком месте вода доставала нам до подбородка. Акбота обрадовалась нашему приходу.

— Мама, смотри, к нам тимуровская команда.

— Ну, молодцы. Вы, оказывается, настоящие джигиты. Теперь мы живо управимся.

Вначале мы разобрали крышу. Чика два раза провалился в яму. Как шлёпнется в воду, а потом выбирается весь мокрый. Не жалуется. Мы с Акботой хохотали до упаду, а мать пугалась.

— Ты не ушибся, милый? Смотри, осторожней. Оставлять добро жалко, всё может пригодиться, не то...

— Ничего. Подумаешь...

Я тоже слетел со стены. Бултых прямо в воду! Сперва напугался, а потом успокоился. В воду падать, оказывается, совсем не больно. Я даже хотел как бы невзначай снова упасть. Чтобы Акбота поглядела...

Мы увязали несколько балок вместе и потащили к берегу. Лёгонькие. Несутся, разрезая воду, будто корабль, и постукивают: тук-тук, тук-тук.

— Чика, залезай!

Бахытжан тут же забрался на плот.

— Давай, — азартно кричал он. — Точно пароход! Плыви, мой пароход! Плыви!

На балках можно было даже стоять, как на палубе корабля.

Мы ещё два раза оттаскивали по воде балки к берегу. Теперь прокатили Акботу. Жумажан стоял в стороне и наблюдал за нами. «Чи...ко...о! Чи...ко...о!» — дразнил он Бахытжана. «Э...эй! Толстяк! Размазня!» — издевался он надо мной. Ему не нравится, что мы с Чикой сдружились. Сгорает от зависти.

— Молчи, — сказал я Чике.

— Ладно.

Жумажан долго кривлялся на берегу, но мы так и не отозвались. Наконец он понял, что зря старается, и ушёл.

Мы посадили тополя

Чика, я и Акбота посадили три тополя. Делали мы это тайком, чтоб не узнал Жумажан. А придумала всё Акбота. Нам с Чикой такое бы и в голову не пришло.

Посевы у реки затопило, и Нияз-бригадир велел распахать новый участок и посадить там дыни и арбузы. Когда ребят распределяли по звеньям, нас троих оставили на бахче. Жумажана направили в другое звено. Но мы его видели часто. Он был возницей и ездил на телеге мимо нас к просяному полю. Оно находилось далеко от аула за горами.

Однажды Акбота предложила:

— Знаете, мальчики, давайте посадим деревья. Вернётся мой брат из армии, приведём и покажем, что мы сделали. Он может лук со стрелами потом смастерить из веток.

— А клюшку?

— И клюшку может.

— Когда деревья вырастут, не то что клюшку — телегу можно сделать.

— Давайте посадим.

— Ну пошли.

Мы попросили мою маму, и она, когда поехала в очередной раз на станцию, срезала для нас с тополя три веточки. Мы не сказали ей, зачем они нам понадобились. Вообще решили никому не рассказывать. Пусть это будет нашей тайной, не то прослышит Жумажан, живо повыдёргивает саженцы, наделает себе стрел.

Наутро мы прибежали на бахчу пораньше. На обочине дороги среди зарослей тростника посадили деревца. Ни одна душа их не обнаружит. Да и кто узнает о них? А чтоб никто не заподозрил, мы дали обещание даже близко не подходить к этому месту. Пусть растут.

Кали отправился на фронт

Кали — брат Акботы — два месяца назад был призван в армию и проходил подготовку под Алма-Атой, а теперь он отправляется на фронт. Сегодня его поезд должен пройти через нашу станцию. Бостай-почтальон принёс в дом Акботы телеграмму. Тетя Танзила приготовила для Дабыла большую посылку, решила передать её через Кали.

В ауле не осталось ни одного мальчика, все отправились на станцию в Бекбаул. Всем хотелось увидеть Кали, попрощаться с ним. Больше всех, конечно, предстоящей встрече радовалась Акбота. Она просто не могла устоять на месте.

Наконец, в клубах дыма и пара, прибыл поезд. Солдаты спрыгивали на перрон один за другим. Было их видимо-невидимо, все в форме, и все похожи друг на друга. Мы в растерянности метались от вагона к вагону.

— Мама! Акбота! — вдруг раздался крик. Слева вдоль вагонов бежал Кали. На пилотке точь-в-точь такая же звезда, какую мне недавно подарил Чика. Самый что ни на есть настоящий солдат. Прибежал, подхватил сестрёнку на руки, прижал к себе. Тут подоспела их мама, обняла обоих, плачет. Кали обрадованно смеётся. Мы окружили их плотным кольцом, ждём, когда нас заметят. Кали каждого поднял на руках, расцеловал и только Чику не узнал.

— Ой, а это чей же?

— Это мой, Торебала. Мой Батхытжан, — ответила Танзила.

— Это...

— Да-да, тот самый. Помнишь, в ауле не было врача и меня увезли рожать в город, а там его украла цыганка? Помнишь, как долго мы его разыскивали? Вот, нашёлся... Скажи отцу, что видел его сына. И захвати это, передашь ему... хоть отведать домашнего. Скажешь, что Бахытжан прислал. Не забудь, Бахытжаном зовут.

Танзила сунула Кали туго набитый мешочек, сшитый из пёстро-синего ситчика.

— Если встречу...

— Живы будете, встретитесь. А через кого я ещё передам? Отдашь из рук в руки. Вся надежда на тебя...

Кали вытащил из сумки красивую синеглазую куклу для Акботы. Мы, мальчишки, получили значки в виде парашютиков.

Какой-то солдат выбрался из толпы и протрубил в горн. Тут же на станции зазвонил медный колокол. Раздался свисток. Все солдаты бросились по вагонам. Только Кали задержался, потому что и мать, и Акбота повисли на нём с плачем, не отпускают. Мы долго бежали вслед за вагонами.

— Возвращайтесь, дяденьки! Вернитесь живыми!

Поезд уходил всё дальше. Мы уже не могли угнаться за ними. И вдруг мне захотелось громко-громко закричать-заплакать. Точно так же я бежал за вагонами, когда провожал папу. И тоже кричал: «Папа, возвращайся! Вернись живым!»

Мы опять встречаем поезд

Акбота, Чика и я опять пошли встречать поезд. Утром мы собирались пойти на работу, но Акбота сказала:

— Давайте пойдём на станцию.

— Зачем?

— Вдруг Кали проедет.

— А если бригадир Нияз узнает? Сердиться же будет.

— Да он на просо уехал. Пока приедет, успеем вернуться.

Тут и Чика говорит:

— А вдруг и мой папа проедет?

— А разве ты узнаешь своего папу?

— Нет. Но он-то меня узнает. Он же видел меня маленьким. До того как меня цыгане украли.

Мы спустились в лог и, обогнув аул стороной, побежали на станцию. Устроились мы на вершине пригорка, чтоб никому не попадаться на глаза. Если подойдёт состав с солдатами, можно будет спуститься к станции. Останавливались два поезда, но там солдат не было. Мы подождали ещё, но больше поездов не было.

— Ага, попались! — раздалось вдруг неожиданно у нас за спиной. — Сбежали с работы и сидите поплёвываете?

Смотрим, а это Жумажан. Выследил всё-таки нас.

— Чего расселись, беглецы?

— Мы хотели посмотреть, не проедут ли солдаты.

— Солдаты вчера проезжали. Теперь не ждите. Давай на работу, папа вас зовёт, — соврал Жумажан. Мы промолчали.

Из ущелья Жаргантау появился товарняк. Он вёз машины.

— Пять первых машин — мои! Пять — мои! — раньше нас успела выкрикнуть Акбота.

— А те синие мои!

— Остальные все мои, — запоздало сказал Чика.

— Врёшь. Остальные будут моими, — с угрозой проговорил Жумажан. — Потому что это не немецкие машины. Советские.

— Я не немец. Я сын Дабыла.

— Фьюить! — презрительно свистнул Жумажан. — Кого ты обмануть хочешь? Да ты посмотри на себя в зеркало! На кого ты похож? Фашист ты и есть фашист. Ты хоть видел фашистов на картинках?

— Да это из-за того, что я у цыган долго прожил, — отчаянно вскричал Чика, оттолкнув Жумажана. Жумажан взял и пнул Чику прямо в живот. Тут я не вытерпел. Разбежался, как двинул ему головой в бок. Жумажан понял, что ему с нами двоими не справиться, побежал. Отбежал подальше, дразнит меня: «Эй ты, размазня, предатель!» И ещё пригрозил: «Вот увидите, я покажу вам всем!»

Ну и пусть дразнится. Его никто не трогал, сам напросился — зачем приставать к людям?

Он был уже далеко, когда мы спустились в лощину и отправились в аул.

Бригадир провёл собрание

Бригадир Нияз созвал всех ребят в ауле и провёл собрание.

— Ребята, вы уже взрослые. Вы сознательные граждане. Все, кто пригоден к службе, ушли на фронт. Посмотрите-ка вокруг: кто остался? «В амбаре из добра только половы мешок, во дворе из скотины только пёстрый щенок, из мужчин на селе только Сайлау-сморчок», — так говорит ваш дядя Сайлау в Аранды. Из таких мужчин и я: вместо руки болтается обрубок, — он похлопал себя по пустому рукаву. — Теперь вы у нас за мужчин, и работников, кроме вас, нету. Женщины и дети в ауле, ваши отцы и братья на фронте надеются на вас.

Он обвёл ребят глазами. И, увидев Чику, заговорил по-русски:

— Армии хлеб надо? Надо! Пшено надо? Надо! Где пшено? Пшено у нас. Отправлять пшено надо, быстро отправлять. Вот я перед вами — старый контужный солдат. Если живот полный, ещё ка...ак воевать! — он покачал головой. — Бьёшь фашист, всё стреляй! Быстро война кончай. Папа, дядя живой-здоровый быстро домой. Вон оно где!

— Свет мой, твой фамилие каков? — обратился он вдруг к Чике.

Чика, вскочив с места, весело отрапортовал по-казахски:

— Дабылов я, дядя бригадир!

— А-а... Вот как. Знаешь, стало быть... Дабылов, вы вчера втроём с Ертасом, оказывается, сбежали с работы.

У меня мурашки по спине побежали. Наябедничал Жумажан.

— Мы не сбежали, дядя бригадир. Мы встречали поезд, чтоб отца увидеть.

— Отца увидеть? — Нияз опешил. — Если отец будет проездом, он даст телеграмму. Так что вы не болтайтесь зря на станции, понятно?

— Ладно, — ответили мы.

— Ну что, будем работать?

Он стиснул таволожную рукоять камчи.

— Будем!

— Ну, смотрите. Договорились. Сбегать с работы нельзя. Обязательно отпрашивайтесь.

На этом собрание закончилось.

Жумажан — возница

Жумажан каждый день ездит мимо нас на арбе. Мы делаем вид, будто не замечаем его. Выпалываем как ни в чем не бывало сорняки. А он, пока не охрипнет, кричит:

— Чика... а... а! Мик... а... а! Кика... а... а!

Это он Бахытжана дразнит. Потом он принимается за меня.

— Рыжий! Размазня! Предатель! Шпио-о-он! Шпион. Жи... и... р... няк!

Если он сам не затевает драку, то мы отмалчиваемся, рвём себе сорную траву, будто ничего не слышали. Он покричит-покричит, убедится, что пронять нас невозможно, и едет прочь.

Сегодня мы ещё издалека увидели Жумажана. Спрятались в арыке. Посмотрим, что он станет делать.

Он поравнялся с бахчой и затянул по привычке: «Чика-мика!» Мы притаились, молчим. Тогда Жумажан остановился.

— Акбота, тебе письмо от брата! На, возьми! — крикнул он. Мы переглянулись молча, затихли, слушаем. Он снова повторил.

— А вдруг и вправду письмо! — сказал Чика.

Я возразил было, что письма доставляет почтальон Бостай и чужим их не отдаёт, но Акбота не выдержала.

— Я побегу. А вдруг действительно принёс.

Она побежала к Жумажану. Мы высунулись из укрытия посмотреть, что будет дальше. Жумажан достал из кармана скомканную белую бумажку и сунул в руки Акботе. Она сразу же бро-

силась назад. Разворачиваем бумажку: кусок сахару. Мы решили, что не будем есть. Бахытжан выбрался из арыка, крикнул, что нам не нужен сахар, и, размахнувшись, кинул кусок в сторону Жумажана.

Наш куст паслёна

Мы втроём нашли его, этот куст. Выше бахчи тянулись густые заросли камыша. Там есть небольшая полянка. В самом центре поляны и рос пышный куст паслёна. Крупные ягоды, густо облепившие куст, ещё не созрели. Когда паслён поспевает, он просто тает во рту. Вкусный-превкусный. Это я первым нашёл его, потом уже привёл Чику и Акботу, показал им. «Знаете, что? Давайте не будем показывать его Жумажану. А как ягоды созреют, соберём сами, подразним его», — предложили они. Так и договорились. Вчера только Чика наведался туда, доложил нам:

— Видел, стоит.

Сегодня Жумажан снова проезжал мимо нашего поля. Он встал на спину вола во весь рост и стал горланить какую-то песню. Что-то развевалось у него в руке. Пригляделись, а это паслёновый куст. Выдрал его с корнями. Обирает ягоды губами прямо с куста да на нас поглядывает. Специально, чтоб позлить. У нас внутри всё закипело от возмущения.

— Да это же наш паслён! — закричала Акбота.

Жумажан будто не слышит. Выбирает спелые ягоды и лихо закидывает в рот. Я подбежал к нему.

— Жумажан, это же наш куст.

— А... ваш? Ну так берите, — и он швырнул куст в нашу сторону.

Даже листья ещё не успели привянуть.

Ягоды, крупные и блестящие, облепили веточки. И ни одной спелой. Все зеленые. Подчистую объел.

Мы не стали его бить. Жумажан уехал с миром, распевая во всё горло песню. А мы решили проверить, не выдернул ли он саженцы тополя.

Трава на берегу озера поднялась выше человеческого роста. Втроём до вечера бродили мы в поисках, но ничего не нашли. На этот раз Жумажан рассердил нас не на шутку.

— Надо наказать его как следует. Давайте выроем яму на дороге. Будет ночью ехать, колёса провалятся в яму, и вылетит он из телеги! — придумала Акбота.

Нам эта мысль ужасно понравилась. Чика сбегал за нашими тяпками, спрятанными в укромном месте. И скоро прямо посреди дороги появилась глубокая канава. Ну, теперь держись, Жумажан!

Летние забавы

Сколько интересного случилось этим летом! А всё потому, что река разлилась. Взрослые предсказывали: быть богатому урожаю. Тем, чьи дома затопило, спешно ставили времянки у подножия гор. Акбота поселилась рядом с нами.

Летом работы поубавилось. За аулом без конца и без края тянулся разлив. Выйди за порог да ныряй в воду, прозрачную, чистую. У самого берега откроешь под водой глаза и увидишь, как брызнут в разные стороны стайки вспугнутых мальков да по дну медленно ползают-пятятся похожие на медные пятаки плоские раки. Заплывёшь на глубинку — страшно. Иногда мы уходили подальше от аула, чтобы поудить рыбу. Хорошо ловилась рыба на красных червей, что мы откапывали у арыка. Отличная наживка. Бывало, насаживали на крючки обыкновенное тесто. Такую приманку рыба не брала. Мы видели, как рыбы проплывают мимо крючка, презрительно шевельнув плавниками, и, словно в насмешку, трутся о леску.

Большие ребята вплавь добирались до острова Даулетбая, собирали птичьи яйца. Но нас с собой они не брали.

«Кря...ряк, кряк», — день-деньской снуют в камышах утки. За нами тянется выводок утят. Дремлют на берегу в ожидании добычи длинноногие цапли. Днём к озеру не подобраться. Все волы в округе спасаются здесь от оводов. Ночью на озере страшно. Взрослые пугают нас водяными. Вечерами оттуда доносится жуткое уханье. «Ауф..ф... Ауф...ф», — тяжко стонет чей-то угасающий голос. Лягушки до рассвета не знают устали, ведут между собой оживлённый разговор: «Курр-курр, квак-квак».

Поспели арбузы и дыни

Поспели арбузы и дыни. Среди продолговатых полосатых дынь и ярко-жёлтых маленьких дынек чернеют огромные арбузы. Только нам, ребятам, не очень-то разрешают забираться в бахчу. Боятся, что мы затопчем стебли. Мы ходим вдоль грядок и подтаскиваем к куче у дороги уже сорванные арбузы. Отсюда их грузят в телеги и везут на станцию, а там отправляют на фронт. Ещё мы ходим на просяное поле. Разбившись на группы, мы расходимся по участкам. Что тут делается! Ребята бьют в бубны, поднимают шум и галдёж. А над полем вьются несметные полчища воробьёв. Мы кричим и шумим, чтоб отпугнуть их.

По дороге домой

Тётя Танзила специально пригоняет на бахчу вола, чтоб подвезти нас домой. Аул далеко.

Чику, Акботу и меня тётя усаживает на вола, а сама идёт пешком. Очень скоро темнеет. Мы едем, а кругом так темно, хоть глаз выколи. Тётя Танзила нам рассказывает сказку или какую-нибудь историю. Особенно нам нравится история о том, как потерялся Чика. Мы слушаем её затаив дыхание и каждый раз удивляемся, что он всё-таки нашёлся.

Когда пришёл Чике срок родиться, Дабыл сказал: «Поезжай в город, ложись в больницу». Он боялся, как бы чего не случилось. Так тётя Танзила поехала в город. Она благополучно родила сына, а ребёнок вдруг исчез. Ищут, ищут — нет его. Бедная тётя пустилась на поиски своего сына по свету, ходила по горам, по долам. Где она только не побывала, а Бахытжана так и не нашла. Потом она решила, что Дабыл не переживёт такого горя и не простит ей, и ушла куда глаза глядят. Стыдно и больно было возвращаться домой без сына. Через несколько лет разыскал её Дабыл аж в самом Ташкенте. Он просил её вернуться в аул. «Что же делать, сына уже не вернёшь».

Однажды Танзила услышала, что в городе появились цыгане. Она решила ещё раз попытать счастья. Пришла к цыганам, смотрит — Бахытжан у них. У Бахытжана под мышкой было родимое пятно. По нему она вмиг признала сына. Цыгане не хотели отда-

вать мальчика. Дело дошло до драки. Бедной матери пришлось обратиться в суд, чтоб вернуть своего ребёнка. Придёт с войны отец, взглянет на родимое пятнышко и тут же без слов узнает Бахытжана.

Началась уборка урожая

Началась уборка зерна. Бригадир Нияз назначил тётю Танзилю сторожить колхозный ток.

Бостай-почтальон торопится

Со станции во весь опор мчится на коне Бостай-почтальон. Он размахивает руками:

— Суюнши, суюнши!

Тётя Танзила только что пришла с работы. Услышав голос почтальона, она, переваливаясь с боку на бок, бросилась к нему навстречу. А мы уже тут как тут. Письмо! От дяди Дабыла пришло письмо. На радостный шум сбежались все соседи.

— Читай быстрей, — нетерпеливо просит мама Акботы. — Может, он встречается с нашим Кали.

— Если письма идут, значит, жив-здоров...

— Он не пишет, когда война окончится?

— А от нашего Шернияза уже три месяца нет вестей.

— Дайте сыну, пусть сам читает.

Оживлённый говор не умолкал, пока Чика не развернул письмо. Из письма выпала фотокарточка. Дабыл снялся в форме: гимнастёрка, на плечах погоны, грудь в медалях. Женщины оживились ещё больше. «Бог мой, да это же Дабыл. Смотрите, ничуть не изменился. Всё такой же», — они передавали фотографию из рук в руки.

Дабыл писал, что жив-здоров, воюет, что гонят немца к Берлину. Спрашивал, какие новости в ауле, не вернулся ли кто-нибудь с фронта.

— Он не видел Калижана? — с надеждой спрашивает мать Акботы.

— Нет, не пишет, — растерялся Чика.

— Бахытжан, наверное, пропустил то место. Ертас, прочти-ка ты, сынок.

Я дважды громко зачитал письмо, но в нём не было ни слова о том, что Дабыл встречал кого-то из аулчан. Женщины ещё немного посудачили, а потом разошлись.

Чика взял фотографию отца и положил себе в карман.

Мы смотрим на звёздное небо

Мы с Чикой лежали на току, зарывшись в необмолоченные снопы проса, и смотрели на звёздное небо. Было оно похоже на опрокинутый казан, такое же чёрное-пречёрное. Казан будто изрешечён, и в бесчисленные дырочки заглядывают звёздочки, лукавят, подмигивают нам. Если выбрать одну звезду и смотреть только на неё, то она начинает дрожать, потом, размытая, тает, а то вдруг вспыхнет ярким светом: то множится, то гаснет. И кажется, что это и не звёзды вовсе, не небо. Под тёмной водой переливаются волшебным светом драгоценные камни, и неверное их мерцание загадочно, как таинственная сказка.

Среди ночи раздавался резкий скрип сапог тёти Танзилы, обходившей ток. Издалека, с той стороны озера, доносились вздохи болотной лягушки: «Ау... ф... ф, а... у... ф». То и дело над головой проносились летучие мыши.

Мы с Чикой прижались друг к другу поплотнее.

— Не ворочайся, а то помнёшь папину фотокарточку, — отпихивает меня Чика.

— А что ты её дома не оставишь?

— Кто-нибудь унесет ещё...

— Может, свернём твою куртку и подложим под голову?

— Давай подложим.

Мы аккуратно, чтоб не помялась фотография, сложили Чикину куртку и положили её в изголовье. Укрылись принесённым из дома одеялом, подоткнули его со всех сторон.

Пахло травами, воздух был прохладен и чист.

Подошла тётя Танзила, стараясь не скрипеть сапогами, устроилась возле нас.

— Вы спите? — шёпотом спросила она.

— Нет.

— Отдыхайте.

— Не налегай на куртку, помнёшь папину фотокарточку, — предупреждает Чика.

— Да ты же потеряешь её, сынок...

— Ну почему я должен потерять?

— Вот окончится война, вернётся наш папа... Скоро прогонят наши солдаты фашистов. Папа приедет и купит тебе быстроногого красавца-жеребёнка. Вырастешь и будешь ездить на нём. Куда захочешь, туда и поедешь. Я сама для тебя снаряжу и седло, и уздечку...

Тётя перебирает пальцами Чикины волосы. Такая большая. Нависла и заслонила всё небо. Мне становится грустно, в глазах закипают слёзы. Если бы мой папа вернулся, он бы мне тоже купил красивого жеребёнка. И у меня тоже был бы скакун.

— ...Завтра отпрошу тебя у бригадира, съездим в город. Сфотографируешься. Надо папе выслать.

Я засыпаю. Кто-то тихо и неслышно уводит меня в царство снов. Во сне я вижу, как мы с Бахытжаном устраиваем весёлое состязание. Под нами пляшут резвые стригунки.

Чика едет в город

Чика поехал со своей мамой в город фотографироваться. Когда я был на окраине аула, в горах мелькнул и исчез поезд с нарядными синими вагонами. «Наверное, Чика едет в нём и видит нас», — подумал я. Я махал рукой, подкидывая вверх шапку, и кричал.

— Чика... а... а... а! Чика... а... а!

Осень наступила

Наступила осень. Поредели, скрючились сухие стебли арбузов и дынь. Закончилась жатва. На току горы необломоченного зерна. Во дворы колхозники свозят пересохшие кукурузные стебли.

Нам уже не разрешают купаться в реке. Отпарили цыпки на руках и ногах, заставили обуться, достали из сундуков тёплую одежду. Пора в школу.

Жумажан — второгодник

Жумажан остался в пятом классе на второй год. Учитель посадил его за последней партой. Он сидит за партой один, потому что

с ним никто не хочет садиться. То и дело на уроке мокрый тугой бумажный шарик щёлкает меня или по затылку, или в ухо. Это Жумажан стреляет. Больше некому. Если учитель замечает его проделки, Жумажан прикидывается, что он тут ни при чем. Стоит учителю отвернуться к доске, как он тут же принимается за своё.

Жумажан такой здоровый, а совсем ничего не знает. Вчера учительница географии вызвала его к доске и мы, слушая его ответ, чуть животы не надорвали от смеха.

— Вулканами называются... вулканы в горах бывают. Вначале с вершины... с вершины горы... Да, с вершины горы идёт дым... идёт дым... Как из печки, клубами идёт дым. Потом изнутри вылетают красные-красные кипящие камни. Они прыгают-прыгают вверх, прямо в небо. Летят под небеса, а потом падают на землю. Потом горячие камни катятся вниз... катятся вниз... докатываются до нашего камышиного сарая. Потом наш сарай загорается. Когда сарай загорается, запертые внутри козы и овцы блеют... блеют... Вот что такое вулкан.

Мы все покатываемся со смеху, а Жумажану хоть бы что. Учительница спрашивает его: «Ты хоть заглядывал в учебник?» Жумажан смотрит ей прямо в глаза и спокойно заявляет: «Я учил».

Танзила плачет

Тётя Танзила немного поплакала. Они получили письмо от Дабыла, где он писал, что фотографию Чики получил и сразу его узнал. Ещё он сообщил, что сейчас он ранен и лежит в госпитале. Просил не беспокоиться. Главное, он всё-таки жив и уже выздоравливает. «Что ты расстраиваешься, — успокаивала её мама. — он ведь жив и вернётся, вернётся. А у нас даже надежды не осталось. Ну, перестань, не плачь. Возьми себя в руки. Оглянуться не успеешь, как приедет Дабыл».

Танзила утирала свободным концом платка слёзы и вздыхала: «Хорошо, что жив остался. Как-то он там один, больной?» Женщинам еле удалось её успокоить.

Чика не плакал, молчал. С тех пор как начались занятия, он нам хвалился, что его папа привезёт ему настоящий кожаный портфель с блестящей металлической застёжкой. Теперь он перестал хвалиться. Ходил поникший и грустный.

Чика знает по-русски

Оказалось, что Чика и по-русски говорит хорошо. Когда он отвечает учителю, у него прямо от зубов отскакивает. И задачи он решает прекрасно. Только вот по казахскому языку «двойку» схватил. Видно было, что она его сильно расстроила.

Рядом с Чикой учитель посадил Акботу, чтоб она помогала ему по казахскому языку. «Готовьтесь к урокам вместе», — сказал он им. С этого и началось. Жумажан будто взбесился. «Если будешь сидеть с Акботой, — пригрозил он Чике, — то напущу в твою парту змей». Но Чику тоже не запугать. Жумажан однажды воткнул перо в сиденье, но Чика вовремя заметил, взял и молча отнёс ему перо.

Вчера на уроке географии Акбота вдруг как закричит. Мы все страшно напугались. Посмотрели, а в парте лежит мёртвая змея. Ребята все сразу подумали, что это Жумажан подложил. А он посмеивается:

— Это не я, апай, не я.

— Выйди из класса. Уходи. Приведёшь родителей, иначе ко мне на уроки не являйся.

Жумажан, выходя из класса, ухмыльнулся и подмигнул мне.

Жумажан отвечает урок

Жумажан, если его вызывают к доске отвечать, никогда не скажет, что он не готов. Выходит к доске и несёт какую-нибудь чепуху. С географии он обычно уходит, а все другие уроки посещает исправно.

Сегодня его вызывали на уроке казахского языка. На дом задавали учить правила о распространённых и нераспространённых предложениях.

— Нераспространёнными предложениями называются... нераспространёнными мы называем... Если язык, когда мы произносим предложение, не распространяется, а остаётся узким, как змеиное жало, то такие предложения нераспространённые.

Мы просто покатились со смеху, легли на парты. Учительница смеялась так, что у неё слёзы из глаз полились градом.

— Ну а что ты скажешь о распространённых?

— Когда произносишь распространённое предложение, то язык распространяется, как простыня. Такие предложения мы называем распространёнными.

Чёрная бумага

Чика отозвал меня в сторону и шёпотом сообщил:

— К Акботе пришла чёрная бумага. Нияза-бригадира сейчас председатель увёл с собой.

Я похолодел от ужаса. Чёрная бумага приходит, если кто-то погибает на фронте. Мама заметила, что мы шепчемся, и загнала нас в комнату.

— Сидите тихо и носа не высовывайте. Не вашего ума это дело.

Мы оба прильнули к окну. Председатель аулсовета, бригадир Нияз, почтальон Бостай и кто-то из стариков, живущих на станции, гуськом заходили в дом к Акботе. Через некоторое время прошли моя мама с тётей Танзилой.

Больше мы не могли выдержать, вышли на улицу. К дому Акботы со всех сторон стекались люди. Шли и голосили вместе с ней. На растрёпанную маму Акботы страшно смотреть. Сидит, раскачиваясь, а слёзы всё текут и текут.

— Кали.. сынок... единственный мой...

На кого же ты нас оставил,

Сирот своих несчастных!

Несмышлёныш мой.. ушёл из жизни...

Акбота забилась в угол, лежит, сжавшись в комок, всхлипывает, бьётся в плаче. «Брат.. брат.. ик... мой». Я пробрался через толпу и тихо выскользнул на улицу. В горле будто ком застрял. Я убежал в сарай и долго плакал. Мне не верилось, что Кали погиб. Мы совсем недавно провожали его на фронт. Он был молодым, добрым и сильным. Был бы у меня автомат, я бы всех фашистов перестрелял. Только разве пустят меня на фронт? Нет, не пустят. Так я лежал, пока меня не разыскал Чика. Глаза у него тоже распухли и покраснели.

Учитель выгнал Жумажана

Сегодня учитель вызвал к доске Жумажана. Жумажан, даже не дожидаясь вопроса, понёс что-то невразумительное, что никому не понять.

— Именгительный Маша... Маша, именгит... туаритель, нет... те, предложный Маша, пр... пр... предложный Машам.

— Не торопись, — говорит учитель.

Жумажан продолжает частить. «Подумай сначала». Но Жумажан даже не слушает, бормочет что-то бессвязное.

— Ладно, садись. Единица. Надо быть внимательным, и к урокам нужно готовиться, Ниязов. Бери пример с Дабылова. Смотри, как он хорошо учится. Из твоего ответа ничего понять невозможно. Да ты и сам вряд ли понимаешь, что говоришь.

— Агай[1], Дабылов же немец. А немцы и русские похожи. Потому он и знает язык.

— Кто это тебе сказал? — рассердился учитель. Но Жумажан не смутился.

— Его тётя Танзила привезла из детдома и...

— Вон! Вон, негодник! Выйди из класса! И чтоб без отца не приходил! Слышишь? Иди, тебе говорят, выйди!

Учитель не смог сдержаться и вытолкнул Жумажана за дверь.

Наступила зима

Наступила зима. Мама достала из сундука подбитые войлоком старые отцовские сапоги. Мою потрёпанную ушанку она подновила, обрезала шинели и этим куском сукна обшила верх.

Снег ещё не выпал, но стоят сильные морозы. Тоненько поют камышинки на крыше сарая, посвистывают, воют и гудят печные трубы. Мороз разрисовал окна диковинными листьями, причудливыми узорами. Дым из печной трубы над крышей соседнего дома уходит прямо вверх.

Вернулась с озера мама с двумя вёдрами воды. Она сказала, что озеро прихватило льдом. Я тут же натянул сапоги и помчался к Чике.

Вся поверхность озера была покрыта гладким синим льдом. Потихоньку опробовали — не трещит. Попрыгали — хоть бы что. Тогда мы притащили увесистый камень. «Дзинь, дзинь, дзинь», — зазвенел по тверди камень. Мы легли на живот и увидели под толщей льда и воды крупный зернистый песок и длинные водоросли.

[1] Агай — старший по возрасту; дядя. Здесь — учитель.

Стайка мелких рыбёшек, напугавшись наших теней, суетливо заметалась и уплыла скорей.

Мы вышли на лёд

Все ребята в ауле вышли на лёд. У Жумажана оказались настоящие снегурочки. Креплений у него не было, но он приладил коньки верёвочками. Носится, разрезая коньками лёд, нам с Чикой на зависть. Нарочно разъезжает перед нашим носом. У нас коньков нет. У каждого в руках по самодельной клюшке. Вместо шайбы гоняем пустую консервную банку.

Огромное пространство замёрзшего озера. Синеватый лёд, прозрачный как вода. Это была наша единственная зимняя забава.

Нам подарили коньки

Танзила съездила в город, чтобы привезти нам с Чикой коньки. Чике достались коньки с ботинками, мне — простые. Совсем новенькие, ещё в жирной смазке. Потёрли мы их, а они заблестели, засверкали. Теперь мы будем носиться по льду, как настоящие хоккеисты.

Бостай рассказывает о чуде

У нашей калитки стоит Бостай-почтальон.

— ...Смотрю я и думаю — что за чудеса! — рассказывает он маме. — Прямо среди густых зарослей камыша стоят три белоснежных тополька. Я-то вышел поискать овечку, не вернулась она с выпаса. Не приведи Бог, думаю, задерут ещё волки. Ну и набрёл на них. Это там, за бахчой. И поверишь ли, я не посмел даже прикоснуться к ним. На всё воля Господа Бога. А вдруг окажутся священными... Поднялись уже, высоконькие. Ну вот с человеческий рост и будут.

— Это наши! — вскричал я. — Это наши тополя!

Бостай вздрогнул от неожиданности.

— Когда же вы их посадили? — удивилась мама.

— Летом. Когда ты со станции нам веточки приносила.

С этой вестью мы с Чикой побежали к Акботе.

— Зачем мне они теперь? — безразлично сказала Акбота. — Что я буду с ними делать? Если бы Кали был жив...

Мы встали на коньки и отправились вдоль берега по льду к прошлогодней бахче. Акботы с нами не было. Мы долго блуждали в поисках тополей. Наконец среди густых зарослей камыша увидели три маленьких тополя. Стволы белые, а листва уже облетела. Те самые, что мы посадили. Удивительно.

— Пока папа приедет, как раз зазеленеют, покроются листвой.

— Вырастут большие-пребольшие. Издалека их будет видно.

— Конечно, вырастут, так издали их увидишь.

— Вот здорово. А знаешь, что это значит? Это значит, что дядя Дабыл останется жив и вернётся.

— Давай закопаем корни, а то вдруг помёрзнут.

Мы утоптали кругом камыши, чтоб укрыть корни тополей. Летом на берегу озера раскинут зелёные ветви три серебристых тополя. И все будут говорить, что это тополя Акботы, Чики и Ертаса. Вернётся с фронта дядя Дабыл, будет ему чем гордиться.

Бостай приносит радостную весть

— Суюнши, Танзила! Поздравляю! Муж твой вернулся с фронта! Муж! Только что сошёл с поезда на станции. Вот чемоданы, — кричит у дверей Бостай-почтальон.

На лошадь навьючены два дощатых чемодана. От нетерпения Бостай дёргает за повод лошадь.

— Да выходи же, баба, скорей!

Тётя Танзила выскочила в одном платье.

— Да неужто? Слава Богу.. Неужели это правда?

— Э...э, милая. Что же я с седой головой шутить буду? Иди скорей. Муж твой идёт.

— Бахытжан! А, Бахытжан! О солнышко моё, папа твой едет!

Из дома выскочил Чика. Они с матерью помчались к станции. Бостай-почтальон снял чемоданы и занёс их домой. Я побежал за Чикой. Тётя Танзила очень скоро отстала, а Чика нёсся так, что и мне за ним не угнаться. Показался дядя Дабыл. Он был уже недалеко. В серой шинели, на голове голубоватая ушанка с красноармейской звёздочкой, прихрамывает на правую ногу.

— Папа! Па... а... па... а! — кинулся Бахытжан на шею Дабыла. Отец подхватил его на руки, прижал к себе, постоял так и опустился на обочину. Он не отпускал сына, целовал его в лоб, в щёки.

— Родной мой, единственный.

По лицу струились слёзы. Лоб был покрыт каплями пота.

Тётя Танзила бежала к ним, хватаясь руками за сердце. Запыхавшись, она повисла на муже. Мы все плакали от радости. Весь аул вышел навстречу Дабылу.

— Узнал своего сына?

— А как же? С первого взгляда. Он же как две капли воды похож на меня. Это же папин сын!

Дом был полон гостей. Среди радостного гула вдруг заплакала Акбота. «Брат мой, братик родной». Она плакала так горько, что все, кто был, не могли удержаться от слёз. Потом бабушка увела Акботу домой.

Танзила зарезала свою единственную корову. Приглашать гостей в Бекбаул отправили Бостая-почтальона.

НУРГАЛИ ОРАЗ

ГНЕЗДО БЕЛЫХ ЖУРАВЛЕЙ

Неожиданная новость облетела округу: Акмырза бросил пить. Сама природа радовалась такой перемене. Вот уже несколько дней в чистом небе ярко светит солнце. Плотный снег, который лежал почти шесть месяцев, стал быстро таять, освобождая место для молодой зелени. Почки деревьев с каждым днём набухали всё больше и больше, готовые вот-вот лопнуть под напором нарождающихся листьев.

После работы Акмырза часами сидел на тахте возле дома. Был он маленьким, щуплым человеком. Всегда в фуфайке, будто доставшейся ему по наследству от богатыря-прадеда. Он думал, мысли были тяжёлые, как свинцовые тучи. Пытался вспомнить годы жизни с Камар. Но кроме пьянок и ругани ничего не приходило на ум.

Акмырза не услышал курлыканья, но радостный вопль младшего Келесбая вывел его из оцепенения.

— Коке, смотрите, журавли летят!

Акмырза поднял голову. Высоко над аулом плыли журавли, даже взмахи крыльев не были заметны. Они летели так медленно, будто желали понять далёкую жизнь внизу...

В душе Акмырзы волной прошло тепло, подкатило к горлу и отчего-то глаза наполнились слезами. «Откуда вы летите, святые птицы? — подумал он. — В какие места?.. Боже мой, как долго я вас не видел!»

* * *

— Коке, почему вы плачете?

Акмырза поспешно вытер скопившиеся слёзы.

— Да так... Наверно, потому, что долго смотрел на небо.

— А я хоть сколько могу смотреть и не заплачу, — похвастался Келесбай.

— Глаза заболят, не надо!

Ташкенбай, возившийся с велосипедом, отложил в сторону колесо и предупредил отца:

— Коке, не запрещайте вы ему. Он сейчас ещё больше завредничает.

— А, вот оно как... — Акмырза сокрушённо покачал головой и подумал: «А почему я ничего не знаю о его характере?..»

— Позавчера над аулом тоже журавли летели, — Келесбай испытующе посмотрел на отца. — Арысбек говорит, что бывают ещё и белые журавли. Это правда, коке?

— Да, белые тоже бывают.

— Вы сами видели?

— Нет. Я не видел.

— А где они живут?

— Не знаю. Далеко, наверно.

Пролетевшие журавли всколыхнули что-то в душе, заставили Акмырзу вспомнить босоногое детство, зелёную траву, которая так мягко щекотала пятки...

И вдруг он увидел разбитые, совсем изношенные ботинки на ногах Келесбая. Акмырза и раньше их видел, но впервые сердце его сжалось от боли.

— Ты в них и в школу ходишь?

Келесбай растерянно посмотрел на полуоторванные подошвы и пожал плечами. Неожиданно он склонился к отцу:

— Коке, у Ташкенбая совсем нет ботинок. Он в ботах ходит.

Впалые щёки Акмырзы от глубокой затяжки провалились ещё больше. Он закашлялся от густого дыма и отвернулся, ничего не ответив. Вспомнив о приближающейся получке, Акмырза оживился. Теперь он не пьёт, и денег должно хватить на покупки. И жене нужно что-то купить... От таких мыслей на душе Акмырзы стало легче, и он облегчённо передохнул.

Работал он механиком в гараже. Заработки были неплохие. Но вот сколько пропивал и сколько приносил домой, этого он не помнил. Пьяный Акмырза приходил часто, распевая песни, не в состоянии прямо пройти по улице. Жена встречала Акмырзу с отчаянием в глазах и клялась, что бросит его... «Эх, Камар, Камар, ты-то в

чём виновата? Поднять пятерых сыновей, да ещё муж-пьяница в придачу...»

Во двор вышла Камар. Она вынесла все корпе и подушки. Акмырза смотрел на жену, и впервые за последние годы сердце его радостно забилось. Ему захотелось обнять её. Но он постеснялся это сделать на глазах детей.

До вечера Акмырза, в ожидании пока Камар управится со всеми делами, толкался по комнатам, не зная куда себя деть. Он хотел посмотреть, что читает Арысбек. Но тот, почему-то покраснев, прикрыл ладонью книгу. Акмырза ничего не сказал. Потоптался на месте и пошёл в большую комнату, где только что резвившиеся непоседы Задария и Монтай расцарапали друг другу носы. Камар отшлёпала обоих, и они, наревевшись всласть, уснули невинно и безмятежно. И только Келесбай, сидевший у телевизора, с трудом удерживался от дремоты, чтобы и завтра ему позволили посидеть подольше. Наконец во всех комнатах потух свет. Камар ещё раз обошла детей, поправила одеяла, убрала железки, которые с улицы принёс Ташкенбай, и устало легла на постель.

Акмырза придвинулся к жене и осторожно тронул её за плечо.

— Камар, я пить совсем бросил, слышишь, капли в рот не возьму. Ты веришь мне?

Не поворачивая головы, Камар чуть слышно ответила:

— Не знаю.

— Ты верь, — горячо зашептал Акмырза, — я слово даю, детьми клянусь.

Камар повернулась к мужу и уже более уверенно спросила:

— Акан, правда?

Акмырза вздрогнул от неожиданности. Давно она его так не называла... Он уткнулся в её густые, тёмные волосы, пахнущие лёгким запахом кислого молока. Его руки нежно касались жены, ласкали, и она доверчиво тянулась к нему, как когда-то в первую свадебную ночь...

Камар приподняла голову и внимательно всмотрелась в лицо Акмырзы.

— Ты правда бросил? Скажи, правда?

— Клянусь тебе!

Камар прижалась к щеке мужа. Их охватила сладостная истома. Они, словно влюблённые, встретившиеся после долгой

разлуки, лежали, крепко обнявшись, давно уже не знавшие друг друга.

Немного осмелев, Акмырза спросил:

— Камар, скажи правду, что ты думала обо мне?

По лицу жены проскользнула горькая усмешка и тут же стёрлась добродушной улыбкой.

— Не было у меня для этого времени. Подрабатывала, где придётся, чтобы прокормиться. Мечтала, вот Арысбек подрастёт, женю, может, полегче станет.

— Ну, до этого ещё дожить нужно...

— После восьмого решил в училище идти.

— Брось, неужели восьмой заканчивает? А мне казалось шестой, — удивился Акмырза.

— Ну уж, шестой... Вчера у дома Макана стоит и насвистывает. За дочкой его ухаживает. — Камар горделиво взглянула на мужа и вдруг рассмеялась. — Старики мы с тобой...

Акмырза улыбнулся неожиданной радости жены, но, вспомнив разговор с Келесбаем, нахмурился.

— Одежда у детей совсем износилась. Ты напиши завтра на бумаге, кому что нужно. Как зарплату получу, вместе пойдём и купим.

Он долго не мог заснуть. Смотрел на спящую Камар, на едва заметные в темноте морщинки, и жалел её...

С этого дня поселилась в доме Акмырзы радость. Камар словно помолодела, разрумянилась. Её звонкий смех разносился в весеннем воздухе, вселяя в сердце Акмырзы покой и уверенность. Дети стали меньше спорить между собой и сами искали работу по дому.

Ташкенбай рыл кизяки в стойле, с важным видом поглядывая на отца. Рядом Задария и Монтай спорили, кто повезёт тележку. Акмырза, наблюдая за Ташкенбаем, довольно улыбался и, стараясь подбодрить, пообещал:

— Как получу деньги, куплю тебе ботинки.

Ташкенбай сдержанно улыбнулся:

— Коке, Арысбек хотел брюки вельветовые. Они дороже. Вы лучше ему возьмите, а я в его старых ботинках похожу.

Акмырза от растерянности только головой кивнул:

— Всем куплю. Денег на всех хватит.

Он хотел обнять сына, но Ташкенбай уклонился и, стесняясь смотреть в глаза Акмырзе, тихо сказал:

— Коке, давай вернём деньги за муку.

— За какую муку?

Но тут Акмырза вспомнил эту историю и замолчал.

Случилось это ещё зимой. Завезли в пекарню муку, а разгружать некому. Пекарь Икрам и попросил проходившего мимо Акмырзу помочь. Подвыпивший Акмырза согласился сразу. Всю машину перетаскал.

Икрам бегает рядом, похваливает:

— Долгих тебе лет! Слава Аллаху!

Акмырза снесёт очередной мешок и, довольный, спрашивает:

— Ну как?

И снова в ответ слышит:

— Ой, молодец! Живи тысячу лет!

«Мне и ста лет хватит, — думает Акмырза. — Лучше бы сто грамм налил». Не выдержал, сам намекнул:

— Горло бы промочить...

Засуетился Икрам:

— Ой, Акмырза, магазин закрылся, а дома ничего нет.

— У Калмена можно взять.

— Да где там, — жалостливо запел Икрам. — У меня и денег нет.

— Тогда давай мешок муки, — рассердился Акмырза.

Икрам растерянно захлопал глазами:

— Нельзя ведь.

— Мне можно.

Сказал так Акмырза, взвалил мешок на спину и пошагал к дому.

— Эх, Акмырза, Акмырза, — покачал головой Икрам, но не стал догонять, так и остался стоять у пекарни.

Камар слишком поздно узнала об этой истории, когда муки и полмешка не осталось. Поплакала, а делать нечего, денег всё равно нет долг отдать.

Акмырза смотрел на Ташкенбая, и краска медленно покрывала его бледное лицо.

— Ты не думай, я не украл. Получу зарплату, все деньги верну.

Наступил день получки. С утра, под диктовку Камар, был составлен список покупок. На листе ученической тетради крупны-

ми буквами Келесбай записал: Арысбеку — вельветовые брюки, Ташкенбаю — ботинки, мне — рубашку, Задарье и Монтаю — машины, Апе — ...

— Эй, меня оставьте до следующего раза, — засмеялась Камар.

— Идите лучше играть.

Задарию и Монтая не нужно уговаривать. Они тут же выбежали на улицу и оказались в мутных облаках пыли от проносившихся машин.

Бегая друг за другом, они кричали:

— Мне купят машину!

— И мне тоже!

Келесбай, слушая гвалт, неодобрительно покачивал головой и усердно подметал двор, поднимая пыли не меньше проезжающих машин.

Ташкенбай время от времени выезжал на велосипеде посмотреть отца, но в гараж ехать стеснялся, останавливался на полдороге и возвращался обратно.

Солнце всё ниже спускалось к горизонту. Ташкенбай, не вытерпев, ушёл на школьный двор играть в футбол. Задарию и Монтая позвала Камар. Они, почувствовав грустное настроение матери, похныкали немного и поплелись домой. Только Келесбай упрямо стоял у калитки в ожидании отца.

Скоро закроют магазин, а Акмырза всё не появлялся. Келесбай начал терять терпение, как увидел бегущего Ташкенбая. Радость перехватила горло, и Келесбай, не имея сил крикнуть, так и выбежал с раскрытым ртом навстречу брату.

— Что, отец... Коке идёт? — спросил он, задыхаясь.

Ташкенбай, вытирая рукавом слёзы, молча плакал.

Ничего не понимая, Келесбай переспросил:

— Что с тобой? Подрался? Папа где?

— Коке... Коке пьяный. Возле дома Макана, у забора стоит.

Келесбай непонимающе вытаращил глаза.

— Не может быть, он обещал... обещал в магазин.

На глаза Келесбая навернулись слёзы. Ему вдруг захотелось бросить всё и уйти из аула.

На его вскрик во двор выбежали Задария и Монтой. Увидев на глазах старших братьев слёзы, сами чуть не разревелись.

С трудом добравшись до дома, Акмырза увидел своих детей, гуськом выстроившихся возле калитки. Все они с недоумением смотрели на отца. Он, пошатываясь, так же уставился на них.

«Чего они стоят?.. Как журавли, как журавли выстроились», — подумал он затуманенным рассудком.

Тут ему показалось, что дети его неуловимо похожи на белых журавлей и вот-вот, хлопая крыльями, взметнутся ввысь. Акмырза испугался, сердце его задрожало. «Куда... куда это вы летите? Это же ваше гнездо».

Подумав так, он раскинул руки, ринулся было к ним и упал.

ЕСЕЙ ЖЕНИСУЛЫ

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Пролог

В последнее время Тынысбек никак не мог избавиться от хандры. На всё махнул рукой. Ему казалось, все приложенные усилия только отдаляют его от берега мечты. Внутренний голос подсказывал, что надвигается усталость от Алматы, который ещё недавно был таким желанным. Да, жизнь оказалось намного сложней... и как многого он ещё не знает! Сейчас, сидя в аудитории перед строгим профессором, он втянул голову в шею, стараясь быть незамеченным. Как назло, профессор окликнул его по фамилии. Тынысбек тут же вскочил с места.

— У тебя замечательная фамилия — Курышбекулы! Однако набранных баллов — всего мизер! — сказал преподаватель, пронизывая его взглядом. — Думал, ты от других будешь отличаться. Но ты, шагая по наезженной колее, плетёшься кое-как. Учти, будет плохо, если не оправдаешь доверие.

Из-за двери показалась девичья голова.

— Агай, можно Курышбекулы? Только на минуточку! — голова тут же исчезла.

— Нельзя!

Однако через мгновение профессор смилостивился:

— Иди и возвращайся быстрее! — скомандовал он, пристально глядя на студента.

Тынысбека бросило в жар. Наверное, впервые в своей преподавательской истории профессор позволил студенту покинуть аудиторию. «Неужели с годами и суровость проходит?» — подумалось ему на пороге. Как оказалось, его вызвала землячка Кымбат, которая училась на факультете востоковедения и недавно побывала дома. Поздоровавшись, она протянула ему переданную матерью книгу «Курс по изучению английского языка».

Зажав книгу под мышкой, он прошмыгнул на своё место и сразу не решился листать перед глазами профессора. Когда преподава-

тель отвлёкся на другого студента, он открыл первую страницу книги. Его растрогал знакомый почерк матери. Она расписалась под пожеланием: «Тыныстай, учись хорошо. Радуй отличным поведением. 25.02.1995 г.».

У Тынысбека увлажнились глаза. «Буду учиться хорошо, буду вести себя хорошо, апа», — бормотал он, крепко сжав зубы.

I

...Каражарские аульчане проводили нас со слезами на глазах. Я тоже поплакал, но почему — так и не понял толком. Остался далеко позади районный центр, мы двигались по дороге, петляющей между гор. Мама так и продолжала сидеть, приникнув к моей голове и всхлипывая время от времени. Водителем был старый человек, который ни одного слова не вымолвил, пока матушка окончательно не пришла в себя.

Когда мы въехали в новый аул, всё ещё падали снежинки. Здесь царили тишина и безмолвие. Вот если в Каражаре идёт снег, то обязательно с сильным ветром. А к утру наметает столько, что уже невозможно открыть наружу дверь. Тогда отец через окно разгребал снежный завал. Позже, как и все местные аульчане, мы тоже приспособили наружную дверь так, чтобы она открывалась внутрь. Здесь же, в Жалтереке, всё безмятежно.

Ступеньки нашего жилого дома оказались высокими. Билисбек и Ирысбек, забавляясь, занялись уборкой снега. Они прибыли в новый аул на день раньше меня. Поэтому я был в обиде на них. А ведь наверняка уже познакомились с новыми соседями. Поэтому, едва выпрыгнув из кабины, окликнул их:

— Успели подружиться с другими ребятами?

Они дружно покачали головой.

— Ну-ну, — отреагировал пренебрежительно.

Мать вошла в дом с рыданием. Женщины — бабушка по линии матери (нагашы) и старшая апа тоже заголосили, встречая прибывших. Все стали размазывать по щекам слёзы.

— Хватит! — призвала утихомириться главная апа. — Не накличьте беду! Ты же не скитаешься невесть где, а прибыла на землю предков своих детей, моего Курышбека. Перешагивая порог, не забыла произнести «бисмилля»?!

Характером главная апа крутая. Все мы её боимся. Нашему отцу она приходилась невесткой — женге. Эта женщина, оставшись вдовой с девятью детьми, всех выходила и поставила на ноги. Я ни разу не видел и не слышал, чтобы когда-то главная апа обижала ребенка. Для нас достаточно было только одного её строгого взгляда, и все тут же прижимали хвост. А она же очень быстро успокаивалась. И сейчас тоже, наскоро проглотив лепёшку и попив чайку, с головой погрузилась в хозяйственные заботы, наказав матери:

— Отныне не смей показывать детям свои слёзы!

Мама кивнула:

— Ночью, когда отъехали от Каражара, наш транспорт, скользя, уткнулся в придорожный сугроб. Славу Богу, все живы остались! Да оградит Он от других бед! Может, оберегал ангел только что выздоровевшей Жайнагуль, но мы остались невредимы...

Верно, Жайнагуль только на днях выписалась из Богенской районной больницы. Да чего там рассказывать: за три последних месяца мы по-настоящему познали лихо. Вначале заболел отец. Я до этого ни разу не видел его больным, и неделя превратилась в кошмарный сон...

В тот злополучный день мы, как обычно, играли в доме соседа Сериккалия. И тут вбегает его дочка Ажар:

— Билис, Тыныс! — выпалила она с ходу. — Апа вас срочно зовёт к себе. Ваш отец заболел!

Вбежав в дом, мы увидели, что в глубине комнаты сидит побледневший отец и корчится от боли. Апа тут же послала к родственникам за машиной. Мы же — я, Билисбек, старшая сестра Дарига, Жайнагуль — суетимся, дав волю слезам. Отец, горбясь, с трудом уселся в автомашине. Я поплёлся за ворота.

— Не реви!.. — скрипя зубами, повернувшись ко мне, процедил отец.

Мама поехала с ним, а мы, четверо малышей, тихо-тихо присели на землю.

— Кажется, опять его печень прихватила, как в тот раз, — первой пришла в себя Дарига. — Не бойтесь, он выздоровеет.

На следующий день мать вернулась из Богена.

— Оперировали отца. Самочувствие хорошее. Мы подозревали печень, а оказался аппендицит, — сказала она.

После обеда мать вновь поспешила в больницу. Однако в тот день она домой не вернулась. Слышали, что из Акбастау прибыла главная апа. На третий день отцу сделали ещё одну операцию. Теперь его обследовал врач, специально прибывший из Алматы. Как назло, не оказалось сарыагачской воды. А ведь сам отец целый ящик всегда держал про запас, а теперь, когда нужно, её не найти.

Минула неделя. Мать увезла Даригу и Жайнагуль в Боген. Дома остались только мы с Билисбеком. Легли спать пораньше. Ночью проснулись от стука в дверь. Оказалось, прибыли друг отца Абдулла и его жена Роза. Сказали: «Билисбек и Тынысбек, идите отдыхать в соседский дом. Ваш отец вылечился. Ему необходим покой. А утром приходите...» Полусонные, мы поплелись к соседям и, едва увидев приготовленную постель, оба рухнули разом.

Наутро нам объявили о смерти отца. Наш братишка Ирысбек гостил в это время в ауле у родственников и еле успел на прощанье. В день похорон все мы — мать и пятеро детей — простились с отцом. Казалось, он лежит в саване, улыбаясь, как живой человек. Мы, конечно, были ещё несмышлёными детьми. Забавлялись тем, что подсчитывали количество собравшихся машин, удивлялись, как они ехали колея в колею.

На седьмой день поминок отца заболела Дарига. Но обошлось без операции — помогли лекарственные препараты. А после сорокодневных поминок у Жайнагуль, которая училась в первом классе, началась рвота. Бедная мать немедленно повезла её в Боген. Дома остались мы — трое взъерошенных птенцов. А Дарига в это время училась в ауле Жалтерек и жила там у родственников отца. Жайнагуль, как оказалась, родилась под счастливой звездой. Именно в тот день в райцентр прибыл детский хирург из Алматы, который и сделал операцию. Поговаривали, что у Жайнагуль слепая кишка лопнула.

Все эти беды тяжким бременем легли на плечи матери. Она худела на глазах. Улыбка, казалось, навсегда покинула её лицо. После выписки Жайнагуль из больницы чуть подождали, чтобы она пришла в себя, и стали готовиться к переезду в аул Жалтерек. «Земля предков Курышбека», как уверяла главная апа, не Жалтерек, а — Акбастау. Между этими аулами всего 9 километров. По

словам матери, и в Жалтереке, и в Акбастау живёт достаточно много наших родственников. Вот таким образом и мы добрались сюда, в надежде на их покровительство...

II

О, будьте благословенны, родной край и родственники! Они немедленно взялись нас опекать. Наши овцы, по пять голов, были распределены между двоюродными братьями отца, которые обеспечили животным надёжную зимовку. Родственники по линии матери — нагашы — ухаживали за нашей сизой коровой и мелким скотом, провели весенний окот, а потом вернули обратно нам с приплодом.

И жалтерекские дети оказались охочими до игры. Мы быстро подружились с ними. Все мы, четверо детей, с отличием окончили вторую четверть. Только Жайнагуль из-за больницы отстала. Ей пришлось опять пойти в первый класс.

Класс, где я учился, оказался сильный, как на подбор. Особенно выделялись Жанар и Гульнар. Не было урока, чтобы они не готовы были отвечать. Я тоже не лыком шит, сразу же вступил в соперничество: они поднимут руку, и я следом. Они получают «отлично», я тоже — «отлично». Если песню разучивают, то и я подпеваю. Они читают стихи, я — тоже.

Мне с трудом давался английский язык. В Каражаре в течение первой четверти нам преподавали французский. Я уже знал несколько слов, свободно называл мяч и стол по-французски: «сетюнбалле» и «сетюнтабле», легко считал до десяти. Английский язык тоже оказался занимательным: напишешь «собака», а читаешь — «свинья». Всё же я не сдавался. Неужели я отстану от Жанар и Гульнары? И тут же принялся быстро заучивать буквы: эй, би, си, ди... Потом я быстро нашёл эквиваленты французских «стола» и «мяча» — «тейбл» и «болл». Своим энтузиазмом я, наверное, понравился учительнице Нуржамал: она стала загружать меня сложными заданиями по английскому.

Мать каждый раз радовалась, когда я приносил «пятёрку». Я тоже возвышался до небес. Старался всегда получать отличные оценки, чтобы увидеть, как на лице у мамы появляется такая редкая сейчас для неё улыбка. К тому же я считал делом чести не от-

ставать от Ирысбека, который учился классом старше. Если Ирысбек получит одну «пятёрку», то я — две, если у него две «отлично», то в моём дневнике должны блистать три. Не говоря уже о том, чтобы скатиться на «четвёрки», «тройки» или «двойки». Младший брат матери Ауелхан — нагашы — каждый раз скрупулёзно проверяет наши дневники. Увидев наши с Ирысбеком ряды «пятёрок», делает вид, что не верит. Со словами «давай-ка я сам попробую проверить», он начинает задавать различные вопросы по теме. Но мы не теряемся. Даже соревнуемся в душе, кто из нас скорее ответит на вопросы.

Однажды Ирысбек получил «двойку» по литературе. Но я сам накануне вечером видел, как он, несколько раз повторив, выучил заданное стихотворение. Оказалось, проблема была в другом. У учителей стало привычным делом спрашивать уроки у тех ребят, кто не поднимал руку. Не нарушая эту традицию, учительница стала вызывать тихоней. Ирысбек, стараясь помочь им, стал подсказывать. Он даже не отреагировал на несколько замечаний учительницы. В конце концов Гульнар-апай, которая ведёт литературу, не выдержала и вывела в дневнике Ирысбека жирную «двойку». В тот день он пришёл домой подавленным. Наверное, даже всплакнул втихомолку, потому что глаза были красные. Как назло, в аул заглянул и Ауелхан-ага. По привычке попросил наши дневники. Ирысбек, который обычно торопливо откликался на дядину просьбу, в этот раз замешкался.

— Ну-ка, посмотрим, сколько у кого найдётся «ура?» — сначала вопросительно окинул нас взглядом Ауелхан-ага.

— У меня совсем нет «ура». И не будет его! — отрезал я, хвастаясь.

Ауелхан-ага, подсчитав «пятёрки» в моём дневнике, погладил меня по голове. При этом добавил: «Молодец!» Украдкой гляжу в сторону матери и вижу её одобрительную улыбку. Когда дошёл черёд до дневника Ирысбека, дядя резко вскочил с места, будто током ударенный.

— Ур-р-ра! — завопил он.

Ирысбек заплакал. Ничего не подозревавшая мать заглянула было в дневник с любопытством и тут же помрачнела. Меня же сам Бог оградил от неприятностей. Пока Ирысбек, сопя носом, объяснял, каким образом заполучил злосчастную «двойку», я,

прячась за занавеску, успел несколько раз прокричать своё «ура». Ирысбек обозлился. Тут же позабыв о своём плачевном положении, он двинул кулаком мне в глаз. Разве мог я такое спустить? Несмотря на свою низкорослость, я схватил Ирысбека за ноги. Мы вцепились друг в друга не на шутку. При этом, если мне удаётся его повалить, я выкрикиваю свой победный клич. Ирысбек обозлился пуще прежнего. Ауелхан-ага с трудом разнял нас. Но даже в его крепких объятиях я не перестаю выпаливать «ура, ура!», при этом высовывая язык.

На следующий день мы сидели на уроке природоведения. Вдруг меня попросил выйти из класса Ирысбек. В коридоре он помахал у меня перед носом классным журналом.

— Знакомься с важной персоной! — гордо заявил мне брат и открыл журнал на странице «Литература». Я быстро пробежал взглядом. Идут по алфавиту: Абильгазиева, Абилев... В списке Ирысбек был вторым. На месте вчерашней отметки не было не только самой «двойки», но и следов подчистки. Наоборот, красовалась «пятёрка», поставленная сегодняшним днём.

— Оказывается, меня Гульнар-апай нарочно припугнула. Зато сегодня мои знания она оценила на «отлично»!

— Всё равно из твоего дневника «пара» не испарится.

Ирысбек побежал прочь, успев шлёпнуть меня по голове.

В Жалтереке у нас появилось увлекательное занятие. Это — гонки на лыжах. Начиная прогулку с холмов прямо на окраине аула, мы пропадали на весь день. Особое блаженство наступает в дни зимних каникул. Ерлан из соседского дома, который чуть старше нас, выглядит настоящим спортсменом. Он мчится, как метеор, увлекая нас за собой. Прокладывая лыжню между грядами, увлекает нас вперед. Мы же стараемся не отставать. Что нравится нам зимой в Жалтереке — безмолвный, но обильный снег. Мороз лишь слабо пощипывает лицо. Мы преодолеваем порядочное расстояние и от этой гонки становимся всё разгорячённее. Особенный восторг наступает в тот момент, когда стремительно катишься вниз. В такое мгновение сразу забываешь об усталости. А ведь только недавно, спотыкаясь и скользя в разные стороны, с трудом одолел вершину очередного хребта. Но сейчас, прищурив глаз, мчишься вниз, так что только ветер свистит за ушами. Когда Ерлан, его младший брат Бекулан, ещё соседи — Дархан и Орын-

басар, доходя до финиша, резко поворачивают в сторону, то подымают столб искрящегося снега. Картина впечатляющая, будто смотришь гонку лыжников по телеканалу. Куда нам ещё до них. С трудом подкатываемся туда измочаленными, толкая палки из последних сил, тут же дружно падаем в снег. Чертыхаясь и давясь от снега, набившегося в рот и в уши, всё же поднимаемся с места сравнительно быстро. И сразу кидаемся осматривать лыжи. Уф-ф, к чести нашей, они не сломались! Уже через две-три недели мы превратились в настоящих лыжников. Теперь по трассе мчимся уверенно, высоко поднимая столб снежной пыли, сравниваем и спорим, кто и как справлялся с поворотом, другими приёмами. Теперь и нам можно позабавиться над падающими начинающими неумёхами!

Однажды ребята с нижней улицы пригласили нас на «матч». Да-да, на самый настоящий хоккейный матч! Охо-хо-хо, они, оказывается, чудесно подготовились к встрече. Обычные деревянные палки искусно превратили в замечательные клюшки! Такое нам и не снилось! А мы-то, мы-то сляпали снаряжение на скорую руку — обычные алюминиевые рейки скрепили болтиками, часть, за которую держались рукой, обмотали изолентой — в общем, соорудили подобие... У соперников все клюшки одинаковые, просто на загляденье! Наши палки по сравнению с их выглядят просто смешно.

— Так дело не пойдёт! — решительно отрезал Ерлан. — Все мы должны вооружиться единым инвентарём.

Здешний магазин никогда не видывал настоящей хоккейной клюшки. Даже если бы такой спортивный инвентарь здесь и появился, как у нас повернётся язык попросить маму купить сразу три клюшки? И так мы чувствуем себя провинившимися перед ней, что чистим скотный двор спустя рукава, разбрасываем корм животным кое-как, чтобы побыстрее улизнуть на улицу поиграть.

— У Аятбека есть жерди для крепления юрты. Красивые и надёжные. Вот они бы нам здорово сгодились, — кстати вспомнил Дархан.

— Да-да, ты верно рассуждаешь! Однако согласится ли отдать их его отец?

Тут взбодрился Ернат:

— Его отец сейчас находится в зимовье Торайгыр. И вообще без десяти этих уыков колхоз не обеднеет.

— Ернат, в таком случае сам сходи и договорись. Ведь младший брат Аятбека Еркинбек твой одноклассник? Вместе с ним постарайтесь уговорить. Если мы против ребят с нижней улицы выйдем с нашими причудливыми палками, то нас весь аул поднимет на смех.

Уж не известно, как Ернату удалось договориться, но на следующий день мы все были вооружены доброкачественными уыками. К нашей игре присоединились и Аятбек с Еркинбеком. В течение трёх дней мы усиленно готовились. Однако на третий день у Ирысбека серьёзно заболела нога. Она беспокоила его ещё в Каражаре. Но до лечения дело так и не дошло, а теперь болезнь осложнилась. Сильно опухли суставы ног. Увидев это, мать не находила себе места. Ирысбек вынужден был подчиниться постельному режиму. Он с трудом поднял голову лишь через неделю. Передвигаясь еле-еле, как малыш, он не мог сделать больше нескольких шагов, судорожно цепляясь за стенку дома. Это была жалкая картина... Мы с Билисбеком позабыли об игре. Теперь каждый вечер перед сном нам оставалось лишь вымаливать у Аллаха скорейшего выздоровления для Ирысбека.

Ребята с нижней улицы победили нашу команду. Теперь через две недели состоится матч-реванш на нашем катке. Мы вновь включились в усиленную подготовку. Ирысбек теперь натягивал на ноги чёрные валенки, которые доходили ему до бедра, затем накидывал на себя несколько верхних одежд. Поднявшись, с трудом добирался до площадки, где разминались аульные хоккеисты. С грустными глазами он с завистью следил за нашей игрой. Незадолго до возвращения матери с работы понуро плёлся домой. Никто из нас не мог обмолвиться даже словом о том, что брат приходит сюда. Однажды уже его хорошенько отругали, когда соседка Андизапа своими глазами увидела его на площадке. После этого Ирысбек два дня просидел дома, но всё же не выдержал, опять пошёл с нами. Чувствовалось, что с каждым днём его походка набирает уверенность.

Самая обсуждаемая тема между нами — экипировка вратаря Ерхана из команды противников. Их капитан Алмас — мастер на выдумки. Он так приодел Ерхана, что его форма смотрелась как у настоящих хоккеистов на телеэкране. На голове вратаря красовалась каска хлебороба, а глаза защищала металлическая сетка. Для

обзора были аккуратно продырявлены два отверстия. Не забыли и про наколенники с налокотниками. На ноги вратарь натянул хромовые сапоги старшего брата Нурбахыта, осенью демобилизованного из армии. Обувь он тщательно пропитал жиром. Даже просторный армейский бушлат, подпоясанный ремнём с пряжкой, сидел на нём ладно. Всем своим видом Ерхан, как нам казалось, абсолютно походил на настоящего спортсмена. Именно он в первой нашей встрече, не пропустив в свои ворота ни одной шайбы, заставил нас краснеть от стыда за поражение.

В общем, повода торжествовать у нас не было. Ни у кого из нас нет недавно вернувшегося из армии брата. Однако мы не унывали. Наш боевой дух поддерживал Ерлан: «Их Ерхан хотя и защитил глаза и голову доспехами, на деле боится прямо летящей шайбы. Мы не такие. Мы шайбу поймаем голой рукой!» И эти слова нас здорово вдохновляют. И всё же желающего встать в ворота не находилось. Памятуя о прошлом поражении со счётом 0:4, каждый из нас чувствовал мандраж, глядя на ворота. Понятно, с чем можно сравнить позор вратаря побеждённой команды, да ещё с крупным счётом?

Неожиданно Ирысбек вызвался сам встать в ворота. Никто из нас не посмел возразить: «Ты же ещё нормально двигаться не научился». Не хотелось портить ему настроение. «Подождите, сами увидите! В день матча я буду прытким, как конь строптивый. Пока в запасе есть два дня. Буду тренироваться в домашних условиях. Если разогреюсь, то стану двигаться, как прежде. Ну, скажи, Тынысбек!» Я согласно кивнул головой.

Возможно, Бог смилостивился. Уже через два дня Ирысбек был в ударе. Он оказался достаточно настырным и упёртым. В течение этих дней, не давая себе ни минуты поблажки, занимался растяжкой мышц и силовыми упражнениями, работал до седьмого пота. Когда мы возвращаемся из школы, застаём его смиренно лежащим в постели, он попивает чай из рук матери, а когда она уходит на работу, вновь с остервенением берется за нелёгкое дело.

Матч решили провести на улице Абая, около дома Султаналиаги. Наши соперники не только сами прибыли во всеоружии, но и привели сюда группу болельщиков. От шумных фанатов, вооружённых различными духовыми инструментами и трещотками,

ещё до начала игры нам заложило уши. Было воскресенье, поэтому здесь собралась толпа зевак, свободных от колхозных дел. Ирысбек каким-то чудом уговорил прийти сюда и нашу мать. Она чуть не лишилась рассудка, когда увидела, что её недомогающий сынок занял место вратаря. Олжабаю-аге, не без труда, удалось успокоить женщину: «Не трогай, пусть играет. Движение ему только на пользу пойдёт». Такое авторитетное мнение возымело своё действие, ведь сам Олжабай-ага страдает от суставных заболеваний.

Наши противники с первых минут захватили инициативу. Первый период мы уже проигрывали с разницей в четыре шайбы со счётом 2:6. Сколько ни старался Ирысбек быть неприкосновенным стражем, у него не получалось. Отчаянным обстрелом шайбой его подавляли соперники, возглавляемые Алмасом. Наша мать не находила себе места, видя, как её сынок, накрыв шайбу, пластом лежит на льду в окружении множества игроков с клюшками. Она попыталась было утянуть Ирысбека с катка, громко обругав его несколько раз. Но разгорячённый сын не думал сдаваться, да и на язык остёр:

— За честь, апа, за честь играю! Просто так я не сдамся!

И в самом деле, во втором периоде дела у Ирысбека пошли куда лучше. Не скажешь, что совсем недавно передвигался с трудом, теперь его движения стало трудно уловить глазом. Он пытается не пропустить шайбу, отбивая её, то лежа пластом, то подставляя снаряду встречную клюшку. Ни много ни мало, за этот промежуток времени сумел отбить с десяток опаснейших шайб, пропустив в два раза меньше, чем за прошлый период. Тем временем наша команда, ведомая Ерланом, забила восемь шайб в ворота Ерхана. Счёт — 10:8 в нашу пользу, пока. Украдкой оглядываюсь на мать, она же всё своё внимание направила на Ирысбека. Кажется, она забыла нас с Билисбеком. Когда на катке отчаянно бьются ребята старше меня, мне остаётся довольствоваться тем, что иногда дают выходить на считанные минуты, за которые, к своему удовольствию, успеваю несколько раз прикоснуться клюшкой к шайбе.

Едва начался третий период, нападающий Айдар совершенно неожиданно прямо с центра поля со свистом направил шайбу в сторону наших ворот. Никто не шелохнулся, никто не среагиро-

вал. Снаряд вроде затрепыхал в сетке. Застигнутый врасплох Ирысбек лишь успел податься телом в левую сторону. Мы заметили, как Ирысбек и шайба встретились в одной точке, но не услышали ни удара шайбы, ни болезненной реакции вратаря. А шайбы — нет! Опомнились, только когда послышался хохот Ирысбека. Он состроил гримасу, указывая глазами в сторону левого плеча. Вот сюрприз: шайба, оказывается, застряла между торчащим ухом и плечом Ирысбека.

Этот неожиданный ловкий прием вселил в нас невероятное вдохновение. Нам удалось сломить сопротивление очень сильного соперника. Счёт 15:10 говорил сам за себя. Какой ещё нужен реванш?! После этой игры здорово подскочил авторитет Ирысбека. Да и сам он приподнялся в собственных глазах. Я своими ушами слышал, как он говорил однокласснику Зангару из побеждённой команды:

— Смотри, теперь удары ваших клюшек по шайбе я могу отразить одним ухом, — и засмеялся с нескрываемым превосходством.

Но были у нашего увлечения хоккеем и отрицательные последствия — наши игры плачевно отразились на обуви.

Даже продукция известной фабрики «Жетысу», сделанная из чистой кожи, не выдерживала спортивных баталий. Тогда мы совсем не осознавали, как тяжело приходилось матери обновлять обувь почти через каждый месяц. Вечерами мать сушит на печи наши промокшие сапоги, одновременно выговаривая нам за неаккуратность. Ранним утром, бросив виноватый взгляд на высохшие ботинки с торчащим язычком, выпяченной подстилкой, быстро натягивали потрёпанную обувь и молча спешили в школу.

III

О, эта весна в Жалтереке! Казалось, за какое-то мгновение всё вокруг разом переменилось! Всё ожило, всё зовет познать радость пробуждения, блаженство жизни! Словом не описать состояние природы, когда буйно зацвели абрикосы, яблони и вишни! Вольно веющий прохладный ветер вселяет веселье и бодрость. Да, это действительно удивительная пора, когда с умилением смотришь

на блаженно моргающих глазками сытых козлят и ягнят, которые греются под весеннем солнцем.

Мы уже достаточно уверенно освоились и в школе, и в ауле. К тому же, все четверо стали активистами своего класса. Не проходит ни одного смотра, ни одного соревнования без нашего участия. Однако всегда находим время на всякие развлечения и шалости. В этом нашему двоюродному брату нет равных, всегда что-нибудь да придумает. То он учит нас быстрее подбежать к стенке и, уперевшись обеими ногами, сделать полуоборот с пинком. В другой раз закинет мяч далеко на крышу, а когда тот по линии скатывается вниз, подставляя голову, ударяет его. Мы тоже не отстаём, копируя его движения.

Сегодня Ирысбек пришёл с уроков с «добычей». В руке он держал внушительный громкоговоритель, который каждый день транслировал на весь аул музыку и песни Казахского радио. Связисты, оказывается, установили новый приёмник, а старый хотели выкинуть на свалку. Братишке удалось уговорить их отдать репродуктор ему.

После обеда мы должны были погнать ягнят на выпас. Пока животные будут кормиться, нам следовало за ними присматривать. Все мы — Ерлан, Бекулан с братишкой Бекжаном, Дархан, Орынбасар, Ернат с братишкой Максатом, Ирысбек, Билисбек — находились на лугу и наслаждались свежим ветерком. Подставляя лицо солнцу, барахтаемся на склоне в траве. Едва Ирысбек включил свой громкоговоритель, как его звук оглушил всё окрест, доносясь до самого аула. С вершины холма вид чудный: аул видится как на ладони. Отсюда отчётливо разглядишь, кто чем занимается в домах крайней улицы. Ирысбек поднялся на возвышенное место:

— Подождите, сейчас я вас удивлю.

Потом кашлянул и настроил голос:

— Внимание! Внимание! Говорит Кулаганжарское радио!..

Кулаганжар — самый высокий хребет на западной стороне аула. Нездешние люди, глядя на его высоту, принимает его за гору, но для нас это — хребет. Давным-давно одна сторона возвышенности обрушилась и образовался обрыв. С тех пор в народе нарекли его Кулаганжаром — обрушенный обрыв. Теперь отсюда вещает «радио Ирысбека».

— ...Передаём последние новости аула Жалтерек. В хозяйстве Карибая-аги белая овца окотилась двумя ягнятами. Дархан и Орынбасар, радуясь приплоду, в настоящее время пасут их на лугу.

— Сегодня у Ерната развалился на две части его главный асык — саха, — когда он, расплавив свинец, очень сильно ударил по нему гвоздём. Теперь он намерен заполучить асык барана, которого его отец Дуйсенгали-ага хочет вечером заколоть...

— Сегодня Сарсенбек-ата будет готовить к скачке знаменитую пару своих рыжих коней. Завтра Оразхан-ага, оседлав свою тройку, помчится в райцентр на байгу. Удачи вам, рыжие кони! Пусть вам улыбнётся счастье, возвращайтесь, аргамаки, преумножая славу нашего аула!..

— А теперь переходим к международным новостям. Сегодня в интернат при школе прибыли две девочки из Акбастау. Ерлану не терпится дождаться вечера, чтобы в обязательном порядке познакомиться с ними!..

Да, Ирысбек — мастер выдумки! Когда мы услышали последнюю новость, то чуть не подавились от смеху. И вправду, Ерлану — восьмикласснику — невтерпёж было познакомиться с приезжими девочками.

Когда мы вернулись домой, застали Жахыша-агу, отца Ерлана, в хорошем настроении. «Это ты передал последние новости? Я как раз занимался штопанием потника. Услышав новости, не удержался от смеха и несколько раз уколол руку шилом», — расхохотался он от души.

На следующий день мать уехала в райцентр, на курсы учителей начальных классов. На трое суток мы остаёмся без неё на попечении Дариги. Она скрупулёзно проверяет уроки. Потрескавшиеся наши руки нещадно парит в горячей воде, очищает от грязи, а затем намазывает их сметаной. Но это ещё полбеды. Главное, чёрная корова не давала себя подоить. Она так привыкла к матери, что никого не подпускает. Билисбек попытался привязать ноги животного, но ничего из этого не вышло. Корова взбрыкнула, задела рогами Даригу, хлестанула хвостом и прогнала бедняжку от себя подальше. И опять Ирысбек нашёл выход. «Подождите!» — поднял он вверх указательный пальчик и юркнул в дом. Вскоре вернулся, облачившись в голубой халат матери и набросив на голову

её же платок. Всем видом он уже походил на доярку. И тут, к нашему изумлению, строптивая корова понюхала халат несколько раз и преспокойно встала смиренно, продолжая жевать. Ирысбек ловко орудовал пальцами, раз за разом сцеживал соски коровы и, повторив дойку ещё раз, наполнил молоком целых полведра.

— Это же я, ай да я! — нахваливал он себя.

Из райцентра мать вернулась грустная и осунувшаяся. Время от времени, вороша дрова в печке, она затягивала одну за другой печальные песни. Мы не решались подойти к ней с вопросами. Ходили на цыпочках, молча занялись уроками, потихонечку управились и с ужином.

— Увидела место, где отец ваш испустил последний вздох, очень расстроилась, защемило в сердце...

Мы тоже понурили головы. Апырмай-ау, оказывается, мы в последнее время, увлекшись детскими забавами, ни разу не загоревали о милом отце... Я вспомнил, как восемь-девять месяцев назад очень сильно порадовал отца. Между Жалтереком и Акбастау находится пионерский лагерь. В июне я отдыхал там. А после окончания смены вместе с богенскими ребятами добрались до райцентра. Дальше меня до Каражарского поворота проводил дядя Макен — муж младшей сестры отца, а сам поехал по делам. Я молча кивнул головой, когда он напутствовал: «Будь внимателен!» Я ничего не страшился и, встав на обочину дороги, стал голосовать. Мне повезло очень скоро. Один из «КамАЗов», обслуживающих ремонт дороги, быстро доставил меня в Каражар. Ой как тогда обрадовался отец! Он буквально ликовал, обняв меня и подбросив вверх: «Мой сын сам нашёл дорогу домой!»

— Это и есть знак, что он стал джигитом! Не просто так, а приехал, «оседлав» могущественный «КамАЗ»! — распираемый гордостью, рассказывал всем отец. Вспомнив этот эпизод, я расчувствовался. Много ли раз мне удавалось удивить отца? А как радовался он, когда я каждый класс оканчивал с отличием! По этому поводу он прижимал меня к себе и трогательно целовал мой лоб. Вот-вот, я сейчас вспомнил ещё об одном случае. Однажды, когда отец разбирался с целой кипой газет, я, несмотря на его команду отправляться спать, начал выводить в тетради строчки. В результате родилось вот такое четверостишие:

Есть учебник у тебя,
С книгою дружу и я.
Давай с тобой вдвоём
Дорогу к знаниям пробьём!

Проснулся я утром, когда отец собирался на работу. Он поднял меня из постели и стал внимательно рассматривать, как будто видел впервые.

— Ауес, ты не обращала внимания? — обернулся он к матери. — Кажется, наш Тынысбек станет поэтом. Написал неплохое стихотворение. Неудивительно, если станет слагать стихи, ступая по следам деда Бультрика!

Увы, отец! Так и ушёл ты из жизни, не увидев ни одного моего стихотворения опубликованным. Как горько от этих мыслей!..

Я тихонько прошёл в дальнюю комнату, достал ручку и бумагу. Говоря по правде, больше я не написал ничего, кроме четверостишия, прочитанного отцом. Сейчас во мне загорелась страсть к сочинительству. Начал выводить слова. Рассказал о своей тоске по отцу, о том, что, сколько ни горюй, его не возвратишь. Написал о его гордой осанке с высоко поднятой головой, о том, какой размашистой и уверенной была его походка. Я пришёл в себя, когда увидел, что моя писанина размазана слезами. Утерев глаза подолом сорочки, подошёл к зеркалу. Надо было что-то срочно сделать со своим зарёванным лицом, чтобы мама не заметила.

Через два дня в школе организовали вечер поэзии. Когда я предложил организатору Гульнар-апай прочесть своё стихотворение, то она очень изумилась и поинтересовалась, о чём будет моё произведение? Я развернул лист. Оно ей понравилось.

— А ты маме своей об этом говорил? Ну что ж, даже лучше, что она не знает. Это будет сюрпризом для неё. Я специально предоставлю тебе слово, — сказала апай.

Когда я перед слушателями чётко продекламировал стихотворение, мать заплакала. Видно, она пыталась не подавать виду, но не удержалась. Соседка тётя Куляш в честь такого события расщедрилась даже на денежный приз и сунула в руку один рубль. «Да-да, мы обязательно это отметим», — взволнованно кивала мать сквозь всхлипы.

Потом прошло полмесяца, и вдруг в районной газете появилось первое моё стихотворение «Посвящение отцу». Оказывается, Гульнар-апай уже на следующий день после вечера поэзии отправила его в редакцию. Самому долго не верилось, что в один момент я стал известен как «мальчик-поэт»...

IV

Дарига, хоть закончила успешно десятый класс, всё же не сумела поступить в вуз. Она очень мечтала стать учительницей русского языка и литературы. Прочитала горы книг на русском языке, которые собирал при жизни отец. Мы, широко разинув рты, слушали, как она читает стихи «Воспеваю то, что вечно ново» Расула Гамзатова, «Шаганэ ты моя, Шаганэ» Сергея Есенина. До сих пор помню, как мы по телевизору смотрели страшный фильм про человека, который постоянно смеётся, Дарига, сразу узнав, воскликнула: « О-о, так это же по мотивам произведения Гюго!» Я нисколько не сомневался, что перед сестрой должны быть открыты настежь двери КазПИ. Но, выходит, среди абитуриентов были претенденты, значительно подготовленнее, чем Дарига... Увлечение Дариги стало и для нас привычным делом. Без чтения книг мы уже не мыслили нашей жизни. Довольно скоро мы перечитали всё домашнее собрание на русском и казахском языках. И теперь уже зачастили в школьную библиотеку.

После первой попытки Дарига не вернулась в аул. Проработав год на хлопкобумажном комбинате, она вновь попытала счастья. И опять — неудача. Тогда сестра сдала документы в Талгарское медицинское училище. С учёбой она справлялась хорошо. В каждый свой приезд на родину Дарига привозила нам фотографии Брюса Ли, Чака Норриса, Сильвестра Сталлоне... и этим здорово радовала нас.

Уже и мы, трое мальчиков, заметно повзрослели. Жайнагуль стала отличницей учёбы. Только вот у Ирысбека каждую весну давала знать о себе застарелая болезнь ноги. Бывало, что он месяцами валялся на больничной койке. В его дневнике уже запестрели «четвёрки». Я же, когда он выписывался из больницы, заметно осунувшийся, уже не портил ему настроение неудачными шутками, вроде «ура-ура!». Пусть только милый братик будет здоровым!

Я стал остро скучать по нему, когда он попадал в больницу. Мне не терпелось поскорее доставить ему бульон, приготовленный руками матери. Одно радовало, как бы трудно ни давался ему каждый шаг, Ирысбек никогда не унывал. При виде нас его глаза сияли: «Я вылечусь, я же — ай да я!».

Мы полюбили игры-загадки с картой. Билисбек умудрялся загадывать такие мудрёные географические названия, которые нам не удавалось найти на карте СССР, сколько бы мы ни таращились. Старались угадывать по направлению его взгляда. Он же, хитрый малый, делает вид, что смотрит на северную часть территории Советского Союза, потом выпаливает совершенно неслыханное название. Иногда эта азартная игра захватывает и нашу мать. И самое интересное в том, что она следующим утром уверенно показывает пальцем на то название, которое накануне никто из нас не смог найти. Мы, конечно, вскоре разузнали секрет её «находчивости». Землячка нашей матери, соседка тётя Куляш по специальности — географ. Они — дальние родственники. Когда мы ранним утром находимся в плену сладкого сна, мать успевает расспросить о местонахождении «таинственного объекта» у тёти Куляш...

Весной, когда я заканчивал седьмой класс, мы — мать, Жайнагуль, два брата — в очередной раз играли в «карту-разгадку». Не знаю почему, но я вдруг выпалил:

— Апа, нельзя ли мне поехать в «Артек?»

Накануне в школе, во время утренника, шёл разговор о Всесоюзном пионерском лагере «Артек». Услышанное оставило неизгладимое впечатление.

— Поедешь, жеребёночек мой, если будешь учиться хорошо! — сразу же согласилась мать.

Вскоре случился сюрприз. Через две недели в нашу школу пришла одна путёвка в «Артек»! Оказалось, что на район выделили две путёвки. Одну направили в наш аул, другую — в Шырганак. К этому времени я был в ряду отличников и активистов школы. Получилось так, что директор школы Мухамеджан-агай срочно сообщил о путёвке нашей матери. Вот так, совершенно неожиданно, исполнилась моя мечта!..

Сбор необходимых документов оказался делом тягомотным. По установленному положению, родители отличника учёбы, которого направляют в «Артек», должны представлять сословие ра-

бочих, а не служащих. К счастью, эту проблему решили очень легко. В данных, направленных в облоно, было указано, что наша мать является уборщицей в школе, а не учительницей начальных классов. Этот бескорыстный ход ловко придумал директор Мухамеджан-агай!

Теперь нам осталось добыть справку о состоянии здоровья. Её можно заполучить только в районной больнице.

Мы с матерью ранним утром отправились в райцентр. Наш жёлтенький «ПАЗик» мчится на скорости по извилистой дороге среди камней и скал. Людей в салон машины набилось очень много. А тут и солнце стало припекать нещадно. Нам с матерью не повезло: сидячих мест не досталось. Я примостился впереди на капоте, прикрывающем урчащий мотор. Мама же стоит навытяжку в задней части салона. Вот автобус стал тужиться, поднимаясь на небезызвестный перевал Кайкы. Кажется, лучше выйти из автобуса и пойти пешком, обгоняя его. Уже не первый раз закипает вода в радиаторе. Я сидел, размечтавшись: «Вот ещё раз поднатужимся, ещё чуть-чуть, и окажемся на вершине неприветливого перевала!..» Мои грёзы оборвали взволнованные голоса из глубины салона: «Останови, останови! У тёти Анес закружилась голова...» Вскочив с места, как ужаленный, рванулся вперёд. Машина резко притормозила. Смотрю, мать пробирается к выходу с трудом, вся взмокшая от пота. У двери несколько человек помогли ей спуститься на землю. Одна женщина, набрав полный рот воды, прыснула ею на грудь бедняжки. И тут мать очнулась, озираясь, пришла в себя. Некоторое время она сидела, судорожно глотая воздух. Слава богу, что пассажиры терпеливо дождались, когда ей станет лучше.

Когда добрались до Богеня, я грустно заметил:

— Апа, вы, оказывается, нездоровы. Разве я могу спокойно ехать в «Артек»?..

— Как не поедешь? Пока я жива, ты не должен отказываться от своего желания! — кажется, мать забыла, что совсем недавно, почувствовав себя плохо, чуть не лишилась сознания. Она, держа меня за руку, обежала все пороги, пока не достала справку о состоянии моего здоровья.

— Сынок, прошу, письмо из «Артека» напиши на русском языке, — сказала мать, прощаясь со мной в аэропорту Алматы. — Не

лезь в воду. Ты ещё не то что моря, а даже озера не видел. Не дай бог, утонешь. Пока тебя вновь не увижу, свою душу буду крепко держать в этом платке..

С такими же, как я, тридцатью тремя казахскими и русскими школьниками впервые за двенадцатилетнюю свою жизнь отправляюсь с этим благословением в самый дальний поход...

«Артек» мне очень понравился. Я попал в десятый отряд дружины «Алмазная». Разве я забуду дни, проведённые с новыми друзьями — тройкой Наташ, парочкой Людочек, Арманом, Пашей, Сашей, Виталиком, Умберто, Валерой?.. В первый же день я сразу позабыл о предупреждении матери «не лезь в воду». Как я утаю, что совсем не подумал о матери в тот момент, когда с азартом и наслаждением залезал на спину инструктора группы, длинноногого Константина? За эти две недели уже сам научился плавать более или менее сносно. Конечно, куда мне до Антона, выросшего на берегу Балтийского моря, но всё же я стал чувствовать себя в воде как рыбка из нашего Сарыколмека. За эти дни я отправил домой четыре письма, во всех этих письмах есть строки «каждый день купаемся в Чёрном море». Ох, матушка, апатай, сколько раз этими словами я истязал и без того слабое ваше сердце! А сколько радости доставляли мне письма матери, её каллиграфически ровный почерк.

Как мы договорились, последнее письмо домой я написал на русском языке. Потом оно ещё долго хранилось как семейная реликвия. Интересно, в какой книжке или тетради оно затерялось сейчас?

Наш обратный полёт пролегал по маршруту Симферополь — Краснодар — Костанай — Алматы. Когда мы приземлились, алматинский аэропорт гудел как пчелиный улей. Дети, встретившись с родителями, радуются, как резвые ягнята. Я тоже пытаюсь найти взглядом маму. О-охо, так это же Жайнагуль! Мне показалась, что наша глупышка очень выросла. Сунув мне в руки букет цветов, она тут же юркнула ко мне в объятия. Вслед с распростёртыми руками бежит в нашу сторону мать. Я только успел воскликнуть: «Апа!»

Недолго задержавшись в Алматы, на следующий день поспешили в родной аул. Как сейчас помню, глядя на знакомые камни и хребты, остро почувствовал, как дороги моему сердцу уголки род-

ной земли. А мама всю дорогу принюхивалась к выгоревшей, пропитанной солнцем моей голове...

V

Ох уж эти выходки рябой коровы! Она точно танк! Сначала разнесла в пух и прах загон для скота у Андизапа, но не остановилась на этом. Успела добраться до сена и разметать его повсюду. А с наступлением весны совсем распустилась. Ходит с переполненным выменем, но не придёт сама к стойлу, если не поищешь и не приведёшь силой. Недавно эта корова отелилась. Напрасно мы думали, что теперь скотина утихомирит свой буйный нрав, — куда там. Опять её нет. Да пропади она пропадом! Рябая и вправду пропала, будто испарилась в синеве неба.

— О-хо, твоя своенравная рябая убежала невесть куда, — вздохнул скотник Атеке-ага.

Апырмай, неужели с голоду помрёт новорожденный телёнок! Ещё издали я заметил, как с поникшей головой, узнав о потерявшейся корове, возвращалась домой мать. Когда видишь, что мать начинает нервничать, следует отбросить в сторону детские шалости и, как солдат, быть готовым выполнить любой приказ. Причём так, чтобы мать своё слово дважды не повторяла. Иначе... да что там говорить... до сих пор чувствуются затрещины.

— Этот телёнок от голода стал доходягой. Ну-ка, встаньте все трое и идите искать корову. Найдите!

Приказы не обсуждаются! Мы быстро схватили фуфайки и пошли искать того, кого нет.

— Не ходите все вместе! Ищите в разных местах поодиночке!

Для вида мы разошлись от дома в разные стороны, а потом вновь собрались вместе у дальней окраины аула на бахче. Ночь уже сгустилась в темень. Со стороны дома доносилось пронзительное мычание голодного телёнка.

— Вы все тепло оделись? — поинтересовался Билисбек.

Его намек нетрудно понять. Зачем нам, троим братьям, в опьяняющую майскую ночь искать корову, не лучше ли дружно повалиться в мягкую траву около бахчи. Когда становится прохладно, согреваемся, прижавшись друг к другу.

— Ты, хитрец, чего так долго пропадал, когда ходил за водой? Наверняка ещё кое-куда заглянул по пути, а нам соврал, что вода шла слабой струйкой, так?

Билисбек не нашёл, как увильнуть от этого вопроса Ирысбека. Вытерев рот по привычке, он усмехнулся:

— Мы с Мухитом сходили на дальнюю улицу.

— За Кулпынай, что ли?

Это я специально съязвил. У Кулпынай и дисциплина, и учёба не блещут. Сорвиголова, а не девчонка. Щёки у неё постоянно как огнём пылают. Билисбек задёргался, будто его крапивой задели. Он толкнул меня в спину. Я не отреагировал. Ведь фуфайка-то плотная!

— Ты сам ходи за этой Кулпынай! У нас — другой интерес! — сказал он высокомерным тоном.

— Твой интерес известный! — земля сейчас потрескалась бы, если бы Ирысбек чего-то не разузнал. — Географичка, что ли?

Билисбек прижал указательный палец к носу. Видать, чтобы я не догадался. Так кто же она, эта географичка?

— Ну скажи, — попросил я настойчиво.

— Не говори! Скажешь, тебе не поздоровится! — Билисбек сурово надвинулся на Ирысбека.

— Ну, та самая, та самая...

— Кто же?

— Та самая же!.. Которая живёт на дальней улице. Совсем недавно, помнишь, она вместе с нами ездила на районную олимпиаду!

Билисбек, который непрестанно подмигивал всё это время, понял, что дело принимает неприятный оборот, и попытался было остановить: «Стоп-стоп».

Однако я успел ляпнуть:

— Конечно же, Арна!

Да, несомненно, она! Точно, она! Недавно мы с ней вместе ездили в Боген, на олимпиаду. Она принимала участие по предмету «география».

Билисбек от души помял Ирысбека.

А я, между тем, покровительственно вставил:

— Чего тут плохого? Завидной невесткой будет.

Неизвестно, сколько времени прошло, пока мы вот так валялись. Вдруг Ирысбек навострил уши.

— Кажется, наша рябая идёт, — радостно вскрикнул он.

Уже и мы её узнали — сама комолая, безрогая. Ах, неблагородное существо, идёт, трубя на весь аул. Наверняка только сейчас она вспомнила о своем телёнке, видать, невтерпёж ей стало от набухшего вымени. Ну и бессовестная же скотина!..

Так, укоряя корову-путешественницу, мы вошли во двор дома. Время, оказывается, уже перевалило за полночь. Мать спала, оставив дверь не запертой на крючок. Мы дали возможность голодному телёнку вдоволь насытиться, а потом вместе с Ирысбеком расселись по сторонам коровы и начали доить. Какой бы крутой нравом рябая ни была, но позволяла нам доить спокойно, четырьмя руками цепляться за четыре её соска, выцеживая молоко до последней капли. При этом животное не забывало о своём детёныше, ласково облизывая его.

Билисбек постоянно недосыпает. Как ему будет нелегко, когда пойдёт служить в армию. Нам всем хорошо, что мать ходит в школу до обеда. Вволю успеваем отоспаться, вволю наедимся, вволю и позабавимся, и пошалим. Спохватываемся тогда, когда приближается время прихода матери, что-то в спешке кидаемся делать по хозяйству. Наведём что-то вроде косметического лоска. Понятно, за несколько минут получается «тяп-ляп»! И через несколько дней становятся заметны следы нашей неряшливости. Разумеется, потом не обходится без заслуженного укора или нагоняя. Хотя как бы она ни была сердита, никогда не наказывала нас, оставляя без еды.

Регулярно покупает оптом несколько бумажных мешков макарон, по мешку риса и сахара. Жаль только, что сладости мать прятала в дальней комнате, которую закрывала на замок. Однако на выдумки мы ещё не заржавели. Выставив окно угловой комнаты, мы понимали, что совершать набеги следует аккуратно, ведь матушка наша не должна догадаться. В обед не едим мяса, а, чуточку добавив масла и лука, жарим макароны. Получается очень сытно. Тем временем во дворе мычит голодный телёнок, настойчиво блеют ягнята. Хлам перед домом не убран. Спрашивается, на кого же мы надеемся?!.

Каждый день Билисбек придумывает что-нибудь занимательное. На этот раз, лёжа напротив книжного шкафа, вдруг предложил:

— Вот сейчас я видоизменю название одной какой-нибудь книги. Кто догадается и найдет её, тот дальше будет загадывать.

— Как так?!

— Вот сейчас увидишь.

Билисбек монотонным голосом прогундел:

— Найдите книгу Елтая Аузынанова!

Кто же он, этот писатель? Все книги домашней библиотеки я знал наизусть. Да оглохну я, если когда-то слышал это имя. Обращаю внимание на то, что и Ирысбек тоже растерян. Так искали, по-другому искали — не нашли.

Билисбек лежит и подначивает: «Кажется, не нашли. Ладно, сам вам помогу... Ой-ой, они считают себя отличниками, а вот найти такую простенькую книгу не можете...»

Да, действительно, не нашли. Получилось, что мы её искали целых пятнадцать минут.

— Это же книга «Ел аузынан» — в переводе «Из уст народа»!

— Ну-ну.. Вот ты даёшь!.. — Мы с Ирысбеком покраснели. На самом деле, почему мы до этого не додумались?! Это же наша повседневная книга, красноречивые слова-афоризмы которой ежедневно помогали нам получать «пятёрку».

— Следующая книга... Сле-ду-ю-щая книга!.. «Али, оны ұқ» звучит: алионук. Найдите эту книгу!

— Разве есть такая книга?

— Есть, есть. Всмотритесь повнимательнее.

Мы прошлись глазами по всем книжным полкам в шкафу. Ничего подобного не видно. Вынуждены были расписаться в бессилии.

— Это же книга Леонова, тугодумы!

— Почему ты зашифровал её под названием «Али, оны ұқ»? Ведь это сочетание совсем не подходит.

— Как не подходит?! Вы же, выговаривая по-казахски, произносите не Леонов, а Лионып. Вот исходя из этого, можно найти похожее созвучие.

На глазах росло высокомерие Билисбека. Наконец мы, убедившись в своей несообразительности, льстиво стали просить поделиться своим творческим подходом. Вскоре и мы научились придумывать скрытые названия. Например, «Пять поэм» Низами по-казахски звучит как «Ұятқой-ей» (Уят-койей). Далее: Моруа — «Мұрны бар» (Мурныбар), «Спартак» — «Қуырдақ» (Кавардак)...

Как говорят в народе, пустая болтовня к добру не приведёт: «Әңгімебұзауемізер» (За беседой не заметишь, как убежало молоко)... Ирысбек, взглянув в окно, вытаращил глаза:

— Там апа! Она уже за зелёным домом...

Значит, здесь она будет через две-три минуты. Что теперь делать? Ирысбек и Билисбек стремглав выбежали наружу. Вон Билисбек, уже развязав телёнка, гонит его за пределы загона. Схватив лопату, взялся спешно выгребать навоз из коровника. Ирысбек успел разбросать охапку сена среди ягнят. А что я делаю? Не теряя времени, наспех мою посуду, затем смахиваю крошки и вытираю дастархан. К счастью, мы ещё раньше догадались почистить казан после жарки в нём любимых макарон... Для пущего блеска ополоснул его тёплой водой, отчего он заблестел, как зеркало.

Мать уже показалась рядом с домом. С ней шли учительницы — соседки тётя Раш и тётя Амина. О чём-то они оживлённо беседовали. Видно, очень устали и потому шагали медленно. Вот они уже возле нашего дома, и здесь их дороги расходятся. Вытерев дастархан и прислонив к стенке низкий круглый стол, я приник к окну. К ужасу своему, вспомнил, что не успел протереть пол... Двое моих братьев тоже кое-что не доделали. Ирысбек орудует веником: он подмёл возле порога. А вот появился и Билисбек с двумя вёдрами, наполненными водой.

Женщины вдруг встали, увлечённые своей беседой. Я изо всех сил желал, чтобы они подольше стояли. Побрызгав пол водой из ведра, принялся его натирать. На лбу сразу появилась испарина. Мать теперь попрощалась с соседками и направилась домой. Когда она приблизилась к ограде, её окликнула Раш, видимо, о чём-то вспомнив. Три женщины, каждая на своём месте, продолжали разговор теперь уже на расстоянии. Спасибо, дорогая тётя Раш! Как замечательно, что ваша беседа затянулась. Я успел убраться в доме, Билисбек тоже поставил воду на место, Ирысбек, загрузив навоз в тачку, мчится к месту свалки. Вот это да, настоящая битва на трудовом фронте!

Наконец-то закончились пересуды трёх женщин. Уф-ф! Сегодня мы спаслись! Я торжественно встретил мать у порога: «Апа, я поставил чайник на газ, выключите сами. Теперь пойду встречать нашу рябую». Ирысбек, вооружившись прутиком, побежал навстречу отаре, идущей с пастбища, чтобы вовремя отделить от неё

своих овец. Билисбек в это время вновь привязывал к месту тёлку-второгодку, самостоятельно сходившую на водопой...

VI

Билисбек после окончания школы так и не поступил в вуз. В старших классах он заметно скатился по успеваемости. Вообще-то он был начитан, но, видать, поплыл не туда в бурном потоке юности. Возвратившись в аул, устроился на ферму резчиком кормов. Ранним утром, едва продрав глаза, спешит на работу. Вечером возвращается очень усталым, еле шевелится. Через год Билисбек поступил в Талгарский техникум. Мать несколько раз навещала его там. Техникум не располагал общежитием, поэтому вместе с сокурсниками он жил на квартире.

Это было очень трудное время. Отовсюду давила нужда. Не знаю, как матери удавалось обеспечивать нас более или менее сносно, но постороннему человеку даже на беглый взгляд становилось понятным наше незавидное положение, впрочем, так выглядели почти все ребятишки аула. Мы были одеты и обуты в дешёвую, но некачественную продукцию, поток которой хлынул тогда из Китая. В Жарканте открылась большая китайская барахолка — все наши обновки приобретались там. Помните, на спортивной футболке «Монтана» красовался орёл с широко раскинутыми крыльями. После нескольких стирок образ орла превращался сначала в воробья, а вскоре и вообще в непонятное существо. Однако эти мелочи мало кого заботили. Футболку надевали и на спортивные занятия, и в праздники, и в будни.

Но особенно мы мучились с обувью! На вид смотрится шикарно, но все эти туфли и ботинки моментально рвались, не выдержав и двух дней носки. А если побежишь, то обязательно безбожно поцарапаешь весь верхний слой обуви. В китайской обновке играть в футбол — гиблое дело. Сам не заметишь, как уже после первого удара по мячу каблук ботинка «с приветом» летит в сторону...

Справившись с домашним заданием, мы втроём с Ирысбеком и Жайнагуль играем в «қала-қала» — в переводе «поспеть всюду». Лист делим на части: имя человека, животное, вещь, город, одежда, транспорт... Каждую колонку заполняем названием, которое начинается с избранной буквы. Кто находит первым, командует

«стоп», и все перестаём записывать. Учитывая малолетство Жайнагуль, решили облегчить ей задачу, позволив, чтобы она некоторые названия написала по-русски. Например, под живым существом под буквой «г» может написать «гусь».

Моему упрямству нет предела. Если что-то сказал, упрусь, как упрямый осёл, лишь бы доказать верность предложенных мною названий. Я первый заполнил колонку под буквой «Қ». И, выпятив грудь, важно изрёк: «Сто-о-оп!» Ирысбек и Жайнагуль от удивления вытаращили глаза. Я отлично знаю, что они задумались над названиями транспорта. И вот я перечисляю найденные мной слова по списку:

— Қанат — имя;

— Қабылан — разновидность барса;

— Қайшы — ножницы;

— Қостанай — город;

— Қапсырма — двухстворчатая дверь.

Совершенно ясно, что на эти вопросы старший брат и сестрёнка ответят без затруднений. Когда подошли к названию транспорта, я, помедлив, воскликнул:

— «Қыты-қыты!» — кудахтанье.

Ирысбек, схватившись за живот от смеха, упал на пол. Жайнагуль, обомлев, вытаращила глаза. Мать сидит в стороне, довольная.

— Эй, брехун, нет такого транспорта! — наконец отчеканил Ирысбек, еле-еле сдерживая себя.

— Оу, почему нет, есть! Вон тот трактор, на которым ездит Омирбек-ага, весь аул прозвал «қыты-қыты». Разве не так? Тот самый маленький красный трактор с коробкой впереди...

— Конечно, так говорят. Но это не его название.

— Мне нет дела, как он называется на самом деле, но с рождения помню, что называем его «қыты-қыты». Докажи, что я вру!

— Да-да, ты прав в этом. Однако мы в своей игре должны называть каждый объект своим именем.

— Разве было такое условие до начала игры? Что это за игра, если по ходу будем придумывать новые правила? Клад — нашедшему, а коза — пастуху!..

Я упорно сопротивляюсь. Тут вмешалась мать.

— Верно говоришь, выдумщик. В этой игре не только знание, но и фантазия должна присутствовать!

В результате я вышел победителем. Шесть названий принесли мне шесть очков! И по букве «Д» тоже отличился. В названии одежды и Ирысбек, и Жайнагуль написали — «джинсы». По правилам игры, если у играющих сходится одно и то же название, то оно вычёркивается, при этом очко не начисляется.

— А я написал «дерматиновые ботинки»! — выдал я.

— Ну разве бывают дерматиновые ботинки?

— Эй, Ирысбек, скажи, ты носишь обувь из чистый кожи или из дерматина?

— С тобой не поспоришь, — сдался Ирысбек.

Разве я мог тогда представить, что эти самые дерматиновые ботинки будут на мне, когда я поеду в них на республиканскую олимпиаду и вернусь с победой...

В девятом классе я занял первое место сразу в двух школьных олимпиадах. И, хотя поехал на областную олимпиаду без особого желания, всё же не ошибся. Учительница Арнур на итоговом собрании по результатам олимпиады прочитала моё сочинение и признала его образцовым. Я был на седьмом небе. И теперь днём и ночью стал готовиться к республиканскому смотру. Наша учительница Гульнар-апай, родив ребёнка, находилась в декрете. Я приходил к ней домой. Накормив ребенка, она укладывала его спать и в течение двух-трёх часов занималась со мной по казахскому языку, а потом водила меня по дебрям литературы. Я твёрдо нацелился оправдать труд моей учительницы.

Совершенно некстати на меня свалилась напасть — на шее появились болезненные нарывы, фурункулы. Должно быть, простыл от холода запоздалой весны. Шеей не пошевельнуть, если кто-то окликает, я поворачиваюсь к человеку всем своим телом. Но уроки стараюсь не пропускать. Кажется, что именно в день, когда я не был на занятиях, одноклассники проходят самые сложные темы. А как эти нарывы мучают меня по вечерам! Будто душу мою вытягивают! Мать, сочувствуя мне, выдавливает созревшие нарывы, прикладывая аптечную вату. Но это не приносит мне никакого облегчения, кажется, даже наоборот.

Во время одной из таких процедур к нам домой заглянул Серик-ага. Он живёт в райцентре, приехал в гости к соседу-родственнику. Поговаривали, что у него есть кое-какой дар целительства и ясновидения. Едва переступив порог, он воскликнул:

— Оу, тётя, что вы делаете? Смотрите, как светится лоб этого мальчика! И болезнь эта неспроста, в вашем ребенке зреют особые способности. А сейчас не мучайте его, обработайте нарывы с осторожностью. Этого будет достаточно...

Мужчина покинул наш дом так же внезапно, как и возник. А болезнь и вправду пошла на убыль.

И вот мы, трое участников, держим путь на республиканскую олимпиаду в Жезказган. Не перестаю удивляться этому куртинскому Ермеку — он родился, что ли, таким начитанным: на любой вопрос отвечает без раздумья. А ведь младше меня на класс. В итоге мы с Ермеком завоевали первые места. Алтынгуль удостоилась поощрительной премии. Всю обратную дорогу до Алматы мы проехали не помня себя от радости и гордости. Зайдя за вещами в общежитие института усовершенствования учителей, я у дверей чуть не столкнулся с матерью. Бедная апа, видать, терпения у неё не хватило ждать меня в ауле!

— Родной ты мой, как дела? Как чувствуешь себя? — набросилась она с вопросами,

— Апа, «единица»! — я гордо поднял палец.

— Первое место, что ли, завоевал?

— Да, апа, первое место!

Сам удивляюсь, что держу себя невозмутимо. Мать обхватила меня крепко, не обращая внимания ни на кого. Уткнувшись в её грудь, я, как в детстве, даю ей принюхаться к моей прожаренной солнцем голове.

Затем мы направляемся в Талгар, хотим проведать Билисбека. Он оказался на занятиях, пришлось подождать некоторое время. Мы коротали время, прихлёбывая пустой горячий чай — какой достаток может быть в студенческой комнате. Билисбека мы нашли возмужавшим, он стал настоящим джигитом.

— О-о, силён ты умом, однако! — восхитился он моим успехом. Потом, внимательно оглядев меня, скосил глаза на валявшиеся у двери мои сношенные кроссовки:

— Ты в таком виде там появился?

— Да, конечно.

Он хотел ещё что-то сказаться, но остерёгся матери.

— Хотя бы брюки погладил, — пробормотал еле слышно.

VII

В двадцатилетнем возрасте Дарига вышла замуж. Билисбека после второго курса призвали в армию. Вначале он попал на шестимесячные учебные курсы в подмосковный Подольск, затем, как воин суверенного государства, дослуживал в Сарышагане. Ирысбек поступил в Иссыкский педагогический колледж. Он не стал испытывать судьбу, хотя мог учиться в Институте искусств. Приезжая домой, он с удовольствием рассказывал нам байки из студенческой жизни. Я с любопытством слушал его, разинув рот.

— Однажды, когда только выпал первый снег, — начал он, растягивая губы до самых ушей, — мы втроём с Шакеном и Адилом задумали одно рисковое дело. Сами знаете, студенты всегда ходят полуголодные. Конечно, девчата подкармливали, ведь нас, джигитов, в общежитии — раз-два и обчёлся. Мы подумали: будет делом чести, если самостоятельно добудем себе пропитание. Дождались темноты и спровадили Адиля во двор, под окно. Наша цель — комната Жанар, на балконе которой висело мясо в сетке. Девчонки сегодня ушли в город, в комнате никого нет. Мы давно, как горные архары, научились перепрыгивать с балкона на балкон. Отвязали сетку и кинули её вниз. Но тут неожиданно из общежития на улицу вышел вахтёр. Адиль, который должен был поймать сетку, смылся в мгновение ока. Мы же, затаив дыхание, замерли на месте. Ничего не подозревавший охранник немного потоптался и направился куда-то за ворота. Вдруг внизу послышался громкий лай собак. И, вглядевшись сверху в темноту, мы увидели, как свора четвероногих уже вовсю растаскивает мясо между собой. Получилось так, что из нашей аферы ничего не вышло, мы потерпели поражение.

— Ну и дураки же вы! Не могли, что ли, сами приготовить что-нибудь из своих продуктов? — выпалил я, не одобряя подобное пиратство.

— Ох, Тыныс! Вот через год сам будешь студентом, тогда и поймёшь, где раки зимуют, — сказав это, Ирысбек легонько вздохнул.

Упоминание о том, кто где зимует, вернуло нас к нашим обязанностям. Мы вспомнили, что пришёл черёд следить за выпасом овец. Снег в нашем ауле начинает хозяйничать уже с середины октября. Пока он не лёг плотным слоем, овцы продолжают кормить-

ся тебенёвкой, их гоняют на выпасы в сторону Дегереса и Бель. Я заранее попросил у Бахыта-аги его трёхлетку с белым пятном на лбу. «На спине у него ссадины, так что сильно не гоняй его», — предупредил меня хозяин, отдавая коня.

К радости, день выдался ясным. Овцы хорошо освоились на пастбище, только следует идти позади отары и не отставать. Отпустив поводья коня, я прищуриваю глаза от слепящего снежного покрова и впадаю в тревожные размышления. Каким будет моё будущее? Смогу ли я поступить в университет? Слышал новость, что на экзаменах ввели тестирование. Сколько наберу баллов? По правде говоря, я сам сильно пугаюсь своих мыслей. Ведь до меня не сумели поступить в вуз ни старшая сестра, ни оба брата. Если и я не смогу пробиться, к тому же именно на факультет журналистики КазНГУ, то прощай моя мечта стать спортивным журналистом.

Эх-эх!.. Вот бы взять и поступить в университет... Тогда бы я показал, как надо учиться. Хотя, может быть, удержаться в КазНГУ тоже непросто, а?.. В нём из нашего аула учатся только Кымбат и Айнур. Вот я и поинтересуюсь у них, как только они прибудут на зимние каникулы.

Когда утром я отправлялся на пастбище, каждый хозяин, передоверяя свой скот мне, наказывал со всей строгостью: «Тынысбек, будь внимателен к той ярке, она всё время отстаёт от стада...» — «Вот эту старую овцу мы зарежем сегодня-завтра, как бы не осталась на пастбище..» — «Будь осторожен, бывает, что некоторые овцы могут отстать, прячась в тростнике..» Все их просьбы и советы я с утра влил в своё оттопыренное ухо.

Конечно, есть повод аульчанам беспокоиться за свой скот, который они поручают подпаску. Наш колхоз, если не ошибаюсь, первым в Казахстане был благословлён на самороспуск. Гремевшее раньше передовое хозяйство за два месяца превратилось в жалкий аул. Всем членам колхоза, учитывая их заслуги, было выдано некоторое поголовье скота. За несколько дней отдельные дома, где раньше не слышо было блеяния ни одной овцы, обрели ни много ни мало по сорок–пятьдесят голов овец и коз, две–три коровы, одну–две лошади. Самыми последними заимели скот учителя и конторские работники. Нашей матери выделили пятнадцать голов ярки и одного телёнка. За один год работы Билис-

бека в колхозе на его счёт записали двух ярок. Чабаны, чувствуя распад колхоза, ухаживали за животными спустя рукава. Поэтому наши ярки выглядели как ягнята: дунешь — упадёт. Еле передвигают ноги. Откуда мне было знать?! В первый же день я загнал всех семнадцать ярок в кошару. Пусть, думаю, наедятся, а то очень уж голодные. Мать пришла в ужас от моего поступка: «Как говорится, кто не видел скота, загонит его до смерти. Сейчас эти животные, набив свой желудок, подохнут от несварения, — сокрушалась она. — Вот посмотрите, до утра все они не доживут».

Утром в кошаре нас ждало жуткое зрелище. Три ярки мёртвыми валяются на земле со вспухшим животом, а ещё две — еле-еле шевелятся...

Да, до сих пор всё это стоит у меня перед глазами. В девяносто третьем году минувшего века наш аул поставил рекорд по уничтожению овец. Почти в каждом дворе валялось по четыре-пять мёртвых туш бедных животных. Только три ярки из нашего стада тогда уцелели. С приближением весны местная администрация выделила специальный автотранспорт для вывоза падежа домашнего скота за пределы аула. Там вскоре набралась целая гора, на которою было жутко смотреть.

Аульчане, не придумав ничего путного, кинулись срочно менять чудом оставшихся животных на любой товар. Путём бартера одну ярку запросто обменивали на две бутылки водки. Овца становилась валютой при обмене на китайскую обувь. Конечно, хапуги в этой ситуации не остались обделёнными. Жаль только, что обманутыми оказались наши доверчивые аульчане.

Эти овцы, которых я сейчас пасу, остатки от дележа во время развала колхоза. И всё-таки грех жаловаться, земля Дегереса попрежнему плодородная. Овцам стоит лишь просунуть свою мордочку под снег. Не поднимая голову, животные кормятся неспешно и недовольно блеют, когда их отрываешь от подснежного корма. Я же, дав им волю, спокойно прихлёбываю чай, сидя в седле. Потом опять погружаюсь в мечты. Около четырёх часов дня направляю отары овец в сторону аула. После пяти уже сгустятся сумерки, поэтому дальше тянуть нельзя. Подчиняясь моей команде, овцы медленно плетутся домой. Я же постоянно оглядываюсь назад. Вдруг возле куста песчаного тростника замечаю ярку, которая с трудом поднимается на ноги. Как хорошо, что вовремя заметил!

Это же та самая овца, следить за которой так настоятельно поручал Нуркадыр-ата. Возвратился и, не слезая с лошади, подхватил обессиленное животное. Ярка оказалась лёгонькой как пёрышко, и я без труда примостил её перед собой. Уже через два-три перехода ярка мирно дремала у седла. Через некоторые время, видать, пришла в себя, стала брыкаться. Я опустил её на землю. Почувствовав свободу, ярка весело побежала догонять отару...

Когда поднялись на последний перегон, за которым открывалась вся картина аула, вдруг на одном месте завертелась старая овца Халишы-апы. «Может, скотина заболела вертячкой», — подумал я и стал подгонять её. Овца ни с места. Голову всё время тянет влево по кругу. Хотел было поднять, да куда, слишком тяжёлая. А тут ещё и трёхлетка подо мной, оберегая измученную спину, начал непрестанно брыкаться. Делать нечего, придётся ждать, пока конь успокоится. Головная часть отары, всё отдаляясь, вышла на прямую тропу в аул. Быстро стало смеркаться. Старая овца не может даже пошевелить ножками. Нельзя беднягу оставить хищникам на съедение. Стыдно будет перед Халишой-апой. Соскочив с коня, попытался толкнуть животное. Тщетно. Зацепив мизинцем уздечку, тихо плетёмся за бедняжкой-овцой.

Ночь окончательно вступила в свои права. Видно, время новолуния. Свет месяца еле мерцает, поэтому трудно ориентироваться в пространстве. Переживаю, что мать начнёт волноваться, кинется на поиски. Не может же она оставить дома одну Жайнагуль! Было бы прекрасно, если бы она мне навстречу направила двух-трёх ребят. Мы бы быстро подняли и положили овцу поперек седла и за короткое время добрались до аула.

— Тыныс-тай, жеребёночек, ты где? — послышался голос.

Неужели мать? Видимо, не выдержала, сама вышла навстречу мне.

— Апа, не бойтесь, я здесь, — стараюсь отозваться бодрым голосом.

Мать бежит стремительно. Накинутое наспех старое отцовское пальто делает её фигуру маленькой и жалкой.

— Ой, апа, почему побежали так далеко? Я бы сам потихоньку добрался.

— Горемыка ты мой, горемыка... я подумала, что тебя уже волки растерзали. Ведь овцы давно приплелись в аул.

— Со мной всё в порядке. Эта старая овца совсем не может идти.

— Да брось ты её! Она — не дороже твоей души. В крайнем случае, отдадим свою овцу взамен...

Тут к нам подоспели Бекулан и Дархан. Мы, подняв и положив старую овцу поперёк седла, тронулись в сторону аула. И мать, кажется, немножко успокоилась, а потом, вспомнив, что Жайнагуль дома одна осталась, опять заторопилась и побежала вперёд нас.

VIII

В одиннадцатом классе на республиканской олимпиаде я занял лишь третье место. Сам виноват. Так и не понял, почему в меня вселилась уверенность, что сочинение напишу только на «отлично». Но, если честно признаться, вместо предоставленных четырёх часов, целых два часа я потратил на какие-то абстрактные чертежи-каракули. Потом за один час справился с сочинением, оставшийся час потратил на переписывание и получил... «хорошо». Сразу же упал духом. Мне-то казалось, что сам я отлично изложил свою мысль. На устном ответе тоже переволновался, в результате не все ответы оказались безупречными. У меня совсем поникла голова, когда узнал, что моей фамилии не оказалась среди победителей. Домой вернулся мрачнее тучи, будто навсегда развеялись в пух и прах все мои мечты. Всё, университет, как говорится, исчез на горизонте, как журавль в небе.

Я знал, что победители олимпиад по предметам будут приняты в высшие учебные заведения без экзаменов. А теперь я просто своими руками упустил великолепный шанс.

Мать, хотя виду и не подавала, но переживала пуще меня. В дни весенних каникул она собралась и решительно направилась в Алматы. Там какую-то высокую должность занимал родственник нашего отца, вот она и вознамерилась похлопотать за меня.

Вернувшись домой, она застала меня за чисткой скотного двора. Рядом со мной пыхтел Ернат. Несколько лет назад его семья переехала в Талгар, и теперь он приехал погостить. Увидев мать, я выбежал ей навстречу. Она находилась в приподнятом настроении. «Ну и ну, как ты дотащила столько сумок?» Она же только улыбается: «Будет тебе сопутствовать удача, сынок!» Я засуетил-

ся от волнения. Пока мама переодевалась, я на одном дыхании в приподнятом настроении успел вылизать почти весь скотный двор.

— Так я могу рассчитывать на журфак, апа? — поинтересовался я, подойдя к матери.

— Твой дядя сказал, что поможет тебе поступить в технический университет.

— Как так?!

— Сказал, что там много хороших специальностей. Мол, пусть выбирает любую.

Я, отбросив лопату в сторону, зарыдал, присев на землю. Неужели мою надежду опять унесло ветром? «Сама учись там!» — с обидой бормочу время от времени. Ернат тщетно пытается утешить меня. «Ведь твоя мать и этого с трудом добилась. Хоть пожалел бы её». Но его доводы до меня не доходят. А матушка присела рядом от бессилия: «Что я могу ещё поделать, что? Если не хочешь — не поступай! Будешь в ауле овец пасти...»

Школу окончил с отличием. Директор школы Мухамеджанагай лично посещал государственные экзамены и внимательно прислушивался к моим ответам. Отвечая на вопрос по русскому языку о своей мечте, выпалил: «Я хочу поступить в большой университет!» Директор улыбнулся. Уходя, он серьёзным тоном повторил: «Поступи, поступи в большой университет!»

Наконец, и я стал абитуриентом. Завтра выеду из аула в Алматы. Накануне Ирысбек и двоюродная сестра Жансая чуть не свели меня с ума!.. Они вместе всю ночь пытались «учить» меня.

— Когда прибудешь в Алматы, садись в 65-й автобус. Поедешь по проспекту Райымбека в западном направлении и сойдёшь с него на восьмой по счёту остановке. Эй ты, «отмороженный», будь внимателен: не считай за остановку каждое торможение автобуса перед светофором...

— Если у кого-то хочешь что-то спросить, не кричи, как в ауле. Если хочешь показать какой-то объект, то не указывай на него пальцем, а кивни в ту сторону подбородком.

— Если в автобусе со словом «передайте» дадут монету, не клади её в карман. Ты тоже скажи «передайте» и отдай её впереди стоящему пассажиру... Не тыкай пальцем впереди или позади стоящего человека, просто тронь за плечо...

— Идя по улице, не лопай мороженое, будто ничего подобного не видывал. Потому что ты сам «отмороженный»...

Тут за меня вступилась мать: «Ну что вы учите его, как дикаря. В Алматы, где вы побывали, ходили и мы. Вы ещё услышите о нашем мальчике, он вас опередит!»

Её слова окрылили меня.

В город поехал сам. До этого никогда не приходилась самому уезжать так далеко: в душе, конечно, волновался, хотя вида не показывал. Мать, перед прощанием, по своей привычке, поцеловала меня в лоб. Потом, поручив мою судьбу самому Аллаху, осталась у дома, провожая меня взглядом. В таких случаях мать никогда не покидала пределы домашнего двора...

Сел на правое сиденье малогабаритного автобуса. Вот теперь и для тебя началась новая жизнь, мырза Тынысбек! Какой же станет эта жизнь? Что ждёт впереди? Смогу ли поступить на учёбу? До сих пор в ушах звенят последние наставления матери: «Ни в коем случае не расстраивайся, сынок, если не поступишь. Подготовившись ещё один год, вновь попытаешь счастье. Жизнь не складывается из одних только побед...» — «Я поступлю, апа, поступлю!» — твержу я сквозь зубы.

Когда автобус проезжал мимо кладбища на окраине Шелека, из-за густого песчаного тростника выскочил заяц. Я очень обрадовался. Эту примету я посчитал для себя счастливой.

Вот он — город моей мечты! Алматы! Сразу сел в автобус 65-го маршрута. На его борту красовался номер «1». Ещё одна примета на счастье, подумалось мне. Время от времени заглядывая в записку, я довольно легко нашёл квартиру тёти Алии. Всё начиналось хорошо, лишь бы теперь поступить на учёбу...

В городе находился и нагаши Ауельхан. Он встретил меня радушно и помог найти приёмную комиссию университета. Женщина — член комиссии, взглянув на мою грамоту, врученную за третье месте на республиканской олимпиаде, заявила: «Сейчас мы заглянем в список. Если этот юноша на самом деле зарегистрирован в нём, то, возможно, он будет зачислен на факультет без экзаменов». Я, раньше неё увидев свою фамилию в списке, указав пальцем, прочитал: «Третье место — Т. Курышбекулы (Алматинская область)». Женщина сказала: «Сдавайте соответствующие документы. В течение недели будет принято решение». В ушах за-

шумело. Когда вышли на улицу, Ауельхан-ага, крепко обняв меня, сказал: «Вот ты и стал студентом!» И первым поздравил меня.

Вскоре меня опять пригласили в приёмную комиссию. Все сидящие здесь люди показались мне очень солидными — одни широколобые дяди и тетёньки в очках! Среди них оказалось и несколько молодых людей, которые, несмотря на жару, были при галстуках и время от времени галантно поправляли их.

Они меня ошеломили, засыпав вопросами. Просматривая мои опубликованные в печати статьи и стихи, о чём-то переговаривались друг с другом. Потом поднялся декан, откинул рукой назад волосы и сказал, подытоживая проверку: «Тынысбек! Ты, оказывается, с отличием закончил школу. Стал и победителем, и призёром республиканской олимпиады. Опубликованные тобой материалы нам тоже понравились. Короче, ты отвечаешь всем нашим требованиям. Решением приёмной комиссии ты освобождаешься от вступительных экзаменов. Можешь ехать домой. Теперь ты — полноценный студент! В середине августа выйдет приказ министерства. Об этом тебе сообщит руководство факультета. Пусть сопутствует тебе удача!»

Я — студент! Ур-р-ра! Я — студент КазНГУ! Как об этом объявить матери? Я бегу по улице. Тут хлынул дождь. Обычный капризный летний дождь. На проспекте Абая, весь промокший, я полез в троллейбус №19. Мне показалось, что пассажиры смотрят на меня с удивлением. Но мне не до них. Ничего не замечая вокруг, я всё улыбался и улыбался... Оказывается, в тот же день маме позвонили из районо с поздравлением!

Да здравствует студенчество! Да здравствует Алматы! У меня началась совершенно новая жизнь!

Эпилог

...Последняя сессия последнего курса. Через два месяца курс, на котором учится Тынысбек, заканчивает университет. Сегодня каждая группа, по закреплённой кафедре, будет сдавать экзамен по спецкурсу. Тынысбек взволнован. Как решит профессор? Кажется, он готов ответить на все вопросы. Но наставник может подавить авторитетом. Все шесть студентов кафедры, нахмурив брови, готовы отстоять свои интересы.

Не изменяя своей привычке, профессор прибыл на экзамен без минуты опоздания. Он оглядел сидящих в аудитории выпускников, потом, как всегда, долго просматривал свои бумаги из папки. Что-то подсчитывал, что-то вычёркивал. И вдруг достаточно властным голосом произнёс:

— Курышбекулы, встаньте с места!

Апырмай, что он намерен делать, ведь ещё экзаменационные билеты не раздал?

— Курышбекулы, вы по предмету нашего спецкурса набрали 92 балла из 96-и возможных. Все конспекты заполнены, все задания вами выполнены. В течение последнего семестра в республиканской печати вы опубликовали три материала. Получается, что вы справились со всеми нашими требованиями. А теперь скажите сами, возможно ли поставить автоматическую оценку «отлично»?

Тынысбек не нашёлся с ответом. Пытаясь не выдавать свою растерянность, стал следить за настроением наставника. Похоже, что он не шутит. Он... он от души хохочет...

— Можно, агай, почему — нет? — ответил Тынысбек, осмелев.

— Если «можно», то тащи сюда свою зачётную книжечку!

Тынысбек никогда раньше не только не видел, но и не слышал, чтобы профессор кому-то поставил «автомат». Выпрямившись во весь рост, он вручил преподавателю зачётную книжку.

— На втором курсе, помню, тебя заносило, учился ты неровно. Однако быстро взял себя в руки, юноша! Ты теперь не должен быть плохим специалистом. Понял меня? — сказал он, пристально глядя на Тынысбека.

— Понял, агай! — глубоко вздохнул Тынысбек.

Вылетев пулей из аудитории, он, вновь и вновь разглядывая поставленную «пятёрочку», отчеканил:

— Родина-мать не забудет ваш труд!

Это была любимая присказка профессора, которую он повторял, когда был очень доволен кем-то.

АЛИБЕК БАЙБОЛ

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ВОКЗАЛ

Восприятие ребенка отличается от восприятия взрослых.
Потому что малый ребенок никогда не забывает про своё детство.

Марк Твен

I

— Я успел первым!

— Нет, я — первый.

— Я.

— Нет, я!

— Я первым коснулся кончиками пальцев.

— Мы оба добежали одновременно.

— Тогда вы оба голите, а мы прячемся.

Во дворе в сумерках дети играли в прятки. По правилам, тот, кто водит, должен прибежать раньше последнего и постучать по стене рукой. Если двое подбегут одновременно, то, как Марат и Сакен, будут «голить» одновременно.

— Один.

— Один с половиной.

— Два.

— Два с половиной.

— Три.

— Три с половиной, всё, последняя нить прервана, мы открываем глаза.

— Марат, ты ищи на той стороне.

— Я буду искать на этой стороне.

— Где вы, а ну-ка, выходите, — пытается Марат перехитрить спрятавшихся.

— Эй, Жандос, тебя зовёт папа. Он тебя ищет, — кричит Сакен.

— Когда звал? — Жандос вскакивает с места.

— Я увидел тебя, нашёл!

Сакен, подбежав к стене покосившегося дома, бьёт по ней, с восклицанием: «тук-тук!». В народе такие дома называются «хрущёвками».

— Теперь, Жандос, ты голишь, — говорит Сакен, смиренно глядя на него...

Игрок, не успевший добежать вовремя, отворачивается к стене дома и начинает считать, а остальные прячутся...

— Сакен, иди домой, пора, сынок, ужинать, — изводится его мать Сулухан.

Мама Сакена — дворничиха. С тех пор как они переехали в Алматы, прошло семь-восемь лет. С пьяницей отцом она давно развелась. И теперь его мама Сулухан была мальчику и за мать и за отца. Ей в работе помогает Сакен. Кроме основной работы, мама ещё торгует на железнодорожном вокзале.

— Сынок, поешь, потом поможешь мне! — просит мама, глядя на его лицо с потными подтёками.

— Ну, мам, поиграю ещё с ребятами в прятки. Сейчас они опять выйдут на улицу, — стал Сакен умолять мать.

— Сынок, ты же играл. Что, ещё не набегался? — укоряет женщина.

— Хо-о-ро-шо, тогда я знаю на железнодорожном вокзале одну игру, которая всем играм игра, — сказал Сакен, вгрызаясь зубами в кусок чёрного хлеба.

— Какая такая игра, сынок? — спросила мать, широко улыбнувшись.

— Буду бегать по рельсам, — улыбнулся в ответ Сакен.

— Поешь, сынок, не то остынет, — сказала мать, собирая мелочь, необходимую для торговли.

Мать и сын накрыли остатки еды на столе газетой, потушили свет и заперли дверь дома. Они направились в сторону железнодорожного вокзала. Семья ютилась в тесной, сырой комнатушке для железнодорожных рабочих с каменным полом и бетонными стенами. Зимой, когда иней покрывал стёкла их комнатушки, Сакен рисовал на окнах портреты: матери и свой.

— До отхода скорого поезда Алматы–Костанай осталось пять минут, — объявила женщина-диктор.

— Мама, мы не успели. Поезд уже отходит.

— Сынок, сейчас подойдёт другой поезд! — успокоила его мать, вытаскивая из пакета вещи, приготовленные для продажи.

— Мам, когда мы пойдём домой?

— Не торопись, сынок, когда уйдут все поезда.

— Когда уйдут все поезда, отпадёт верблюжий хвост на землю, а козлиный дорастёт до неба? — засмеялся Сакен с детской непосредственностью.

— И откуда мой мальчик научился таким словам, а?..

— Научила Майра-апай... Когда учительница говорила эту присказку, я запомнил.

Мать, довольная, смеялась в ответ словам сына. Она откровенно любовалась Сакеном...

— Эй, Сулухан, что я вам говорил. Нельзя торговать на вокзале. Как это вы слов не понимаете. Собирайте свои пакеты и мотайте домой! — над ними навис главный страж вокзала по имени Жарас.

— Жарасжан, вот продадим эти товары, тогда и уйдём. Мы же только что пришли.

— Ты что, слов не понимаешь? — И Жарас стал пинать носком туфли ведро с яблоками и пакеты, полные всякой снеди. Разбитое стекло, покатившиеся яблоки, плач-звон невинного ведра...

— Сказал я, уходи, значит, уходи. Тебе этого мало? Если мало, вот тебе ещё. — И он стал ногами давить фрукты.

— Ладно, чего ты бесишься, перестань. Уйдём. Перестань, Жарасжан, — и женщина стала руками отталкивать охранника.

— Вот тебе! — Сакен пнул обидчика в голень.

— Ты смотри, что делает этот щенок!..

— Маму не трогай, — сказал тот в ответ и, укусив его за бедро, пустился бежать.

— Вот щенок. Мать твою, иди сюда.

— Сынок... Жарас... Оставь его, он ещё ребенок. Он же меня защищает!

— Чтобы больше я вас тут не видел. Вы меня поняли? — с этими словами, мужчина резко повернулся и ушёл.

Всю свою сознательную жизнь Сакен сталкивался с подобными ситуациями... Но он должен благодарить свою судьбу. Потому что в отличие от других детей уже сызмальства знал, как заработать на жизнь и чего стоит кусок хлеба.

II

С начала мая с неба не упало ни капли дождя. Всё живое жаждало влаги. Но не было даже дуновенья ветерка. Душная жара воцарилась везде и, казалось, небо расколется и упадёт на землю.

Сакен, по сравнению с белоручками, которые не терпят ни жары, ни холода, привык к такой жизни. После уроков занимается торговлей. Соседские дети дразнили его «узбеком». У Сакена в таких случаях всегда был готов ответ: «Чем бездельничать дома, лучше быть узбеком». Этим словам его выучила Сулухан...

Сакен извёлся от жажды и решил попросить воды. Но посторонним не хотел этого показывать. Приняв смиренный вид, он попросил у матери:

— Мам, дайте воды, хочу пить.

— Мой мальчик хочет пить, — запричитала женщина и налила ему из термоса чая:

— На, пей, но больше не проси, хорошо? — мягким голосом сказала мать.

Сакен согласно кивнул головой.

— Яички хочешь? — спросила мать, с любовью глядя на сына.

У Сакена аппетита не было.

— Нет, не хочу, — ответил он и покачал головой.

Сакен выглядел старше своих лет.

Небольшая кучка людей. «Видимо, покупатели», — предположил Сакен. Они бросили свои сигареты в мусорный ящик, и спросили:

— Сколько стоят ваши яблоки?

— Ведёрко стоит пятьсот тенге, — ответила им мать, улыбаясь.

— Берёте? — спросил Сакен, улыбнувшись.

— Эй, этот мальчик тоже торговец? — спросил удивлённо один из джигитов.

— Сами видите, помогаю маме, — шустро ответил ему Сакен, глядя на покупателя своими огромными глазищами.

Незнакомый парень, видимо, задумался о судьбе подрастающего Сакена.

— Для себя я не беру, но для тебя куплю, — сказал он, отсчитывая деньги.

— Вот тебе пятьсот тенге, — сказал незнакомец.

Его друг, внимательно осмотрев мальчишку, спросил:

— Тетрадки у тебя есть?

— Пока есть. Хватает.

— Возьми ещё двести тенге, не беспокойся, — сказал тот, сунув ему деньги. Эти джигиты пожалели маленького торговца. Они оценили его смелость и непосредственность.

Когда мать возвращалась с работы, Сакен, радостный, выбегал ей навстречу. Тогда и бедная мать давала ему такую же мелочь. Перед Сакеном то и дело мелькала эта картина...

Наступил вечер, сгущались сумерки. Проголодавшиеся, Сулухан и Сакен подзывали в таких случаях русскую девушку Женю, продающую горячий хлеб и чай, покупали всё необходимое и наедались досыта.

Огромные глаза Сакена затуманил сон. Он, ластясь к матери, спросил:

— Мам, когда пойдём домой?

— Сейчас, сынок, вот продадим эти товары и пойдём домой, — успокаивала Сулухан Сакена. Он всегда был послушным. И не ныл как другие дети.

— Яблоки берём, яблоки!

— Груши!

— Лимон!

— Берём гранаты, гранаты!

— Чернослив, абрикосы, берём кишмиш. Кишмиш!

— Берите вишни! Сладкие вишни! — торговцы, заинтересованные в продаже своего товара, шумели и галдели во весь голос.

Едва один джигит спросил: «Сколько стоят ваши яблоки?», как предложения посыпались со всех сторон:

— Вот, парень, возьми мои!

— Джигит, подходи, уступлю, дам дешевле.

— У меня нет червивых... красивые яблоки, можно повезти хоть куда угодно... — наперебой предлагали торговцы. Каждый хвалил своё. Не зря говорят: «Цель торговли — выгода».

— Все я не возьму, денег не много, куплю только одно ведёрко яблок, — отвечал парень, высвобождаясь из круга окружавших его продавцов. Сакен и его мать стояли в сторонке. Этот парень направился прямо к ним и спросил:

— Сколько стоит ведёрко ваших яблок? — парень был красивым — у него были густые чёрные волосы, прямой нос, овальной формы лицо, чёрные, как смородины, глаза.

— Пятьсот тенге. Осталось последнее ведёрко. Берите, хочу спать, дядя! — умоляюще попросил Сакен.

— Ух ты какой, мальчик! Ты чей будешь? — спросил его, заинтересовавшись, парень.

Сакен, недолго думая ответил:

— Мамин! — и показала указательным пальцем на мать.

— Разве ты не папин сынок?

— Папа далеко, он работает, — и большим пальцем указал в сторону запада.

Мать Сакену всегда говорила: «Отец на работе», хотя они развелись уже давно.

Джигит громко захохотал:

— Вот тебе пятьсот тенге. Сыпь сюда! — сказал, озираясь по сторонам, парень, будто куда-то спешил. В это время женщина-диктор громко заявила:

— До отправления скорого поезда Алматы–Караганда осталось пять минут.

Мать, дав в руки Сакена ведёрки, подняла его на руки и направилась домой...

III

Звон будильника еле донёсся до слуха Сакена.

— Цыплёночек, вставай. Вставай, мой хороший... На урок опоздаешь, — говорила мама, одевая спящего Сакена. Мальчик, ещё в объятиях сладкого сна, со стоном тянулся к тёплому одеялу.

— Балапан, опоздаем. Если опоздаем, то учительница будет ругать, — уговаривала его мама.

Сакену приснился отец. Отец просил у него прощения. Он приблизился к нему и хотел было обнять сына, но Сакен отстранился и отвернулся от него. Отец помахал ему рукой и ушёл куда-то вдаль... Мальчик не оглянулся. Будто издали раздавался голос: «Прости, сынок, прости». Чего там прощать, всё, что случилось, — дела давних дней...

Мать привела Сакена за руку в школу. Первым был урок математики. Ступая по-кошачьи мягко, он небрежно сел на заднюю парту класса. «Сакен Бектемисов, почему вы опоздали на урок?» — спросила интеллигентная математичка Айнаш-апай, вопрошающе глядя на него.

— Мне приснился сон, поэтому я опоздал, в следующий раз, чтобы не опоздать на урок, ночью не буду спать, — ответил Сакен, чем рассмешил весь класс.

— Нет, господин Сакен, вам не обязательно жертвовать сном. Можно просто ложиться спать пораньше, — усмехнулась математичка.

— Я хочу лечь спать рано, но... — замялся Сакен. Учительница тоже, видимо, что-то почувствовала, не стала докапываться до истины.

— Садись. В следующий раз не опаздывай. Теперь, ребята, приступим к занятиям. Кто мне скажет, сколько яблок будет, если к пяти яблокам прибавить семь яблок? — с этими словами Айнаш-апай окинула всех взглядом. Установилась мёртвая тишина. Никто не желал отвечать.

— Сакен, вы же опоздали, может, вы знаете ответ на этот вопрос? — сказала учительница, с надеждой глядя на Сакена.

— Если прибавить пять яблок к семи яблокам... М-м-м. М-м-м. — Он, немного подумав, сказал: — Нашёл. Если прибавить к пяти яблокам семь яблок, то получится двенадцать. Можно мне ещё сказать, я про яблоки знаю много, — стал просить он.

Айнаш-апай, с удивлением посмотрев на него, сказала:

— Ну, говори!

— Вес одного яблока апорта составляет двести граммов, а ведёрко таких яблок стоит пятьсот тенге. Существуют следующие сорта яблок: белый налив, апорт, лимонка, райка, грушовка, смирянка. Яблоки бывают красными, зелёными, жёлтыми. Я люблю есть яблоки, — стал Сакен выкладывать всю информацию о яблоках.

— Сакен Бахытулы, откуда вы всё так хорошо знаете о яблоках? — спросила учительница с интересом.

— Я помогаю маме продавать яблоки. Вот! — он вытащил из портфеля зелёное яблоко и поднял вверх. Весь класс грохнул от смеха.

Айнаш-апай была похожа на спокойный весенний дождь, равномерно падающий на землю и насыщающий влагой все сердца, жаждущие знаний. Она постепенно сеяла в сердцах учеников семена воспитания, любви к родине, к родному народу. Каждый класс был для неё благодатным полем для освоения новых знаний и навыков. Отстающим ученикам она терпеливо, не бранясь, не ругаясь, заново разъясняла каждую пройденную тему.

Но, похоже, её ученикам сейчас было не до знаний, хохот стоял до потолка.

— Ты же настоящий торгаш. Бросай учебу и займись торговлей, — сказал сидящий рядом с ним Адил полушутя, полусерьёзно.

Сакен тоже не растерялся:

— Если займусь торговлей, то прихвачу и тебя. Но ты даже не умеешь считать... Поэтому не возьму!

— Ну и не бери.

— Сказал, не возьму, значит, не возьму.

— Тогда я и не пойду. Что сделаешь?

— Ну и не делай ничего. Ля-ля-ля! — мальчик показал язык. И второй оказался хорошим актёром. Он сразу стал похож на обезьянку, оттопырил уши, вытаращил глаза, выпятил губы...

— Ты обезьяна.

— Если так... Ты... Ты лиса...

— Сам ты лиса...

— Нет, ты лиса.

— Дети, тише, успокойтесь. Одноклассники не должны ругаться друг с другом. Это стыдно! — призвала Айнаш-апай всех к порядку.

— Сакен, у вас очень интересный рассказ. Садитесь, я вам ставлю две пятерки, — и добрая Айнаш-апай в журнале напротив фамилии Бектемисова Сакена Бахытулы поставила две пятерки. Сакен внутренне загордился, думая: «Вот как я сегодня отвечал, да!..» После уроков Сакен, помахивая дневником, помчался домой. С кем же делиться ребёнку своей радостью, как не с матерью. Не успев войти в дом, он, даже не отдышавшись от быстрого бега, заявил:

— Мам, смотрите, я сегодня получил пять! — и стал показывать ей свой дневник.

— У меня умный сынишка, у моего жеребёночка ума палата, — говорила мама, прижимая его к груди и целуя в чёрные волосы. В тот день мама и сын «обмывали» его пятерку. Они накрыли ханский дастархан. На другой день из аула Улкен Жаланаш приехала мамина мама по имени Беделхан. Она не была полуслепой, полуглухой и беззубой старухой. Она была ещё бодрой. Сама вдевала нитку в иголку, без сопровождения ездила из аула в город. Несмотря на возраст, сохранила свою прежнюю стать и даже былую красоту. Она в жизни ни разу не болела. На своём веку пережила многое: и трудные времена переворотов, и голод. Нынче, слава

богу, вырастила сыновей, дочерей, имеет внуков, даже правнуков и потому была довольна своей судьбой. Все эти явления нормальной жизни для неё были олицетворением благополучия. Сакен, надеясь на суюнши — подарок за смотрины, сунул в руки бабушки свой дневник и выпалил:

— Бабушка, я получил «пять», вы мне за это дадите деньги? Хочу купить в магазине жвачку.

Бабушка, вытащив из голенищ ичигов свою «заначку» с пенсии, вручила ему тысячу тенге и сказала:

— Возьми, мой жеребёночек, этого тебе хватит не только на жвачку, но даже на игрушечную машину.

Внук этому очень обрадовался, но тут вмешалась Сулухан:

— Да перестаньте, мама, что он первый раз в жизни пятёрку получил, что ли? Не стоит его баловать. — И возвратила деньги бабушке.

Сакен, чуть не плача, сказал:

— Тогда я не смогу похвалиться перед своими друзьями, что и у меня есть машина! — и тут же заревел. Он упал на спину и отчаянно заколотил ногами землю.

— На, на, возьми. Больше так не проси, это стыдно, — предупредила его Сулухан, чувствуя себя неловко перед собственной матерью.

— Дитя же, пусть берёт. Мой внук завтра получит ещё пятёрку, обрадует свою бабушку. Ещё дам ему тысячу тенге, — вступилась бабушка Беделхан.

После обеда, убрав со стола, мама спросила:

— Поедешь летом к бабушке? В Улкен Жаланаш. Будешь пить кумыс, есть курт, будешь по горам гулять, ловить бабочек, купаться в речке.

И без того счастливый от полученной тысячной бумажки, мальчик и вовсе почувствовал себя на седьмом небе:

— Конечно. Я свою бабушку никому не отдам. Она только моя бабушка.

Бабушка около месяца прожила в городе. За это время они побывали в гостях у родственников. Внук ни на шаг не отходил от неё. Даже когда она выходила, чтобы умыться, он чуть не плача начинал её искать. Бабушка совершала пятикратный намаз, она была глубоко верующим человеком. Перед отъездом в аул она по-

целовала спящего внука в лоб и ушла, не попрощавшись. Сакен проснулся и принялся искать бабушку. Стал ногами колотить по земле и плакать:

— Где моя бабушка? Пойду к бабушке, — плакал он, вытирая обильно текущие слёзы.

— Сейчас придёт твоя бабушка! — успокаивала его мама

— Ты меня обманываешь, — не соглашался с ней сын.

— Я тебя не обманываю, смотри, какая красивая игрушка, — пыталась отвлечь его внимание мамы.

— Не нужна мне твоя игрушка. Где бабушка? — настаивал он упорно.

В тот день Сакен не съел ни крошки. Пролежал ничком на кровати. Даже в школу не пошел. Мама гладила Сакена по голове и говорила:

— Когда твоя бабушка уезжала, она наказала, чтобы я отправила тебя летом к ней, в аул.

Сакен обрадовался. Сердце у него отчаянно забилось, и он закричал:

— Когда?

— Летом, мой жеребёночек.

Сакен с нетерпением ждал летних каникул. Можно сказать, даже считал дни. Мама Сакена работала сразу на трёх работах: дворничихой, торговала на железнодорожном вокзале, была работником в цехе по производству арматуры. После занятий у него вошло в привычку помогать маме — собирать мусор по краям тротуаров, подметать улицу своей маленькой метёлкой. Если, подметая, находил какую-нибудь красивую вещь, сразу отдавал её матери. Однажды он нашёл колечко и спрятал его в карман, решив подарить его бабушке. При виде летящего самолёта Сакен поднимал свою метлу и кричал:

— Самолёт, вертолёт, ты возьми меня в полёт. Приземлись ты в нашем доме, выпей айран, съешь курт. Самолёт, вертолёт, ты возьми меня в полёт, отнеси меня в аул, к моей бабушке. — Но самолёт, пуговкой виднеющийся в небесной вышине, не слышал его слов. Когда маленький Сакен думал про аул, его буйная фантазия проводила его через высокие горы, просторные долины, широкие степи, дремучие леса до Улкен Жаланаша. Это были для него родные места. Во дворе, где жил Сакен, казахов было мало.

У них была соседка по имени Ажар. Полная, и даже грузная. Важная и надменная женщина, со скандальным характером. Её муж был добродушным, благожелательным человеком. На его смуглом лице только в этом году стали появляться первые морщинки. Несмотря на возраст, Асет-ага нисколько не менялся.

— Твой сын умён. В будущем из него вырастет добрый, общительный и ученый человек. Все-таки он не круглый сирота. Маленький ребенок быстро превращается в подростка, подросток — в солидного самостоятельного мужчину. Ты не переживай. Отощала, будто работала на приисках. Скоро и на твоей улице будет праздник. А у нас вот все дела идут наперекосяк. — Это Ажар рассказывает про свои проблемы Сулухан, больше ей некому поплакаться.

— Всё будет хорошо. Слава богу, пища есть, работа есть, — смеётся одобряюще мама.

— Чего уж там хорошего-то. Муж лежит дома без работы. Меня считает молодухой, — тут она лукаво подталкивает мать за коленку. Мать, немного поразмыслив, сказала:

— Неужели Асет-ага вас когда-либо обижал?..

— Приносит мне свою нищенскую зарплату. А её не хватает ни на жизнь, ни на одежду.

Асет-ага был добрейшей души человеком, ему были присущи такие черты характера, как милосердие, сочувствие, сопереживание.

— Асет-ага замечательный человек. Заботится и о вас, и о ваших детях. Не то что я... Живу без мужа, без поддержки. Одной всё-таки тяжело... — Сулухан с трудом улыбается.

— Эй, Ажар, приготовь для детей еду, — закричал Асет-ага, ещё издали завидев их.

— Ой, сейчас приду. Выйдешь на минутку, и тут тебя уже ищут.

— Чем зря болтать, лучше аккуратно прибраться дома и угождать мужу, — советовала ей Сулухан.

— Тогда я, Сулухан, пойду. Всего хорошего.

Ажар ступала косолапо и тяжело несла своё грузное тело. Она ушла домой.

Сакен случайно подслушал этот разговор. У него упало настроение и стало грустно на душе. Мать, почувствовав это, спросила:

— Сынок, что с тобой, кто-то обидел?

— У меня папы нет? — голос его был глухой, будто он говорил о страшном горе.

— Я же тебе говорила... Твой папа на работе. Он приедет через много лет, когда ты вырастешь большим джигитом.

— Вранье! У меня нет папы. Мы с тобой одни, да?

— Да-а, твой отец с нами не может жить, потому что мы развелись.

— Мам, а что такое развод?

— Развод — это когда отец и мать живут отдельно. Отец твой далеко, а я с тобой. Ты же это понял. Самая большая ошибка в мире, когда отец оставляет своего ребенка. Может, так предначертано судьбой. Но кто знает. Когда ты вырастешь и станешь большим, сынок, то не повторяй ошибок отца. Ты правильно пойми мои слова, сынок, — говорила она со слезами.

— Мам, не плачь. Я больше тебя не буду спрашивать об этом, — с этими словами маленький мальчик обхватил, как мог крепко, единственного родного человека.

Во всём мире нет ничего величественнее материнского сердца и нет ничего белее и чище сердца матери...

IV

Сакен только вчера на этом месте собрал песок и соорудил горку. Сейчас этого холмика нет и в помине. Вокруг ровная местность, как корова слизала. Казалось, что горы стали ниже и холмы — разровнялись. Рассердился... Упомянув всех соседских детей, имена которых знал, ругал их — на чём свет стоит.

— Кто разровнял этот холмик? — буркнул он.

— Я! — ответил Дима.

— Ты — колючка, выросшая на пшеничном поле, — сказал Сакен, вздохнув про себя.

У маленького Димы короткие волосёнки стали дыбом, светлое лицо обрело цвет выжженного кирпича. Теперь он сжался своим маленьким телом, нахохлился, как ястреб, и выпалил:

— Я сам знаю. Ду-дак...

— Ты сам такой же, — с этими словами Сакен толкнул его.

Брат Димы занимается спортом. Видимо, научил его нескольким приемам. Он ударил Сакена.

— На тебе.

Началась потасовка. Но дети быстро забывают о ссорах, и через некоторое время они опять продолжили игру.

Разгоряченные, они отправились пить из колонки позади их дома. Все дети, как овцы, сгрудились здесь. Они спешили первыми выпить воды. И тут же напали на соседских девчонок. Набрав в бутылки воду, они принялись брызгать друг в друга.

Вечерело. Тени становились длиннее, солнце склонялось к закату. Диму зовёт его отец:

— Дима, домой!

— Иду! — отзывается Дима и бежит во все лопатки домой.

Родители Димы после долгих переездов окончательно обосновались в Уральске. Сакен явственно представлял себе их странствия.

Дядя Алексей — огромного роста, как казалось Сакену, но человек весёлый, с ним общаться легко и просто. Хотя и бывал прямолинейным, всегда резал правду-матку в глаза.

Наступили сумерки, и Сакен тоже поплёлся домой.

Тиыны в кармане у Сакена не задерживались и падали в прореху, и он попросил мать зашить дырку. Сделав свои дела, она села пить чай. В комнате было темновато. Магнитофон «Электроника» заливался, воспроизводя песню группы «Ялла».

— Сынок, иди пить чай. Съешь эту булочку! — мать, как всегда, лучший кусочек старалась приберечь для сына.

— Я сытый.

— Ты что сказал? На улице ел, что ли?

— Нет, недавно с ребятами пили воду.

— Вода — это не пища. Завтра в дороге проголодаешься.

— Какая дорога?

— Поедешь в аул.

— Ур-а-а... Здо-о-ро-во... Жаль!

— Что случилось теперь с моим сыном?

— Если бы здесь был брат Дархан, то поехали бы вместе.

— Ишь как любишь родственника...

Ради братьев Сакен готов отдать жизнь. Его брат Дархан живёт у братьев отца. Наверное, оттого, что мама каждый день вспоминает о нём, маленькому Сакену казалось, что брат частица его самого. И он ждал его всегда, даже посматривал в окно, не идёт ли. Родной по крови человек — это самый близкий человек.

Утром Сулухан, посадив Сакена в автобус, поручила его водителю.

— Сынок, на эти деньги, когда проголодаешься, покушаешь.

— Мам, я буду скучать по вас! — обняв мать за шею, долго её не отпускал.

Теперь Сакен ехал в родные места. В Райимбекский район, в аул Улкен Жаланаш. Обычная дорога, которую проезжали за четыре-пять часов, тянулась для него, казалось, целый день. После рождения Сакен воспитывался и рос у бабушки. И сколько бы он ни жил в городе, родной аул он ни на что не променяет. По дороге автобус сломался, и они еле добрались только после обеда. Когда осталось совсем немного до аула, издали завиднелся сосновый бор, подобный гриве, Улкен Жаланаша. Три аула у подножья Алатау: Улкен Жаланаш, Киши Жаланаш, Тогызбулак были подобны драгоценным камням на одежде великана. Высокие горы, отвесные скалы — всё это было украшением родных мест. У мальчика поднялось настроение. Душа запела от гордости. Хотя маленький Сакен был уже городским жителем, он знал, что родина его здесь.

Вдоль дороги крестьяне, работающие на полях, собирали свои пожитки, чтобы к концу трудового дня возвратиться домой.

Когда Сакен приехал к бабушке, то в её дом потянулись соседи, родственники, чтобы поздравить её с приездом внука. Все встретили мальчика как самого уважаемого человека. Все его обнимали, целовали. И каждый считал своим долгом сообщить ему, что он вырос и стал взрослым.

— Ну, как доехал, не устал? — спрашивала его бабушка Беделхан.

— Да, устал, — отвечал Сакен, поохывая. Бабушка дальше не стала допытываться, почему это он так устал. Число приглашающих его в гости становилось всё больше. Море почёта.

— Надеюсь, вы не откажетесь. Заходите к нам, — приглашал в гости старик-сосед по имени Толен.

Каждый из собравшихся норовил спросить о здоровье. Все знакомые были довольны общением друг с другом.

— Пейте кумыс, — предлагала бабушка Беделхан, наполняя пиалы ароматным напитком.

Через некоторое время всех позвали на угощение, ради которого приготовили упитанного барашка-однолетку. Аксакал Даурен благословил всех:

— Пусть мальчик станет достойным гражданином, поддержкой матери, опорой страны... — далее прочитал на память суру из Корана и высказал ещё дополнительные пожелания, погладил обеими ладонями лицо. «Вот эту белолобую кобылу я дарю тебе», — сообщила ему повеселевшая бабушка. Сакен слегка растерялся. Он не ожидал такого почёта по отношению к себе.

— Можно я эту кобылу увезу в Алматы? — спросил Сакен, осмелев. Его слова потонули в весёлом смехе.

Перед гостями поставили почётные блюда. Старшее поколение уже успокоилось после взаимных приветствий, они с шутками-прибаутками поедали вяленое мясо, сваренное вместе со свежим мясом молодого барашка. Сакен не торопился ложиться в постель, всё смотрел на гостей.

— Внук твой заметно повзрослел, — сказал аксакал Даурен, приняв свойственный старикам важный вид.

— Сулухан одна воспитывает Сакена. Он — очень послушный... — ответила ему Беделхан.

Старик Даурен был широколобым, горбоносым, губы его были немного полноватые, большие глаза посажены глубоко. Ещё не покорный старости, худощавый, быстрый в движениях старик с удовольствием засмеялся:

— Потомство Касымбая не должно быть плохим. Моя внучка — настоящая красавица, как ложка, выструганная из берёзового капа. В будущем станет шустрой снохой. Ты тоже вроде собираешься стать смекалистым джигитом, понимающим всё с полуслова. Как ты смотришь на то, что станем в будущем сватами? От нас девушка-красавица, а от вас — джигит-молодец, а?.. Ну, сынок, охрани тебя бог от сглаза! — говорил свои пожелания старик.

— А как зовут вашу внучку? — игриво спросил Сакен деда.

— Её зовут Дана!

— Посмотрим... Если понравится, скажу маме и женюсь. У моей мамы длинные косы. Я тоже люблю девочек с длинными косами, — начал рассуждать по-взрослому маленький Сакен.

— Ишь ты, какой хитрый. Кто тебе сказал, что я отдам своюДану просто так?

— Не дадите, сам её заберу.

— Ну что ж, договорились, — ухмыльнулся старик, молча поглаживая свою бороду.

Сакен никого не чуждается. Он никогда не занимается пустословием. Он и сам приехал не без подарка. Бабушке он подарил найденное на улице кольцо. В этот момент перед ним предстал как в тумане размытый образ матери. Соскучился по маме... «Мой Сакен подарил мне кольцо», — хвалилась бабушка, показывая всем подарок внука. Уже после, перед самой смертью, бабушка возвратит Сакену это кольцо.

«Вот тебе курт», — сказала бабушка. Немного расстроенный, мальчик снова повеселел. Маленький Сакен, рассказывая о своих приключениях и другие истории, веселил всех собравшихся в доме бабушки. Гости с аппетитом поедали свежее мясо. Пили ароматный бульон из расписных пиал. Сакен сидел рядом с бабушкой и с довольным видом поедал доставшееся ему баранье ухо.

В степи гуляет лёгкий ветерок. Джигиты возле очага обсуждают свои проблемы. В вечерних сумерках яркий огонь, откидывая прочь ночное покрывало, блещет угольками, подобными зв`здам на Млечном Пути. Аромат мяса молодого барашка щекочет нос. В ауле по вечерам холодно. Шум-гам первой встречи поутих. Дома установилась тишина.

Аул Жаланаш будто рай. Тут нет драк, скандалов, каких-то неожиданных и страшных историй. Тихая и спокойная жизнь похожая на текущую талую воду под ещё крепким снежным настом. Где-то вдали на горизонте сверкают молнии, издали слышится гул далёкого грома, который будто гонит перед собой скученные облака. Тучи стадами кочуют по небу. Ночь бесшумно и постепенно входит в аул. Всё что известно человеку, ясно для Аллаха. У Сакена был усталый вид. Он только сегодня приехал в аул и хочет отсюда сегодня же уехать...

Наступило утро. Воробьи щебетали, будто говорили Сакену: «А ну вставай, проснись!» Открыв глаза, он увидел, что всё живое занято своим делом. Выпив чаю, Сакен осмотрелся.

Жизнь била ключом. Каждый занят своим делом...

— Сакен, не бегай по улице. Если с тобой что-нибудь случится, то мать меня убьёт, — закричала бабушка Беделхан, одновременно занимаясь дойкой коровы.

— Да, бабушка, за меня не беспокойтесь, — успокаивал Сакен бабушку. И тут пришёл соседский мальчик Дархан с предложением:

— Сакен, пойдем постреляем воробьёв.

— Пошли, — согласился Сакен, и его обуяла какая-то неведомая страсть. И они принялись стрелять по воробьям и воронам, сидящим рядышком на электрических проводах.

— Ну, стреляй, не попадёшь, — подзадоривал Дархан, как будто сам был снайпером.

— А что дашь, если попаду?

— Если попадёшь, отдам вот этот мосол — саку, залитую свинцом. — А если я попаду, что ты дашь?

— Отдам квартиру в Алматы.

— Да ну, ты правду говоришь?

— Правду!

— А как я притащу сюда этот дом? Он же тяжёлый.

— Ничего там тяжёлого нет. У твоего папы есть же кран? Вот и поднимете дом краном.

— Дельное предложение. Ну-ка, стреляй!

Сакен, натянув рогатку правой рукой, прицелился и выстрелил. Мимо.

— Не попал, не попал, — хитро посмеивался над ним Дархан.

— Ты прямо виляешь, подобно гончей, — ответил Сакен с деланно наивным видом.

Сакен не стал отступать, он выстрелил снова. Снова не попал. Дархан, натянув рогатку, выстрелил, и камень с горошину величиной прямёхонько попал в голову воробья. Воробей тут же замертво свалился на землю.

— Вот видишь? Я же снайпер! Всё, дом теперь мой. Можно уже переезжать.

— Ты что, шуток не понимаешь?

— Если джигит говорит дважды, то лучше ему умереть. Ты сказал, теперь отдай.

— Не отдам. Если тебе отдам свой дом, то где мы будем жить с мамой?

— Будете жить в нашем доме, в ауле. Мы переедем в город.

— Вот тебе, — Сакен показал ему крепко сжатый кулак...

В это время к ним подъехал важно восседавший на гривастом гнедом коне пожилой человек, по виду лет за шестьдесят, и спросил:

— Ребятишки, где находится Тогызбулак?

— Тогызбулак за девятью бочками. Езжайте прямо по этой дороге, — ответил ему Дархан неторопливо, явно подражая аульным старикам.

У Дархана есть старшая сестра по имени Мадина. Она красивая, черноглазая, чернобровая, высокая и гибкая, подобная белому лебедю, пышногрудая и нежная. Отец Дархана — Серик — восседал на белогривом гнедом коне, позади него сидела Мадина, они возвращались с сенокоса. Сакен, издали завидев их, встрепенулся:

— Дархан, ты мне отдашь сестру.

— Да ну, прекрати, она же старше тебя.

— Любви все возрасты покорны.

— Отдай мне свой дом и забирай.

— Тоже мне, нашёл дурака.

— Моя сестра не какая-то сиротка, чтобы брать её без выкупа.

— А мне не нужна дорогая девушка.

— Тогда найдёшь дешёвую в городе.

Сакен и Дархан возвратились домой.

— Бабушка, мы с Дарханом стреляли в воробьёв, убили одного, — рассказал он, смеясь.

— О чём говорит этот озорник. Сынок, воробей — это живое существо. У него, как и у тебя, есть душа. Он тоже хочет жить, как и ты. В следующий раз такое не делай. Хорошо? — отчитала его бабушка сразу же, как услышала о содеянном.

— Хо-о-ро-шо, — ответил Сакен, опустив голову.

— Мой Сакен умница, м-м-м, — сказала бабушка, целуя его в голову и лаская.

V

Обычно бурная весной речка сейчас еле течет. Она блестит подобно осколкам зеркала среди мелкого галечника.

Выщипанные скотиной весенние выпасы уже восстановились и зеленеют снова. Для того чтобы откормленная за лето скотина не объелась, сельчане собирают на корню овёс и ячмень и делают заготовки на зиму. Овцеводы, приспосабливаясь к движению молодняка, медленно перекочёвывают с пастбища на пастбище. Аулы чабанов, добравшись до равнины Торайгыра, селятся подальше друг от друга.

— Сакен, завтра пойдём купаться, — предложил старший брат Саин.

Когда брат хотел посадить Сакена на куцехвостого серого, мальчик признался:

— Боюсь.

— Не бойся, ты же джигит. Ухватись покрепче за гриву и не отпускай. Сейчас возьмём с собой Жандоса.

Отец Жандоса очень сердитый человек. Без разрешения он не давал даже шагу ступить своим детям.

— Жандос, поехали! — закричал Саин.

— Мне папа наказал никуда не выходить.

— Да ну тебя, ломаешься, как девчонка.

— Правда.

— Тогда сиди себе взаперти дома, — Саин начал было уходить, как Жандос крикнул:

— Эй, подожди, сейчас выйду.

Втроём они начали готовиться, собирая всё необходимое. Для Сакена выйти даже за околицу аула было достижением. В городе он к таким вылазкам не привык.

С утренней прохладой трое вышли в путь. Брат, опасаясь того, что Сакена укачает в долгом пути, посадил его позади себя. Солнце стало сильно припекать, и они сделали привал у ручья. Тут они пообедали и немного передохнули.

Перед въездом в аул Улкен Жаланаш есть канал. Вся аульная детвора купается там. В народе это место называют Лотком.

В летние дни дети бегут к речке, как архары на вечерний водопой. Сакен сильно загорел на солнце. Он стал похож на шоколадку. Затем ребята направились в Мерки. Возвращаясь в аул, они повстречали отца Жандоса.

— Эй, где ты ходишь? Мы тебя искали целый день.

Отец Жандоса Даут задел их грудью своей лошади и, как будто этого было мало, огрел Саина камчой.

— Почему ты увёл моего сына, а?..

— Ой, дядя, ваш сын захотел купаться, потому мы и взяли его с собой, — ответил Саин, хитро посмеиваясь.

— Я тебе покажу, что такое уводить, — с этими словами Даут верхом погнался за Саином.

— Убегайте! — кричал Саин, громко и с издёвкой смеясь.

Даут положил сына перед собой на седло и поскакал в сторону аула. Братья не спеша поехали за ними.

— Спина болит? — участливо спросил Сакен у брата.

— Удар камчой был жёстким. Доеду до Жаланаша, расскажу отцу, чтобы он побил его. Вырасту, сам буду его бить. Я сказал, — ответил Саин со злобой в голосе.

VI

Время было около полудня.

— Это ты приехал из Алматы? — набросился на Сакена взрослый парень.

Сакен, не растерявшись, ответил:

— Да, я. А что случилось? — спросил он сурово.

— Как у тебя насчёт приёмов борьбы? — спросил тот, хитро прищурив глаза.

Сакен немного подумал и ответил:

— Так себе. Но я не владею приёмами борьбы, — сказал он, будто оправдываясь перед парнем.

— У меня есть братишка по имени Алдан. Хочешь с ним бороться? — не унимался тот парень.

Сакен в жизни ещё ни с кем не боролся. Но показаться слабым не хотел.

— Бороться так бороться. Он сильный?

— Ой, он тоже не умеет бороться. Если применишь какой-либо прием, тут же свалишь его.

— Тогда буду бороться!

Алдан, надменно толкнув Сакена в грудь, сказал:

— Это ты хочешь свалить меня? — и хохотнул.

Рассерженный Сакен со словами:

— Я! — подбежал и ударил его.

— Эй, в борьбе не бьют. Что он делает, а?.. — Алдан, как опытный борец, схватил его за ноги и бросил на траву.

Коротышка-крепыш Алдан в два счёта свалил Сакена. «Проиграл ему?» — вопрошал и ругал себя тот. Оказывается, Алдан, по прозвущу Маленький Палуан, был гордостью аула Улкен Жаланаш.

— Давай схватимся ещё, — не унимался Алдан.

Хотя Сакен был неопытным по сравнению с Алданом, он не хотел терпеть поражение. Алдан показался ему крепким, как тополь,

плечистым, его ноги и черты лица тоже показались крупными. Хоть и малый росточком, но жилистый Сакен набросился на противника с завидным упорством.

Алдан бросил Сакена через бедро. Пыль полетела столбом. Его спина коснулась земли. Разозлившийся Сакен вновь вскочил на ноги. Опытный и натренированный Алдан опять бросил его на землю. Сакен не хотел сдаваться. Не зря, видно, говорит пословица: «Проигравший не устаёт бороться». Но Сакен устал. Даже заносчивость Алдана поутихла. Ему уже расхотелось бороться.

— Ты снова потерпел поражение! — сказал Алдан надменно.

Они ещё немного поборолись. Видевшие эту схватку мальцы долго передавали из уст в уста историю этого поединка.

VII

Сакен изменился не только внешне, но и внутренне. Видно было, что он в ауле стал более окрылённым, и тело налилось силой. Очень быстро пролетели беззаботные дни, и подошёл момент разлуки. Как ты заранее предвкушаешь радость встречи, так и при прощании царит в душе горечь и смятение. Сакен, обняв бабушку, заплакал навзрыд:

— Бабушка, я останусь, — говорил он, и прозрачные слёзы капали с густых ресниц на землю.

Бабушке Беделхан тоже было трудно расставаться с внуком, но она говорила:

— Жеребёночек мой, не говори так. У тебя есть учёба. Есть мама. Есть друзья. Заботься о матери. Мы же навеки аульные жители, — уговаривала бабушка внука.

Бабушка Беделхан, ревнуя Сакена ко всем, ни на шаг не хотела отпускать его от себя. Но летние каникулы пролетели быстро. Дети, гостившие в аулах, снова возвращались в город.

— Бабушка, на следующее лето я снова приеду к вам, ждите меня...

— Учись хорошо, будь примерным мальчиком. Помогай маме, не отходи от неё ни на шаг, — наказывала ему бабушка. — Да, чуть не забыла. Вот это мясо и курт, картошка и айран, всё это отвезёшь маме. Они в стеклянных банках, осторожно, не побей их в дороге. Ну, сынок, счастливого пути, — сказала она и поцеловала в щёку.

Автобус будто ждал этого и со стоном тронулся с места. Он отъезжал всё дальше и дальше от аула. Бабушка осталась позади. Она махала внуку рукой и вскоре превратилась в маленькую точку...

В дороге Сакен вспоминал дни, проведённые в ауле. Пожалел о том, как во время сенокоса сломал свои маленькие вилы. Он спрятал их в одном из многочисленных стогов сена. Тем, кто говорил ему: «Забери с собой сломанные вилы», отвечал: «На следующий год приеду сюда снова и буду помогать». В наших краях сенокос называют «Азия дауысы». Потому что звуки, издаваемые насекомыми на сенокосе, напоминали целый оркестр. Дети в аулах летом не сидят без дела. Вот и Сакен вместе с братом Саином пасли по очереди аульных овец, коров, лошадей. Однажды потерялась чёрная овечка человека по имени Адил, и они всю ночь искали её. Теперь перед глазами Сакена предстали те события. Он вспомнил, как, уронив шапку в цистерну, полную солярки, надел её в таком виде на голову. Припомнил, как он вытер лицо рукавом и ходил по аулу чумазым. За что его прозвали в шутку Чапаевым.

После пяти-шести часов дороги автобус прибыл в Алматы.

— Сынок, ты загорел, стал смуглым джигитом. За этот короткий срок ты даже вроде вырос, возмужал, что ли? — говорила мама, довольно смеясь при виде сына.

— Мам, мы в ауле купались в речке. Ходили в горы, ели курт, — рассказывал маленький Сакен матери обо всём увиденном.

— Ещё что видел? — спрашивал его брат-студент по имени Ардак.

— Ещё я боролся с Алданом. Но не смог его побороть.

— Кто это Алдан?

— Алдан — борец. Он сильный.

— А в ауле тебе понравилось?

— Д-а-а-а, — ответил протяжно Сакен.

— Сынок, на следующее лето поедешь туда снова?

— Поеду, я соскучился по бабушке. Соскучился по Алдану, соскучился по аулу...

— Да ты ведь только сегодня приехал?.. — удивился Ардак.

Сакен, немного подумав, сказал:

— А по ком же мне скучать, как не по ним? — все дружно засмеялись его словам.

Сакена все встретили с распростёртыми объятиями. Все целовали его, то в щёчку, то в лоб. Когда улеглись первые страсти при

встрече, его стали расспрашивать об интересных событиях в ауле. Каждый задавал вопросы, которые интересовали его самого.

Даже соседские ребята, отъявленные шалуны, соскучились по Сакену.

Все они зовут Сакена:

— Сакен, пойдём играть!

Сакен, торопливо выбежав из дома, споткнулся и упал ничком на асфальт... Ардак, помогая Сакену встать и отряхнуться, сказал:

— Никогда не торопись. Говорят же «Поспешишь — людей насмешишь».

Началась прежняя суетная жизнь, полная хлопот. Его мама не любит безделье, постоянно делает какую-нибудь работу. Если смотреть со стороны, то можно подумать, что жизнь создана только ради работы. Мать учила сына многим вещам. Растила... Воспитывала...

Сакен вспоминал красивейшие места, где побывал летом, играя с аульной детворой. И он решил, что на следующий год непременно поедет туда. Мальчик стал рисовать на песке картины, запечатлённые в его памяти.

— Сакен, что ты рисуешь? — спросила его соседка Марал-апай.

— Это моя бабушка. Это брат. Это мой аул.

— А где мама?

— Вот она — мама. Она держит меня за руку, идёт рядом со мной.

— А это кто?

— Это Ардак — мой брат-студент.

На следующий день прозвенел первый звонок и одноклассники встретились снова. Каждый из них написал сочинение о том, как он провел свои летние каникулы. Сакен, написав сочинение «Мой аул», получил заслуженную пятёрку. Теперь для Сакена оценка «пять» была не столь важна. Его интересовала поездка следующим летом в Улкен Жаланаш... Но для этого надо ждать ещё девять долгих месяцев...

БЕЙБИТ САРЫБАЙ

АКТАБАН

Как говорится, хорошая собака не умрёт на виду у всех. Пёс Алапар в последнее время захворал, а вскоре бесследно пропал. Только мама, которая ежедневно наполняла его миску едой, обратила на это внимание, когда на следующий день обнаружила посуду нетронутой. Два дня к пище никто не прикасался. Впрочем, и сам пёс всегда отличался вальяжно-спокойным нравом и деликатностью. Он редко лаял, не рвался в драки, и потому исчезновенье старой собаки осталось незамеченным. Даже отец, взрастивший пса, лишь проронил:

— Ну что ж, видать, время ему пришло...

Я не задумывался о возрасте Алапара. Сколько я себя помню, он всегда жил у нас. Не лаял на посторонних, правда, и дом толком не сторожил. Все его обязанности сводились к поеданию собачьей похлёбки. Однако он строго соблюдал неписаные законы собачьего устава: никогда не безобразничал, не вылизывал хозяйскую посуду, не разрывал торбы с катыком[1].

* * *

Весной, когда я заканчивал четвёртый класс, отца перевели на работу из нашего аула в отдалённый колхоз. Вместе со всей живностью мы привезли и Алапара. Мать сначала было воспротивилась:

— Зачем его таскать с собой, давай оставим. Он совсем постарел.

Но отец не согласился. Мы расположились в большом доме близ колхозной конторы на одной из центральных улиц. Раньше в этом доме жил главный врач больницы. Но потом получил повышение и перевёлся в районную больницу. Дом пустовал без хозяев

[1] Катык — кисломолочная масса, из которой делают сушёный сыр — курт.

и даже обветшал. Поначалу, когда мы выгружали свои пожитки, он выглядел неуютно и уныло, несмотря на усилия отца заранее привести дом в порядок. Мама увидела паутину в углах просторных комнат и занервничала, у меня тоже упало настроение. Но когда мы с ней вдвоём побелили стены и расставили нашу скудную мебель, развели в очаге огонь, всё вдруг преобразилось! Казалось, что стылый, как мазар, дом сразу озарился сиянием.

Спустя несколько дней, как только мы обустроились, по давнему казахскому обычаю зазвали в гости соседей и сослуживцев отца. Соблюдая традицию, они тоже пригласили нас на «ерулик» — ответный званый ужин.

Я сразу пошёл в школу, не терпелось познакомиться со своими будущими одноклассниками. Подружиться сразу не получилось — ребята приняли меня хорошо, но я чувствовал себя немного отчуждённо. К тому же меня расстроило, что мальчик из нашего класса по имени Даулет на правах атамана сразу стал меня высмеивать. Классный руководитель Айкумис-апа представила меня одноклассникам:

— Ажиев Махамбет — сын главного специалиста Жекена Ажиева, прибывшего по специальному приглашению в наш колхоз, чтобы улучшить животноводство.

Тут Даулет громко хохотнул и сказал:

— Ух ты! Трусливую собаку частенько называют волкодавом, посмотрим, какой из него получится батыр.

Я знал, что так заведено: новому ученику местные заводилы устраивают испытание. Науськивают на него ребят. Так вновь прибывшему указывают его место и в то же время утверждают свою власть. Я предвидел такую ситуацию. Это была для меня психологическая проверка. Но учительница поняла намерения Даулета, она строго предупредила:

— Егембердиев, если ты снова спровоцируешь драку, то мы тебя сразу отчислим из школы.

После окончания урока ребята окружили меня и засыпали вопросами: «Из какого аула ты приехал?», «А тебя в классе слушались, уважали?». На некоторые вопросы ребята тут же отвечали сами. Те, кому удалось кое-что разузнать о нашей семье, опережали меня. Один из них — светлолицый, голубоглазый мальчик — тряхнул чубом и сказал:

— У него нет никого кроме отца и матери. Ни сестрёнок, ни братишек.

— Откуда ты знаешь? — спросил Даулет, он задавал вопросы больше всех. Голубоглазый ответил:

— Мама сказала: «Жекен притащил всё своё богатство. Даже прихватил свою дряхлую собаку». Оказывается, у него нет даже велосипеда.

— Эй ты, говори толком, по-человечески, — отчитал болтуна мальчишка с резким голосом. Голубоглазый болтун промямлил:

— Я же не говорю, что он у меня есть. Просто у детей, которые приезжают к нам, бывают велосипеды, — оправдывался он.

Их бестолковые разговоры мне не нравились, но волей-неволей пришлось поддерживать болтовню. Не хотелось отделяться от коллектива. К тому же я немного побаивался. Когда вопросы закончились, Даулет подытожил:

— Ну, мальчик-батыр. Если твои поступки соответствуют твоему имени, будешь в наших рядах. Будешь дисциплинированным и примерным учеником, можешь дружить с Елжаном и Ерсином.

По правде, я не знал, к какой группе мне присоединиться. Все они казались какими-то странными. Я — единственный сын и надежда семьи, и от драк для меня проку не будет. Поэтому я решил учиться хорошо и присоединиться к Елжану и Ерсину. В поисках этих ребят я начал озираться по сторонам, и кто-то из ребят подсказал мне:

— Ты их тут не ищи, они в классе, готовятся к завтрашним урокам.

Я призадумался. Группа Даулета на размышление дала мне три дня срока. В эти дни я чувствовал себя одиноко, не зная, к какой группе мне примкнуть.

Но понемногу я начал общаться с ребятами. Некоторым забывчивым я одалживал ручку, с теми, кому со мной по пути, я возвращался из школы. Елжан и Ерсин оказались неплохими ребятами. Они держались особняком. Один из них был сыном учителя, а второй — сыном врача, эта интеллигентская закваска их обособляла. И меня больше тянуло к этим двум, чем к другой компании и её разбитному атаману. Однажды после уроков Даулет повёл нас за здание школы. Он залез на турник и устроился там, свесив ноги. Говорил он с солидным видом, будто решал какой-то важный вопрос:

— Эй, Волкодав, ты что-то долго думаешь. С кем будешь дружить?

— Я хочу дружить и с вами, и с ними. Вы тоже не сторонитесь друг друга. Давайте будем дружить все вместе. Если хотите отделяться, то сами отделяйтесь. Я буду дружить со всеми, ни от кого отделяться не буду.

— Вот тебе раз! Какой ты умник! Такого быть не может. Тогда будешь ходить сам по себе. Мы обозначим твоё место. Дархан — четвёртый атаман. Ты будешь драться с ним. Победишь — станешь третьим. Потерпишь поражение — станешь пятым. Если захочешь претендовать на третье место — выходи на поединок с Ермеком.

Что мне оставалось делать? Если я буду драться с каждым, что от меня останется? Не нужно мне атаманство. Буду ходить сам по себе. В то же время я опасался, что другие не оставят меня в покое. Пока я раздумывал, Даулет сказал:

— Быстрее отвечай. У нас нет времени. У всех дела. Я тоже должен скорее вернуться домой, чтобы прибрать за скотиной.

И тут помимо моей воли у меня вырвалось:

— Чем драться с каждым поодиночке, лучше сражусь с тобой.

Все опешили, даже я сам. Очевидно, одноклассники подумали: «Какой он храбрый!» Им было невдомёк, что эти слова у меня вырвались нечаянно. На этом сборище, где выяснялся статус атаманов, были и девочки-одноклассницы. Они тоже замерли невдалеке. Все мы стихли, ожидая реакции Даулета. Даулет застыл, не веря своим ушам, затем спрыгнул с турника:

— Ой, мать твою... Решил подохнуть? Иди ко мне, иди, — с этими словами он рванулся ко мне.

Мне отступать было некуда. Сам напросился. Пришлось драться изо всех сил. Я без особого желания снял школьную форму, отложил в сторону портфель и встал напротив. Обороняясь, я нанёс несколько ударов.

Кипевший от злости Даулет сразу ринулся в атаку. Я же дерусь с оглядкой. Пытаюсь достать противника, а он уворачивается. Наши обоюдные удары иногда достигали цели. Когда мы оба окончательно измотались, я воспользовался удобным моментом. Я пнул его в живот, и он резко наклонился. Хватаю его за волосы и два раза поддаю коленом по носу. Потом наношу удар по спине, опрокидываю на землю и усаживаюсь верхом на нём, дав напосле-

док хорошего тумака. Я бил его без злости, знал, что победа на моей стороне. Увидев кровь, сочившуюся у Даулета из носа, я встал и перешагнул через его голову. Товарищи-атаманы гурьбой повели Даулета к колодцу. А я пошёл домой.

* * *

Мы с отцом за пару месяцев привели в порядок все дворовые постройки. Когда всё было готово, привезли из родного аула около 30 голов живности: овец с ягнятами, коров с телятами, кобыл с жеребятами. Лишь тогда стихли пересуды болтливых кумушек, мол, у нового зоотехника нет ничего, кроме одной жены, одного сына, одной лошади и собаки.

Я тоже не сидел без дела. Прибил на вершину дворовых деревьев три скворечника. В двух из них поселились скворцы и вывели птенцов. Третий так и остался необжитым. Учёба у меня тоже наладилась. Раньше в своём ауле я был в числе лучших учеников. А тут стал самым передовым. Ещё больше вдохновляло то, что учителя ставили меня в пример. Участвовал я и в общественных мероприятиях. И с ребятами сдружился.

После той случайной драки я сразу стал атаманом класса. Но я нисколько не вознёсся, просто ребята за глаза меня так величали. Даулет автоматически стал моей правой рукой. Он всегда получал моё согласие, если хотел возглавить какое-либо дело. Никому поражение не даётся легко. Поначалу Даулет как будто ненавидел меня. Однако он не был мстительным. Даже проявил себя хорошим организатором. Просто окружение сделало его самодовольным бахвалом. Даулет оказался интересным мальчишкой. Порой приходил после обеда ко мне домой и рассказывал много любопытного. Однажды он мне сказал:

— Маха, хочешь, я тебе кое-что скажу?

Я ответил:

— Говори.

— Я в первый раз в своей жизни видел, чтобы отличник хорошо дрался. Раньше я думал, что человек либо хорошо учится, либо хорошо дерётся.

Я ему возразил, что он ошибается. И что, если он согласен, я помогу ему готовиться к занятиям. А он в ответ:

— Да ну, Маха, эта учёба не по мне.

— Почему так говоришь?

— В нашем роду учёба никому не давалась. Ты лучше скажи, как ты смог победить меня? Меня никто раньше не побеждал. К тому же ты и спортом толком не занимаешься.

— Я не думал победить тебя. Так получилось, случайно, — сказал я, распиливая пилой засохшее дерево. Даулет тем временем колол дрова. После моих слов он бросил топор на землю, задумался и сказал:

— Если что-то скажу, не обидишься?

— Нет, говори.

— По правде, тогда я и не думал, что потерплю поражение. Если бы не кровь из носа, я бы продолжил драться. Ты не обижайся. Давай мы с тобой ещё раз подерёмся.

— Давай, — согласился я, положив пилу на место. Он снова молча посидел:

— Да ну, брось. Я пошутил. А ты принял мои слова за чистую монету, — с этими словами он взял в руки топор и принялся снова колоть дрова. Он приговаривал:

— Ты правильно сделал, Маха. Хорошо, что мы притянули в свои ряды Елжана и Ерсина. Теперь всегда будем вместе. Как это мы раньше не додумались до этого, — покачал он головой.

Даулет стал считать меня самым близким другом. Когда он хотел посоветоваться со мной, говорил так: «Друг мой, а что, если поступим вот так, что получится?». А предложение заканчивал фразой: «Вот так-то, мой друг». Однажды я его спросил:

— Ты и вправду считаешь меня своим другом? — и тут же пожалел об этом.

— А как же? Тогда ты не считаешь меня своим другом, что ли? Или я не достоин этого? А я считаю тебя самым лучшим другом! — обиделся он.

В конце концов, мне стало стыдно. По правде говоря, я не против дружбы с Даулетом. Но близким другом я его не считал. Ко всем одиннадцати одноклассникам-мальчикам я относился дружески, но никого не считал самым близким другом. В родном ауле у меня остался друг по имени Берик, он жил по соседству. Мы с ним вместе росли. Не расставались с раннего утра до поздней ночи. Возможно, поэтому, не встретив такого, как Берик, я и сто-

ронился других. Пришлось слукавить с Даулетом, а не то мог сильно обидеть:

— Даулет, ты на меня не обижайся. Я вас всех считаю своими друзьями. Тебя тоже по-особенному люблю. Но после той нашей драки я думаю, ты на меня ещё в обиде.

Мой наивный друг обрадовался этим словам. Он от чистого сердца стал рассказывать, что не обижается и гордится таким другом, как я. Он долго рассказывал о том, что его мама советовала дружить со мной.

* * *

После исчезновения Алапара я долго искал хорошего щенка. Мама мне объяснила, что Алапар не смог жить на чужбине и, как хороший пес, ушёл умирать подальше от людских глаз.

Спустя два-три дня с начала каникул мы с отцом верхом на лошади отправились на джайлау. Там проживал знакомый отца. Папа хотел показать мне джайлау и подобрать мне щенка. После семичасового пути мы прибыли к месту назначения. Уставший, я выпил две-три чашки чая и сразу уснул мёртвым сном.

— Макаш, вставай. Иди, выбирай себе щенка, — разбудил меня спокойный голос отца. Я открыл глаза и увидел, что солнце близится к закату. Мы вместе с хозяевами дома подошли к железной клетке возле хозяйственных построек. В ней спали, уткнувшись в материнское брюхо, четыре толстых кутёнка. Животы их раздулись от молозива. Я сразу обратил внимание на коричневого щенка с белым пятнышком на грудке. Он лежал поодаль от матери. Судя по всему, он был активнее других щенков.

— Беру этого, — сразу сказал я.

— Не отдам, он мне самому нужен, — буркнул сынишка чабана Алмас, по всей видимости, мой ровесник.

Я слыхал, что Алмас был настоящим кинологом — любителем собак. Эту ощенившуюся собаку он обменял у кого-то на овцу с ягнёнком. Я понял, что мы ему пришлись не по душе, как просители его щенков. Мальчик мечтал вырастить из них псов истинно казахской породы. И сейчас он возражал мне. Отец дал ему знак, чтобы он уступил, но Алмас не соглашался.

— Надоело это колхозное начальство и зоотехники. Увидят что-нибудь стоящее и сразу норовят хапнуть. Сытно едят, красиво одеваются, теперь хотят и лучших собак отобрать. Не отдам этого щенка! Этот единственный щенок — отпрыск полосатого кобеля Бакмоллы. Пусть берёт других, — начал он вопить во весь голос.

Делать нечего, пришлось взять другого.

— Если этого не дадите, то я возьму любого, мне всё равно, — сказал я, не скрывая своей обиды. Отец зашёл в сарай и сам принялся выбирать щенка, хватая одного за другим за загривок. Он вытащил чёрного молчаливого щенка и глянул на Алмаса:

— Не возражаешь, если возьмём этого?

— Пожалуйста, берите... Но он будет соней, которому всё равно, что творится вокруг.

— Нам годится и этот соня. Пусть лучший останется у тебя. Нам лишь бы собака была. Но, Алмасжан, если хочешь знать, характер и повадки хорошей собаки напрямую зависят от качества ухода и воспитания, — сказал отец со смехом.

— Я собак знаю лучше вас. Вот приведите его, когда подрастёт. Тогда и поглядим на моё и ваше воспитание.

— Ой, Жеке, вы не сомневайтесь. Алмас по собакам может хоть сейчас кандидатскую диссертацию защитить! Он сам вырастил эту суку — мать щенков. А эти кутята — её первый помёт, — вставил тут отец мальчика.

Согласно казахскому обычаю, ножи и собак дарить нельзя, их непременно нужно купить. Отец исполнил ритуал — дал отцу Алмаса немного денег, а я подарил Алмасу свои наручные часы. Вдобавок к этому он выпросил у меня ещё и компас, который я всегда носил с собой. «Ты же не заплутаешь, живя среди людей, а мне он нужней», — просил он. И я вместе с часами снял с руки и компас. Странный мальчик! Словом, благодаря щенку, остались довольными четыре человека — два отца и два сына.

На обратном пути нас застала прохладная ночь, и отец спрятал щенка за пазуху. Для отца, по долгу службы исходившего этот край вдоль и поперёк, ночная поездка была не внове. К тому же, он доверял своему верному коню Ахтанкеру. Благодаря лошади и полной луне мы без всяких приключений добрались до дома уже на рассвете.

* * *

По приезде мы разобрали огромную будку Алапара и соорудили для кутёнка маленький домик. Он сразу же привязался к нам. Спустя время уже стал лаять. Когда мы с отцом подбирали кличку кутёнку, дело дошло даже до перепалки. Существовала казахская примета, что «благополучие приходит в дом в образе собаки», и отец предложил назвать щенка Кутдол — Приносящий Достаток. Я не соглашался. Когда я впервые увидел миленькие белые лапки щенка, сразу решил про себя назвать его Актабан — Белолапый. Вскоре отец сдался.

Я был на каникулах, и щенок стал моей единственной забавой. Актабана мы кормили молоком с хлебной крошкой. Порой отец привозил из ближних отар мясо падших овец и запасал его в холодильнике. А мама готовила это мясо для щенка. Мне кормить щенка было запрещено. Отец объяснил, что я не знаю системы кормления и количества пищи. Щенок мог переесть, а перекормить щенка значило навредить ему. Когда отец его кормил, я с интересом наблюдал за этим. Актабан уже проявлял хитрый нрав, он предпочитал общество отца, который его сытно кормил, а не меня, который то и дело тискал его. Завидев отца, щенок радостно вилял хвостиком и выбегал навстречу.

Так пролетали дни и месяцы. Мы с Актабаном росли не по дням, а по часам. Когда я закончил шестой класс, Актабан уже значительно подрос. Он стал очень чутким и резвым. Если в открытые ворота забредала чужая скотина, то он без всяких команд прогонял её со двора. Но главное, мы ни разу не надевали на него ошейник и тем более не сажали на цепь. Он также никогда напрасно не бросался на гостей. А человека с нехорошими намерениями мог сразу почуять и исступлённо лаял, не подпуская к нам. Он любил лежать у порога входной двери, и мама часто говорила: «Благодаря Актабану мы не запираем дом на замок».

Кто знал, что из щенка получится такая умная собака? И что было бы, если бы Алмас тогда уступил мне коричневого щенка? Меня порой беспокоила мысль: а был ли тот щенок таким умным и чутким, как наш Актабан? Я нисколько не жалел, что выбрал именно его. Даже ребята в школе, говоря о собаках, упоминают о моём Актабане, как об уникальном. В такие минуты я чувствую себя на седьмом небе от счастья.

Мой отец славился в наших краях как отличный лошадник. Как только другие узнавали, что Жекен выставляет на байгу свою лошадь, они сразу теряли надежду на победу своих скакунов. Взрослых восхищал легендарный конь отца — Ахтанкер, а ребята превозносили Актабана. Даулет тоже, намекая на нашу с ним тесную дружбу, говаривал: «наш Актабан».

Но однажды мы чуть не потеряли Актабана... Старшеклассник по имени Мурат всё время придирался ко мне, и я по глупости науськал на него Актабана. Актабан сразу погнался за Муратом, а тот принялся удирать во все лопатки. Мой пёс успел пару раз укусить обидчика за икры. Завидев на ране капельки крови, перепуганный Мурат с плачем прибежал к себе домой и пожаловался своему отцу. Разгневанный родитель пришёл к нам с заряженной двустволкой, чтобы застрелить Актабана. Отец еле успокоил соседа и миром решил дело, заплатив деньги. С тех пор я не прибегал к помощи Актабана.

Актабан был породистым псом, и, когда наступила в его жизни третья зима, он вымахал величиной с телёнка. Он был крупней всех аульных псов. Когда Актабан с отцом выходил на улицу, все собаки прятались в свои будки и даже носу не казали. Порой мои ровесники выводили своих псов на собачьи бои за околицу аула. В этих состязаниях Актабану не было равных. Но зачастую мы возвращались с пустыми руками, а всё потому, что никто не хотел выставить свою собаку против Актабана.

* * *

Однажды утром я проснулся от громкого маминого голоса. Она ругала отца.

— Ну зачем ты взял с собой собаку? Если бы Актабан остался, то оно бы не пропало. Только два раза надевала. Совсем новенькое было, кто мог его взять? — причитала она.

Я поинтересовался, в чём дело, и узнал, что ночью с бельевой верёвки украли новое платье мамы.

Подивился, надо же, уже платья воруют! Я думал, могут пропасть хозяйственные инструменты — они нужнее другим мужчинам. А эту кражу, выходит, совершила женщина? Или мужчина украл для своей жены? А как вор объяснит, откуда платье? А быть

может, жена вора попросила: «Укради платье для меня»? От этих предположений у меня даже голова разболелась.

Актабан молча лежал у двери. Интересно, он винит себя в случившемся, дескать: «И зачем это я отлучился с большим хозяином?» Казалось, пёс о чём-то серьёзно размышлял.

— Ладно, Батимаш, перестань. Из-за одного платья весь мир чуть не перевернула. Найдётся оно, — утешал её отец.

— Где найдётся?

— Аул же маленький. Пойдёшь на праздник и там увидишь своё платье на воришке.

— Кто наденет ворованную вещь? Наверное, отправили его подальше из нашего аула. О боже, это было одно из моих трёх лучших нарядных платьев. Его мне подарили на сватовстве Макеновской дочки...

— Не найдётся, и чёрт с ним. Что теперь реветь из-за кражи какого-то платья, будто ограбили весь дом?! У Макена ещё много дочек — все красавицы, одна другой старше. На сватовстве следующей дочки подарят тебе другое платье.

Из-за пропавшего платья мама три-четыре дня ходила расстроенная. Она часто удивлённо и обиженно бормотала: «Какой ужас...» В таких случаях мы с отцом переглядывались и тихо усмехались.

Спустя несколько дней история с платьем постепенно забылась. Как-то вечером мы сидели за вечерним чаем. Вдруг за забором послышались возня и лай Актабана. Я тут же выглянул наружу и увидел, что пёс держит в пасти какую-то тряпку. Приглядевшись, я узнал платье мамы. Вышедшие за мной родители были поражены увиденным.

— Я же говорил, что найдётся! Актабан разыскал платье, — приговаривал отец. Радости мамы не было предела. Я же гордился сообразительностью Актабана. А собака, будто понимая, какой подвиг она совершила, довольная, виляла хвостом.

Отец и не сомневался, что Актабан найдёт платье. Однажды, возвращаясь из ночной поездки в горы, он выронил по дороге притороченный к седлу аркан. Пёс без труда нашёл пропажу и принёс домой. Но вернуть платье, украденное человеком, нам казалось поступком особенным!

Выяснилось, что Актабан, навещая знакомого пса, учуял там среди развешанного во дворе белья мамино платье, схватил и кинулся бежать. Соседи погнались за собакой, думали, что пёс похитил платье. Один из соседей забежал к хозяйке Зине, чтобы предупредить её о случившемся:

— Твоё платье унесла собака Жекена! Беги к ним и отбери!

На что Зина заверещала:

— Ойбай, я пропала! Опозорилась! — и заперлась у себя дома.

Вот так Актабан вывел соседку Зину на чистую воду.

Сызмальства Актабан не отходил от отца ни на шаг. Он везде следовал за ним. Аульчане посмеивались: «При имени Жекен мы сразу представляем себе крутого всадника с собакой». Люди привыкли видеть отца с Актанкером и Актабаном.

Но в какой-то момент нашего пса словно подменили. Лежит себе грустный... Думали, приболел, но это не походило на болезнь. И здоровым его тоже трудно было назвать. Взгляд у него был как у человека, погружённого в свои мысли.

— Отец, собаки тоже думают? — допытывался я.

— Конечно, сынок, они тоже думают. Собаки — мыслящие существа, — ответил отец — то ли и правда так думал, то ли присочинил...

— И о чём они думают?

— У каждой собаки свои думы.

— Тогда о чём думает наш Актабан? Посмотри в его глаза.

Отец, глянув в глаза собаки, сказал:

— Твой Актабан тоскует по своим братишкам и сестрёнкам, с которыми он родился вместе. Голову ломает, думая, живы ли они, здоровы ли.

— А-а-а, он соскучился. Почему бы вам с ним не навестить их?

— Он в теле. Боюсь, что устанет в дальней дороге.

— Если он и в самом деле тоскует по своим родным, то выдержит. Не травите ему душу, отведите его туда.

— Хорошо, я выеду пораньше.

Получив согласие отца, я остался доволен, словно сделал для Актабана доброе дело. Был случай, когда я потерял мяч и Актабан отыскал его среди травы за домом и прикатил передними лапами. А теперь мой Актабан отправится на джайляу и погостит у родных. Они, наверное, удивятся. Но свидания не случилось...

* * *

Отец был главным специалистом совхоза. Он зимой и летом объезжал животноводческие отгоны, практически не бывая дома. Одна из таких поездок стала для него последней. Он погиб — утонул в реке, разбушевавшейся от половодья.

Был поздний вечер. Мы, как обычно, сидели дома вдвоём. Мама пряла пряжу, а я читал ей сказки из сборника «Сказки народов мира». Вдруг послышалось ржание Актанкера. Оно нас сразу насторожило. В голосе коня слышались тоска и отчаяние. Мы вышли во двор и увидели, что лошадь мокрая. Отца с ней не было. Мама почувствовала что-то неладное и зарыдала в голос, подняла крик на весь аул.

Несколько мужчин начали поиски возле моста и направились вниз по течению реки. Под утро они с трудом нашли тело отца. Оказывается, Актабан нашёл тело, застрявшее у дерева, у развилки реки, и удерживал его за воротник зубами. Пёс то выл, то скулил. Поисковики сразу увидели, что собака нашла отца.

Пока тело отца находилось дома, Актабан не находил себе места — он всё бегал вокруг. Мы пытались привязать его, но он не давался нам в руки. Когда поехали на кладбище, он увязался за нами. Не отставал от машин. Во время погребения он подошёл ближе и завыл. Так бедняга прощался с хозяином.

Вначале я полностью не осознал случившееся. Суета людей и мои надежды на воскрешение отца приглушали моё горе. Только после похорон, когда опустел наш дом и мы остались с мамой вдвоём, у меня заныло сердце и стало тоскливо на душе. Мы и раньше часто жили без отца. Но от нынешнего одиночества наступала безысходность. Во мне проснулись жалость к себе, к маме и псу.

На Актанкере мой отец покинул этот мир... Родные и близкие посоветовались и решили: «Покойник при жизни любил этого коня, пусть и на том свете ездит на нем». Были люди, которые предлагали: «Жаль резать скакового коня, замените его жирной кобылой», другие говорили: «Пусть хоть единственный сын поездит на коне, оставьте лошадь в живых». Но, в конце концов, решили зарезать коня для поминок. Отец всю жизнь ездил только на Актанкере, и вышло, что и после смерти конь ушёл с хозяином...

* * *

После похорон отца мама распорядилась, чтобы из косяка доставили коня — двухлетку по кличке Актанау. Она оседлала лошадь отцовским седлом, украшенным серебром, и посадила в седло меня.

— Ну, жеребёночек ты мой, теперь ты уже не ребёнок. Ты — мужчина в этом доме. Теперь ты взрослый. Моя опора, — сказала со слезами на глазах.

С того дня кончилось моё детство. В минуты тоски по отцу я давал волю слезам наедине с собой. Мама тоже не показывала мне свои слёзы. Видимо, не хотела, чтобы я вырос слабым. Я понимал, что являюсь единственным утешителем мамы, и старался проявлять стойкость и выдержку. Вот так мы и жили под одной крышей, стараясь быть опорой друг другу, радовались вместе, а плакали врозь. Днём я учился, а вечерами работал с мамой. Нам приходилось тяжко, но поговорка: «Время лечит» оказалась верной. С каждым годом наши раны затягивались, и горе не казалось уже таким безысходным. Не могли же мы постоянно плакать. Если бы отцы оживали от слёз сыновей, мой отец уже давно бы вернулся с того света. Мы постепенно пришли в себя и стали думать о будущем. Вот так мы и жили, то плача, то смеясь.

Не менялся лишь Актабан. Он всё так же лежал, уставившись печально в одну точку. Порой он куда-то исчезал и так же неожиданно возвращался. Мы не волновались за него, знали, что он уходил на кладбище. Положив голову на могилу отца, он утолял печаль и возвращался домой. У него вошло в привычку посещать могилу через каждые два-три дня.

Однажды в полдень он взглянул через распахнутую дверь в комнату и несколько раз пролаял. Я не понял, а мама поднялась с места и произнесла:

— Он горюет больше чем человек.

Она сняла с ковра тюбетейку отца и повесила её у будки Актабана. Бедный Актабан обрадовался пуще человека. Пёс прилёг возле висящей тюбетейки и принялся радостно её обнюхивать. Через час мама сняла тюбетейку с ветки и повесила в доме на место. С тех пор я понял, чего хочет Актабан. В отсутствие мамы, по «просьбе» пса, я давал ему тюбетейку отца на час-другой. Как только собака успокаивалась, я сразу вешал тюбетейку на место.

* * *

Раньше мы имели небольшое поголовье собственной скотины и весной поручали пасти её колхозным пастухам, а в конце октября — начале ноября забирали скотину домой на время окота. После смерти отца отдавать скотину животноводам для выпаса стало большой проблемой. При жизни отца они зависели от него и наперебой предлагали ему свои услуги: «Дай пригляжу за твоими лошадьми», «Помогу пасти твоих овец, присмотрю за твоими коровами». А теперь они отвернулись от нас, нередко даже не желали разговаривать. Соглашались только добропорядочные. Но им я должен был помогать летом на выпасе скотины и осенью при ремонте хозяйственных построек и хлевов. В этих случаях я старался как мог.

Заготовка на зиму сена и кормов не составляла для меня большого труда. С наступлением летних каникул я сразу устраивался в колхоз на работу. Работал день-деньской начиная с июня на стрижке овец, а заканчивал в августе на сенокосе. В осенние месяцы, в свободное от занятий время, часто помогал на току. За свой осенний труд я получал от колхоза положенные мне сено и корма. А дров на зиму мы с моим другом Даулетом заготавливали за пару недель. И хоть мой Актанау не был скаковой лошадью, как Актанкер отца, тем не менее он показал себя настоящей рабочей лошадкой. И это было хорошо. Будь он скакуном, у меня не было бы ни возможностей, ни условий для подготовки коня к скачкам. К тому же я не имел способностей к этому. К чему мне было выпячиваться? Лучше буду по мере сил добывать хлеб насущный и обеспечивать себя и маму.

В дождливые дни, когда покос приостанавливали из-за непогоды, мы с Даулетом запрягали Актанау в телегу и ехали за дровами. В некоторые дни удаётся заготовить сразу две телеги дров — одну для дома Даулета, а другую для моего. Таким образом мы без особого труда делали зимний запас дров на два дома.

Хоть мы и лишились своего кормильца, но духом не упали. Как бы ни страдали, но продолжали жить пусть и не лучше, но и не хуже других. Небольших денег, что получала мама, хватало на еду и одежду. И всё же мама постоянно твердила о возвращении в наш родной аул.

Возвращение туда сулило много хорошего. В том ауле проживали братья моего отца и мамы. Конечно, и в этом ауле мы жили не

хуже других. Но до окончания школы мне оставалось совсем немного... Я опасался, что, если поеду поступать в Алматы в институт, мама останется одна. А если не пройду и останусь работать в ауле, то неизвестно, какое будущее меня ожидает. К тому же родной аул — есть родной аул. После долгих совещаний мы с мамой решили: как только окончится этот учебный год, мы вернёмся на прежнее место.

Моё возвращение в родной аул означало, что оставшиеся два года школы я окончу с моими бывшими одноклассниками, с ними я когда-то учился четыре начальных класса. Наконец-то я вернусь к своим друзьям, с которыми впервые сел за парту. Там у меня остался близкий друг Берик и другие друзья. Мне не терпелось провести последние годы детства с первыми друзьями. За пять лет проживания здесь я несколько раз ездил в родной аул. В эти кратковременные свидания не успевал повидать многих и потому все эти годы скучал по ним. Хотя и обрёл на новом месте новых друзей и новых товарищей. Помню, как в первые дни я хотел сблизиться с лучшими учениками класса — Елжаном и Ерсином, а получилось, что сдружился с самым задиристым мальчиком класса — Даулетом. Мне нравились его честность, верность дружбе и самоотверженность. Кстати, с тех пор как он сдружился со мной, то сильно изменился в лучшую сторону. Хоть и не стал он отличником учёбы, но он старался и его успехи были налицо. Что касается его поведения, тут разговор совсем другой. Он уже не задирал ребят без причины. А однажды, поехав со мной на спортивные соревнования в районный центр, даже занял третье призовое место в «борьбе по-казахски» и получил диплом из рук самого директора школы.

Как же Даулет воспримет новость о моём отъезде из аула?

* * *

Как-то в середине мая в нашу школу пришёл колхозный бригадир. Мы догадывались, по какому поводу он явился к нам. Он пришёл составить список ребят для работы на стрижке овец и на сенокосе. Он взял классный журнал и по списку записывал каждого ученика. До этого времени я ещё никому не говорил про наш переезд. К тому же мама наказала мне молчать, покуда мы не определимся со сроками. Когда я спросил её о причине, она ответила:

— Не будем заранее шум поднимать.

Думаю, хотя мама и сказала о переезде, но сама ещё не решилась на это. Мама сблизилась с людьми этого аула. К тому же тут оставалась могила её верного спутника жизни — моего отца. Но теперь настал день, когда пришлось раскрыть наш секрет. В классном журнале по алфавиту моя фамилия Ажиев Махамбет значилась третьей после Абдрахманова и Амылбекова. Первый записался на сенокос, второй — на стрижку овец. Почему-то сразу после них была названа фамилия Багланова. Я не понял. Подумал: «А-а-а, значит, он слышал о нашем переезде». Но от кого он мог услышать? Об этом знали лишь я да мама. Может, мама сказала? Но почему? Может, она попросила машину для переезда? Пока я ломал голову, заместитель директора школы по общественной работе сказал:

— Вы забыли Ажиева.

Тогда бригадир, глянув на меня поверх очков, сказал:

— Почему мы будем принуждать Ажиева делать выбор? Мы все знаем положение Махамбета. Этот Батыр, как обычно, отправится и на стрижку, и на сенокос, поэтому я заранее занёс его в оба списка.

Я ему ответил:

— Нет, ага, нынче я не запишусь в оба списка.

— Почему?

— Мы в этом году... Хотим переехать... В свой аул... — ответил я, волнуясь. При этих словах я глянул на Даулета.

Он посерел.

— Хорошо, я тебя вычеркну. Гляди, если вдруг не переедете, то зимой ваша скотина подохнет с голоду.

— Мы точно переедем, — подтвердил я.

Бригадир продолжил составлять список, но внимание всех было обращено ко мне. Даже заместитель директора и классная руководительница будто хотели мне что-то сказать. Но вынуждены были молчать, чтобы не помешать бригадиру. Когда со списком покончили, бригадир и заместитель директора вышли из класса, а ребята и классная руководительница окружили меня. Они засыпали меня вопросами, некоторые даже агитировали остаться. И все твердили одно: «Всего два года осталось! Потерпи до окончания школы!»

— Очень жаль! Даулет исправился благодаря тебе. Было бы хорошо, если бы ты помог ему закончить школу, — улыбнулась классная руководительница Айкумис-апай.

В это время один из одноклассников-шутников пожал Даулету руку и воскликнул:

— Поздравляю!

Даулет, потрясённый потерей лучшего друга, не понял и недоумённо вытаращился на мальчика. А мальчик пояснил:

— Поздравляю с возвращением должности, которой ты лишился пять лет назад! Если Махамбет уедет, ты снова станешь атаманом.

* * *

Стоял знойный июльский день. Откладывая отъезд по разным причинам, мы порядочно задержались. Сегодня в полдень мама погрузила на колхозную машину наши скромные пожитки и уехала. Провожающих было много. Каждый из них старался что-нибудь нам подарить, а мы в честь нашего отъезда зарезали большого барана и организовали для аульчан щедрый дастархан на околице аула.

Из нашего родного аула Акбастау приехал нам помочь родной младший брат отца — Жуман. Мы с ним на двух лошадях готовились перегнать скотину. Путь был неблизкий — четыреста километров. Со скотиной это займёт пять-шесть дней. Я просил увезти Актабана на машине, но его оставили, мол, поможет на перегоне скотины.

Мой друг Даулет вызвался помочь перегнать живность, но, как назло, за три дня до этого упал с лошади и сломал обе ноги. Он пришёл прощаться со мной, опираясь на костыли. Был расстроен. Я видел, что Даулета одолевают переживания, и решил разбавить шуткой тягостную минуту:

— Ой ты мой Исатай! Если бы в тот день ты не упал с лошади, то мог бы помочь мне с переездом!

Я звался в честь мятежного поэта Махамбета, и одноклассники прозвали Даулета именем соратника поэта — предводителя легендарного восстания 19 века — Исатая.

Он старательно улыбнулся сквозь навернувшиеся слёзы:

— Будем живы, Маха, ещё встретимся. Счастливого пути!

Мы медленно удалялись от аула. Дядя гнал впереди лошадей. Я в основном погонял коров и овец. Актабан нам здорово помогал. Если кто-то из животных отбегал в сторону, то умная собака заворачивала его и пригоняла к нам.

Пройдя километров сорок, мы остановились на временном кузеу — осеннем пристанище какого-то чабана. Все отары перегнали на летние пастбища — джайляу. И потому эти стоянки сейчас пустовали. Мы неспешно перегоняли скотину, и по пути она хорошо паслась. На кузеу нам осталось лишь разместить её в загоне. В пустом доме мы с дядей расстелили солому. Провиант на дорогу дядя поделил поровну и положил в два хорджина. В пути питаешься в основном сухим пайком — мажешь на лепёшку сливочное масло и запиваешь айраном или катыком-коже (пшеничной похлёбкой на кислом молоке). В пути мы закладываем за щёку сухой сыр-курт, тем и довольны. Если мучает жажда, то двух-трёх глотков айрана достаточно.

Дядя отличался умением выживать в трудных условиях, он слегка перекусил и вышел приглядеть за животными. А я принялся размачивать курт в посуде — этот напиток нам завтра пригодится. Когда человек в пути и отвечает за важное дело, то сон к нему не идёт. Мы с дядей прилегли в разных углах помещения и даже не ослабили на себе затянутые пояса. Завтра на рассвете нам снова предстояло продолжить многочасовую поездку верхом.

С наступлением рассвета мы снова вышли в дорогу. Мы проехали совсем немного, и всё оттого, что вчера начали перегон после полудня. Теперь мы запланировали пройти изрядное расстояние. Через некоторое время дядя сказал:

— Скотина пасётся на ходу, впрок это ей не пойдёт. Пока не наступила жара, пусть немного отдохнёт, — с этими словами дядя завернул животных к густому травостою.

Мы принялись за свой сухой паёк — курт и хлеб с маслом. Актабан вёл себя необычно. Он наслаждался покоем, положив голову мне на колени, иногда шаловливо бил хвостом по земле. Я удивился его поведению.

Видимо, и дяде показалось его поведение странным, он настороженно сказал:

— Что это с ним? Не надумал ли он умирать?

— Коке, почему вы так говорите?

— Не знаю, но мне кажется, что он прощается с тобой.

У меня ёкнуло сердце. Актабан ничего не делает зря. Но вроде он здоров и чувствует себя прекрасно. Я успокоил сам себя, может, мы заблуждаемся.

На нашем пути находился высокий холм, перевалим через него, а дальше — равнина. Мы сегодня должны пройти немалое расстояние.

Когда солнце поднялось на расстояние полёта стрелы, мы направились на запад. Брели медленно, быстрей не могли. Ближе к полудню мы поднялись на вершину холма, который вначале нам казался недосягаемой мечтой. Здесь, на вершине холма, поросшего жусаном, мы замешкались. Избалованная изумрудной травой скотина при виде жусана совсем потеряла голову. Пришлось ждать, когда животные насытятся. Потом мы снова вышли в путь. И тут на самой вершине холма Актабан внезапно остановился. Я принялся зазывать его, но он не послушался. Повернув коня, я подъехал ближе. Сошёл с седла и погладил голову, спину Актабана, заглянул ему в глаза. О ужас! В глазах Актабана стояли слёзы. Да, настоящие слёзы. Если бы я не увидел их собственными глазами, то не поверил бы. Мой пёс действительно плакал.

Что делать? Я растерянно сел на коня и поскакал к овцам, на ходу я крикнул: «Актабан, фас!» Думал, он исполнит приказ, но нет, он продолжал сидеть. Мы удалялись, а он всё так же неподвижно сидел. Странно, он то и дело приподнимал правую лапу, будто прощался. И, когда мы удалились на изрядное расстояние, он повернулся и побежал прочь изо всех сил.

Он не захотел следовать за нами. Но почему он сразу не остался в ауле? Может, решил проводить нас до этого места? Этот холм лежал ровно посередине пути. Видимо, Актабан наметил это место.

Дядя Жуман сказал:

— Жаль... Породистая собака, не надо было отпускать её. Может, догоним и поведём его на аркане?

Я ответил, что не нужно этого делать. Во-первых, мы его не догоним. Во-вторых, вольный пес в неволе будет томиться. А если даже силой приведём в другое жилье, он всё равно сбежит. Пусть идёт туда, куда его тянет душа. Так решил я.

Дальнейший путь нам пришлось продолжить без Актабана.

* * *

Что бы там ни говорили, а родня есть родня. Наши родственники встретили нас на расстоянии дневного перехода. Три всадника уже поджидали нас с варёным мясом и кумысом. Был среди них и мой друг — Берик. Мы соскучились друг по другу и сразу обнялись.

Со скотиной остались взрослые, а мы с Бериком поскакали сами по себе. По пути мы рассказали друг другу о годах, проведённых врозь. Друг сказал:

— Я знал, что ты вернёшься.

— Ну конечно, я бы вернулся. Ведь не в Китай же мы уехали! Даже из Китая люди возвращаются. А тут расстояние всего-то четыреста километров. — шутил я.

— Ну как, нашёл ты там хорошего друга?

— Ну конечно, не напрасно же эти годы прожил.

— Нашёлся такой, что стал истинным другом?

— Есть такие...

— Наверное, даже меня позабыл?

— Куда им до тебя? А ты с кем дружил, пока меня не было? Кому дал клятву верности?

— Ни с кем я близко не сходился. Никому клятвы не давал. Немного сблизился с Жанатом и Жаксылыком.

— Ты же недолюбливал Жаксылыка. Говорил, что он любит приврать...

— Он эти замашки оставил. И сейчас стал хорошим джигитом. Никто не сравнится с ним в джигитовке. Сам увидишь, когда приедешь.

Узнав о нашем приезде, аульчане привели в порядок наш дом и хозяйственные постройки. К тому же мама, прибыв сюда на три дня раньше, навела в доме уют. В день моего приезда были приглашены все родственники и соседи на жертвенно-поминальный обед.

На второй день пришли мои друзья, с которыми я провёл лучшие годы своего раннего детства. Была пора летних каникул, и многие были в отъезде. Но те, кто остался в ауле, пришли все до одного. Мы с радостью вспоминали прошлое, друзья делились новостями. У всех всё было в порядке. Только одноклассник по имени Марат — рослый мальчик, всегда сидевший на задней парте, —

скончался от сердечного приступа. Мы навестили его могилу и прочитали молитву.

Некоторые мои одноклассники изменились до неузнаваемости, а некоторые остались такими же, как раньше. И всё это за какие-то пять лет моего отсутствия. В ту ночь, после вечеринки с одноклассниками, я долго не мог уснуть, всё думал. На первый взгляд пять лет — это один миг. Чего только не случилось за эти пять лет... Я за этот период пережил многое.

* * *

Для истории пять лет — мгновение. А для меня они стали значительной частью в моей жизни. За эти пять лет я многое нашёл и потерял. Были горестные и радостные события, были сожаления и надежды. Но это всё — бесценные дары судьбы, главы моей жизни. Бесценные главы...

Самым большим горем за эти пять лет была потеря отца. В эти чёрные дни на меня обрушился весь мир. Я потерял главную опору своей жизни и вступил во взрослую жизнь. Я уехал из родного аула мальчишкой, а вернулся окрепшим подростком. Уехал баловнем отца и судьбы, а вернулся серьёзным всадником, крепко сидящим в седле. И мама — весёлая хохотушка при отце — теперь стала серьёзной женщиной-вдовой. Жаль её. Мне больно видеть, как седина пробивается в её волосах и как появляются на лице морщины, ведь она овдовела, едва достигнув сорока лет. Мечтаю о том, чтобы в последующей жизни она не испытывала горя. Я хочу трудиться на радость маме, чтобы видеть её счастливой. Может, это и есть счастье, когда даришь его другим. Если мама не будет знать горестей в этой жизни, я буду безмерно счастлив. У неё кроме меня никого нет. Почему я единственный ребёнок? До сих пор я не могу решиться задать маме этот вопрос. И отца я не спросил об этом...

Актабан... Актабана я никогда не забуду. Сколько проживу на этом свете, столько и буду помнить его. Я запомню его как одного из самых главных друзей моего детства. И хотя вся его жизнь прошла передо мной с момента нашей встречи на джайляу, я постоянно вспоминаю лишь минуту прощания.

Он проводил меня и попрощался со мной как разумное существо. Стоял с поднятой передней лапой. Почему он не пошёл с

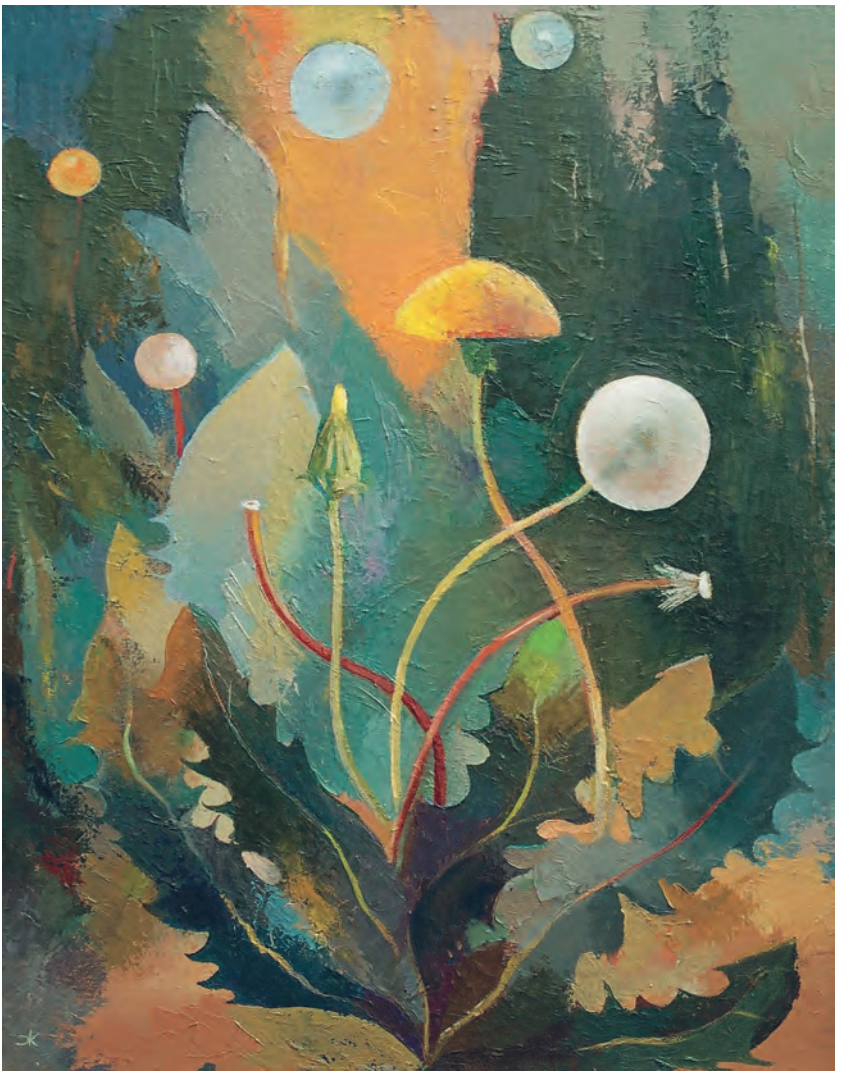
нами? Для меня это осталось загадкой. Строю различные предположения. Но точного ответа не знаю.

* * *

P.S. Всё это — фрагменты прошлых дней. То, что случится со мной в будущем, ведомо только Аллаху. На все воля Всевышнего. Но знаю одно: добро всегда воздаётся добром. Я верю, что в моей дальнейшей жизни всё будет хорошо. Смогу ли я когда-нибудь спросить маму: «Мама, ты счастлива?» и ощутить невероятное счастье от её утвердительного ответа? Но до этого времени ещё так много дней и лет.

P.S.S. Ночью мне приснился Актабан. Он сидел с поднятой лапой на том самом холме. В глазах его были слёзы. Он плакал. Если вы не верите в то, что собаки умеют плакать, значит, не верите, что есть люди, не умеющие плакать. Я пробудился с плачем. В моих глазах тоже были слёзы...

ЧУДЕСНЫЙ САД
Сказки и загадки



АДИБАЙ ТАБЫЛДЫ

ЧУДЕСНЫЙ САД
(сказка)

С детства в краю родном
Брёл Хасен за скотом.
Бедно жил, не тужил.
А Асан день за днём
Землю рыл кетменём,
Он с Хасеном дружил.

Но однажды весной
Разъярённый, шальной
Закружился буран.
Джут... Несчастья одни...
У Хасена в те дни
Пал последний баран.

— Стал я нищ, — он сказал, —
Мне у бая, Асан,
Батраком вековать...
Но ответил Асан:
— Лучше в поле моём
Будем, друг мой, вдвоём
Общий хлеб добывать.

У Хасана был сын —
Добрый, умный Сырым.
Взрослым он помогал:
Рыл арыки, полол...
Терпелив был, как вол.
Хоть и мал,
Да удал.

Как-то раз в ясный день
У Сырыма кетмень
В поле что-то задел.
И с трудом пребольшим
Он извлёк вдруг кувшин.
И на миг онемел...

«Клад монет золотых!
Боже мой, сколько их!..
А блестят — красота!
О, ликуй, мой отец!
Много купим овец...
И прощай, нищета!..»

Он с отцом притащил
В дом Асана кувшин.
— Принимай поскорей!
Ты отныне богат:
Мы нашли этот клад
На делянке твоей.

И Асан им в ответ:
— Вам за честность — рахмет!
Вместе землю долбить,
Поливать нам и жить —
Значит, вместе решать,
Как с монетами быть?

А Сырым произнёс
Горячо и всерьёз:
— Мне позвольте сказать!
Мы накупим семян,
Пригласим аулчан,
Чтобы сад всем сажать.

Тут Асан и отец
Говорят:

— Молодец!
Пусть большим будет сад!
Но загвоздка одна:
Где найти семена?
Кто продаст этот клад?..
В общем, так порешим —
Мы тебе сей кувшин
Доверяем сполна.
Ты ж найдёшь семена!

Попрощался Сырым
И с отцом дорогим,
И со всем, что любил...
Долго шёл по полям,
По горам и лесам...
В дивный город вступил.

Древний город велик,
Говорлив, многолик —
Главный в этой стране.
Всё казалось большим.
Да, такого Сырым
Не видал и во сне.

Шумный, пыльный базар.
Фрукты. Всякий товар.
Караван в стороне.
По базару купец —
Толстый, пьяный наглец —
Гарцевал на коне.

Он на всех наступал, —
Чуть Сырым не попал
Под копыта коня.
А народ всё шумел:
Кто смеялся, кто ел
В зное летнего дня.

На верблюдах купца —
Ящиков без конца:
В клетках — птичий базар:
Куры да гусаки,
Утки да индюки...
Горечь в птичьих глазах.

Как тоскливо кричат!
Клювом, лапкой стучат —
Им бы ширь без границ.
Пух и перья парят...
Наш Сырым уж не рад:
Стало жаль пленных птиц.

— Что за муки, скажу! —
Крикнул он торгашу.
Тот как рявкнул со злом:
— Птиц везу в ханский двор.
Прочь!..
Или, может, ты — вор?! —
И Сырыма кнутом...

— Дать свободу хочу!
Я за всё заплачу!
Бедных птиц отпусти!.. —
Он монеты достал
И купцу все отдал.
Тот как начал грести!
Он всё золото взял —
Птиц пустить приказал.

Беден мальчик опять,
Но в душе благодать...
Радость в птичьих сердцах:
В голубых небесах
Гуси, утки летят.
И цыплята резвятся,

Сесть на плечи стремятся.
Вкруг Сырыма снуют,
Славу хором поют.

Он с пустою сумой
Собирался домой.
Но одно в голове:
«Нет семян. Где же сад?
С чем приду я назад?»
Так уснул на траве.

...Долго мальчик проспал —
Через сутки лишь встал —
Что за чудо кругом!
Утки да индюки,
Куры да гусаки
Ходят в поле родном!

Курицы семенят:
В клювах их семена.
Утки землю рыхлят,
Гуси крыльями бьют —
Воду в степь подают,
Индюки сеют в ряд.
А Сырым? — Ой как рад!

Да, усердно в тот год
Всем аулом народ
Здесь копал и полол...
И в раздолье степей,
Как надежда людей,
Сад чудесный расцвёл.

Там поют соловьи
О красе, о любви.
И струятся ручьи...
Груши, сливы, апорт

Собирает народ,
Славя добрый почин.

В наши дни дивный сад
Стал плодами богат.
И всё шире растёт...
Веселей с каждым днём
Жизнь в саду,
И о нём
Слава в мире идёт.

РАЙХАН МАЖЕНКЫЗЫ

ТАЙНА ЖИРАФА

В лесу воцарился шум и гам! Животные просили друг у друга суюнши — награду за радостную весть: «Родился Жираф!».

В уютной лесной чаще, где родился Жираф, сама природа разостлала ароматный ковёр из душистых цветов. Рядом раскинулась молодая поросль, а поодаль качались на лёгком ветру молодые тополя. Всем здесь распорядилась царица-природа.

Новорожденный Жираф глядел на мир с большим интересом.

Вот его взгляд упал на воду, по её глади скользили листья. Но, наклонившись, Жираф увидел в воде множество булыжников. Не мешкая, он с помощью своих маленьких рожек очистил ручеек от камней.

Ручеёк радостно побежал по своему руслу и звонко сказал: «Спасибо!» Жираф молча и смущённо кивнул головой.

Маленький Жираф отправился дальше. Он повстречал муравьёв, они усердно отпиливали один лист за другим. Другие муравьи оттаскивали срезанные листья в муравейник. Какие они трудолюбивые! Но тут один из муравьёв случайно выронил на землю листок... Жираф поднял листочек.

— Спасибо тебе, добрая душа! — поблагодарил его Муравей.

Вот так, помогая всем и радуясь за всех, рос Жираф.

Как-то раз Жираф повстречался с двумя бобрами, они дружно грызли ствол толстого дерева.

Быстро и ловко они срубили дерево. И, оттащив в сторонку, принялись строить дом. Жираф помог бобрам устлать пол ветками.

Жирафу пришлось по душе и трудолюбие бобров. И своей помощью он лишь хотел выразить им своё уважение. Поблагодарить бы их ещё и словами, но... — бобры опередили его.

Они хором сказали Жирафу: «Спасибо!»

И Жираф вдруг почувствовал, что у него начала расти шея. Он отправился дальше. Пока не повстречал Зайчонка, убегающего от Лисы.

— Спасите, помогите!..

Зайчонок весь дрожал от страха перед настигающей его Лисой.

Тогда Жираф наклонился и подсадил Зайчонка себе на спину. А хитрая Лиса кинулась прочь.

— Спасибо! — пролепетал Зайчонок. — Вы так же прекрасны, как моя мама! И ваша одежда очень необычная, ни у кого такой нет! Я чуть было не попал в беду потому, что вышел из норы, не послушавшись маму.

Вот так Жираф, приходя ко всем на выручку, и не заметил, как пролетело время.

Он продолжал беспечно идти вперёд и вперёд. Как вдруг услышал громкий крик. Что за шум? Оказывается, всё та же ленивая Лиса выгнала Барсука из вырытой им норы и поселилась в ней. Жираф молча засунул свою красивую, длинную шею в нору. И вытащил за кончик хвоста визжащую лентяйку-Лису!

Всякий раз, когда кто-то благодарил Жирафа, у него росла шея и он становился всё выше и выше. Это принесло ему несомненную пользу. Лиса снизу вверх испуганно глянула на Жирафа и — опять убежала. А Барсук поблагодарил Жирафа и поспешил в свою нору — сменить там травяную подстилку. А Жираф молча восхитился: какое опрятное животное этот Барсук!..

День ото дня Жираф становился всё краше.

Однажды ему повстречалась Пчела, перелетающая с цветка на цветок. Она рассказала, что её друг Медведь обожает мёд и нынче она собирает мёд в подарок ему на день рождения.

Жираф и Пчела вдвоём отправились к Медведю в гости. Мишка с радостью принял гостей. Дастархан ломился от лакомств хозяина: орехов и ягод. Пчела подарила медведю мёд. Медведь уплетал сладкий мёд и благодарно посматривал на своих друзей, приглашая и их отведать медку.

Признательность Медведя наполнила весь лес теплотой. Жираф тоже ответил ему приветливым взглядом.

Новые встречи Жирафа с добрыми друзьями в лесу помогали ему расти ввысь и становиться ещё благороднее.

Вот только... Рассказать бы обо всём этом другим жирафам?.. Но тут его мысли нарушил шорох в ветвях деревьев. Жираф увидел неведомое животное, цепляющееся за ветку. Существо было не в силах перебраться с одной ветки на другую, но при виде красивого и симпатичного Жирафа застыло от удивления и произнесло:

— Привет, я — Ленивец...

Жираф молча глядел на Ленивца, висящего на ветке тремя пальцами на ногах.

Он и в этот раз помог самому медлительному животному — ленивцу — перебраться на другую ветку, а сам пошёл дальше.

Со временем Жираф вырос настолько, что стал видеть всё, что творится в лесу. Как-то раз заметил на ветке паутину. Паук усидчиво плёл новую сеть. Вот это здорово!

Жираф зачарованно любовался паутиной. Но тут услышал резкий хлопок! И с сожалением увидел, как сидевший поодаль Хамелеон схватил длинным языком Паука и... проглотил его.

Жираф с осуждением глядел на Хамелеона. Паутина есть. А Паука нет. Глаза Жирафа даже наполнились слезами.

Дни проходили за днями.

Жираф случайно повстречал хромого Волка. Волк лежал на зелёной траве и зубами вытаскивал из лапы колючку. Затем облизал ступню и отдыхал, положив лапу на прохладную траву. Подошедшему Жирафу Волк с умным видом сказал:

— Вот видишь, сам себя лечу.

«Как интересно! Волк лечит сам себя», — подумал Жираф.

— Пойдём, пообедаем вместе. У меня припрятано угощение. Люблю экономить продукты. Я их прячу не в одном, а в нескольких местах, — пригласил Жирафа Волк. Жираф удивился, что Волк понимает толк в экономии. Но обедать с ним вежливо отказался.

Жираф осмотрелся вокруг. На дереве увидел, как Воробей устилал гнездо пухом.

— Ой, смотрите, что творится! В маленькое гнёздышко, сооружённое Воробьём, Кукушка подложила свои яйца и тайком улетела! — Жираф, не веря глазам, смотрел на Кукушку — самую ленивую и плохую мамашу! Она даже ленилась строить гнездо для своих будущих птенцов.

Огорчённый поступком Кукушки Жираф застыл на опушке, но тут услышал: «Ква-ква!». Красавец Жираф стал озираться по сторонам. Звуки повторились и, казалось, шли из-под ног Жирафа: «ква-ква»! Он наклонился и увидел внизу неведомое существо с короткой грудью, без шеи, без ушей и без хвоста.

Существо подпрыгнуло к Жирафу и объявило:

— Я — Лягушка, живу в грязи и в воде.

Жираф заметил, что если у него передние ноги длиннее, то у Лягушки наоборот — задние ноги в три-четыре раза длиннее передних. Тут все лягушки окружили Жирафа и заквакали во весь голос, будто переговаривались друг с другом на своём языке. А самая жирная Лягушка сказала:

— Какой красивый Жираф!

Вторая промолвила:

— Какая длинная шея у Жирафа! Он может срывать с деревьев самые лучшие плоды.

А третья:

— Какие у него длинные передние ноги! Он может лягнуть даже царя зверей — Льва. К тому же он быстроногий, как антилопа.

А ещё одна громко удивлялась:

— Он такой высокий! Всё видит вокруг!

А самый высокий, добрый и сильный Жираф ничего не мог сказать — он не знал пока их языка...

ЦЕПКИЙ БЕРКУТ, СТАРЫЙ ОЛЕНЬ И РЫБА

Давным-давно, в древние времена...

Цепкий Беркут, Старый Олень и Рыба были друзьями. Поутру на берегу озера, окутанном голубым маревом, они с тоской вспоминали свои незабвенные дни юности, обратившиеся ныне в несбыточный мираж...

Цепкий Беркут грустно вспоминал бездонное синее небо, высокие отвесные вершины скал, на которые он планировал и на которых горделиво восседал. Старый Олень вспоминал горы, с которых стекали звонкие ручьи и водопады. А Рыба вспоминала могучее море, в котором волна обгоняла волну.

Но однажды...

Послышалось: «Тук-тук-тук».

Похоже, стук где-то рядом... На громадном дереве, выискивая червей и жуков, примостился Дятел.

Внезапно те края, где обитали старые друзья, посетила Чёрная Буря. Она привела с собой страшных злодеев: Таусогара и Мешкей. Таусогар — разрушитель гор — уничтожил высокие скалы, пристанище Цепкого Беркута, порушил горы со звонкими ручьями — обитель Старого Оленя. А Мешкей-Обжора выпил до дна и осушил синее море Рыбы. Вместе с этими бедствиями-злодеями пришло и двуликое чудовище-монстр с длинным языком...

Услышав разговор троих друзей о постигших их несчастьях, Дятел сказал:

— Тук-тук-тук. Надо предупредить.

— Кого? О чём? — спросили друзья.

— Следует предупредить всех птиц, — сказал Дятел.

— Да! Надо предупредить всех зверей и животных, даже насекомых, — поддержал его Старый Олень.

— И тех, кто живёт в воде, тоже следует предупредить, — сказала Рыба, вынырнув из реки.

— И людей надо предупредить! — подхватил Цепкий Беркут.

— Пусть все остерегаются Мешкея, Таусогара и Двуликого Монстра с длинным языком. Не будем тратить время и приступим к делу, — подытожил Цепкий Беркут.

Дятел принялся стучать: «Тук-тук-тук». И от соседних деревьев послышались такие же стуки — это дятлы перестукивались между собой на своём языке.

— Сообщил всем, — объявил друзьям Дятел.

На миг всё смолкло. И тут Дятел воскликнул:

— Приступим к поиску злодеев и борьбе с ними!

Рыба подхватила слова Дятла:

— Начнём поиск и борьбу со злодеями.

— Непременно начнём! — с готовностью откликнулся Цепкий Беркут, готовый к поиску бедствий.

— Неужели я снова буду жить на склонах своих прекрасных гор? — произнёс Старый Олень с искрой надежды в глазах.

Цепкий Беркут распростёр свои крылья и вместе с Ветром полетел над землей.

Вдвоём с Ветром они летели и летели...

День сменял ночь, а ночь сменяла день. Покуда Ветерок не донёс до Цепкого Беркута запах гари.

Кругом от страшного зноя выгорела вся растительность. Всё живое скиталось в поисках воды. Всё вокруг кишело ящерицами и змеями. Всю воду из рек, озёр и морей выпил Мешкей.

Куда же делся этот злодей Мешкей-Обжора?

Раздался свист Ветра — это пришла весть от Оленя. Олень сообщал, бедствия двинулись на Северный полюс. Таусогар решил крушить льды, а Обжора — поглотить всю воду в ледяных морях.

Снова зашумел Ветер, он принёс сообщение Дятла: над рыбами, обитающими на морском дне, нависла опасность. Их надо спасать!

На пути Цепкого Беркута подул ледяной ветер. Значит, до северных пределов осталось немного.

Чуть погодя, Цепкий Беркут приземлился посреди небольшой равнины. Он будто искал кого-то и волновался. Зоркими очами осмотрел все ущелья, расщелины и овраги. И тут увидел сородича — взлетающего Белоголового Водного Беркута. Всё его существо наполнилось нежностью к родичу. Цепкий Беркут на миг застыл от неожиданной встречи, но быстро расправил крылья и поравнялся с Белоголовым Водным Беркутом...

В пути беркутов вновь настигла весть от Дятла: Двуликий Монстр и Таусогар взяли в плен тысячи пингвинов. Надо поторопиться!

Цепкий Беркут и его Белоголовый сородич ещё быстрее устремились на Север.

Цепкий Беркут решил встретиться с Рыбой, знающей все тайны водного мира.

Рыба увидела Цепкого Беркута и Белоголового Водного Беркута и спросила, не скрывая радости:

— Вы пришли спасать милосердных пингвинов?

— Да, но где они?

Рыба стала рассказывать о случившемся. Пингвины — мастера по плаванью, всегда спасали тонущих в воде. Когда Таусогар стал крушить льды, то хитрый Двуликий Монстр притворился, что тонет. Добрые пингвины спасли Монстра. А он захватил своих спасителей в плен.

Покуда Монстр караулил пингвинов в ожидании Мешкея, Таусогар, похрапывая, спал.

Разгневанный Цепкий Беркут схватил когтями Монстра и рванул с ним вверх.

Беркут поднимался всё выше и выше в небесную высь. А когда поднялся до вершин самых высоких скал, то сбросил Монстра в пропасть.

Храпящего Таусогара утащили на морское дно крокодилы. Они зорко следили за злодеями своими глазами-перископами. Великан сопротивлялся. Но было уже поздно. Крокодилам на помощь поспешили все рыбы-великаны. Таусогар задыхался под водой, а вместе с ним задыхалось всё зло на земле.

Добрые пингвины освобождены!

А что же с Мешкеем?

Старый Олень прошёл горные склоны, густо поросшие травой, миновал горные гряды, буераки, овраги, леса и тагайники и решил немного передохнуть.

Старому Оленю всё было здесь знакомо и дорого: переправы, пути-дороги. Жаль, что эту любимую обитель хотели разрушить какие-то монстры.

«Нет. Я должен защитить свою прекрасную землю», — подумал Старый Олень и снова шёл вперёд.

Зашёл в густой, дремучий лес и не поверил собственным глазам. Увидел сломанную березу, из её коры вытекал сок, увидел вырванный с корнем тополь, стоптанную траву... Иссохшую реку, забитый песком и камнями родник...

Разгневанный Старый Олень яростно бросался вперёд.

И тут услышал, что из лесу доносятся шум и львиный рык!

Старый Олень прискакал в чащу в тот миг, когда лапа Мешкея-Обжоры вцепилась в львиную гриву.

Тем временем Мешкея поджидал на дороге хитрый Гепард. Но даже Гепард в этот раз, забыв про осторожность, стрелой набросился на Мешкея. А царь зверей Лев рванул Мешкея острыми когтями. Вслед за царём зверей вся живность в лесу накинулась на злодея.

Так был наказан ненасытный Мешкей, и в лесу вновь поселились мир и покой.

Старый Олень спокойно и устало вышел из леса, а вслед ему лилось пение птиц и доносилось стрекотанье кузнечиков.

САДОВНИК И САД

Малина пробудилась рано утром и сразу принялась искать Садовника. Она удивилась: отчего его до сих пор не видно? Не захворал ли?

Если кто и ведает, где Садовник, то это наверняка Синяя Бабочка. Она то и дело облетает весь сад. Поэтому Малина с нетерпением принялась ждать восхода солнца и прилёта Бабочки.

С восходом солнца показалась Бабочка, она деловито облетала каждый цветок. Едва села на лист Малины, как сразу сообщила, что Садовник заболел.

Тоже услышав эту неприятную весть, Ветерок тут же разнёс её всем.

Садовник заботился о каждом растении в саду, хоил и лелеял каждый овощ, ягоду и плод. И потому весточка о его болезни расстроила всех.

Все жители сада хотели помочь Садовнику.

— Если у Садовника высокая температура, то мои ягоды помогут ему, отнеси их ему, — попросила Малина Синюю Бабочку.

Так Бабочка и сделала. Сорвала горсть душистых малиновых ягод и улетела. Прилетев к Садовнику, Бабочка передала ему привет и подарок от Малины. Благодарный Садовник выпил чай с малиной, ему стало лучше, и он повеселел.

Синяя Бабочка вернулась в сад, и тут с ней заговорили яблони разных сортов: «Мы — источники силы и энергии, здоровья и молодости! Пожалуйста, отнесите наши плоды к Садовнику. И мы укрепим его».

Синяя Бабочка послушно отнесла яблоки. Садовник отведал яблоки, которые сам взрастил, и ощутил прилив сил.

А Бабочка собрала гроздь винограда и снова прилетела к Садовнику.

Неутомимая, она, приносила Садовнику по капелькам арбузы и дыни, помидоры и огурцы.

Садовник радовался всему, заботливо доставляемому Бабочкой.

День ото дня ему становилось лучше, и он постепенно выздоравливал.

Однажды Синяя Бабочка повстречала в саду трудолюбивую Пчелу. Пчела неустанно собирала нектар с садовых цветов. Синяя Бабочка принесла Садовнику мёд, который прислала Пчёлка.

Садовник выпил чаю с мёдом и окончательно собрался с силами.

Он был очень благодарен собравшей мёд Пчеле и Бабочке, принесшей ему это целебное лакомство.

Так Садовник и вылечился плодами, взращенными им в собственном саду. А вырастить славные плоды, ягоды и овощи ему помогли труд и доброта.

Вскоре Садовник вернулся в свой сад. Там его встретила добрая и милосердная Синяя Бабочка. Она счастливо порхала и норовила сесть то на голову, то на плечо Садовника.

Сад овевала прохлада утреннего ветерка. И Садовника при виде заботливо выращенных им разноцветных ароматных цветов, ягод, плодов, овощей охватило чувство гордости и радости.

А сад радовался ему.

ПОЧЕМУ БЕРЁЗОВЫЙ СОК СЛАДКИЙ?

Дружба Белого Облачка и Белой Берёзки началась с давних времен. И хотя Белое Облачко жило на небе, а Белая Берёзка — на земле, они были неразлучны.

Однажды Чёрная Буря позавидовала их дружбе и подула что есть мочи, да так сильно, что всё небо заволокло чёрными тучами и Белое Облачко исчезло! Белое облачко от тоски по Белой Берёзке стало проливать горькие слёзы. Его слёзы капали на землю дождём или проливались ливнем.

Берёзка тоже тосковала в ожидании любимого друга и день ото дня худела и желтела.

Однажды Ветер, увидев печаль Белой Берёзки, решил пуститься в дальние странствия, чтобы отыскать Белое Облачко. Он принёс весточку от Белой Берёзки, но это ещё больше огорчило Белое

Облачко. Погоревав немного, оно решилось отправиться вслед за Ветром, отважно проплыло над Чёрной Тучей и, растолкав густые облака, добралось до обители Белых Берёз. Радостные слёзы Белого Облачка омыли Белую Берёзку. И живительная влага этих слёз заструилась по корням всех обитательниц берёзовой рощи. Берёзки встрепенулись и подняли опущенные головы. А восторг Белой Берёзки при виде живого и невредимого друга — Белого Облачка — не знал предела. С тех самых пор из-под коры берёзы сочится сладкий сок, как напоминание о нежности и любви к славному другу.

ТОПОЛЁК, РАСТУЩИЙ ЛЁЖА

Этим утром Шынгыс-Али проснулся спозаранок. Они вместе с дедушкой решили отправиться в далёкий аул. Мальчику не терпелось увидеть клубы тумана, спускающиеся с гор. Хотелось побродрить в густых зарослях камыша, повидать пастбища дедушкиного скакуна и посидеть у очага, в котором бабушка разводила огонь.

Шынгыс-Али, покуда садился в машину, успел всем провожающим громко рассказать о том, куда он едет.

Мальчик всю дорогу без устали засыпал деда вопросами обо всём увиденном. Когда подъехали к перевалу, дедушка решил немного отдохнуть и остановил машину. Выйдя вместе с дедушкой из машины, Шынгыс-Али стал прогуливаться. И тут на обочине увидел тополёк. Деревце росло не ввысь, оно стелилось по земле.

— Ата, смотри, тополёк упал!

Дед, подойдя поближе,сказал:

— О Светлейший! — и преклонил голову перед тополькoм.

Шынгыс-Али, приблизившись к деду, спросил:

— Ата, что прошептал тебе на ухо тополёк?

Тогда дедушка ответил:

— Внучек, хотя тополёк и растёт лёжа на земле, но корни его уходят глубоко в землю. Он растёт, не отрываясь от почвы.

— Надо же, растёт лежа на земле! — удивлённо воскликнул Шынгыс-Али.

— Я тоже удивлён, внучек. Это очень редкое явление. Этот необычный тополёк шепнул мне на ухо: «Люби свою маму, будь всегда близок к ней, дари маме толко радость. И куда бы ни забросила тебя судьба, не забывай Родину».

ЕДИНСТВО И ГОРЕМЫКА

Давным-давно жили-были по соседству Единство и Горемыка.

Как-то раз Единство пожелало познакомиться с соседом и постучалось в его дверь.

— Давайте знакомиться! Меня зовут Единство.

— А меня — Горемыка, — ответил сосед, опустив глаза долу.

Единство с радостью показало Горемыке свой сад и огород, но тот не порадовался им.

День-деньской соседи проводили вместе, играли в разные игры. Жажду утоляли из одного ручейка.

Но однажды...

Вместе с Горемыкой пришли Сплетня и Ложь и ...

Напрасно Единство убеждало Горемыку, что Сплетня и Ложь — плохая компания. Горемыка не внял Единству. И тогда Единство призвало на помощь своих друзей Правдивость и Честность.

При виде Честности и Правдивости у Сплетни и Лжи задрожали поджилки, и они сразу пустились наутек.

А Горемыка, взвалив на спину свою несправедливую Обиду на друга, решил уйти прочь.

Идет-бредёт себе Горемыка с тяжкой Обидой за спиной.

И тут на пути ему встретилась — Буря! Она подхватила-закружила Горемыку и забросила его в аул Гнева.

Аул Гнева затерялся среди непролазной грязи, на берегу мутного ручейка. А жителями этого аула оказались всё те же Сплетня и Ложь, Горе и Печаль, Обида и Огорчение.

Оставшись в одиночестве, Единство долго и молча смотрело на опустевший дом соседа.

А потом отправилось Единство вместе с Честностью и Правдивостью, да ещё прихватив с собой надёжного друга Изобилие, поселиться в аул Доброты.

Аул Доброты расположен среди высоких гор, на берегу быстрой и прозрачной реки. Так и стали жителями этого чудесного аула Единство и Изобилие, Радость и Смех, Честность и Правдивость. В окружении своих искренних друзей Единство жило здесь и благоденствовало.

Глаза и лица жителей аула Доброты всегда лучились светом и теплом.

И этот лучезарный свет аула Доброты распространялся по всей Земле.

И хотя с тех давних пор сменили друг друга исполненные чудес и открытий века и тысячелетия, а солнце всходило и заходило бесчисленное количество раз, меняя покров ночи и дня на земле, попрежнему Горемыка в паре с Ложью боится вечных жителей аула Доброты — Единства и Правдивости.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗНАЙКИ И ЕГО ДРУЗЕЙ В КНИЖНЫЙ ГОРОДОК

Плавно парившие в небе крылатые машины тихо приземлились в Книжном городке. Синяя машина сложила крылья, и из неё вышли Знайка и Мудрый Старец, а из второй машины вышли Игрун, Находчивый и Всевидящий.

— Те же неизменные вершины заснеженных гор, — произнёс Мудрый Старец, окинув взглядом окрестности.

— Разве вы были здесь раньше? — спросил нетерпеливо Находчивый.

— А как же, я тут был и в двадцатом и двадцать первом веке.

— А сейчас какой век? — поинтересовался Игрун.

— Ты даже этого не знаешь?! Мы сейчас находимся в двадцать втором веке, — с укоризной заметил Знайка.

Город оказался чудесным! Радость детей была безмерна. В живописном кольце из горных вершин и густых лесов, город очаровывал с первого взгляда.

Городские жители строили свои дома из дерева и окружали их огородами и садами. Аромат радужных цветов кружил голову. Вокруг — идеальная чистота! Прогуливаясь, Мудрый Старец заметил, насколько нынешний город изменился с прошлого века.

Дороги стали просторнее. Даже у светофора появилось четыре глаза! Четвёртый глаз подавал сигнал для проезда детских машин, которых было не счесть — дети взад и вперёд гоняли на крылатых машинах.

— Чудесный век! — невольно воскликнул Старец. — Да, дети мои, чудесный век, и вода чистая, и воздух прозрачен, и почва плодородная. Глядите на этот транспорт! Он летит по чистому воздуху, от него нет никакого вреда!

Не успел он докончить свою мысль, как две крылатые машины на просторной улице внезапно столкнулись друг с другом. Дети, вышедшие из прозрачных машин, обоюдно раскланялись и попросили друг у друга прощения. И — полетели дальше. Задумчиво глядя вдаль, Мудрый Старец продолжал:

В прошлом веке машины сооружались из железа, и подобное столкновение обязательно нанесло бы увечья людям, они даже погибали.

— Погибали? — дети со страхом переглянулись.

— Не бойтесь. Те машины, на которых вы летаете, сделаны из особого материала. Вы можете спокойно и свободно летать по небу в любом направлении, плавать по воде и ездить по земле.

— Какие добрые люди!

— Теперь молодёжь со всех концов мира едет получать знания на нашу священную землю! — с этими словами Мудрый Старец снова погрузился в свои мысли.

Знайка, желая опять вовлечь дедушку в разговор, спросил:

— Почему этот город называется «Книга»?

— Книга — это священное звено, связывающее одно поколение с другим, а прошлое с будущим.

— Да, ведь самая богатая библиотека в мире находится в нашей стране, — отметил Находчивый, вступая в разговор.

Путешественники издали заметили памятник — книгу из белого мрамора. При виде его дети закричали:

— Книга, смотрите, книга!

Мудрый Старец вместе с ребятами направился к памятнику книге.

— Да, дети мои, — промолвил старец, — эта книга — оставленное нам предками самое богатое наследие.

Бережно провёл ладонью по высеченным на книге словам. И тут книга стала открываться — страница за страницей. Дети с удивлением переглянулись. Всевидящий заметил синюю кнопку в начале каждой страницы. Едва он нажал на неё, как некий голос произнёс: «Слово предков». Вот так чудеса!

Дети жадно вчитывались в искрящиеся золотом слова на огромном памятнике «Слово предков». А Мудрый Старец произнёс дрогнувшим голосом: «Слово предков, слово предков... Это слово моего прадеда, объединяющее поколения».

ПОЧЕМУ ПЧЕЛА ВСЁ-ТАКИ ИНОГДА ЖАЛИТ ЧЕЛОВЕКА

Однажды Пчела, собирая с цветов нектар, случайно увидела красный помидор. Трусливый Помидор прятался в гуще листвы. Как только он заметил, что его обнаружили, вздрогнул от неожиданности.

Пчела удивилась:

— Кого ты боишься и почему прячешься среди листьев?

— Боюсь, что меня съедят. Сорвут меня со стебелька, вымоют и разрежут ножом. Мои раны и без того будут болеть, так ещё их засыплют едкой солью. Оттого я и прячусь!

Пчела огорчилась.

С тех пор пчела иногда с отчаяния жалит людей.

ЯБЛОЧКО-ХВАСТУНИШКА

Яблоневый сад пребывал в радужном настроении. Деревья вбирали силу из Почвы и Воды. Они росли ввысь и радовались жизни. Чем больше сияло и смеялось Солнце, тем больше наливались соком и рдели яблоки.

Но было среди яблок одно самое большое и румяное. Оно созрело раньше других и теперь надменно, свысока глядело на остальных.

Однажды изголодавшийся Червь поднялся по стволу яблони. Стал разглядывать каждое яблоко, в поисках лучшей добычи.

От аромата у Червя закружилась голова, и он сказал: «Я ищу самое сочное, самое вкусное, сладкое как мёд, самое большое яблоко!»

Среди яблок не выдержало одно самое большое и румяное:

— Я — самое сочное, самое вкусное, сладкое как мёд, самое большое!

При этих словах Червь и подполз к нему.

Видевшие это другие яблоки перешёптывались друг с дружкой: «Видал? Не будь хвастунишкой, не будь хвастунишкой!..»

СТАРЫЙ ДОМ

Два тополя, растущие во дворе, делились воспоминаниями...

— Много лет назад меня — молодого саженца — бережно, с любовью посадили с левой стороны вон тех ворот, — сказал один из них.

— Помню, всё помню. Меня посадил Хозяин. Тогда мне показалось, что тепло его рук проникло вместе с моими корнями глубоко в землю. Я и сейчас чувствую его. Веришь? — медленно колыхаясь, вмешался второй тополь.

— Почему не поверить? Мы нежились под лучами солнца, каждую весну любовались изумрудными листочками, которые появлялись из разбухших почек...

— Хозяин растил и лелеял нас вместе со своими детьми.

— Да-а, у него особое внимание к детям.

— Но почему-то Матери не видно.

— Да, что-то не видно. С некоторого времени у неё настроения нет. Не выходит из дальней комнаты, даже свет не зажигает.

— Хочу увидеть её, — вздохнул старый Тополь.

— Сколько времени на меня не ставили котёл, не разжигали подо мной огонь. Не варили вкусную пищу. Соскучился по тем временам, всё жду, — включился в разговор маленький Треножник.

Давно заброшенное в дальний угол старое Седло тоже встрепенулось и прислушалось к словам сверстников. На миг вспомнило своего Хозяина и почувствовало себя как бы на спине быстрого скакуна. Каких только лихих лошадей не приходилось ему

седлать, потому что Хозяин этого дома был прекрасным знатоком скаковых лошадей, умело ухаживал за ними. Как оно соскучилось по этому спокойному, рассудительному, прекрасному человеку! Давно не видело оно и Мать, которая иногда приходила в конюшню, проверяла сохранность и целостность верховой сбруи. Особенно Мать дорожила именно этим ценным предметом — Седлом!

— Молодую поросль, которая трудно переносит и жару, и холод, Первенец этого дома поливал водой горной реки только ночью. Купаясь в лунном свете, мы все дружно благодарили этого мальчика с чёлкой. А в ответ он только улыбался. Вернутся ли те удивительные дни? Увы... — глубоко вздохнув, продолжало старое дерево.

— Тот мальчик с чёлкой сейчас болен. Сердце Матери скорбит по этому поводу, просит Всевышнего сжалиться над её сыном...

У деревьев, услышавших эту новость, шумно задрожали листья-сердечки.

Во дворе большого старого дома, перебивая шум ветра, ещё долго раздавались различные голоса в поддержку Матери...

И, видимо, именно они ей и помогли.

ТРУД, ПОСТУЧАВШИЙСЯ В ДВЕРЬ

Вознамерился Труд подарить всему живому чудесную жизнь и пустился странствовать по белу свету. Шёл через лес, где шумели непрестанные дожди. И подружился Труд в этом лесу с деревом под названием Сейба. Люди ещё называют его дерево Капок. Дерево Капок тоже привязалось к Труду и принялось старательно расти, распускать листья и ароматные цветы...

На ветвях дерева Капок гнездились птицы, на листьях жили насекомые, а в тени дерева паслись животные. Так и возрождался лес...

Как-то дерево Капок, прожившее уже пятьсот лет, сказало Труду:

— Приведи ко мне того, кто считается самым старым долгожителем в этих краях.

Среди птиц, обитавших на ветвях дерева Капок, жил Красный Попугай. И Труд решил познакомить дерево с Красным Попугаем.

Долго добирались Труд и Красный Попугай до вершины огромного дерева. Шутка ли, корни и ветви необъятно разрослись во все стороны!

Дерево поздоровалось с гостем и принялось расспрашивать Красного Попугая о том о сём.

— Я — Красный Попугай. Мне восемьдесят лет. Из почвы, что питает ваши корни, я тоже беру пропитание. Всю жизнь я вил на ваших ветвях гнёзда. Благодарение Аллаху, он поселил меня в этой обители, — и птица распустила свои яркие перья.

— В чём же секрет вашего долголетия, прекрасная птица? — спросило Дерево.

— Это всё Труд! — ответил Красный Попугай и посмотрел на своего верного спутника. — Я вырос благодаря Труду. Постоянно двигаюсь. В час пролетаю около 56 километров и не устаю любоваться чудесами природы.

— Чудеса природы! — повторило дерево-великан.

— Да, лучшие качества во мне развили именно чудеса природы! — взволнованно сказал Красный Попугай. — Я дивлюсь разумному дельфину, чей мозг больше человеческого. Дивлюсь огромной морской черепахе, трудягам-пчёлам, чьи ульи расположены в дуплах деревьев-великанов. Восхищаюсь муравьями-листорезами, которые режут зубами листья и носят в свои муравейники. Все они — труженики! — сказал Красный Попугай дереву Капок.

— Добрый попугай говорит истину. Все они — труженики! — раздался неведомый голос.

— Да-да! Именно так, а не иначе! — то был голос маленького муравьишки, что прицепился к спине Красного Попугая.

— Вы должны запомнить и донести до самых глубин памяти истину: «Спокойствие исцеляет жизнь», — призвал ещё бодрый старец, обращаясь к гостям с уважением.

Глубинные корни дерева Капок, казалось, шевельнулись, и ветви его покрылись почками.

А Труд отправился в знойную Африку, где дождевые капли испаряются, не долетев до земли...

Здесь расположены самые высокие в мире песчаные холмы Намибии. Однажды Труд, по дороге к песчаным холмам, повстречал усталого Чёрного Жука.

Труд затащил Чёрного Жука на песчаный холм и подождал наступления темноты. Вскоре со стороны моря пришёл ночной туман. Когда сгустилась тьма, Чёрный Жук подставил ветру спину и встал на голову. Туман капельками влаги оседал на спине жука и скатывался живительной водой ему в рот. «Спасибо!» — слабым голосом произнёс Чёрный Жук. Он утолил жажду, и его благодарность была безмерной. С этих пор Жук нашёл способ утолять жажду и подружился с Трудом.

* * *

Труд пошёл дальше в направлении Восточной Африки.

Тысячи лет назад сильная жара расколола здесь землю и образовала каньоны и водопады. Вдали возле каньонов слышится рычание львов, а по саванне бродят слоны-великаны, носороги и жирафы. Кто знает, если бы маленький слон не подружился с Трудом, вырос бы он таким большим? Вес африканского слона девять тонн, а клыки его весят 220 килограммов. А если бы маленький жираф не трудился, разве вырос бы он таким высоким? Самое высокое животное в мире — это жираф. Он отличается острым зрением, всё видит первым с высоты своего роста. Если он побежит наперегонки с антилопами, то может их обогнать. Его уши улавливают малейший шорох. Он поедает ветки, листья и даже колючки с самых высоких деревьев. И антилопы, живущие табунами, и кошки кракал, что ловят птиц на лету, и страусы величиной с верблюда — все они не обходятся без Труда.

* * *

Даже в Антарктиду, куда редко добирается человек, Труд идёт, как к себе домой. На огромных ледяных айсбергах приветствуют его многочисленные стаи пингвинов. Пингвины по-свойски общаются с Трудом, они легко ныряют в ледяную воду и ловят рыбу, которой кормят своих птенцов. Они вынашивают своих детёнышей в складках кожи — карманах на животе. Труд и сам не заметил, как сдружился с Моржом, который летом и зимой пасётся в купели ледяного моря. Моржам нисколько не холодно, их шкуры

толстые и покрыты жиром. А ещё клыкастые моржи до двух лет таскают своих детёнышей на спине.

* * *

Труд желал подарить всему живому чудесную жизнь. Как-то, проходя через Индию, повстречал ребят, ищущих сладости. И тогда Труд научил их выращивать сахарный тростник. Его умилили дети, спящие под ростками тростника. И с тех пор дети-сладкоежки сами выращивают сахарный тростник.

Однажды Труд наведался в сад друга-садовника, где днём и ночью пели птицы. Там он повстречал Богомола и индийского Журавля. Богомол с треугольной головой, длинными усами и тремя глазами лакомился мухами и мошкарой, сидя на одном месте. А доверчивый Журавль охранял сад. Журавль ловко ловит змей, которые грабят птичьи гнезда и поедают яйца.

* * *

Труд желал подарить всему живому чудесную жизнь. Он обошёл Азию с её богатой растительностью и сладкоголосыми птицами. Здесь он встретил Жаворонка, который просыпается на рассвете и поёт для своей подруги.

Труд показал Жаворонку жилища птиц, свитые из трав и ветвей. При виде такого разнообразия гнёзд Жаворонок воскликнул: «Эти птицы — искусные кружевницы!» И вскоре Жаворонок начал строить свой домик. Так Труд помог Жаворонку заняться делом.

Потом Труд направился в сторону леса и встретил маленькую черноглазую Мышь с тёмными полосками на серой спинке. Мышь пошла за Трудом и вырыла себе норку. В ней она постелила травку. А землю из норки она положила за обе щеки и отнесла подальше. На обратном пути мышка принесла за щеками вкусные зёрна, сухие фрукты, кедровые орехи и разные грибы. За усердие мышь прозвали Аккуратной мышью.

Ранним утром Труд услышал шелест ветра в кронах дубов и тополей. Он прислушался. Жирная Гусеница наелась зелёных листьев и теперь поедала сердцевину дерева. Увидев это, Труд стал ждать прихода Дятла. И вскоре Дятел старательно принялся вычищать стволы деревьев от вредных личинок. Когда Дятел ос-

вободил дупло от паразитов, он наполнил отверстие желудями. Вот так каждый дятел делает себе запасы на зиму.

* * *

Орлу, что восседал на вершине горы, Ветер принес неприятную весть.

Далеко отсюда, в бескрайней пустыне, животные заболели какой-то неизвестной болезнью. Тщетно искали лекарство, которые могло бы исцелить их. И Ветер сообщил: если полизать соль одного из самых солёных озёр в мире, то все животные выздоровеют.

Орёл посадил на спину Труд, который желал подарить всему живому чудесную жизнь, и полетел на поиски самого солёного озера в мире. Паря в бесконечных просторах синего неба, Орёл направился в сторону казахской степи.

— Заповедная казахская земля! — восторженно промолвил Труд.

— Ты знаком с казахами? — спросил удивлённо Орёл.

— Кто не знает Казаха, победившего в героической схватке Семиглавого Дракона? Знаю, конечно! — ответил Труд.

Орлу понравилось, что Труд знает о земле казахов — родине Орла. Могучей птице захотелось поближе рассмотреть эту землю и побольше узнать о ней. Он попросил: «Расскажи мне о победе Казаха над Семиглавым Драконом».

Труд знал все тайны тысячелетий и взволнованно ответил: «Хотя миновало бесчисленное количество лет, ничто не забыто. Я помню все события».

* * *

Жил на свете миллионы лет назад Семиглавый Дракон, странствующий по Земле. Семиглавое чудище на своём пути уничтожало все, что попадётся на глаза. На битву с ним выходили самые отважные герои, но они были не в силах одолеть все семь голов монстра и погибали.

Однажды в одну из лунных ночей повстречался с Драконом Казах.

Одна из голов Дракона охотилась за умными, всезнающими людьми. Из-за этого надежды умирали, в душах людей поселялся страх. Жёны становились вдовами, а дети — сиротами.

В другой голове Дракона был мозг-бомба. От неё страдали природа, человечество и всё живое. Третья голова Дракона просто жалила людей. Отравой пропитывались все чистые помыслы людские, и они сходили с праведного пути...

Четвёртая голова Дракона поражала язык людей ядом и ...

Да, после укуса Дракона родной язык становился не нужен народу и люди мыслили на другом языке... Огнедышащий Дракон грабил земли людей.

— Уничтожал леса, луга, цветы и травы. Как-то две головы Дракона подрались из-за пшена. Одна голова хотела зерна, другая — стебель. В этой драке зёрна рассыпались по всей земле! И казахи, пытающиеся подобрать эти зёрна, сами рассыпались по степи.

Ещё одна голова Дракона пожирала всё живое на земле — огромных слонов, баловниц-антилоп, оленей, медведей. Словом, всю живность.

— Огромный Дракон был настолько живуч, что мог прожить и с одной головой. Душа Семиглавого Дракона находилась не в его теле, а была спрятана в другом месте.

— И где была спрятана душа Семиглавого Дракона? — спросил Зоркий Орёл, пролетая над тёмными кучевыми облаками.

— Дорогу показала стужа Желтоксана... — после этих слов Труд немного помолчал. Кто знает, может, он что-то вспомнил?.. Через некоторое время он продолжил:

— Казах нашёл спрятанную душу Семиглавого Дракона. И когда Казах водрузил на вершину самой высокой горы своё голубое знамя с золотыми солнцем и орлом, Дракон упал замертво! Казах уничтожил все семь голов Дракона. С тех пор и возродилась заново казахская земля.

Орёл с Трудом на спине вознёсся высоко-высоко.

* * *

Глаза зоркого беркута, перелетевшего через леса, озёра, безводные пустыни и белоснежные вершины, узрели реку Ишим. Она расположилась среди покрытых снежным одеялом сказочных зданий. Они прилетели на обетованную землю казахов — в Казахстан, в город-столицу Астану.

Орёл залюбовался красотами родной земли, он любил трудолюбивых обитателей этой страны. Орёл парил, стараясь не уронить со спины Труд, который желал подарить всему живому чудесную жизнь.

* * *

Беркут пролетел через горы Тянь-Шань. Вершины этих гор подпирали небо, в ущельях густо произрастали сосны и ели, а склоны покрывал яркий ковёр из разноцветных цветов и трав. Вскоре Орёл и Труд долетели до Тузколя — Солёного озера, что раскинулось близ вершины Хан-Тенгри!..

Солёное озеро! Самое солёное озеро в Казахстане. Едва прикоснулся зоркий Орёл клювом к водам, как его тело наполнилось неведомой силой и энергией...

* * *

В другой раз Труд, который желал подарить всему живому чудесную жизнь, повстречал Счастье. Труд мастерил весло для старой лодки, которую выбросили на берег волны. И тут к берегу причалил чудесный корабль с золотыми бортами.

На корабле стояло пышно разодетое Счастье. Труд поздоровался со Счастьем: «Ассаламагаляйкум!» Избалованное роскошью счастье едва поздоровалось с Трудом.

–Что-то не узнаю тебя...

— Я же Труд!

— А... Да, да, как будто мы где-то встречались, — ответило рядом стоящее Богатство.

— Я, если помните, сопровождаю людей на каждом отрезке жизни. И по дороге к счастью и по всем трудным дорогам... — с этими словами Труд посмотрел на Богатство и на Счастье. Но Счастье заторопилась уйти: «Мы торопимся».

Ведь известно, что Счастье вечно торопится...

* * *

Счастье ничего не замечало кроме золота в руках. У него закружилась голова... Когда и как оно поднялось на эту вершину?.. Счастье и само мучительно не может это вспомнить... Счастье обязано даровать обиженным — утешение, здоровье — больным,

страждущим — удовлетворение... Отчего же Счастье привязано к Богатству?

В это время Труд орошал долину своим потом. Он радовался при виде первых всходов... И утешался, видя, как они цветут... Поле переливалось всеми оттенками зелёного и золотистого цветов. Тугие колоски гнулись под тяжестью созревающих зёрен. Труд собрал каждое зёрнышко, не дал ни одному пропасть зря. Он благодарил Создателя и неустанно говорил: «Благодарю тебя! Довольствуюсь тем, что ты даёшь!»

И он был счастлив.

Счастье, добытое трудом, куда надёжнее удачи.

ЖАРЫЛКАСЫН НУСКАБАЙУЛЫ

ДОВЕРЧИВЫЙ ЛЕВ

В давние времена, о которых никто уже и не помнит, все живые существа жили в мире и согласии, без обид и ссор. Похоже, это было время, когда на земле ещё и в помине не было зла. Люди не знали страха и не ведали ужаса. Ведь, по сути, всё это было порождено впоследствии злом. Немного прошло времени, прежде чем наши предки в борьбе со злом познали, что такое враг, завистник, разоритель, обидчик.

В те прекрасные, мирные времена не только все люди, но и все животные мирно уживались друг с другом. Кошки с мышками играли в прятки, овцы и волки вместе бродили по полям. Царём зверей был величественный Лев, почитаемый и уважаемый всеми своими подданными, славившийся своей мудростью и справедливостью. Каждый беспрекословно слушался и повиновался ему. Ну а главным визирем и советником Льва был хитрый Лис. И каким бы ни был он коварным и подлым, ему приходилось смиряться перед властным, суровым владыкой и, не подавая вида, покорно исполнять свои обязанности. Однако поклонение перед простоватым Львом-ротозеем чёрной завистью жгло лисью душу и не давало покоя. Благодаря своему положению при дворе, Лис сладко ел и мягко спал. С утра и до самой ночи его мучило только одно желание — стать таким же могущественным, влиятельным и почитаемым, как Лев, чтобы можно было держать в подчинении всех зверей, и не знал он, как ему эту мечту осуществить.

Однажды к обуреваемому этим жгучим желанием Лису прибыл от царя Кот-гонец.

— Уважаемый, — обратился к Лису коротышка-гонец, важно восседая на коне, — вас срочно зовёт к себе мой господин. Велено передать, чтобы вы немедленно прибыли во дворец.

Неожиданный приказ как громом поразил визиря-Лиса и не на шутку перепугал его. И, хотя держался он перед гонцом-Котом

важно и степенно, душа его едва не разрывалась от страха. Встревожился Лис, уж не догадался ли кто о его тайных мечтах и желаниях. «Не зря говорила мне моя бедная мать о том, что добрым словом можно и змею из норы выманить. Попробую-ка я выведать кое-что у этого коротышки. Не зря ведь этот туполобый глупец зовёт меня к себе?»

— Благородный батыр, — льстиво заговорил Лис, сменив свой важный, надменный вид, — что нового в царском дворце? Отчего меня так срочно вызывают? Может быть, там возник какой-нибудь важный спор, который без меня не решить?

— Вы же знаете, туке[1], что мне нет до этого никакого дела. К чему меня расспрашивать то об одном, то о другом? Поезжайте сами, там и узнаете. Поторапливайтесь, вас ждут, — ответил самоуверенно Кот.

Не сумев ничего путного добиться от гонца-Кота, напуганный Лис быстро вскочил на коня. Долго ли, коротко ли, прибыл наконец Лис в царский дворец, где его с нетерпением ждал постаревший и поседевший Лев.

— О, явился наконец мой самый мудрый из мудрейших визирь! — воскликнул Лев.

— Слушаюсь и повинуюсь, мой повелитель! Что прикажете?

— Собираюсь я в дальний путь. Верным товарищем в дорогу выбираю тебя, хотя самый мой близкий друг — Тигр и добродушный приятель Медведь просятся со мной. Но сейчас, когда я стал уже стар и сил моих поубавилось, самым подходящим спутником для меня, думаю, являешься именно ты, мой чуткий, находчивый, добрый Лис. Если ты согласен, собирайся в путь.

— Слушаюсь, мой повелитель! Сейчас я пойду и соберу для нас кое-какие вещи, — склонился в поклоне Лис и вышел.

Итак, выбрав из всех Лиса, могущественный Лев отправился в далёкое путешествие. Чем больше они удалялись от родных мест, тем сложнее становился путь. То бурлящая река преграждала дорогу, то непроходимый лес вставал перед ними. И если в одном месте они с трудом преодолевали высокие скалистые горы, то в другом пробирались через бескрайние высохшие степи, где нельзя было найти ни единого глотка воды. Однако гордый и самолюби-

[1] Туке — уважительное обращение.

вый Лев, который никогда не менял своих решений, терпеливо сносил все трудности и упрямо шёл к цели. Визирь-Лис, привыкший к роскоши и удобствам, никогда не голодавший и не испытавший никаких тягот, совсем уже выбился из сил, но не подавал вида. По-прежнему угодливо вертел хвостом перед своим господином и всячески лебезил, хотя в душе подумывал о том, как погубить Льва.

Шли они, шли и пришли, наконец, к подножью высокой горы. День клонился к вечеру, солнце всё ниже и ниже скатывалось к горизонту.

— Добрый мой Лис, — обратился к визирю измученный Лев, — оба мы сильно устали. Скоро уж и ночь наступит. Давай отдохнём, останемся на ночлег. Встанем утром пораньше и тронемся в путь.

— Вы правы, мой повелитель! Однако за долгое время пути мы оба покрылись пылью и грязью. Если наша цель близка, то будет неловко появляться в таком виде, не годится царю представать перед жителями другой страны измученным, грязным и голодным.

Поверив в доброту льстивого притворщика, Лев радостно воскликнул:

— Каждый раз я всё больше и больше убеждаюсь в безошибочности своего выбора! Не зря я взял тебя с собой. Ты бережёшь меня как себя, и я очень благодарен тебе за это. Говори, что нам делать.

— Думаю, нам надо собрать последние силы и взобраться на вершину этой горы, — отвечал хитрый Лис. — На такой высокой горе непременно должен быть родник. Мы разыщем его, утолим жажду, умоемся и хорошенько отдохнём. Как было бы чудесно растянуться на зелёной траве возле родника!

— Так и быть! Веди меня за собой! Нам надо спешить, чтобы до сумерек добраться до вершины.

Сказано — сделано. Не мешкая, оба двинулись в гору, Лис — впереди, Лев — позади. Стремясь поскорее преодолеть путь, Лев так торопился, что вскоре вконец обессилел. Теперь он больше останавливался, чем двигался. Лапы его чаще скользили назад, нежели ступали вперёд. А коварный Лис без конца подгонял запыхавшегося повелителя, забегая то с одного, то с другого боку.

— Скорее, скорее, мой господин! Нужно спешить, иначе не успеем. Видите вон тот чёрный камень, добраться бы до него, а там

уж совсем немного идти, — тараторил Лис, притворно изображая заботу и внимание.

Устало кивал головой в ответ Лев, не имея сил взглянуть туда, куда указывал ему визирь. Силы таяли с каждой минутой.

— Ну, пошли же! — нетерпеливо толкнул его Лис, а сам проворно устремился к вершине горы. Следом, скользя острыми когтями по гладким камням, стал карабкаться и старый обессилевший Лев. Казалось, до чёрного камня, о котором говорил Лис, оставалось совсем немного. С каждым шагом двигаться было всё труднее и даже самое малое расстояние казалось непреодолимым.

— Дядюшка Лев! — обратился вдруг к нему Лис с печалью в голосе.

Не имея сил отвечать, Лев лишь слегка повернул голову, словно слушая Лиса, и продолжал взбираться наверх.

— Ау, дядюшка Лев! — снова позвал его неугомонный Лис.

— Ну, слушаю, говори же... — едва слышно отозвался царь.

— Боюсь, вы обидитесь, если я скажу вам кое-что...

— Зачем мне обижаться? Говори, что надумал.

— Мне кажется, что вы на меня таите обиду.

— О чём ты говоришь, милый Лис?! С чего ты это выдумал? — Чтобы Лев не останавливался, а говорил на ходу, подлый Лис взобрался ещё выше.

— С чего мне, бедному, выдумывать. Я вижу это по вашему ко мне отношению.

Лис, вытиравший притворные слёзы, казался расстроенным.

— Когда я уговаривал вас поторопиться, чтобы поскорее добраться до вершины горы, вы даже не посмотрели на меня, и даже когда я показывал вам на чёрный камень, до которого было совсем близко, вы и тогда не взглянули на него. Это — одно. Потом, когда я хотел поделиться с вами своими сомнениями и позвал вас, вы не захотели даже откликнуться. Что я вам сделал плохого? Если вы недовольны мною, убейте меня! Тяжёлые мысли гложут, терзают мою душу и не дают мне жить! — притворно заплакал Лис.

От неожиданности бедный Лев растерялся. Ни разу в жизни он никого не обидел, никому никогда не причинил зла. Он не знал, что делать, как приблизиться к своему визирю и успокоить его. Лев вцепился зубами в небольшую ветку арчи и стал ползти вверх.

Улучив подходящий момент, Лис воскликнул:

— Если вы и вправду не таите на меня обиду, скажите мне об этом. Скажите, что вы честны передо мной и не обижены ничем, я тотчас вам поверю, — не унимался Лис.

Лев молча продолжал карабкаться к чёрному камню.

— Вот видите! Выходит, правду я говорил! — снова громко зарыдал Лис. — Опять вы молчите и не разговариваете со мной!

Тут Лев не выдержал и, решив, что когти его достаточно крепко держатся за камни, разжал зубы.

— Ойбай[1]-ау, братец ты мой! Нет у меня на тебя никакой обиды, — едва успел он сказать, как задняя его лапа соскользнула с камня и Лев кувырком полетел вниз по склону.

От радости, что свершилось задуманное, Лис со всех ног помчался обратно, торопясь сообщить всем подданным о внезапной гибели царя, стремясь поскорее занять его трон.

Но ведь если бы во всем мире свершалось всё задуманное зло, то в скором времени на земле не осталось бы ничего живого...

Оставим пока подлого визиря и вернёмся к несчастному Льву.

Не дождавшись могучего царя, великого Льва к назначенному сроку, звери соседней страны выслали навстречу почётному гостю отряд нукеров[2]. Проезжая мимо горы, с которой упал Лев, они увидели его, распростёртого у самого подножья. Царь зверей едва дышал. Увидев нукеров рядом с собой, он обрёл дар речи и рассказал им о неслыханном злодействе своего визиря.

— Теперь мне уже не подняться и не вернуться на трон, — проговорил Лев. — Но я благодарен Всевышнему за то, что он дал мне возможность увидеться с вами и поведать о том, что случилось. Одно я хотел бы передать всем: пусть опасаются лис, пусть боятся тех, кто по-лисьи лукав, хитёр и льстив. Пусть не верят они сладким речам угодливых подхалимов.

Сказав это, Лев навеки закрыл глаза.

С тех пор все звери перестали верить лисам. И каждого, кто любит приврать, кто лицемерит и сплетничает, с той поры стали сравнивать с лисой.

Ну а опозорённый перед всеми коварный Лис, чьи проделки стали известны каждому, с того времени опасается попадаться

---

[1] Ойбай — междометие, выражающее одобрение.

[2] Нукер — воин ханской свиты.

кому-либо на глаза, прячется в норе и живёт сам по себе, один-одинёшенек. Говорят, вошло у него в привычку таскать по ночам чужих кур да гусей.

ЛИСА И ЦАПЛЯ

В давние времена поселились по соседству у одного небольшого озера Лиса и Цапля. Лиса с утра до вечера старательно рыла себе нору поглубже, Цапля неустанно собирала для своего гнезда травинки да соринки. Так и хлопотали они каждая сама по себе.

Шло время. Вскоре у Лисы появились лисята, а у Цапли — птенцы. И началась у соседей беспокойная жизнь. Прежде они жили легко, думали только о себе, гуляли, ели досыта, других забот не ведали. А теперь обеим было очень нелегко прокормить полную нору лисят да целое гнездо. Особенно туго приходилось Цапле. С раннего утра и до позднего вечера не знала она покоя. Что ни приносила Цапля в гнездо, стайка пискливых желторотых птенцов тут же всё проглатывала и снова жадно разевала рты. Как могла усидеть Цапля возле голодных птенцов? Приходилось срываться с места и снова лететь на поиски съестного.

Соседке же её, Лисе, жилось, судя по всему, спокойнее. Днями она нежилась на солнышке, играла со своими лисятами и не отлучалась далеко от норы. Откуда было знать простодушной Цапле о ночных похождениях хитрой Лисы. Думала она, что ночами Лиса, как и она, спит.

Однажды, решив, что птенцы более-менее сыты, Цапля отправилась в поле в поисках съестного. Неожиданно она заметила рыскающую неподалеку Лисицу. «Бережёного бог бережёт», — подумала Цапля и на всякий случай уселась на верхушку куста.

Увидев это, Лиса рассмеялась и пошутила:

— Ойпырмай[1], соседушка! Я-то всегда думала, что мы, лисы, самые осторожные, вечно озираемся да на цыпочках ступаем, а ты, оказывается, пугливее нас. Не скрою, я рада, что ты издалека заметила меня. Ах, как было бы хорошо иметь такую же зоркость!

[1] Ойпырмай — междометие, выражающее удивление.

— Не подумайте, что я уселась на куст, испугавшись вас, — стала оправдываться Цапля. — Просто мне захотелось полюбоваться чудесными цветками этой джиды. Сейчас я спущусь к вам...

— Нет, нет! Не стоит беспокоиться, сиди там, если хочешь. Это просто шутка. Я ведь понимаю, что вам, цаплям, на кустах да на деревьях так же привольно, как лисам в степи, — притворно поддакивала Цапле Лисица.

— Уважаемая туке[1], я давно хочу спросить вас кое о чём, — обратилась к соседке Цапля.

— Спрашивай, дорогая моя, я готова ответить на твой вопрос.

— Хочу спросить, что вы с вашими детками едите-пьёте? Мы с вами давно уж живём по соседству, а я ни разу не видела, чтобы вы бегали в поисках добычи. Мне-то по десять раз на день приходится летать через всё озеро, чтобы хоть как-то прокормить своих птенцов. То лягушку какую прихвачу, то рыбку... А ведь надо ещё позаботиться и о том, чтобы сохранить в этих местах кое-какую живность. Вырастут мои птенцы, разлетятся кто куда, и останусь я здесь доживать свой век. Вот и будет чем кормиться. А сейчас, слава Всевышнему, я в самом соку, да и крылья мои ещё сильные, — захлопала крыльями Цапля.

От слов восседавшей на кусте джиды красавицы-Цапли «я в самом соку» лиса невольно облизнулась и, вильнув нетерпеливо хвостом, лукаво рассмеялась.

— Ах, дорогая соседушка! Сама-то ты летаешь высоко, отдыхаешь на верхушке деревьев, гнездо своё свила меж их ветками, вот и не видишь, как мы, бедолаги, тут внизу концы с концами сводим. Стыдно должно быть тебе, моя милая, не видеть, как живут-поживают твои добрые соседи, не знать, чем кормятся они. А я-то, глупая, надеялась, что мы станем хорошими, дружными соседями, что всегда и во всём станем помогать друг дружке. Обидела ты меня, крепко обидела, — притворно надулась лиса.

— Ох, простите меня, милая соседка! Видно, я и в самом деле не заметила, чем вы кормитесь. Не сердитесь, пожалуйста, на меня за глупый вопрос.

— За вопрос я не в обиде. Напротив, сердце мое тает от внимания такой царственной птицы, как ты, которая не посчитала за-

[1] Туке — уважительно-ласкательное от түлкі (каз. лиса).

зорным поговорить со мной, поинтересоваться моим житьём-бытьём. Ведь если посудить, кто мы такие? Мы в небесах не летаем, вкусного не едим. Мы такие безобидные и несчастные. Нас, лис, иногда называют даже собакоподобными, а что может быть обиднее этого? Сколько нам пришлось вытерпеть от этих паршивцев! Ведь, по сути, от них я и прячусь на этом озере. А если подумать, обликом своим они и вправду немного походят на лисью породу. Но, несмотря на это, лезут из кожи, чтобы выслужиться перед своим хозяином-человеком, и выискивают нас всюду, где бы мы ни скрывались. Рыскают за нами среди кустов, мчатся след в след по горам и долам. И ведь нет у негодных ни самолюбия, ни гордости. Почитают за честь кормиться объедками да лаять по сторонам. Человеку, понятно, нужен наш красивый, пушистый мех. А этим псам чего хочется? Мясо лисье не жрут, шуб из нашего меха не носят. Так и норовят с цепи сорваться. Да, что о них говорить! Человек, рассердившись на своего недруга, называет его презрительно псом. А этим глупцам и невдомёк, говори — не говори, всё без толку. Вот вчера возвращалась я с того перевала домой и наткнулась на охотника с собаками. К счастью, я их заметила первой, и, покуда собаки опомнились и рванули за мной, меня и след простыл. Одно плохо, коль человек понял, что в этих местах водятся лисы, он непременно сюда вернётся, — закручинилась Лиса.

— Вот и мы такие же смирные и безобидные птицы, — отвечала ей Цапля. — Присмотрела я нынче здесь себе укромное местечко и свила гнёздышко. Одно на уме — сохранить и вырастить своё потомство. Вижу, вы, как и я, бедное, пугливое существо, которому нужно надёжное укрытие от недобрых глаз. Как много общего между нами! Мне целыми днями приходится летать в поисках пищи для своих птенцов. Прошу вас, присмотрите за ними в моё отсутствие.

— Какой разговор, милая! Мы с тобой живём бок о бок, и если не станем помогать друг другу, то нам трудно будет защищаться от врагов, которых вокруг полным полно. Разве сейчас можно кому-нибудь верить? А детки есть детки, того и гляди как бы не выпали из гнезда... Кстати, пригляди и ты за моими несмышлёнышами, когда я отлучаюсь из дома. Ты летаешь высоко, видишь далеко. Как почуешь опасность, тут же предупреди моих детишек, пусть сидят дома и не высовывают носа...

С этого дня Цапля и Лиса стали большими друзьями. Мало-помалу Цапля настолько стала доверять Лисе, что спускала своих птенцов из гнезда на землю, чтобы они могли поиграть с лисятами.

— Это ты хорошо придумала, — похвалила её Лиса, радуясь доверчивости соседки. — Пусть и твои детки порезвятся на воле. Скучно им целыми днями сидеть в гнезде. К тому же неплохо, если они научатся находить себе пищу. Тогда сами без всяких слов поймут, как трудно добыть пропитание.

— Обычно мы держим птенцов в гнезде до тех пор, пока у них не окрепнут крылья. Но бог послал нам таких хороших соседей, что мы очень рады этому знакомству. Хорошо всё-таки жить рядом с верными и добрыми друзьями. Есть на кого положиться в трудную минуту. Признаться, я порой не так уж и спешу домой, когда летаю в поисках съестного, надеясь на то, что вы всегда рядом.

— Да, здесь места тихие, хотя кто знает, что нас ждёт? Кругом столько опасностей, упаси Бог! Но, пока я тут, можешь быть спокойной за своих птенчиков. Рядом со мной и твои, и мои детки в полной безопасности.

— Дай вам Бог всяких благ, соседка. Ваша доброта не знает границ, — отвечала доверчивая Цапля.

Дни шли за днями. Заметно выросли лисята, подросли и птенцы Цапли. Цапля дольше прежнего стала пропадать в поисках еды для повзрослевших птенцов. Те между тем спокойно спускались на землю, разгуливали и играли внизу.

Однажды утром Цапля, покормив птенцов, поручила их, как обычно, своей соседке и полетела смотреть приглянувшиеся ей на другом берегу озера места, куда она вскоре собиралась переселиться. Там росли густые высокие травы, среди которых водилось много разной живности. То были сытные, привольные места. Прилетев туда, Цапля залюбовалась красивыми окрестностями, увлеклась ловлей лягушек и не заметила, как прошло довольно много времени. Опомнившись, она схватила в клюв немного гостинца деткам и поспешила обратно. У гнезда её ждал полный переполох. Жалобно попискивали перепуганные чем-то птенцы. Завидев соседку, Лиса тут же запричитала:

— Ох, Цапля, с нами случилась такая беда! — словно не имея сил продолжать, она всплеснула лапками и закрыла ими глаза.

— Что случилось? Детки-то целы-невредимы?! — перепугалась Цапля.

— Ох, кабы это было так! Один из них то ли споткнулся, то ли ещё чего, он лежит недвижим. Я к нему, а он и не дышит. Что стряслось, не пойму. Только что они тут вместе все играли и резвились, а я как на грех отлучилась ненадолго. Вот беда-то какая!

— Где, где он лежит, покажи! Чей это детеныш, твой или мой? — со страхом пересчитывала бедная Цапля своих птенцов.

— Какая разница, милая, твой или мой? Он лежит вон там, за тем деревом, — показала Лиса в сторону.

Подбежав к птенцу, Цапля обнаружила, что тот уже давно мёртв. Делать было нечего. Горько заплакала Цапля.

— Не плачь, соседушка, — принялась утешать её Лиса. — Если бы слёзы могли оживить твоего птенца, то я бы давно его воскресила — целый день плачу, уж все глаза выплакала. Давай-ка лучше выроем поглубже ямку, да и закопаем его.

— Ойбай, соседка, я же не смогу этого сделать, может, ты сама что-нибудь придумаешь, — отвечала ей опечаленная Цапля.

— Нелёгкое это, конечно, дело. Но чего не сделаешь для соседки. Кто как не я придёт тебе на помощь в трудную минуту. Сейчас я выкопаю яму, а потом мы вместе его закопаем.

Так они и сделали.

Наступил вечер, а за ним и ночь. Дождавшись, когда Цапля затихла в своем гнезде, Лиса под покровом ночи пробралась к тому месту, где был закопан птенец, выкопала его, принесла в нору и съела вместе с лисятами. «Никому об этом ни слова!»–крепко-накрепко наказала она им.

Бедная Цапля, так и не догадавшись, что коварная Лиса погубила её птенца, продолжала питать к соседке доверие и дружбу.

Но разве могла Лиса на том остановиться? Вскоре та же участь постигла второго птенца, затем третьего, четвёртого... Каждый раз, пока Цапли не было дома, она набрасывалась на очередного птенца, сворачивала ему шею и выбрасывала в кусты. Затем, когда соседка возвращалась, Лиса вновь встречала её притворным плачем. Дальше всё повторялось как прежде. В конце концов, у несчастной Цапли остался один-единственный птенец. Заветной мечтой Цапли было теперь сохранить и вырастить уцелевшего птенца. Каждый раз, покидая гнездо, она строго наказывала птенцу не вы-

совываться из гнезда и не спускаться вниз. Однако перехитрить коварную Лису было не так-то просто. Увидев, что Цапля опять полетела за кормом, она принялась уговаривать птенца.

— Спускайся вниз, иди к нам. Скучно, поди, тебе одному целый день в тесном гнезде, да и проголодался уж, наверное.

— Мне наказывали сидеть на месте и не спускаться на землю, — отвечал птенец — не послушаюсь, будут ругать.

— Не будут, — успокаивала его рыжая. — Я скажу Цапле, что сама разрешила тебе спуститься. Но можно ничего не говорить. Поиграй немного здесь с моими детками и возвращайся обратно, Цапля ничего и не узнает.

«Может, и вправду немножко поиграть с лисятами, а потом вернуться в гнездо, — подумал птенец, — ведь, если что, — тётушка Лиса защитит меня». Однако едва он коснулся земли, как бессовестная обманщица тут же вцепилась ему в горло и потащила в сторону. Свернув птенцу шею, она тут же быстренько закопала его под одним из деревьев. Затем она вернулась в свою нору и уселась там как ни в чём не бывало. Вскоре вернулась домой с кормом в клюве Цапля. При виде опустевшего гнезда сердце её похолодело. От испуга она даже выронила из клюва корм. В отчаянии Цапля заметалась из стороны в сторону, выискивая своего птенца. Не найдя его, она горько-горько заплакала.

Тут из норы вышла Лиса.

— Что с тобой, соседушка? Никак, опять беда стряслась? — заохала притворщица.

— Правду говорят: беда одна не ходит! Видно, лишилась я и последнего своего птенца. Не видели ли вы его случайно? — горевала бедолага.

— Нет, не видела. Помню, сидел он всё время в гнезде, ни разу на землю не спускался.

— Да, да, я сама наказывала ему сидеть дома и не высовываться, чтобы не случилось чего.

— Куда ж ему деваться? Ох и детки пошли, со свету сживут, окаянные. Поискала бы ты его получше, может, бродит где.

Делать было нечего, принялась несчастная Цапля искать птенца. Облетела она все окрестности, оглядела все кусты и деревья, нигде не было видно птенца. Все глаза повыплакала Цапля. Наступили сумерки. Попрощалась она со своей «верной» соседкой и

решила улететь из проклятого места в другие края. Но нелегко ей было покинуть обжитое гнездо, где не день, не два, а долгие месяцы жила-поживала она со своими птенцами. И как бы далеко ни улетала Цапля от дома, снова и снова возвращалась она к нему, кружила над ним, надеясь увидеть хоть какие-нибудь следы потерявшегося птенца. «Может, жив он и ищет меня где-то»,–думала бедная Цапля, возвращаясь в очередной раз к знакомому дереву. Вот темнеет среди его веток родное гнездо. Но, как и прежде, чернеет оно своей пустотой. Вон виднеется рядом лисья нора. «Что-то лисят не видно», — подумала было она, но тут же заметила неподалеку Лису с лисятами, которые что-то жадно рвали друг у друга. Подлетела Цапля ближе и узнала своего растерзанного детёныша. От горя лишилась она последних сил и без чувств упала на куст, под которым сидела Лиса со своим выводком. Придя в себя, Цапля горько заплакала, а собравшись с силами, с ненавистью сказала:

— Оказывается, это ты, подлая тварь, погубила моих птенцов!

— А ты думала, что они сквозь землю провалились? Хотелось и твоим вкусным мясом полакомиться, да жаль, высоко сидишь! — нахально рассмеялась Лиса.

— Провались ты, негодная! — бросила в сердцах Цапля, расправила крылья, собираясь взлететь ввысь, как увидела среди деревьев мчавшихся в их сторону охотничьих собак. За ними следовал охотник. Всё ближе и ближе были собаки. Почуяв опасность, трусливая Лиса бросила лисят на произвол судьбы и кинулась прочь. Коварной Лисе и на этот раз удалось уйти от охотника. Всё это видела парившая над деревьями Цапля. Словно призывая охотника и его собак наказать обманщицу, она сделала несколько кругов над ними и растаяла в вышине бездонного неба.

ЕВГЕНИЙ ТИТАЕВ

СКАЗКА О ТРЁХ ОДУВАНЧИКАХ

Около грядки с помидорами росли три одуванчика. Им очень хотелось путешествовать. Высоко в небе пролетали птицы. Хорошо, у них крылья. Рядом прогуливались кошки. Хорошо, у них лапки. Даже червяк, и тот мог ползти, куда захочет. Обидно, братцы!

Одуванчики махали листиками, вытягивали головки. Но увы, не взлетали. Тогда просыпались помидоры и начинали ворчать:

— Покоя от вас нет. Вода, свет, тепло. Чего ещё надо? Смотри себе приятные сны и поспевай на здоровье.

Сначала цветы тоже пробовали спать, но у них ничего не получалось. Да и посудите сами, разве можно дремать, когда вокруг такое весёлое солнце, такое голубое небо!

И они мечтали.

— Как мне не повезло с соседями, — сокрушался первый одуванчик, — ни поговорить с ними, ни посмеяться. Эти помидоры только себя и любят. Эх, если бы я вырос рядышком с весёлыми огурчиками. Они наверняка приняли бы меня в свою кампанию.

— Да, скучно здесь, — соглашался второй одуванчик. — И наступить могут. Нет, я бы хотел переселиться в голубую вазочку, что стоит на окошке. Не очень высокое место, но всё-таки лучше этого сонного огорода. К тому же красиво.

А третий одуванчик молчал. Ведь он был совсем маленький, а мечта его — такая большая. И цветок боялся, как бы она не вылетела из его золотистой головки.

— Не может быть, — думал он, — чтобы весь мир состоял из одного только огорода. Улетают же через забор бабочки. Но куда?

Однажды к грядке подошла хозяйка и сорвала два цветка. Третий рос под листочком, и его не заметили. С маленькими такое часто бывает.

По дороге один одуванчик выскользнул из хозяйкиных рук и упал прямо в огуречную лунку.

— Вот здорово! — закричали огурчики. — У нас новый товарищ!

Так сбылась мечта первого одуванчика.

А второй цветок поставили в голубую вазочку на окошке. И он был счастлив.

Третий цветок остался один-одинёшенек. Скоро стебелёк его похудел, а головка стала белой и пышной.

Как-то раз в огород прилетела сорока и уселась на подсолнух.

— Скажи мне, что там, за забором? — спросил её одуванчик.

— Там стр-р-рашно интересно, — прострекотала сорока, — ср-р-разу и не р-р-раскажешь.

— Ах, пёстрая птица, подними меня, пожалуйста. Ну хоть немножко. Я так хочу посмотреть, каков он, мир.

Сорока взяла одуванчик в клюв и поднялась так высоко, как только могла. Огород, лес, город — всё это осталось далеко внизу. Вокруг было только небо. Небо и солнце — яркое, горячее, огромное!

Вдруг подул ветерок и головка одуванчика рассыпалась на множество маленьких парашютиков. На конце каждого сидело малюсенькое семечко.

В поле, в бору, в парке — везде, где опустились парашютики, выросли новые цветы с золотистыми головками.

Как вы думаете, кому из одуванчиков повезло больше всего?

ВСЕГО ЛИШЬ ОДНА ВОЛНА

На горячем берегу огромного моря стоит серьёзный мальчик. В руках у него — пустая бутылка из-под лимонада. Море дышит на мальчика лёгким бризом, выгоревшие на солнце волосы смешно топорщатся, а ноги его по самую щиколотку утопают во влажном песке.

— Эй, не заходи в воду. Там глубоко. Попадёшь в гости к Нептуну, что я тогда папе скажу?

Это мама Наташа, красивая мама Наташа. Лежит себе на оранжево-чёрном надувном матрасе и делает вид, будто читает журнал, где на картинках разнообразные дамы гуляют в модных платьях. Но мальчика не проведёшь. Он точно знает, что пасёт его мама, как сестрица Алёнушка братца Иванушку. И нет никакой

возможности достать вон ту пёструю ракушку, прикорнувшую среди пушистых водорослей. Ну и не надо, ну и ладно. Больно нужна ему какая-то там ракушка. Есть дела поважнее.

Мальчик опускается на колени и тихо просит:

— Море, а море, подари мне волну, пожалуйста. Я отнесу её домой, отдам Шурику и получу взамен сержантский погон. Всамделишный! Погон этот зелёный, потому что пограничный. Шуриков брат на границе служил. Море, ты не думай, Шурик не жадина-говядина-солёный-огурец. Просто он никогда тебя не видел. Только в кино и по телевизору. Почему же не сделать другу приятное. Ведь правда?

Мальчик протягивает руки к воде, и бутылка едва не выскальзывает из его пальцев.

— Так мы не договаривались. Не шали. А то мы с мамой в тебе купаться не будем.

Морю становится стыдно. Оно виновато рокочет и выбирает маленькую волну с белой шапочкой пены. Волна разгоняется изо всех сил, встаёт на дыбы и ныряет точнёхонько в бутылочное горло.

— Ура! Поймал!

Мальчик стремглав бежит к маме Наташе, красивой маме Наташе.

— Спасибо, море!

Что такое! Упругая синяя волна, оказавшись взаперти, превращается в неинтересную воду. Там ещё медленно кружатся какие-то крошки и песчинки. Но и они постепенно оседают на дно.

— Ясненько-понятненько, — догадывается мальчик. — Волне без моря нельзя. Придётся Шурику отдать мне пограничный погон просто так. Ну да ничего. У него ведь другой останется.

Мальчик глядит на уснувшую воду, потом — на чёткую линию горизонта. И вдруг опрокидывает бутылку прямо над мамой Наташей, красивой мамой Наташей.

Мамины лопатки дёргаются, она звонко вскрикивает и оказывается на ногах.

— Хорошо я поступил или нет? — думает мальчик.

По маминым глазам выходит, что не очень. Но она всё равно хохочет.

— Пожалуй, ты прав. Надо бы окунуться.

И она идёт к морю. Со сверкающей волной на плечах.

ТУЛПАРЧИК НА КОЛЁСАХ

Если прийти в детский парк ранним утром, когда дворники уже ушли, а посетители ещё не появились, то запросто можно встретиться с удивительным. Например, нос к носу столкнуться с бронзовым слоном Федей, который когда-то давно стоял здесь и радовал не одно поколение ребятишек. Узнав, что его собираются отправить на переплавку, слон обиделся и ушёл в параллельный мир, где живут сказки. Иногда он возвращается оттуда, чтобы побродить по родным местам. Вдоволь нагулявшись и протрубив зарю, Федя тает, поблёскивая в утренних лучах.

Про жар-птицу я уж и не говорю. Её здесь многие видели. Не раз и не два. Особенно по праздникам. Правда, её часто путают с павлином, фазаном, а то и просто с петухом. Ну да мы-то с вами знаем, что это не так.

Нынешним июльским утром я пришёл в парк с книгой. Сел на любимую скамейку и стал ждать. Увы, ничего чудесного пока не происходило. Но, как известно, сказки частенько являются к нам неожиданно, когда их уже и не ждёшь. Так случилось и сейчас. Я увлёкся чтением, когда совсем рядом раздался голос. Да и не голос вовсе, а скорее голосок. И не раздался, пожалуй, а прозвенел:

— Что это, интересно, вы читаете?

Я посмотрел на говорящего в надежде увидеть гномика, эльфа или, на худой случай, парковичка. Так прозываются лешие, перебравшиеся сюда на жительство из соседнего бора. Но передо мной стоял обычный мальчуган в футболке и синих джинсах. В руках он держал коробку из-под ботинок. Хотя, что значит обычный? Обычных детей не бывает в природе. Они все, как один, необыкновенные. Вот со взрослыми совсем по-другому. Мой собеседник буравил меня напряжённым взглядом, нетерпеливо ожидая ответа. Словно от этого зависело что-то очень важное.

— Я читаю Андерсена.

— Ганса Христиана? — уточнил мальчуган.

— Его самого.

Уф-ф, у обладателя картонной коробки, кажется, отлегло от сердца. Он расслабился и доверительно улыбнулся, обнаружив симпатичные ямочки на щеках.

— Ну, тогда вы нормальный человек и обязательно меня поймёте. Во-первых, меня зовут Талгат. Во-вторых, мы переезжаем в Алматы.

— Красивый город, — мечтательно произнёс я. — Цветы, сады, горы... Один Медео чего стоит. Люблю туда приезжать. Тебе крупно повезло.

— Дело в том, что они... — Талгат внезапно насупился. — Они не разрешают мне взять с собой моего Тулпарчика.

«Они» — это, видимо, родители, смекнул я и, в свою очередь, задал вопрос мальчику:

— А Тулпар... э-э-э... Так зовут твою лошадку?

— Нет, — замотал головой Талгат. — Я нашёл его в сарае. С ним, наверное, дружил ещё мой прадедушка.

С этими словами мальчик раскрыл коробку, и передо мной предстал грузовичок. Слегка помятый и с пятнышками ржавчины на боках. Но, в общем, довольно крепкий. Эх, умели в прежние времена делать прочные вещи. Когда хотели.

— Ну как? — с надеждой в голосе спросил Талгат.

— Прекрасно, просто суперзамечательно! А ты не пробовал отдать его в краеведческий музей? Там бы о нём заботились, смахивали пыль каждый день.

Талгат поморщился.

— Среди чучел и фотографий моему Тулпару будет скучно. Ему нужно живое общение. Я отдам его только в хорошие надёжные руки. Например, в ваши.

Я посмотрел на свои ладони, зачем-то несколько раз сжал и разжал пальцы. Синичка на ближайшей берёзовой ветке громко затенькала, посмеиваясь над моими несуразными действиями. Зато Талгат, кажется, остался мною доволен.

— Вижу, что вы мне подходите. Смело забирайте Тулпарчика и не смущайтесь. Не отказывайтесь от своего счастья. Он вам понравится, вот увидите. Тулпарчик умеет возить тапочки и конфеты. А бутылки и сигареты терпеть не может. Надо только, чтобы он к вам привык. Поводите его пару деньков на ниточке, и всё будет в порядке. У меня, кстати, есть с собой клубок ниток. Нитки прочные, капроновые. Да, и ещё вот что. Тулпар — большой любитель заезжать в лужи. Не успел отучить его от этой вредной привычки. Может, он вас послушает.

Я представил себя гуляющим по городу со старым грузовичком на ниточке и невольно хмыкнул. Что обо мне люди скажут?

Последнюю фразу я произнёс вслух.

Талгат как-то сразу опустил голову и засопел:

— Я думал — вы нормальный человек. А вы, как они... Как все.

— Нет-нет, ты меня не понял. Я слишком громко подумал. Но... как бы тебе объяснить...

— Да всё я понял. Поехали, Тулпарчик.

Он приземлил грузовичок. И гордо пошёл от меня прочь. Прямо в пугающую неизвестность. Получилось, что я не оправдал его надежд. А это всё равно как обмануть. Жутко неприятное чувство. Словно по колено завяз в заколдованном протухшем болоте. Надо было поскорее из него выбираться.

Талгат уходил всё дальше и дальше, а грузовичок вдруг сорвался с места и рванул за хозяином, подпрыгивая на бугорках и рытвинках. Он даже проигнорировал великолепную лужицу, оставшуюся после вчерашнего дождя. Я понял — Тулпар не хотел оставаться один. Такое случается с людьми, верными собаками и любимыми игрушками.

— Талгат, погоди! — крикнул я ему вслед. — Нельзя же так. Ты должен дать мне шанс.

Талгат остановился и обернулся. В ту же секунду грузовичок радостно ткнулся ему в ноги. Талгат бережно переложил его в коробку.

— Всё отлично! Я ошибся. Вы совсем-совсем нормальный. Просто Тулпар меня проверял. Что-нибудь придумаем, я его не брошу. Ни за что.

И он помахал мне на прощание рукой.

А я отправился в ближайший магазин игрушек и среди множества игрушек выбрал грузовик с прицепом. Когда он привыкнет ко мне, мы отправимся с ним покупать книги. В кузов да ещё в прицеп войдёт немало увесистых томов с яркими картинками. И я обязательно познакомлю свой грузовик со слоном Федей. Они друг другу понравятся. Это совершенно точно.

КАЙРАТ ЖАНАБАЕВ

КРАСНОЕ ЯБЛОЧКО И ЗОЛОТОЙ АПЕЛЬСИН

Современная тюркская сказка

I

Вот на камешке, на берегу горной речки, сидит маленький мальчик. Он не просто маленький, он очень маленький, ростом с мизинчик, а это означает, что он меньше всех, известных нам на планете, сказочных мальчиков. Поэтому и отец, и мать, и старший брат его, и весь его дружный сеок так и зовут его — Машпарак[1], то есть мальчик-с-мизинчик.

Мальчика, сидящего на камешке, почти совсем не видно между серых больших камней, среди заснеженной травы.

Всё кругом снежно, недвижно, белым-бело вокруг — лишь одна речка течёт, одна лишь речка не застывает. И дивно ему: отчего, когда всё-всё зимой застывает, лишь одна эта речка не застывает. Дивится он и белому-пребелому снегу, чёрной речке, и ярко-синему небу, и золотому солнцу — отчего они цветные вдруг стали?

Раньше он этого не замечал, просто не обращал внимания. Он лишь видел, как милая его родина вся полыхает огнём, как храбро бьются с врагами батыры Алтая и во главе их грозный Алып-Манаш, отец его, а рядом с отцом — Аккумай, старший брат его.

И печально ему, сыну славного Алып-Манаша, сидеть на берегу горной речки: война началась, когда он ещё не родился, теперь же ему семь лет и он очень хочет быть рядом с отцом и братом, но вчера по совету мудрых аксакалов всех мальчиков отвезли высоко в горы, к дальней родне. И вот сидит он на высокой горе, среди серых камней быстрой горной реки.

И слышит он, как по белым скалам перестукиваются всевидящие туткеки[2], а в густых горных лесах бродят голодные жезтырна-

---

[1] Машпарак — древнетюркский мифологический персонаж, культурный герой северных тюркских народов, дословно: мальчик-с-мизинчик.

[2] Туткеки — мифологические существа верхнего мира, обитатели высоких гор, воины — хранители сокровищ Тенгри, верховного бога тюрок.

ки[1] с острыми медными когтями и орлиными клювами. Но разве он их боится? Нет, он вообразил себя метким охотником Сюрмергеном[2]: на поясе у него золотой кинжал, за левым плечом — тугой колчан, полный красных стрел, а на голове — боевой шлем, сияющий тонким месяцем. И вправду, перед отъездом Аккумай подарил ему деревянный кинжал, лук и красные стрелы да подвязал турсучок[3] с кумысом, как и полагается батыру перед дальним походом. Эх, скорее бы подрасти, чтобы стать настоящим батыром! Но что это? Что это такое?

Вниз по горной речке быстро-быстро плывёт красное яблочко. Нет, не плывёт — рыжим зайцем скачет оно вниз по реке: то подпрыгнет, то затаится меж камней, то заюлит в водоворотах, то вновь стремительно бросится далеко-далеко вниз, алея на солнце! Откуда оно взялось, такое красивое? И вправду, откуда оно взялось, когда все яблони далеко-далеко внизу стоят? Да и зима кругом уже совсем глубокая.

Вот яблочко пронеслось мимо мальчика. Так близко оно пронеслось, что видно стало: не совсем красное-то оно: один его бочок, точно, красный, другой же — жёлтый, как апельсин. Бросился мальчик за яблочком, забыл обо всём на свете: манит оно то красным, то золотым светом на солнышке...

Скрылось яблочко за синий скалистый выступ. И мальчик — за выступ. И так чудно речка завернула за выступ, что, преследуя яблочко, мальчик и не заметил, что речка исчезла... И оказался он среди вечного лета...

II

Что за диво? Откуда здесь цветущее лето? Чья это белоснежная юрта стоит на ярко-зелёной траве? Кругом звенят соловьи, заливаются в высоком небе серебристые жаворонки. О Тенгри[4], как здесь красиво!

---

[1] Жезтырнаки — демонические существа в образе голодных лесных женщин с медными когтями и медным клювом.

[2] Сюрмерген — эпический герой тюркских народов, знаменитый охотник, прославившийся своей меткостью. Дословно: суровый охотник.

[3] Турсук — специальный сосуд из козлиной кожи, предназначенный для похода. В нём возят кумыс — кобылье молоко.

[4] Тенгри — верховный бог древнетюркской мифологии, покровитель тюрок.

И мальчик совсем забыл о яблочке. А вокруг него уже закружились, зазвенели нежными голосами, заблестели прозрачно-золотыми одеждами златокрылые девушки. Кто эти красавицы? Как нежно поют они, как легко развеваются на синем ветру их прозрачно-золотые одежды. Упоённый дыханием сладких трав, убаюканный нежными песнями девушек, мальчик лёг на мягкий клевер и уснул.

Укрыли его шёлковым одеялом златокрылые феи, положили ему под голову атласную подушку и сами явились ему во сне:

— Как твоё имя, воин с кинжалом на поясе? Кто твои родители, где твоя страна? — спросили они.

— Имя моё Машпарак. Отец мой — славный батыр Алып-Манаш, мать моя — Айбарша. Родина моя — Золотой Алтай. На моей родине — враги, и я хочу на родину!

— Мы — пери[1], покровительницы тюркских героев. Ты — наш гость, — пели феи. — Ни бурана, ни грома, ни ночи, ни вулкана, ни войн не знает страна Жер Уюк[2]. Царит здесь вечный золотой день. И много здесь сочных плодов и ягод.

И поднесли они ему на красной шёлковой подушке золотой кинжал, да серебряный лук, точь-в-точь, как у охотника Сюрмергена, да золочёные стрелы, да подвели к нему черногривого тулпара[3] — синей калёной сталью отливают его широкие огненно-голубые крылья, алым пламенем вьётся его длинный, волнистый хвост, густым дымом стелется по синему ветру его чёрная грива, гнётся под его могучими копытами бурая земля.

Проснулся мальчик-с-мизинчик, глотнул холодного кумыса из своего турсучка. Видит: за зелёным холмом пасётся большой голубой кузнечик с огненно-синими крыльями, сверкает на кузнечике серебряная сбруя, звенят на ветру, пылая на солнце, тонкие стремена и маленьким солнцем горит золотое седельце. Бьёт кузнечик крепким копытцем в сочной, зелёной траве.

Застрекотал он, завидев тюрка-воина, широко развернул он свои лёгкие крылья. И пылают крылья его уже не ярко-синим, а

---

[1] Пери — мифические существа, феи с золотыми крыльями и нежными голосами, матери и покровительницы героев.

[2] Жер Уюк — мифическая земля изобилия и блаженства, вечного лета и бессмертия в казахской эпической традиции.

[3] Туопар — сказочный конь с огненными крыльями и хвостом.

огненно-красным светом, пылают огнём живым, да так, что весь зелёный холм светится и переливается, что изумруд под солнцем.

Но видит мальчик и другое чудо: прямо с голубого неба на зелёный холм слетела, блестя красно-золотыми крыльями, девочка, окружённая теми же прекрасными пери в солнечно-золотых одеждах. И волосы, и красно-огненное платье крылатой девочки бьются ярким пламенем на синем ветру.

III

Но откуда было знать маленькому мальчику из охваченного пламенем VIII века, что ещё двадцать минут назад эта необыкновенная, крылатая девочка была самой обыкновенной алма-атинской школьницей, ученицей второго класса «Д» немецкой гимназии № 18, и что звали эту казашку европейским именем Сабина, и что, как все девчонки конца XX века, она любила Бритни Спирс. И не знал сын грозного кочевника, что папа и мама этой девочки, как и все городские папы и мамы, искали и давали ей лучшее европейское воспитание и образование. И очень удивился бы сын отважного батыра, если бы узнал, что эта девочка, дабы не огорчать своих родителей, изучает чужие языки и посещает музыкальную школу, и ходит на плавание и на шахматы. И сразу он отвернулся бы от неё, если бы узнал, что вместо славных тюркских поэм Сабина знает наизусть много, очень много песен и стихов по-русски, по-немецки и по-английски. Но ничего не знал о ней мальчик из древнего аила[1]. Он стоял, открыв рот: такое неземное чудо спустилось на холм!

IV

А ещё двадцать минут назад это неземное чудо сидело за партой, за своей старой, исписанной партой, в самом последнем ряду. Оно сидело одно у огромного окна с большими, сказочно красивыми узорами на морозном стекле. И решало задачу. И все мальчики и девочки в классе решали одну и ту же задачу. И всё текло по своему кругу. Но вдруг круг разорвался. Учитель сказал: «Кто

[1] Аил — то же самое, что и аул.

первый решит задачу, тот получит апельсин, огромный-преогромный апельсин!» И он взял самый обычный классный журнал и раскрыл его. И прямо из журнала на широкий учительский стол, перекатываясь и гудя, гремя по всему столу, выкатился апельсин, огромный-преогромный.

Надо заметить, что Сабина очень любила математику. Она первая решила задачу и, сдав тетрадь учителю, стала рассматривать узоры на морозном стекле.

Учитель проверял, а она долго любовалась узорами на стекле. Но вот её сильно потянуло в сон. И тут в голову к ней полезла Чепуха. Девочка хотела выкинуть её из своей головы, но, теряя последние силы, засыпая, сквозь дрёму она спела-таки старую дразнилку:

На базаре чепуха
кофточку стирала
И, увидев паука,
в обморок упала.
Чепуха, чепуха,
чистая чепуха!
Хи-хи-хи! Ха-ха-ха!
В самом деле, чепуха!

Но Чепуха нисколечко не обиделась: фи, песенка-то пустяковая, ведь она никогда не стирала свою кофточку на базаре и не падала в обморок, хотя, как и все девчонки (а она себя считала девчонкой!), очень боялась пауков.

Вот она быстро вылезла из головы девочки и прыгнула в Сабинкин портфель, и Сабина (уже во сне) долго там её искала-искала и не могла найти. Но зато она нашла там огромный-преогромный апельсин, точь-в-точь, как на столе у учителя. На жёлтом апельсине восседало лёгкое, как воробьиный пух, серое, как пепел, крохотное существо, сплошь украшенное блёстками. Выкатив от удивления свои большие красивые глаза, девочка жадно, с наслаждением, стала разглядывать со всех сторон это невиданное, это забавное, это странное, это милое существо.

А Чепуха, видя, как она нравится девочке, закатывая глазки, закинув ножку на ножку, спросила:

— Красивы ли узоры на стекле?

— Очень.

— М-да! Вполне вразумительный ответ. Умная же у нас беседа. Сейчас такие беседы именуют высокоинтеллектуальными. Красива ли я сама?

— Невероятно.

Вдохновлённая таким ответом девочки, покачивая тонкой ножкой, Чепуха запела:

А там, за окном,
А там, за синим стеклом, играет в снежки ребятня, вот-вот!
А там одна беготня,
А там одна болтовня,
А там пустая-препустая болтовня, вот-вот!
И пусто лают собаки, и машины громко звенят,
И лай по синему ветру летит вокруг звенящих машин,
И солнце сверкает в небе, весёлое, как апельсин.
И ты сидишь над исписанной партой, зевая
И никому не нужные задачки решая,
А там, за синим стеклом,
А там, за белым окном,
Искрясь, грохочут трамваи,
И бегут по кругу лошадки,
И продаются на углу цветные открытки и шоколадки.
Ах, найти бы волшебный веер!

— Знаешь, чепушунья, а ты — классная девчонка! — обрадовалась Сабина. — Ты мне ужасно нравишься. И стихи у тебя красивые, пустые. И желание моё заветное, несбыточное, я вижу, с твоим совпадает.

— Отчего же несбыточное! Хоть я и чепуха, но я расту вместе с тобой и скоро стану Мечтой Золотой. Вот моя сестра, Надежда, с детства жила в голове одного чудика. Он стал большим учёным, потом открыл в космосе какую-то планету и теперь вовсю дружит со мной — не расстаётся. А один чудак, вообще, сначала гнал-гнал меня отовсюду, а потом взял, да и «Войну и мир» написал. И ты никогда меня не гони из своей головы, а лучше посмотри поглубже в свою парту.

Девочка заглянула в нижний проём парты: в тёмной её глубине лежал и сверкал драгоценными камнями большой веер. Девочка ахнула.

Долго любовалась она веером. А когда подняла голову, то Чепухи уже не было. Шёл обычный урок, и весь класс усиленно решал задачу. И всё опять бежало по своему кругу. А в руках Сабины был самый настоящий волшебный предмет! Тотчас взмахнула девочка веером, и на ней оказалось красивое и большое ярко-красное платье. И вот алым костром взлетела она над партой. Сделав огненный круг над классом, решающим задачу, она растворилась в воздухе. А учитель совсем ничего не заметил. Он углубился в тетрадь. Значит, он был настоящий, такой углублённый учитель, поэтому ничего не заметил.

V

В секунду облетела она все прошлые времена, и народы, и племена: мирные и воюющие, сытые и голодающие. И все они, — и воюющие и мирные, и голодающие и сытые, и древние и современные, — почему-то искали одну страну, дивную страну счастья, землю обетованную.

Тогда и она сказала: и я хочу в ту в страну вечного золотого дня, где не бывает войн и страданий и где человек не обижает человека. И, пылая платьем, в окружении златокрылых пери спустилась она с небес на Зелёный Холм.

Тут и стоял наш Машпарак, открыв рот от удивления: вот это да! Правду сказать, он совсем не мог терпеть девчонок. Так и стоял с открытым ртом.

Опустившись на холм, девочка весело посмотрела на крохотного мальчика и даже хотела заметить ему: «Закройте, пожалуйста, ваш рот, не то муха попадёт!» Но она считала себя очень воспитанной (особенно в эти первые минуты своего пребывания на неизвестной земле, где она была пока гостьей) и поэтому вовремя остановила себя.

Присев рядом, она посадила его на свою ладонь, внимательно изучая.

Мальчику сильно не понравилось, что, не спросив никакого его разрешения, она самовольно распоряжается им и разглядывает

его в упор. «Разве так ведут себя тюркские девочки?» — пылал он яростью, но не знал, как ему достойно поступить: спрыгнуть с её ладони — но так можно уронить честь и достоинство тюрка, а стоять, когда тебя нахально разглядывают, — вовсе глупо и не красит батыра! «О Тенгри, что мне делать?»

— Я Сабина из восемнадцатой гимназии. А как твоё имя? — просто и весело спросила она.

— Я Машпарак, сын известного героя и внук известного героя. Родина моя — Золотой Алтай, — твёрдо и спокойно отвечал воин-мизинец. — Вся родина моя в огне, и я очень хочу на родину, к своему сеоку. А теперь опусти меня на землю! — почти приказал он, всё больше входя в обычные права воина. Он решил вести себя достойно перед этой, как он понял, могущественной волшебницей. В большом красном платье она была ослепительно яркой и огромной, как богиня. Смеясь, она опустила его на землю.

— А я знаю, что означает твоё имя! — сказала она очень тепло.

— Ну и что? Весь Алтай это знает! — холодно бросил маленький воин.

Утопая в траве кривыми монгольскими крепкими ножками, он важно уходил к подножию Зелёного Холма, где ждал его синекрылый тулпар. Волшебница восхищённо смотрела на это исчезающее в высокой траве маленькое чудо. «Надо же, какой гордый! — подумала она. — Надо с ним обязательно подружиться!»

— А мы можем стать друзьями? — крикнула она ему вслед.

— Тюрки-воины с девчонками не дружат! — не оборачиваясь, отвечал маленький воин, уже близко подойдя к голубому кузнечику.

— Смотри же! — громко призвала девочка, боясь, что мальчик вот-вот улетит.

Мальчик оглянулся и вдруг увидел перед собой прекрасную амазонку, высоко восседающую на белом аргамаке. Во лбу её аргамака светилась белая звезда. Золотом горели её лук и стрелы. Её острое копьё сверкало на солнце ослепительным блеском. И взор её был дик и суров. И гордое сердце маленького тюрка дрогнуло перед этой красотой.

— Будем же друзьями? — снова спросила волшебница.

И он в знак дружбы молча вложил в её грубую ладонь медное, начищенное до блеска зеркальце. А воительница тут же вынула из маленьких серебряных ножен миниатюрный золотой клинок. И

он блистал огнями-молниями на солнце. И клинок, и ножны были впору тюрку-мизинцу. Протянув ему оружие, юная волшебница торжественно изрекла:

— Потомку отважных героев, стремящемуся к подвигу во имя своей многострадальной родины, прекрасная амазонка[1] дарит в знак дружбы вот этот золотой клинок с серебряными ножнами!..

Он ничего не сказал ей в ответ. Он даже не улыбнулся. Взяв кинжал, он уводил голубого кузнечика к синей озёрной воде, далеко за Зелёный Холм. Да, он совсем не мог терпеть девчонок, но образ прекрасной амазонки уже вовсю полыхал в его гордом сердечке. Кузнечик приник к воде.

Девочка посидела-посидела и подумала о том, что ей совсем не интересно быть амазонкой. Она взмахнула веером и полетела изучать страну Жер Уюк. И феи в золотых одеждах ярким пламенем взвились за нею вслед.

VI

— Что мне делать с моим огненным сердцем, Тенгри? — спросил Машпарак, смотря в небо. — Оно просто пожаром пышет. Раньше оно пламенело при одной только мысли о родине, сейчас оно полыхает вовсю.

— Не бери в голову! — бодро ответствовал кузнечик, насилу оторвав голову от сладчайшей воды. — Возьми себя в руки — будь батыром. Эта амазонка такая же, как и все девчонки. И вовсе она не амазонка, ведь вся её красота — от волшебного веера.

Правду сказать, кузнечик тоже совсем не мог терпеть девчонок, но сердечное состояние друга сильно его обеспокоило.

Не прошло секунды, как девочка, облетев всю сказочную страну, опустилась на холм и нашла тюркского мальчика. И не было на ней никакого боевого костюма. А её огненно-алое платье источало дивное благоухание. Тюркский воин почему-то подумал о простых лесных шишках, и ему показалось, что они пахнут настоящим лесом и куда приятнее. И, подтягивая заднюю подпругу кузнечику, важно заметил ей: «Если скажешь неправильное слово, вернёшь мне зеркальце!»

---

[1] Амазонка — всадница в боевом костюме.

— Нет, не верну, оно — моё! Ты сам мне его подарил! — удивилась девочка. — А потом, что означает это твоё «неправильное» слово?

Мальчик хотел объяснить, что «правильно» и «неправильно» касается не грамматики, а поведения. Но ничего не сказал: тюркские батыры много не говорят.

— Смотри, разве это твоё зеркальце? — не отставала настырная девочка: теперь его зеркало блистало чистым серебром.

— Его! — вдруг неожиданно вмешался кузнечик. Он смело смотрел на волшебницу. — Но ты, наверное, его заколдовала!

Девочка оторопела. Она впервые в жизни видела такого умного и говорящего кузнечика. Но она быстро взяла себя в руки, ведь она была волшебница, у неё одной была здесь полная власть.

— Да, теперь оно волшебное, — сказала девочка. — Кого ты хочешь в нём увидеть?

— Маму! — быстро сказал он. Сердце затрепетало, воспламенилось: о, сейчас он увидит маму!

И вот он увидел в зеркальце свою маму: из-за её левого плеча холодно серебрился колчан, полный красных стрел. Он очень обрадовался, а мама тут же строго пожурила его: «Сынок, почему ты не со всеми мальчиками в горах? Где ты ходишь? Скорей иди в горы, к нашим родственникам!» Она потирала покрасневшие от мороза руки. «Тебе холодно?» — взволновался мальчик всем своим существом. Он едва сдержал своё сердце. Но тут в зеркальце появился Аккумай. Он сказал: «Мой младший брат, быстро возвращайся в горы!»

— Моя родина в огне. Я очень хочу на родину! — прозвучал ответ. Аккумай ничего не сказал и исчез из зеркальца.

— Давай полетим вместе, — весело предложила она.

Он молчал. А она вскинула к небу гибкие, белые, как снег, руки и взметнулась высоко-высоко к солнцу. Быстро исчезая, она сверкнула золотой свечкой, вьющимся белым дымком, мгновенно растаяв в густой синеве. И вслед за ней взвился в голубое небо гигантский золотой пламень — пери в прозрачно-золотых одеждах. А улетев, она словно забыла о нём: наслаждалась полётом.

Маленький воин тут же вскочил в седельце. Голубой кузнечик встрепенулся, широко расправил огненные крылья, ударил задни-

ми ножками-копытцами о камешки, подпрыгнул и, сверкая всеми цветами радуги, взлетел в ярко-синее небо.

Белым, золотистым жаворонком кружилась девочка вокруг солнца. И вокруг неё вились и пели златокрылые пери. Казалось: вокруг солнца вьётся кольцом тонкое, золотое пламя. Она блаженствовала.

С высоты орлиного полёта могущественная волшебница наблюдала, как он летал, как он звал её. Вот он полетел тёмно-зелёным лесом, голубым озером, синей горой, золотой равниной, весь такой печальный-печальный. То исчезает, то появляется меж белых облаков он, такой гордый, на звонком кузнечике. Он давно улетел бы и без этой девчонки, но он не знал пути на родину — солнце стояло на одном месте, и стоял вечный день в этой, уже ему порядком надоевшей, волшебной стране.

Вот совсем близко подлетел он к девочке, схватил снег с облака, бросил его на её золотые волосы и крылья: давай улетим на родину! Но хитрая девочка летает, девочка смеётся, девочка блаженствует, девочка полна счастья, свободы и власти. И, гневный, он исчезает в белых прохладных облаках.

VII

Желая найти путь, он едва ли не облетел на кузнечике всю волшебную страну. Теперь она казалась ему печальной. Она была очень похожа на его любимую родину, Золотой Алтай. Но над Алтаем всегда холодное небо, и в том холодном небе кружат грозные, молчаливые беркуты. А здесь, высоко над ним, летают лишь жаворонки, ласточки, да заливаются звонко соловьи, да ещё летает эта противная девчонка. И, поднявшись выше ласточек, он грустно запел:

Стынут синие-синие озёра,
Золотой нитью вьются реки.
А в речных камышах,
А в густых тростниках
Много-много птиц приютилось.
Лишь поднимутся в небо они — вечное солнце затмят.
То страна Жер Уюк!

Зелены, беспредельны равнины.
На изумрудных полях
Табуны утопают в жемчужной росе,
Блеют от сытости овцы и козы,
Пёстрой тучей холм за холмом покрывая, — нет здесь хищных зверей.
То страна Жер Уюк!

По степи золотой народы кочуют,
Весёлые караваны по райской земле плывут,
Плывут по синему ветру шумные свадьбы,
Плывут, не касаясь земли, народы по широким, как море, равнинам,
По равнинам, не знающим горя, — нет здесь ночи и войн, и зимы, и страданий.
То страна Жер Уюк!

Вы, синие озёра, звонкие птицей, шумные камышами, скажите, где моя родина?
Вы, мирные равнины, изумрудные степи, скажите, где моя родина?
Вы, высокие горы, полные плодов, ягод, скажите, где моя родина?

Приземлилась девочка на холм. Слушает грустную, очень грустную песню, льющуюся из-под самых небес. И вот он грозным соколом ринулся прямо на неё.

— Почему ты, лукавая волшебница, не укажешь мне путь домой? Ты ведь обещала! Что тебе с меня, останься я здесь? Моя родина в огне, и мне надо быть рядом с отцом, матерью и братом.

— Но мне будет грустно и одиноко без тебя, мой герой, в этой красивой стране. Я восхищена, я покорена тобой: легче жаворонка, выше ласточек взмываю я в голубое небо, благодаря моему волшебному вееру. Ты же летаешь, сам управляя своим полётом, ты — ловкий и смелый наездник. Слетать бы к тебе на родину, но там, наверное, холодно и неуютно!

— Но моя родина — самая прекрасная на земле, она любит отважных.

— Да, ты отважен! И мы улетим с тобой на родину! Честное слово, улетим! Но подожди меня минутку на этом холме.

И она теперь ясно поняла, почему не отпускала его. Ей понравился этот маленький и гордый мальчик, который так сильно лю-

бил родину и жил одной пламенной мечтой — освободить её от завоевателей. Что это за такая родина, и почему он её так страстно любит?

В ту же секунду волшебница оказалась на Золотом Алтае, в восьмом веке, в столице голубых тюрок, Священном Отюкене.

Чёрной мглой покрыт Отюкен: дым да гарь кругом. Багровой слезой полны реки. Сизая, густая мгла клубами катится по холмам и степям. Вот и родной аил Машпарака. И аил уничтожен врагом — весь сожжён.

Обратившись белогрудой ласточкой, увидела она со скалы сурового Алып-Манаша[1], грозную Айбаршу, славного Аккумая, всех взрослых мужчин и женщин сеока, всех молодых джигитов и девушек, всех тринадцатилетних юношей, уже познавших оружие. У всех — копья да пики, да колчаны за спиной. И набиты те колчаны красными стрелами. И видит ласточка, как отважны они, как все они готовы умереть за милую родину, которая, хоть вся и в слезах и в огне, но в борьбе с лютым и бесчисленным врагом. Вот родина отважного тюрка, которого она любит всем сердцем. И заплакала юная волшебница.

Через минуту она вернулась на холм. Маленький воин был весь в отчаянии: так сильно он стремился на родину!

VIII

Сабина сказала: «Ты, Машпарак, — герой, твоя милая родина — в огне. Будь же могучим, как твой отец». И она коснулась его веером. И стал он ладным, могучим батыром. Сама же обратилась воинственной амазонкой, воссевшей на аргамаке. И вновь запылало сердце тюрка. Коснулась волшебница веером и кузнечика. Обратился тот могучим тулпаром с огненно-голубыми крыльями, с волнистым огненным хвостом, с дымной гривой, вьющейся по ветру. Засветились на груди тулпара два серебряных нагрудника, запылала сбруя на солнце, седло залилось чистым золотом на солнце.

Залюбовалась девочка батыром да батырским конём и вот совсем забыла про веер. Полетел батыр на крылатом тулпаре: днём —

[1] Алып-Манаш — эпический герой многих тюркских народов. См.: Манас, Алпамыс, Алпамыш.

чёрной ласточкой быстрой, ночью — яркой падучей звездой. И сидела впереди, разбивая грудью ветер, юная волшебница и указывала путь герою. Быстрее ветра летел тулпар, и сильный вихрь вырвал волшебный веер из рук девочки. Хотела она вернуться за ним, но упрям был тюркский герой — видел он вдали милую родину!

IX

То не небесный олень принёс алое солнце на золотых рогах — запылало над седым Алтаем огромное, на весь восточный край, алое, красивое яблоко в небе — то вступал в родные пределы Золотого Алтая солнечный батыр Машпарак. Засиял, подобно утренней звезде, весь высокий Золотой Алтай.

То не белый сокол погнал чёрных ворон, то юный тюркский герой гнал жуань-жуаней из всех алтайских аилов, из Священного Отюкена.

Градом гремели смертоносные стрелы, молнией сверкали быстрые пики грозной амазонки, и бежали враги от её меча, как от огненного смерча.

Сняв колчан, тихо гордилась Айбарша сыном своим, а суровый Алып-Манаш, уйдя в степь далеко от людского взора, утёр одинокую слезу радости. Аккумай же сказал: «Вот в дом родной и брат-герой явился!»

И повёл уже воин Сабину к родной матери, к родственникам, к белому шатру, да раздался такой ужасный, такой неслыханный прежде гром!

X

То звенел школьный звонок!

Проснулась Сабина. Класс двигался, спеша на перемену. На морозном стекле светились дивные голубые узоры. Учитель поставил ей пять по математике. А на парте её светился огромный апельсин, весь золотой, как солнце!

КАДЫР МЫРЗАЛИЕВ

ЗАГАДКИ

Ходит-бродит много дней,
Хвост мотается за ней.
Все шаги её просты,
Но меняются хвосты.
(Игла)

Всё слизнёт, как языком,
Этот комнатный дракон.
(Пылесос)

Жили б век без суетни,
Только вспыльчивы они.
(Спички)

Два уха,
Одно брюхо.
(Котел)

Ладонь в кулак не сжимается,
В локте рука не сгибается.
(Лопата)

Ручьём назвать — так не течёт,
Змеёй назвать — не жалит.
(Аркан)

Деревянная река —
Водопой без родника.
(Корыто)

Толст затылок, узок нос.
Бьёт, когда берут за хвост.
(Топор)

Рот оскаленный дрожит,
Жрёт — от радости визжит.
(Пила)

Деревянная кобылка
Ест пупком, плюёт затылком.
(Рубанок)

Утром слышат все спросонок —
Ржёт железный жеребёнок.
(Будильник)

И как его не жалко!
Все рады колотить —
Он только из-под палки
Способен говорить.
(Барабан)

Перевёрнутый казан
Сразу виден всем глазам.
(Небо)

Летит слепая птица,
С крыла течёт водица.
(Туча)

У аксакала на лбу саксаул вырос.
(Олень)

Один джигит тысячу копий подымает.
(Ёж)

Спереди штепсель, а сзади провод.
(Поросёнок)

АЛИ ЫСКАБАЙ

ЗАГАДКИ О ЖИВОТНЫХ

На макушке у него
Лес дремучий — веток царство.
Листика ни одного.
С веток — делают лекарство.
(Олень)

Из его рогов волшебных
Делают бальзам целебный.
(Марал)

Он взлетает на скалу
Лёгкими прыжками.
Заберётся на валун
И стоит, как камень.
(Архар)

Словно медная фигурка —
Так блестит на солнце шкурка.
И глаза её чисты —
Баловница красоты.
(Лань)

Сильный зверь, лохматорожий,
Зарычит — мороз по коже.
Когти, зубы, как кинжал.
Что за хищник,
Ты узнал?
(Лев)

Тучный он — ни дать ни взять.
Даже шеи не видать.

Пасть раскрылась, как нора,
Толстый зад его — гора.
Подогнулись слабые
Ножки косолапые.
(Бегемот)

Земляного цвета он,
С длинным хоботом, силён.
Подымает груз легко.
Как зовётся, кто такой?
(Слон)

Стал для обозрения.
Рост — на удивление:
Среди жителей саванны
Смотрится подъёмным краном.
Сверх того, что вышел ростом,
Он ещё в наряде пёстром.
(Жираф)

Винторогий, с крепким лбом.
Шея — сала плотный ком.
Шея — очень широка —
Ну, почти как у быка.
На лугах, в горах пасётся.
Как, скажите, он зовётся?
(Баран)

Со спиной волнообразной
Он корабль пустынь отважный.
Терпеливо сносит зной
И питается травой.
(Верблюд)

На его нерваной шубе
Множество заплаток грубых.
Чёрный с жёлтым, — двух цветов, —
Одеяло с лоскутков.

Поглядеть на шубу любо...
Кто владелец? Что за шуба?
(Тигр)

На дерево молниеносно взбегает.
Как птица, по веточкам перелетает.
Орешки за милую душу щелкает.
(Белка)

Всякий шум его пугает,
Он от страха убегает.
(Заяц)

Она нектар всё лето собирает.
Её подарка слаще не бывает.
(Пчела)

Она хитра, лукава, нагловата —
В чужие норы лазит воровато.
Без плутовства совсем не может жить.
Её ты знаешь,
Кто она, скажи?
(Лиса)

Ест тутовника листы,
На тутовнике живёт.
Несравненной красоты
Из слюны шелка прядёт.
(Шелкопряд)

В сумочке на животе
Носит он своих детей.
(Кенгуру)

Везде она носит свой каменный дом,
Зимой отдыхает, покоится в нем.
(Черепаха)

Всё по комнате летает,
Всё жужжит, жужжит, жужжит.
Мёд и сахар обожает
И над мусором кружит.
(Муха)

В шубку тёплую одета,
Ходит в ней зимой и летом.
Как поспит, так для разминки
Часто выгибает спинку.
(Кошка)

Человеку верный друг,
Охраняет всё вокруг.
(Собака)

Он клыками землю пашет,
Вид его свиреп и страшен.
(Кабан)

Столько их — даёшься диву —
До чего трудолюбивы!
Маленькие, как песчинки,
А несут по соломи́нке.
(Муравьи)

Сети мастерски плетёт,
Но одежду все ж не шьёт.
По углам их расстилает,
Лапками перебирает.
(Паук)

Он одет с иголочки —
Колючий, словно ёлочка.
(Ёжик)

Он смешно торчит у норки, —
Приподнявшись, смотрит зорко.

У него пугливый вид,
Он тихонечко свистит.
Неустанно ищет зёрна.
В норку прячется проворно.
(Суслик)

На болотце кто сидит?
Громко квакает, кричит,
День и сутки напролёт
Спать детишкам не даёт?
(Лягушка)

След волнистый оставляет,
Грозно жало выставляет.
И при том шипит сердито —
Оттого, что ядовита.
(Змея)

По ночам по дому бродит
И грызет всё, что находит, —
Аппетит весьма хороший.
Как огня, боится кошек.
(Мышка)

ОБ АВТОРАХ

ТОЛЫМБЕК АБДРАИМ

Родился 12 сентября 1955 года в г. Аягуз Восточно-Казахстанской области. Окончил факультет журналистики КазГУ. Около ста его рассказов и сказок опубликовано в республиканском детском журнале «Балдырған». Автор пяти книг для детей. Известен как писатель-публицист. Заслуженный деятель РК. Полномочный представитель ТОО «Қазақ газеттері» в г. Астане.

ЖАРАСКАН АБДРАШЕВ
(1948 – 2001)

Поэт, критик, переводчик. Родился в Аральском районе Кзыл-Ординской области. Окончил филологический факультет КазГУ. В 21 год стал членом Союза писателей СССР. Выпустил более 20 книг, одну из них — сборник стихов «Летние грозы» — в переводах Риммы Казаковой. Перу поэта принадлежат несколько поэтических сборников для детей: «Что это?», «Половодье», «Путешествие»; поэтические книги — «Рождённые после войны», «Я сын степей», «Сыновний поклон»; сборник литературно-критических статей «Литература и долг». В посмертный сборник «Кулпытас» («Эпитафия») вошли стихи, поэмы, эпитафии и эпиграммы. Перевёл на казахский язык произведения А. С. Пушкина, Поля Элюара, А. Блока, палестинского поэта Муина Беису. Лауреат премии Магжана Жумабаева. Учредил премию для молодых талантов, впоследствии названную его именем.

НЕСИПБЕК АЙТУЛЫ

Родился 22 сентября 1950 года в Шауешекском районе Восточно-Туркестанской области. Окончил факультет журналистики КазГУ. Директор музея Сакена Сейфуллина. Автор многочисленных сборников стихов и поэм, переводов «Слова о полку Игореве», произведений

Навои, великого турецкого поэта VII века Юнуса Эмре, Бо Цзюйи, Дж. Родари, А. Барто, С. Михалкова, С. Баруздина, В. Берестова и многих других. Неоднократный победитель различных поэтических конкурсов. Заслуженный деятель Казахстана. Лауреат Государственной премии Казахстана, премии имени Мукагали Макатаева и международной премии имени Жамбыла.

МАДИ АЙЫМБЕТОВ

Родился 14 ноября 1946 года в Амангельдинском районе Кустанайской области. Окончил факультет журналистики КазГУ. Автор более десятка книг. Отдельные произведения издавались на русском, украинском, белорусском, киргизском, туркменском, узбекском, уйгурском и других языках.

НУРДАУЛЕТ АКЫШ

Родился 15 мая 1950 года в ауле Маныpак Восточно-Казахстанской области. Окончил филологический факультет КазПИ. Заведующий отделом Института литературы и искусства имени М. Ауэзова при НАН РК. Автор многочисленных произведений, в том числе и для детей. Призёр республиканского фестиваля «Жігер», лауреат премии имени Жамбыла. Кандидат филологических наук. Произведения вошли в школьные учебники. Дипломант международной ассоциации критиков. Член правления Союза писателей Казахстана.

МУЗАФАР АЛИМБАЕВ

Родился 29 октября 1923 года в ауле Маралды Шарбактинского района Павлодарской области. Окончил Казахский государственный университет им. С. М. Кирова (КазГУ — КазНУ имени аль-Фараби). Первые стихи опубликовал в пятнадцать лет. Участник Великой Отечественной войны. Первый главный редактор детского журнала «Балдырған». Автор текстов 180 песен, пятидесяти сборников стихов и поэм, нескольких изданий Собрания сочинений. Народный писатель Казахстана, лауреат Государственной премии Республики Казахстан, заслуженный деятель Казахстана, лауреат международной литературной премии им. Жамбыла.

ЖОЛТАЙ АЛМАШУЛЫ

Родился в 1957 году. Писатель-драматург, автор десятков прозаических и драматургических книг. Автор романов «И очнулось племя» и «Радость и печаль земная». Избранные рассказы писателя изданы на русском языке отдельной книгой под названием «Терзания души». Неоднократный лауреат конкурсов прозаических и драматургических произведений, организованных Министерством культуры Республики Казахстан.

ОРАЗАКЫН АСКАР

Поэт, переводчик, собиратель казахской народной поэзии. Родился в 1935 году в Илийском районе Восточного Туркестана (КНР). Окончил гимназию в г. Кульдже. В 1955 г. переехал в Казахстан. Окончил филологический факультет КазГУ. Автор около 40 поэтических сборников. Член Союза писателей Казахстана. Занимается переводами на казахский язык фольклора народов мира. Награждён медалью «За доблестный труд», лауреат международной премии «Алаш», премии Тюркского мира «Акбозат» и имени Мукагали Макатаева.

АБДРАХМАН АСЫЛБЕК

Поэт. Родился в 1938 году в ауле Уч-Арал Джамбулской области. Окончил КазПИ и аспирантуру при кафедре казахской литературы. Член Союза писателей Казахстана. Выпустил более 30 поэтических сборников — лирики, сатиры, но главным образом для детей, таких как «Золотое зерно», «Малыш», «Баллада о сыне», «Есть дети разные», «Сказки дедушки Ердена» и других. Автор многих популярных песен.

СЕРИК АСЫЛБЕКУЛЫ

Прозаик, драматург, переводчик. Родился 18 сентября 1951 года в Казалинском районе Кызылординской области. Окончил филологический факультет КазПИ имени Абая. Доктор филологических наук. Автор 8 прозаических книг, 4 драматических произведений, свыше ста научных и публицистических статей и монографии «Казахская повесть (Генезис, Эволюция, Поэтика)». Перевёл отдельные произведения Л. Толстого, Ги де Мопассана, Ч. Айтматова, В. Пришвина и дру-

гих авторов. Секретарь правления Союза писателей Казахстана. Лауреат премии имени Б. Майлина.

АМАНТАЙ АХЕТОВ

Поэт, прозаик, переводчик. Родился 23 мая 1947 года в г. Кокшетау. Окончил факультет журналистики КазГУ. В настоящее время — старший эксперт Института литературы и искусства им. М. Ауэзова. Автор более 20-ти оригинальных и переводных книг. Лауреат премии Союза журналистов Казахстана. Награждён медалями «За трудовую доблесть», нагрудным знаком «Деятель культуры». Пишет на русском языке.

АХМЕТЖАН АШИРИ

Родился в 1938 году в селе Малыбай Алматинской области. Окончил Панфиловское педагогическое училище и филологический факультет КазГУ по специальности «Казахский язык и литература». Автор повестей «Так хочу жить», «Мне не забыть», «Не увядающий цветок», романов «Одинокая мята», «Идикут». Произведения переводились на казахский, русский, чечено-ингушский, якутский, киргизский, узбекский и другие языки. Перевёл на уйгурский язык пьесы А. Чехова «Вишнёвый Сад», К. Шангитбаева «Ох, эти джигиты», Ф. Г. Лорки «Кровавая свадьба». Лауреат Международной премии «Алаш», независимой премии «Илһам». Председатель совета по уйгурской литературе СП Казахстана. Награждён орденом «Құрмет».

АЛИБЕК БАЙБОЛ

Родился 3 ноября 1987 года в ауле Улкен Жаланаш Алматинской области. Окончил факультет журналистики КазНУ имени Аль-Фараби. Корреспондент газеты «Қазақ әдебиеті». Повесть «Железнодорожный вокзал» была отмечена поощрительной премией Международного традиционного конкурса «Дарабоз» (2010).

СЕРИК БАЙХОНОВ

Родился 12 мая 1953 года в Шиелийском районе Кызылординской области. Окончил факультет журналистики КазГУ и Алматинскую

высшую партийную школу. Автор более десяти книг, в том числе и детских. Лауреат премии Союза писателей Казахстана имени Ахмета Байтурсынова и ряда республиканских конкурсов.

СУЛЕЙМЕН БАЯЗИТОВ

Поэт, прозаик, переводчик. Родился 2 декабря 1944 года в селе Ж. Шанина Павлодарской области. Окончил Павлодарский зооветеринарный техникум и филологический факультет Карагандинского госуниверситета. Опубликовал 15 книг, в том числе и для детей: «Жасыбай-батыр», «Последняя шутка батыра Малайсары» и другие.

КАСТЕК БАЯНБАЙ

Поэт, переводчик. Родился в 1936 году в ауле Талдыбулак Алматинской области. Окончил факультет журналистики КазГУ. Автор поэтический сборников для детей — «Скакун», «Добрый день», «Чайки белокрылые», «Сладкий урок», «Богатыри под зонтом», «Птичье молоко» и многих других. По сказке «Зайчик в очках» созданы мультфильм и кукольный спектакль. Многие стихи вошли в школьные учебники и положены на музыку. Переводил стихи Э. Верхарна, Л. Левчева, Р. Рождественского, А. Барто, С. Михалкова, А. Исаакяна и других поэтов. Лауреат премии имени Ильяса Джансугурова, международной литературной премии «Алаш». Награждён медалью «За доблестный труд».

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЧЕНКО

Поэт, переводчик. Родилась 20 июня 1947 года в Алматы. Окончила музыкальную школу им. Амре Кашаубаева по классу скрипки, физический факультет КазПИ им. Абая и филологический факультет КазГУ. Автор книг «Солнце в окне», «Я мечтаю», «Зеленый иероглиф», исторической повести для детей среднего возраста «Эмир Тимур». Переводила стихи казахских, уйгурских, украинских, немецких поэтов: Абая, Магжана Жумабаева, Т. Абдрахманову, Н. Оразалина, Г. Генке и ещё многих известных и молодых поэтов Казахстана. Перевела на русский язык книги стихов курдских поэтов Салеха Саяди «Курдистан», Гасане Хаджисулеймана «Моё сердце» и «Жажда родины».

НИКОЛАЙ ВЕРЁВОЧКИН

Родился в 1949 году в селе Марьевка Северо-Казахстанской области. Окончил факультет журналистики КазГУ. Опубликовал четыре книги. Несколько рассказов вошли в хрестоматию «Русская словесность» для 5-го класса казахстанских школ. Лауреат конкурсов Фонда Сороса в номинациях «Современная пьеса» («Ковчег-транзит, или Время строить лодку») и «Современный роман» («Зуб мамонта»). Лауреат «Русской премии» за 2006 год (повесть «Человек без имени»). Финалист конкурса «Ясная поляна» имени Л. Н. Толстого (2007). Живёт в Алматы.

ОЛЬГА ГРИГОРЬЕВА

Родилась в 1957 году в Новосибирске. Окончила факультет журналистики КазГУ. Автор пятнадцати поэтических книг и десяти книжек для детей, изданных в Павлодаре, Омске, Алматы, Москве. Работает обозревателем Павлодарской областной газеты «Звезда Прииртышья». Награждена почётным знаком «Деятель культуры». Лауреат Первого Национального конкурса «Друг детства», Международной литературной премии им. Марины Цветаевой (2008), республиканской литературной премии им. Павла Васильева (2010). Член Союза журналистов Казахстана и Союза российских писателей.

САБИТ ДУЙСЕНБИЕВ

Родился 16 августа 1959 года в Тулкибаском районе Южно-Казахстанской области. Окончил факультет журналистики КазГУ. Автор сборников рассказов и повестей «Сладкое яблоко» и «Вратарь». Участник IX Всесоюзного совещания молодых писателей.

СМАГУЛ ЕЛУБАЙ

Родился 9 марта 1947 года в Керкинском районе Туркмении. Окончил факультет журналистики КазГУ, Высшие сценарные курсы в г. Москве. Вице-президент казахстанского ПЕН-Клуба. Автор многочисленных повестей и рассказов, трилогии «Одинокая юрта», сценариев художественных фильмов «Дом под луной», «Искупи вину», «Сурже-

кей — ангел смерти», «Батыр Баян», «Месть». Лауреат премии международного ПЕН-клуба. Кавалер ордена «Құрмет» (орден Почёта).

АРАСАНБАЙ ЕСТЕН

Поэт, прозаик. Родился 18 декабря 1953 года. Окончил факультет журналистики КазГУ. Учредитель и директор издательства «Баянжүрек». Автор более десяти сборников повестей и рассказов, а также книг для детей — «Праздник Наурыза», «Прощание с букварём», «Наши славные предки», «Первый звонок» и др. Неоднократный победитель Международного конкурса «Дарабоз», республиканского конкурса «Жалын» и других. Автор и композитор детских песен. Лауреат международной премии «Алаш».

МУХАМЕДЖАН ЕТЕКБАЕВ

Родился 16 мая 1936 года в селе Каракастек Алматинской области. Окончил филологический факультет КазГУ. На протяжении многих лет возглавляет литературно-мемориальный музей имени Джамбула. Автор сборников рассказов и сказок для детей — «Золоторогая серна», «Кривая ветвь» (басни в прозе), книжка-картинка «Красный автобус», «Сова», «Алатауская сказка», «Айтолкын», «Щедрое лето», «Дом-музей Джамбула», «Легенда Чёрной Скалы», «Вершина Таутекели» и др. Повесть «Болатбек» вышла отдельной книгой в московском издательстве «Молодая гвардия».

КАЙРАТ ЖАНАБАЕВ

Поэт и переводчик. Родился 3 июня 1963 года. Рано лишившись родителей, воспитывался в детском доме. Долгое время преподавал русскую и казахскую литературу в школе. Доцент кафедры теории художественного перевода и литературного творчества КазНУ имени аль-Фараби. Специалист в области фольклора и мифологии, истории казахской литературы и теории художественного перевода. Стихи и переводы публиковались в коллективных сборниках «Слово моё», «Аргамак настигнут стрелой» (Москва, 2003), а также в Академическом юбилейном издании к 200-летию Махамбета Утемисова. Пишет на русском языке.

ТУРДАКЫН ЖЕКСЕНБАЙ

Родился 2 января 1938 года. Окончил филологический факультет КазГУ. Автор 7 книг рассказов и повестей. Его повести отмечены призами различных республиканских конкурсов. Рассказ «Карашегир» получил третью премию Международного традиционного конкурса «Дарабоз» (2010).

ЕСЕЙ ЖЕНИСУЛЫ

Родился 9 января 1978 года в ауле Кегень Алматинской области. Окончил факультет журналистики и магистратуру КазНУ. Главный редактор республиканской детско-юношеской газеты «Ұлан». Неоднократный призёр республиканских целевых (тематических) поэтических состязаний. Лауреат премии для спортивных журналистов имени Сейдахмета Бердикулова. Повесть «Родом из детства» заняла третье место на конкурсе «Дарабоз» (2011).

КАЙРАТ ЖУМАГАЛИЕВ

Родился 16 сентября 1937 года в ауле Жиеккум Ордынского района Западно-Казахстанской области. Окончил филологический факультет КазГУ. Автор многочисленных сборников стихов: «Начало», «Жанар», «Голос ребёнка», «Женисбай», «Сахара», «Ататау», «Парасат», «Кубажан», «Акмарал», «Кто такое видел?», «Куланиек» и др. В основном известен как детский поэт. Перевёл произведение Гомера «Илиаду», трагедии Еврипида «Медея», «Сказание о Трое», «Елена», кыргызский эпос «Манас», стихи Ш. Руставели, Физули, Низами, А. Пушкина, М. Лермонтова, В. Маяковского, С. Есенина, Н. Хикмета, А. Блока, Ю. Тувима, М. Джалиля, М. Светлова, М. Луконина, С. Наровчатова, Р. Рождественского, Р. Казаковой и др., а также романы А. Дюма «Граф Монте Кристо» и монгольского прозаика Л. Тудэва «Горный поток».

АЛЕКСАНДР ЗАГРИБЕЛЬНЫЙ

Поэт, литератор, переводчик. Родился в 1954 году в Шымкенте. Окончил Алма-Атинский институт иностранных языков и аспиран-

туру по теории перевода. Собкор российского журнала «Журналист» по Казахстану и Средней Азии, директор отдела по связям с общественностью компании «Zhanros Drilling». Автор книжки стихов для детей «Кошки-мышки». За лучшие стихотворные переводы награждён дипломом Британского Совета и Посольства США. Живёт в г. Тараз.

МАРАТ КАБАНБАЕВ
(1948 – 2000)

Родился 22 марта 1948 года в селе Улы-Каратал Зайсанского района Восточно-Казахстанской области. Окончил факультет журналистики КазГУ. Автор нескольких книг для детей среднего и старшего возраста, среди них — сборник повестей «Путешественник Тити». «Солнце в одуванчиках» удостоено II премии на республиканском конкурсе на лучшее произведение для детей и юношества. По этой повести был снят полнометражный художественный фильм «Когда тебе 12 лет». Лауреат премии им. М. Ауэзова Союза писателей Казахстана и Почётного диплома им. Х.-К. Андерсена (1990), который присуждается раз в два года Международным Советом по детской книге (ЮНЕСКО).

АЛЬДИХАН КАЛДЫБАЕВ

Родился 3 октября 1939 года в колхозе «Кербулак» Жамбылской области. Окончил факультет казахской филологии КазГУ. Автор более 10 книг для детей, книги избранных произведений «Ата», романа «Я — бабушкин сын». Произведения писателя переводились на русский, белорусский, армянский, туркменский, татарский языки. Заслуженный деятель культуры Республики Казахстан. Живёт в Таразе.

СУЛТАН КАЛИЕВ

Родился в 1943 году в Джамбулском районе Джамбулской области. Окончил филологический факультет КазГУ. Секретарь Союза писателей Казахстана по детской литературе. Выпустил около тридцати книг для детей (стихи, проза). Из них одна книга вышла в свет на русском, вторая на киргизском языке. Отдельные стихи переведены на армянс-

кий, белорусский, украинский, грузинский, корейский, немецкий, литовский, эстонский и др. языки. Перевёл на казахский язык книги К. Чуковского, С. Маршака, А. Барто, С. Михалкова, Р. Гамзатова, роман Б. Момышулы, стихи Я. Бжехвы, Дж. Родари.

МОЛДАХМЕТ КАНАЗ

Родился в 1942 году на станции Бекбаул Кзыл-Ординской области. Окончил филологический факультет Шымкентского педагогического института им. Н. К. Крупской. Автор около 20-ти книг прозы — «Земная пуповина», «Свет далёкого солнца», «Старая зимовка», «Экспресс из полынной степи», «Дождливое лето», «Чика — сын Дабыла» и многих других. Отдельные произведения переведены на языки народов СНГ. Перевёл на казахский язык книги В. Карпова, сборник рассказов болгарского писателя Е. Пелина, повесть И. Мелеева, рассказы В. Распутина. Повесть «Чика — сын Дабыла» была удостоена III премии на республиканском конкурсе.

БАХЫТЖАН КАНАПЬЯНОВ

Поэт и писатель. Родился 4 октября 1951 года. Окончил Казахский политехнический институт, по специальности инженер-металлург, и Высшие литературные курсы. Стихи, рассказы и повести публиковались во многих литературных журналах Казахстана, России, ближнего и дальнего зарубежья. Автор свыше тридцати книг, вышедших в Казахстане, России, Украине, США, Малайзии. Лауреат многих литературных премий.

НАРБИНЬ КЕНЖЕГУЛОВА

Родился 26 января 1948 года в Алексееве Восточно-Казахстанской области. Окончила факультет журналистики КазГУ. Первая в казахской литературе женщина — писатель-фантаст. Автор книг «Чёрная смородина», «Трудное решение», «Три дня под небом добра», «На пороге ада», «Затерянный аул». Рассказы и повести публиковались в сборниках научной фантастики. Ей принадлежат переводы на русский язык романа Т. Айтбайулы «Тысяча одна ночь и тысяча один день» и произведений других авторов. Кандидат филологических наук. Член

Союза писателей Казахстана. Пишет на казахском и русском языках. Живёт и работает в Алматы.

БЕЙБУТ КОЙШИБАЕВ

Родился 20 ноября 1945 года в ауле Байкадам Жамбылской области. Окончил факультет механизации Казахского государственного сельскохозяйственного института. Кандидат исторических наук. Автор более 20-ти книг рассказов, повестей, романов, публицистики, детских книжек, избранных произведений. Рассказы переведены на русский, белорусский, китайский языки. Кавалер ордена «Құрмет».

БАЙБОТА КОШЫМ-НОГАЙ

Родился 8 мая 1954 года в Жанакорганском районе Кзыл-Ординской области. Окончил факультет журналистики КазГУ. Автор более десяти поэтических сборников и собрания сочинений в двух томах, а также целого ряда детских книг — «У меня есть кукла», «Предрассветный сладкий сон», «Дорожная азбука», «Двенадцать гостей» и др. Лауреат премии Союза молодёжи Казахстана.

МУХТАР МАГАУИН

Писатель, исследователь фольклора, публицист. Родился 2 февраля 1940 года в Шубартауском районе Семипалатинской области. Окончил филологический факультет и аспирантуру КазГУ. Кандидат филологических наук. Народный писатель Казахстана. За исторический роман-дилогию «Аласапыран» («Смута») удостоен Государственной премии имени Абая. Лауреат международной премии Фонда деятелей искусств и писателей Турции «За заслуги перед тюркским миром» (1997), премии «Тарлан» (2002). Его перу принадлежат переводы рассказов С. Моэма, романа Г. Хаггарда «Копи царя Соломона» и других авторов.

РАЙХАН МАЖЕНКЫЗЫ

Родилась 7 мая 1956 года. Деятель культуры РК, доктор философии, писатель. Обладатель международной премии имени Жамбыла

Жабаева, лауреат международного литературного конкурса «Дарабоз» и Республиканского конкурса на лучшую методику по изучению государственного языка в дошкольных учреждениях. Книги автора переведены на русский, китайский, турецкий и английский языки. Учебное пособие «Математика» было введено в список «Самые лучшие учебные пособия» в КНР. Один из разработчиков и основателей государственных издательских проектов нового поколения в Казахстане. На V Международном конкурсе стран СНГ «Искусство книги» в номинации «Гран-при» её «Книга — наследие века» получила диплом номинанта и второе место в номинации «Содружество».

ПАТИГУЛЬ МАХСАТОВА

Родилась 20 марта 1959 года в селе Узунтам Уйгурского района Алматинской области. Окончила филологический факультет КазПИ имени Абая. Кандидат филологических наук. Заведущая литературной частью в Республиканском Государственном Уйгурском театре музыкальной комедии им.К.Кужамьярова. Автор сборников стихов «Я в объятиях любви», «Совесть», «Хочу остаться с вами», «Люди под зонтом», «Вместе пойдём в сад», «Маленьким друзьям», «Грусть ожидания» и др. Автор учебников, методических пособий и программ по уйгурской литературе. На её стихи написано более 60 песен. Призёр республиканского поэтического конкурса уйгурских поэтов, лауреат независимой премии «Ильхам». Член правления СП Казахстана.

ТУМАНБАЙ МОЛДАГАЛИЕВ

(1935 – 2011)

Родился в селе Казатком Энбекшиказахского района Алматинской области. Окончил филологический факультет КазГУ им. С. М. Кирова. Известный казахский поэт, лауреат премии Ленинского комсомола, лауреат Государственной премии КазССР имени Абая, лауреат Международной премии тюркоязычных писателей мира имени Физули, Народный писатель Казахстана. Автор более 60 сборников стихов, в том числе двухтомного, трёхтомного и 14-ти томного собрания сочинений.

К более чем пятистам стихам поэта написана музыка. Перу поэта принадлежат переводы стихов Байрона, Лермонтова, Пушкина, Евтушенко, киргизского «Манаса», узбекских писателей Уйгуна и Зульфии, дагестанского писателя Расула Гамзатова и других. На русском языке вышли сборники «Я сын Семиречья», «И мне было двадцать», «Проходят дни».

БАККОЖА МУКАИ
(1948 – 2008)

Прозаик, драматург. Родился поселке Нарынкол Алматинской области. Окончил факультет журналистики КазГУ. Автор романов, сборников повестей и рассказов — «Одинокий путник», «Дождь идёт», «Лебединый напев», «Беспокойный июнь», «Первая любовь», «Моё сказочное завтра» и др. На сценах республиканских и зарубежных театров поставлено более десяти пьес автора. Произведения переведены на таджикский, белорусский, чешский, корейский, узбекский и другие языки. На русском языке вышли книги «Водоворот» и «Белая птица». Лауреат Государственной премии Казахстана. Кавалер ордена «Парасат».

КАДЫР МЫРЗА АЛИ
(1935 – 2011)

Поэт, драматург, переводчик. Родился в посёлке Жымпиты Западно-Казахстанской области. Окончил филологический факультет КазГУ. Автор более 40 поэм, множества литературно-критических статей, песенных сборников, книг прозы, вошедших в многотомное собрание сочинений, и драматургических произведений, не сходящих со сцен республиканских театров. Им написаны слова более чем к 200 песням. Один из авторов текста первого Гимна независимого Казахстана. Внёс неоценимый вклад в развитие казахской детской литературы. Его стихи переведены на многие языки. Перевёл на казахский язык произведения Овидия, Руми, Гейне, Гюго, Лермонтова, Есенина, Гамзатова, Межелайтиса, Петефи. Лауреат премии Ленинского комсомола Казахстана, Государственной премии КазССР имени Абая, премии «Тарлан». Награждён орденами «Достык» I степени и «Парасат».

ЖАРЫЛКАСЫН НУСКАБАЙУЛЫ

Родился в 1940 году в Отрарском районе Южного Казахстана. Окончил факультет филологии КазГУ. Перевёл сказки Андерсена, словацкие сказки, сказки народов Сибири, рассказы русских, украинских, белорусских писателей, писателей Армении, Азербайджана, Таджикистана, Киргизии и других республик, в том числе и зарубежных авторов. Переводил тексты к кинофильмам. Автор сборников «Тюльпан», «Беглец», «День, которого я не ждал» и др., а также ряда учебников для школ и ВУЗов республики. Член Союза журналистов и Союза писателей. Работает директором издательства «Білім» («Знание»).

КЕНЕС ОРАЗБЕКУЛЫ

Родился 5 марта 1956 года в совхозе Дарбаза Сарыагашского района Южно-Казахстанской области. Окончил факультет журналистики КазНГУ им. аль-Фараби.

Работал редактором отдела газеты «Ұлан». Ныне — зам.главного редактора республиканского детского журнала «Мөлдір бұлақ».

Автор сборников «Ертегі туралы ертегі» (1993), «Наурыз көже» (2007), познавательных брошюр «Ай аттары қайдан шыққан?» (2002), «Мүшел жас» (2002), историко-познавательной фантастической повести «Тұран баһадүрлері немесе Ер, Би, Нұрдың ерлік жорықтары» (2010), «қанатты сөз — қазына» (две книги — 2010, 2013), сборник пьес и скетча «Иол — мәңгілік ағашы» (2011) и других сборников.

Рассказ «Май әже мен Күндей қыз» («Бабушка Май и девушка Кундей») отмечен поощрительной премией Международного ежегодного конкурса «Дарабоз» (2013).

НУРГАЛИ ОРАЗ

Родился в 1960 году. Окончил факультет журналистики КазГУ. Автор более десяти сборников рассказов и повестей. Лауреат международной литературной премии «Алаш», международного конкурса драматургических произведений. По мотивам его рассказов снят художественный фильм «Суматоха». В республиканском академическом театре им. Г. Мусрепова идут пьесы Н. Ораза «Блуждающая звезда» и «Сладкая ночь».

ТУРСЫНАЛИ РЫСКЕЛЬДИЕВ

Родился 8 декабря 1940 года в Илийском районе КНР. Окончил факультет китайского языка и литературы Синьцзянского университета. В разные годы в китайских и казахстанских издательствах вышли в свет трилогия «Потоп», сборники рассказов и повестей «Потомство», «Возвращение», «Притчи», «Колыбель», «Месть», «Степное марево» и многотомное собрание сочинений. Лауреат ряда государственных литературных премий КНР.

БЕЙБИТ САРЫБАЙ

Родился в 1983 году в местечке Нарынкол Алматинской области. Окончил факультет журналистики КазНУ им. аль-Фараби. Литературный консультант Союза писателей Казахстана. Автор книги стихов «Зеркало» и сборника рассказов «Ревень зацветает рано». Лауреат премии имени С.Торайгырова. Повесть «Актабан» получила первую премию на Международном конкурсе «Дарабоз» (2011).

КАДЫРБЕК СЕГИЗБАЕВ

Родился в 1941 году в Зайсанском районе Восточно-Казахстанской области. Окончил факультет журналистики КазГУ. Автор романов «Дорога», «Перевал», «Мы горожане», а также более десяти книг романов, повестей и рассказов писателей, переведённых им с русского и других национальных языков. В переводе на русский язык увидели свет две его книги и несколько рассказов. Произведения писателя трижды были удостоены главных призов республиканского конкурса для детей и юношества. Заслуженный деятель Республики Казахстан.

АДЫРБЕК СОПЫБЕКОВ

Поэт. Родился 5 мая 1937 года в Жанакорганском районе Кзыл-Ординской области. Окончил филологический факультет КазГУ и Алма-атинскую Высшую партийную школу. Автор ряда книг для детей — «Очки», «Путешествие на Луну», «Гостинец», «Кто как спит?», «Голубчик», «Разгаданная загадка» и других. Стихи вошли в антоло-

гии и школьные учебники и были переведены на русский, белорусский, узбекский языки. Член Союза писателей Казахстана. Почётный журналист Республики Казахстан. Награждён медалью «Ветеран труда».

ЛИДИЯ СТЕПАНОВА

(1946 – 2003)

Родилась в г. Колпино Ленинградской области. Училась на философском факультете ЛГУ, в Литературном институте (поэтический семинар А. Михайлова), который окончила с отличием. В 1975 году переехала в Алма-Ату. Автор поэтических сборников «Два лёгких крыла», «Слушая сказку», «Земное лоно», «Вначале было...», «В каком-то из этих миров» и книг для детей «День-деньской», «Тимоха и Пушок». Переводила с казахского, немецкого, французского, таджикского, бурятского. Стихи Магжана Жумабаева, К. Мырзалиева, Ж. Абдрашева, Н. Пфеффер и др. в её переводах публиковались в сборниках и выходили отдельными изданиями.

БЕЙСЕНБАЙ СУЛЕЙМЕНОВ

Писатель, публицист. Родился 27 сентября 1951 года.Автор книг «Индейцы племени кечуа», «Лук, не стрелявший пять веков», «Радостный день», «Озорники», историко-познавательной повести-сказки «Встреча в ханском шатре», книги «Человек, пришедший с планеты Солнце». Лауреат премии Президента Республики Казахстан, премии Союза журналистов РК, Совета мира и согласия. Руководитель издательства «Құс Жолы».

АДИБАЙ ТАБЫЛДЫ

Поэт, писатель, детский драматург, один из основателей казахской детской литературы. Родился 2 января 1926 года в селе Жанатурмыс Жамбылской области. Окончил педучилище им. Абая в городе Джамбул и Казахский педагогический институт имени Абая (КазПИ — ныне КазНПУ). Доктор педагогических наук, профессор. Лауреат премии имени Алтынсарина. Автор более 45 книг для детей.

ЕВГЕНИЙ ТИТАЕВ

Родился в 1957 году в Семипалатинске. По образованию — медик и педагог. Член Союза писателей и Союза журналистов Казахстана. Написал больше десяти книг — в основном, для детей. Автор многих песенных текстов и нескольких пьес. Печатался в Казахстане, России и Германии.

БОЛАТ УСЕНБАЕВ

Поэт. Родился 24 марта 1955 года в городе Кульдже (КНР). Окончил факультет журналистики КазГУ и МГУ им. М. В. Ломоносова. Автор книг «Невестушка», «Кольцо», «Утренняя роса». Лауреат нескольких республиканских поэтических состязаний. Заместитель главного редактора республиканского детского журнала «Балдырған».

АЛИБЕК ФАЙЗУЛЛАУЛЫ

Родился в 1952 году в ауле Акбастау Южно-Казахстанской области. Окончил горный факультет Казахского политехнического института имени К. Сатпаева. По специальности горный инженер. Автор более двадцати книг — «Старая фотография», «Два яблока», «Свет соседнего дома», «Слово о счатье», «Самая длинная ночь», «Сломанная ветка», «Белая бабочка», «Три желания» и др. Его драматические произведения поставлены на сценах казахских и узбекских театрах. Победитель международного литературного конкурса «Дарабоз» и республиканского конкурса «Астана–Байтерек», а также ряда городских, областных конкурсов.

КЕНЕС ЮСУП

Родился 30 июня 1941 года в Восточно-Казахстанской области. Окончил факультет журналистики Казахского государственного университета. Автор нескольких сборников повестей и рассказов. Активно занимается переводческой деятельностью. На казахский язык им переведены несколько произведений Габриэля Гарсиа Маркеса, среди них «Сто лет одиночества», «Полковнику никто не пишет» и др., а также произведения молодых болгарских писателей — «Долина цветов».

АЛИ ЫСКАБАЙ

Родился 6 мая 1939 года в ауле Кюйген Алматинской области. Окончил факультут журналистики КазГУ и Алматинскую Высшую партийную школу. Автор более десяти книг для детей — «Мой брат», «Письмо брату-солдату», «Колыбельные песни», «Муравей-работяга», «Скакун Айдоса», «777 загадок», «Букварь скороговорок» и др. Заслуженный работник Республики Казахстан. Награждён медалями «За доблестный труд» и «Ветеран труда».

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО 7

СКАЧИ, МОЙ АРГАМАК!
Поэзия

Музафар Алимбаев
Родник земли родной. *Перевод Ю. Кушака* 13
Я — сын степей. *Перевод И. Мазнина* 13
Шатёр из бархата и шёлка. *Перевод И. Мазнина* 14
Покуда сердце бьётся. *Перевод Ю. Кушака* 15
Благословенье аксакала. *Перевод И. Мазнина* 15
Когда листопад... *Перевод И. Мазнина* 16
Кто что любит. *Перевод И. Мазнина* 17
В лесу. *Перевод И. Мазнина* 18
Какие бывают слова. *Перевод Ю. Кушака* 19
Иртыш. *Перевод И. Мазнина* 19
В саду. *Перевод Л. Мезинова* 20
Если ты джигит... *Перевод Л. Мезинова* 21
Только друг. *Перевод С. Кадыровой* 21
Разговор с детьми. *Перевод А. Крестинского* 22
Родной язык. *Перевод Ю.Шмаровой* 23

Кадыр Мырзалиев
Падежи. *Перевод В. Савельевой* 24
Междометия. *Перевод В. Савельевой* 24
Точка. *Перевод В. Савельевой* 25

Кенгуру. *Перевод В. Савельевой* 26
Страус. *Перевод В. Савельевой* 27
Соловей и хозяин. *Перевод В. Савельевой* 27
Кто куда идёт. *Перевод В. Савельевой* 28
Тинали. *Перевод В. Савельевой* 28
Тинали исправился. *Перевод В. Савельевой* 29
Дедушка рассеянный. *Перевод В. Савельевой* 29
Мамина хитрость. *Перевод В. Савельевой* 30
Полкан и Моська. *Перевод В. Савельевой* 30
Дом. *Перевод В. Савельевой* 31
Подсолнух и туча. *Перевод В. Савельевой* 32
Странная болезнь. *Перевод В. Савельевой* 32
Как пожаловалась одежда. *Перевод В. Савельевой* 34

Туманбай Молдагалиев
Алатау. *Перевод Б. Каирбекова* 40
Красно-зелёный мотылёк. *Перевод Б. Каирбекова* 40
В яблоневом саду. *Перевод Б. Каирбекова* 41
На катке. *Перевод Б. Каирбекова* 42

Оразакын Аскар
«Голубёнок». *Перевод Б. Каирбекова* 44
Посылка. *Перевод Б. Каирбекова* 44
Беспокойство матери. *Перевод Н. Имшенецкой* 45

Кастек Баянбай
Золотое зёрнышко. *Перевод Ю. Кушака* 47
Четыре барана. *Перевод Ю. Кушака* 47
Дедушка. *Перевод Ю. Кушака* 48
Юрта. *Перевод Ю. Кушака* 48

Кайрат Жумагалиев
Щедрый Марал. *Перевод Н. Имшенецкой* 50
Игра не состоялась. *Перевод Н. Имшенецкой* 50
Весна. *Перевод Н. Имшенецкой* 51
Будущий врач. *Перевод Н. Имшенецкой* 51
Молния. *Перевод Н. Имшенецкой* 52
Прятки. *Перевод Н. Имшенецкой* 52

Абдрахман Асылбек
Мастер на все руки. *Перевод С. Аксёновой* 53
Шиворот-навыворот. *Перевод С. Аксёновой* 55

Адырбек Сопыбеков
Очки. *Перевод В. Киктенко* 58
Ливень. *Перевод В. Киктенко* 58
Сосулька. *Перевод В. Киктенко* 59
Я рисую. *Перевод В. Киктенко* 60
Петуху. *Перевод В. Киктенко* 60
Печальные дела. *Перевод В. Смирнова* 61
Кукла. *Перевод В. Смирнова* 61

Али Ыскабай
Светофор. *Перевод В. Ребия* 62
Мороз-художник. *Перевод В. Ребия* 62
Камыш. *Перевод В. Ребия* 63
Катание с горы. *Перевод В. Ребия* 63
На качелях. *Перевод В. Ребия* 64
Первый подвиг. *Перевод В. Ребия* 64
Журавли. *Перевод В. Ребия* 65
Бабочка. *Перевод В. Ребия* 66
Дятел. *Перевод В. Ребия* 66
Козлёнок. *Перевод В. Ребия* 67

Султан Калиев
Если б я был солнышком. *Перевод В.Смирнова* 68
Тайна. *Перевод В.Смирнова* 68
Чёрный козлёнок. *Перевод В.Смирнова* 69
Художник. *Перевод В.Смирнова* 70
Мой ученик. *Перевод В.Смирнова* 71
Скачи, мой аргамак! *Перевод В.Смирнова* 72
Бабушка. *Перевод Ю. Могутина* 73
Почётное имя. *Перевод И. Кротова* 73
Репродуктор и монтёр. *Перевод В.Краснера* 74
Что лучше? *Перевод В.Смирнова* 76
Солдатское письмо. *Перевод В.Смирнова* 77

Сулеймен Баязитов
Времена года. *Перевод О. Григорьевой* 81

Лидия Степанова
Утро 85
Умывальник 85
Трясогузки 85
По грибы, по ягоды 86
Игра 86
Чьи пчёлы? 87
Прятки 87

Амантай Ахетов
Научился я считать 92
Едем к бабушке в село 93

Татьяна Васильченко
Одуванчик 99
Зебры 99
Грибы 100
Мячик 100
Баба-яга 100
Дед Мороз 101
Клоун 101
Кораблик 102
Воздушный змей 102
Автомобиль 102
Я мечтаю 102
Пёс Барбосик 103
Лев 103

Жараскан Абдрашев
Чокан. *Перевод Г. Круглякова* 104
Хаджимукан. *Перевод Г. Круглякова* 104
Абай. *Перевод Г. Круглякова* 105
Амангельды. *Перевод Г. Круглякова* 106
Четыре желания. *Перевод Г. Круглякова* 106

Несипбек Айтулы

Доброго пути! *Перевод С. Рыбакова* 110
Гуси. *Перевод С. Рыбакова* 111
Подснежники. *Перевод С. Рыбакова* 111
Мама. *Перевод С. Рыбакова* 112
Песня бабочки. *Перевод С. Рыбакова* 113
Самому приятно. *Перевод С. Рыбакова* 114
Бабушкина колыбельная. *Перевод С. Рыбакова* 115
Мои братья. *Перевод С. Рыбакова* 116
Солнышко. *Перевод С. Рыбакова* 118
Толагай-гора. *Перевод С. Рыбакова* 119
Песенка про ручей. *Перевод С. Рыбакова* 120
Цветы. *Перевод С. Рыбакова* 121
Яблоньки. *Перевод С. Рыбакова* 122
Защищая дом родной. *Перевод С. Рыбакова* 123
Одинокий журавль. *Перевод С. Рыбакова* 123
Айнаш и Инеш. *Перевод С. Рыбакова* 124

Байбота Кошым-Ногай

Дом. *Перевод Н. Ламма* 125
Я, мама, солнце и луна. *Перевод Т. Ровицкой* 125
Археолог. *Перевод Т. Ровицкой* 125
Молоток. *Перевод Н. Ламма* 126
Отметки. *Перевод И. Потахиной* 126
Обратная считалка. *Перевод И. Потахиной* 127

Александр Загрибельный

На воде и под водой 128
Вечером на крыше 129
Коротенький рассказ про вещи и про нас 129
Когда 130
Мультфильм 130
Марш зелёной дружины 130
Пять весёлых обезьянок 131
Мама — художница 132
Считалка 132

Болат Усенбаев
Луч независимости. *Перевод Т. Васильченко* 133
Основа слова. *Перевод Т. Васильченко* 134
Урок дедушки. *Перевод Т. Васильченко* 134
За что лупят ковер. *Перевод Т. Васильченко* 135
Желание. *Перевод Т. Васильченко* 135

Ольга Григорьева
У меня родился брат 136
Первый листок 136
Как я поливал цветы 137
Кораблик 138
Неразлучные друзья 139
Случай в день рождения 139

Евгений Титаев
Смешинка 140
Неудачная роль 140
Любопытный 141
Два друга и одна морковка 142

Кайрат Жанабаев
Домбра 143
Казахские имена 143
Соловей 144
Жеребёнок 144
Дождик 144
Ветерок и урюк 145
Дятел 145
Воробей и сверчок 145
Муравей 145
Скворец и скворчонок 146
Комарик 146
Стрекоза 146
У лягушки сон пропал 147
Клей и скотч 147
Осёл и гусь 147
Одуванчики 148

Скромный мел 148
Солнечные зайчики 148
Лебеди летят! 148
Филин 149
Колыбельные 149

ПЛЫВУТ ОБЛАКА НАД МОЕЙ ГОЛОВОЙ...

Рассказы

Мухамеджан Етекбаев. Острый коготь.
Перевод Н. Апишбековой 153
Турдакын Жексенбай. Карашегир.
Перевод Н. Кенжегуловой 158
Ахметжан Ашири. Палкоз.
Авторизованный перевод с уйгурского И. Шухова 172
Альдихан Калдыбаев. Синее колесо.
Перевод М. Жанузаковой 180
Мухтар Магауин. Без хозяина. *Перевод А. Курчаткина* 183
Турсынали Рыскельдиев. Белый верблюжонок.
Перевод У. Тажикеновой 188
Кенес Юсуп. Тут и сказке конец...
Перевод В. Берденникова 191
Кадырбек Сегизбаев. Зачем архару большие рога?
Перевод Г. Мурзахметовой 196
Бейбут Койшибаев. Солнце с запахом полыни.
Перевод Н. Зеленской 201
Мади Айымбетов. Гнездо аиста. *Перевод Б. Момышулы* 209
Марат Кабанбаев. Родной чужак 215
Нарбинь Кенжегулова. Новичок в городе 235
Баккожа Мукаи. Зной. *Перевод М. Жанузаковой* 238
Николай Верёвочкин. Лёшка, который не вилял хвостом 255
Нурдаулет Акыш. Мальчик, застеснявшийся собаки 269
Бейсенбай Сулейменов. Единственный сын.
Перевод Н. Кенжегуловой 272
Серик Асылбекулы. Зимние каникулы.
Перевод Б. Какенова 274
Бахытжан Канапьянов. За хлебом 281

Алибек Файзуллаулы. Аршат и Асхат. *Перевод М.Гунн* 290
Арасанбай Естен. Марадона. *Перевод А. Жарылкасынова*.....293
Серик Байхонов. Черномордый.
Перевод М. Жануказовой.....298
Толымбек Абдраим
Помощница. *Перевод Г. Тулегулулы* 306
Как Батыр ухаживал за утятами. *Перевод Г. Тулегулулы*.....307
Кривые гвозди. *Перевод Г. Тулегулулы*.....308
Жолтай Алмашулы. Молодой сайгачонок — что ребёнок.
Перевод А. Жарылкасынова и Вл. Гундарева 310
Кенес Оразбекулы. Длинноногий Бади.
Перевод А. Жарылкасынова.....313
Сабит Дуйсенбиев. Сладкое яблоко. *Перевод М. Камалова*.....319
Патигуль Махсатова. Верность.
Перевод с уйгурского А. Машурова.....327

ГНЕЗДО БЕЛЫХ ЖУРАВЛЕЙ

Повести

Смагул Елубай. Медное копыто. *Перевод М. Жанузаковой*.....337
Молдахмет Каназ. Чика — сын Дабыла. Повесть.
Перевод Г. Мурзахметовой.....354
Нургали Ораз. Гнездо белых журавлей.
Перевод С. Ермековой 380
Есей Женисулы. Родом из детства.
Перевод Н. Кенжегуловой.....387
Алибек Байбол. Железнодорожный вокзал.
Перевод Н. Кенжегуловой.....425
Бейбит Сарыбай. Актабан. *Перевод Н. Кенжегуловой* 448

ЧУДЕСНЫЙ САД

Сказки и загадки

Адибай Табылды. Чудесный сад. *Перевод К. Панзабекова*.....473
Райхан Маженкызы
Тайна Жирафа. *Перевод Н. Кенжегуловой*.....479

Цепкий Беркут, Старый Олень и Рыба.
Перевод Н. Кенжегуловой 482
Садовник и сад. *Перевод Н. Кенжегуловой* 486
Почему берёзовый сок сладкий? *Перевод Н. Кенжегуловой* 487
Тополёк, растущий лёжа. *Перевод Н. Кенжегуловой* 488
Единство и Горемыка. *Перевод Н. Кенжегуловой* 489
Путешествие Знайки и его друзей в Книжный городок.
Перевод Н. Кенжегуловой 490
Почему пчела всё-таки иногда жалит человека.
Перевод Н. Кенжегуловой 492
Яблочко-хвастунишка. *Перевод Н. Кенжегуловой* 492
Старый дом. *Перевод Госмана Толегула* 493
Труд, постучавшийся в дверь. *Перевод Н. Кенжегуловой* 494

Жарылкасын Нускабайулы
Доверчивый Лев. *Перевод С. Сокпакбаевой* 502
Лиса и Цапля. *Перевод С. Сокпакбаевой* 507

Евгений Титаев
Сказка о трёх одуванчиках 514
Всего лишь одна волна 515
Тулпарчик на колёсах 517

Кайрат Жанабаев. Красное яблочко и золотой апельсин 520
Кадыр Мырзалиев. Загадки. *Перевод В. Савельевой* 534
Али Ыскабай. Загадки о животных. *Перевод В. Ребия* 536

ОБ АВТОРАХ 541

ДОМБРА И КОЛЫБЕЛЬ

Независимый Казахстан: Антология современной литературы в трёх томах

Том 1

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Руководитель проекта
К. Н. Келимбетов

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:
Руководитель *Г. В. Пряхин*
Зам. руководителя *Р. М. Маженкызы*
Редактор *Д. Г. Пряхина*
Художественный редактор *Т. Ф. Погудина*
Корректор *Т. В. Зиновьева*
Компьютерная вёрстка *А. О. Муравенко*
Ответственная за выпуск *Н. И. Базанова*

Подписано в печать....
Формат ..... Бумага офсетная. Гарнитура.....
Печать офсетная. Усл. печ. л..... Уч.-изд. л.....
Тираж ..... экз. Заказ №.....
Ордена Трудового Красного Знамени государственное
издательство «Художественная литература»
107996, Москва, Новая Басманная ул., 19.
E-mail: realisihl@mail.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов